

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2016

№ 2 (40)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-29498 от 27 сентября 2007 г.

Международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-8613).

Подписной индекс 44014 в объединённом каталоге «Пресса России».

Журнал входит в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО
ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета; **Дацишен Владимир Григорьевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Иванова Наталья Анатольевна**, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва); **Кирюшин Юрий Федорович**, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул); **Красильников Сергей Александрович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., зам. директора Института Дальнего Востока РАН; **Мерлин Од**, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии); **Функ Дмитрий Анатольевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой этнологии Московского государственного университета; **Ермекбай Жарас Акишевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, председатель научной редакции, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории, декан исторического факультета; **Румянцев Петр Петрович**, ответственный секретарь, канд. ист. наук, доцент; **Кулемзин Владислав Михайлович**, д-р ист. наук, проф.; **Ларьков Николай Семёнович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории и документоведения; **Румянцев Владимир Петрович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений; **Тимошенко Алексей Георгиевич**, канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой мировой политики; **Фоминых Сергей Фёдорович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой современной отечественной истории; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф.; **Черняк Эдуард Исаакович**, д-р ист. наук, проф., директор института искусств и культуры ТГУ; **Чиндина Людмила Александровна**, д-р ист. наук, проф.; **Шевелев Дмитрий Николаевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории; **Шерстова Людмила Ивановна**, д-р ист. наук, проф.; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории России Новосибирского государственного университета

**EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, Deputy Director, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Ethnology of Moscow State University; **Ermekbay Zharas A.** Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Sulyak Sergey Georgiyevich**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus’» (Moldova)

**ACADEMIC EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Zinoviev Vasilii P., Chairman of the Academic Editorial Board, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of History; **Rumyantsev Peter P.**, Executive Editor, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History; **Kulemzin Vladislav M.**, Dr. of History, Professor, Professor of the Faculty of History; **Larkov Nikolay S.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of History and Documentation Studies; **Rumyantsev Vladimir P.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Modern and Contemporary History and International Relations; **Timoshenko Aleksey G.**, PhD (History), Associate Professor, Head of the Department of World Politics; **Fominykh Sergey F.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Modern Russian History; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Faculty of History; **Chernyak Eduard I.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Museum Studies, Cultural and Natural Heritage, Director of the Institute of Art and Culture; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor, Professor of the Faculty of History; **Shevelyov Dmitry N.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Ancient and Medieval History and Methodology of History; **Sherstova Lyudmila I.**, Dr. of History, Professor; **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Юрганова И.И. «Тобольский период» деятельности православной церкви в Якутии: начало междивизиационного диалога	5
Алишина Г.Н. Антинемецкая кампания в годы Первой мировой войны в «центре» и «на местах» Российской империи: реализация мер по борьбе с немецким засильем в Томской губернии	14
Шумилова Э.Е. Первая мировая война и уровень медицинского обслуживания населения в крупных городах Западной Сибири (1914–1917 гг.)	24
Никулин П.Ф. Особенности экономического состояния и внутреннего строя переселенческого крестьянского хозяйства Сибири скотоводческой специализации накануне 1917 г.	31
Стельмак М.М. Газета «Правительственный вестник» и формирование образа Великобритании и Франции как союзников сибирской контрреволюции (конец 1918 г. – начало 1919 г.)	39
Бучко Н.П., Ципкин Ю.Н. Гражданская война на Востоке России: противостояние разведок	45
Карпов Р.А. Формирование кадрового корпуса советской пенитенциарной системы в Алтайской губернии (1919–1925 гг.)	52
Шерин Е.А. Историко-географические особенности формирования угольного комплекса Кузбасса	56
Балахнина М.В. Деятельность общественных организаций Сибири среди женщин-работниц в 1920-е гг.	63
Постол В.И. К вопросу об особенностях русской власти: религиозные идеалы и политические практики	68

ПРОБЛЕМЫ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

Шеметова Т.А. Из истории деятельности английского консульства в китайской провинции Синьцзян в 1918–1919 гг.	74
Микуленок А.А. День русской культуры в лимитрофных государствах в 1924–1939 гг.	77
Баулина И.М. Гражданская религия в Израиле: от Бегина к Нетаньяху	83
Троицкий Е.Ф. Предложения Европейской Комиссии о реформе политики сплочения ЕС: реакция правительств и регионов ведущих стран Евросоюза (2010–2011 гг.)	88

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Водясов Е.В., Зайцева О.В. Хронограф «Тоянова городка»: к истории эуштинских татар в XVII–XVIII вв.	93
Поправко И.Г. Локальная история деревни Эушта и ее роль в конструировании и поддержании коллективной идентичности местного татарского населения	101
Рожнова О.Ю. Основные параметры контактной среды этничности и средств массовой информации в современном информационно-коммуникативном пространстве диаспоры в контексте практики сохранения этничности	111
Феденок Ю.Н., Буркова В.Н. Структурирование жилого пространства дома в иноэтнической среде	119
Садырин А.А. Учебный мигрант из Казахстана: правда или вымысел? (случай г. Томска)	127

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Yurganova I.I. "The Tobolsk period" of the Russian Orthodox Church in Yakutia: the beginning of a dialogue among civilization	5
Alishina G.N. Anti-German campaign in the First World War in the "center" and "on the ground" of the Russian Empire: the implementation of measures against German dominance in the Tomsk province	14
Shumilova E.E. The First World War and the level of medical care in the cities of Western Siberia (1914–1917)	24
Nikulín P.F. Peculiarities of economic state and internal organization of peasant resettlement livestock household on the eve of 1917	31
Stelmak M.M. The gazette «Government Herald» and creating an image of Great Britain and France as allies of Siberian counter-revolution (end of 1918 – beginning of 1919)	39
Buchko N.P., Tsipkin Yu.N. Civil war in the East of Russia: opposition of investigations	45
Karpov R.A. Formation of personnel corps of the Soviet penal system in the Altai province (1919–1925)	52
Sherin E.A. Historical and geographical features of building the Kuzbas's coal-mining industry system	56
Balakhnina M.V. The activity of social organizations of Siberia among the women-workers in 1920s.	63
Postol V.I. On the question of the Russian power distinctions: religious ideal principles and political practices	68

PROBLEMS OF WORLD HISTORY

Shemetova T.A. From the history of the British consulate in the Chinese province of Xinjiang in 1918–1919	74
Mikulenok A.A. Russian Culture Day in the limitrophe states in 1924–1939	77
Baulina I.M. Civil Religion in Israel: from Begin to Netanyahu	83
Troitskiy E.F. European Commission's Proposal for the Reform of Cohesion Policy: Reactions of Governments and Regions of EU's Major Member States	88

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY & ANTHROPOLOGY

Vodyasov E.V., Zaitceva O.V. Chronicles of Toyan's Town: On the History of Eushta Tatars in the 17th–18th Centuries.	93
Popravko I.G. Local history of Eushta and its place in the processes of construction and support of collective identity of local Tatars	101
Rozhnova O.U. The main parameters of ethnic environment and mass media in modern information and communication environment of a diaspora in the context of ethnic preservation	111
Fedenok Ju.N., Burkova V.N. Structuring of the living space of home in groups living in another ethnic environment	119
Sadyrin A.A. Migrant students from Kazakhstan: fact or fiction? (the case of Tomsk)	127

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Бойко В.П. Рецензия : Чёрная М.П. Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760-е гг. : Томск: Издательский дом Д-Принт, 2015. 276 с.: ил.	132
Владимиров В.Н. Рецензия : Шевцов В.В. Правительственная периодическая печать Сибири (вторая половина XIX – начало XX века). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 620 с.	134
Красильников С.А., Сосковец Л.И. Рецензия : Иванов А.С. «Изъять, как антисоветский элемент...»: Калмыки в государственной политике (1943–1959 гг.) / под ред. Б.У. Серазетдинова ; науч. совет при Президиуме РАН по проблемам военной истории. М., 2014. 294 с. : ил. ...	136
Крестьянников Е.А. Рецензия : Литьягина А.В. Светское просвещение и повседневная жизнь горожан Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Бийск : Алтайская государственная академия образования им. В.М. Шукшина, 2014. 180 с.	139
Филькин К.Н., Хазанов О.В. Куда может завести «методологический синтез». Рецензия на диссертационное исследование И.А. Тарасевича «Конституционно-правовые основы религиозной безопасности Российской Федерации» (Тюмень, 2015)	141
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	146

REVIEWS AND SCIENTIFIC LIFE

Boiko V.P. Review: M.P. Chernaya. Voivode estate in Tomsk. 1660–1760s; Tomsk : Publishing house of D*Print, 2015. 276 p. with illustrations	132
Vladimirov V.N. Review: Shevtsov V.V. Governmental Periodicals in Siberia (the second half of the 19th century and beginning of the 20th century). Tomsk: Tomsk State University Publishing House, 2016. 640 p.	134
Krasilnikov S.A., Soskovets L.I. Review: Ivanov A.S. «To withdraw as anti-Soviet element...»: the Kalmyks in state policy (1943–1959) / ed. by W. Serazetdinov; The scientific Council at the Presidium of RAS on problems of military history. Moscow, 2014. 294 p.: ill.	136
Krestyannikov E.A. Review: Lityagina A.V. Secular education and everyday life of the citizens of Western Siberia in the second half of XIX – the beginning of the XX centuries. Biysk : Altai State Academy of Education of V.M. Shukshin, 2014. 180 p.	139
Filkin K.N., Khazanov O.V. Potential impacts of a “methodological synthesis”. The review of the dissertation research «Constitutional and legal bases of the religious security of the Russian Federation” by Tarasevich I.A.	144
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	146

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 2-675:271.2(571.56) «17/18»

DOI 10.17223/19988613/40/1

И.И. Юрганова

«ТОБОЛЬСКИЙ ПЕРИОД» ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ЯКУТИИ: НАЧАЛО МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ДИАЛОГА

Рассматривается начало процесса интеграции вновь присоединенных, окраинных территорий в состав Русского государства на примере деятельности Православной церкви в Якутии в середине XVII – начале XVIII в., когда данная территория в церковно-административном отношении находилась в подчинении архиереев Тобольской митрополии – «Тобольский период». Сделан вывод о том, что изучение истории церкви в Якутии предоставляет возможность расширения научного представления об интеграции отдаленных регионов империи в выполнение общегосударственных, общеимперских задач на путях лояльности и солидарности с основными ценностями ментальности коренных народов, проживающих на этих территориях.

Ключевые слова. Якутия; православная церковь; интеграция; межкультурный диалог.

Включение в первой половине XVII в. Якутского края в состав Русского государства повлекло установление в регионе нового государственного строя и, как следствие, проникновение государственной религии – православия. Одной из основных государственных задач православной церкви стала интеграция обширной территории в состав русского государства.

Целью исследования является изучение распространения православия на территории Якутии в середине XVII – начале XVIII в., когда данная территория в церковно-административном отношении находилась в подчинении тобольских митрополитов – «Тобольский период».

История православия в Якутии в середине XVII – начале XVIII в. не выделялась в отдельную тему исследования и освещалась в контексте изучения истории региона [1–6].

В труде выпускника Казанской духовной академии Г.А. Попова была предпринята попытка дать объективную характеристику деятельности РПЦ в Якутии [7]. Впервые христианизация народов Якутии была рассмотрена в работах Е.С. Шишигина, указывающего, что православие не оказало серьезного влияния на мировоззрение народов, населявших Якутский край [8]. Смена исследовательской парадигмы в российской истории даёт возможность использовать специальную комплексную научную разработку истории православия на северо-востоке России при объективной оценке источникового материала и историографии.

Увеличение Российского государства, включение в его состав новых подданных повлекли за собой кардинальные перемены в жизни присоединенных народов, которые должны были взаимодействовать с новой для них политической системой и экономическим строем, поступая в подчинение русской администрации. Историко-типологические модели интеграции окраинных территорий в состав Русского государства формирова-

лись, развивались и отличались разнообразным обусловленным дифференцированным подходом правительства к окраинам и народам, учитывающим особенности геополитического положения конкретного региона, природно-климатические условия, этнический и религиозный состав населения и др. [9. С. 61].

Исследователи истории христианизации Якутии выделяют две основные причины «устройства православной церкви» на обширной территории Ленского края: необходимость воздействия на служилых, торговых и промышленных людей, которых «трудно было держать в повиновении одними средствами принуждения», и христианизацию местных жителей [10. С. 9]. Не оспаривая этого, можно утверждать, что распространение православия на окраинных территориях являлось прежде всего частью государственной политики Российской империи, средством интеграции в русскую государственность. Параллельно с оформлением административно-территориального устройства новых земель происходило становление структур Православной церкви.

Основой церковно-административной структуры выступали церковные округа (епархии), в том числе «властелинские», к которым относились наиболее древние и крупные в территориальном отношении, пользовавшиеся определенными привилегиями. К «властелинским» была причислена созданная в 1620 г. Тобольская епархия (архиепископия), территория которой, по мере расширения границ государства на северо-востоке Сибири, увеличивалась. Сибирские владыки считались «сильными» не только в духовных делах, им было предоставлено право личного обращения к царю, и порой в Москве им доверяли больше, чем воеводам.

Светская власть и патриарх, стремясь к расширению и укреплению православия на восточных рубежах, поднимали вопрос о создании в Сибири новых церков-

но-административных единиц. Попытка рассмотрения этого вопроса была предпринята на церковном соборе 1667 г.: «В царстве Сибирском в Тобольске вместо архиерейской митрополии быть в Томске – епископу, на Лене – епископу быть», но принятое решение было выполнено частично – тобольский архиепископ получил сан митрополита, но епископство создано не было, так как количество сибирских храмов оказалось недостаточным для содержания аппарата епархиального управления и, кроме того, тобольские владыки стремились сохранить за собой монополию духовной власти [11. С. 708]. На церковном Соборе 1681 г. царем Федором Алексеевичем вновь было внесено предложение об открытии в Сибири особой архиепископии, отдельной от Тобольской митрополии, с кафедрой в Енисейске и содержанием от государственной казны, но Собор постановил: «...в дальние грады, на Лену, в Дауры, из той же епархии посылать от духовного чину архимандритов и игуменов или священников добрых... а епископам в тех дальних городах быть не удобно малолюдства ради христианского народа» [12. С. VIII–IX]. Тем не менее в ноябре 1681 г. был подписан указ царя с «приговором патриарха» о «пожаловании средств из государевой казны для удовольствия новых архиереев – в Томске, Енисейске и на Лене», но изменение политической обстановки в стране не позволило обеспечить контроль за выполнением указа, и можно констатировать, что к концу XVII в. церковное управление огромной территорией было сосредоточено и обеспечивалось одним лицом – митрополитом Тобольским (Сибирским) [13. С. 365].

Во второй половине XVII в. митрополия была разделена на три разряда (Тобольский, Верхотурский и Енисейский), состоящих из десятин, каждая из которых по своей протяженности могла сравниться с епархиями европейской части. К началу XVIII в. действовало шесть десятин (Даурская, Илимская, Иркутская, Киренская, Селенгйская и самая обширная – Якутская), в каждую из которых были назначены десятильники (другое название десятинники) и заказчики, чьи обязанности состояли в сборе окладных и неокладных сумм митрополии (десятой части церковных и монастырских доходов в пользу архиерея), оглашении указов и распоряжений церковных властей, общем наблюдении за поведением духовных лиц и ведением судебного делопроизводства, поступавшего на рассмотрение митрополита. Десятильники имели воинскую команду для охраны и сопровождения денежных сумм.

Сведений о якутских десятильниках немного. Известно, что в 1680–1690 гг. таковым являлся боярский сын Иван, в 1695 г. – боярский сын Василий Аврамьев [14. С. 26, 59–60]. Сборы были нерегулярными, десятильники часто менялись и впоследствии их должность была совмещена с должностью заказчиков, в качестве помощников которых появляются поповские старосты, а затем – благочинные.

Вместе с тем до конца XVIII в. духовная власть Сибири по всем вопросам церковного управления в Якутском крае обращалась к строителям Спасского монастыря, что свидетельствует о незначительной роли якутских десятильников. Источники отмечают, что «Якутск со своего основания ровно сто лет находился в церковной зависимости от удаленной от него на 6 000 верст Тобольской Митрополии и что в течение первых восьми десятилетий на побережье Лены <...> созидались инородческие обители, <...> поставлялись для молитв часовни... но все это делалось так, что Епархиальный архиерей, Митрополит Тобольский должен был осведомляться или от проезжих или через посылку нарочных: сколько именно церквей в Якутском ведомстве, и где они? Есть ли при них священники и кто таковые, и откуда?» [Там же. С. 145–146]. Очевидно, в Якутске не было никакого уполномоченного от духовного ведомства, который бы регулярно информировал Тобольск о состоянии дел.

В 1639 г. во время проезда через Тобольск первых якутских воевод П.П. Головина и М.Б. Глебова, в царском наказе которым содержалось, в том числе, и указание на строительство храма митрополитом Нектарием¹ для православной церкви в Якутском остроге, были переданы антиминс, образа и царские врата. В начале 1640-х гг. в остроге были сооружены две деревянные церкви (шатровая Троицкая и церковь св. М. Малеина).

Со второй половины XVII в. Якутский (Ленский) край становится одним из промысловых регионов Сибири, что вызвало значительный поток населения. Происходит постоянное увеличение населения острога; в 1633 г. оно составляло 200, в 1651 г. – 250, в 1681 г. – 642 человек [5. С. 20–21]. Большинство промышленников были людьми православными и, учитывая реалии того времени и особенно роль христианства в жизни русских людей, очевидно, что они обязательно посещали храмы.

Старейшим учреждением духовного ведомства на территории Якутии является Спасский мужской монастырь. Датой основания обители принято считать 1663/1664 гг., когда были поданы челобитные царю в Тобольск [15. 1890. № 9. С. 134–140]. В остроге проживали представители черного духовенства – монахи Алексей, Мелевсипп, Макарий и игумен Евфимий. Материальное обеспечение братии было скудным, а их занятия, помимо совершения церковных служб, состояли в миссионерских путешествиях. За век деятельности Якутский Спасский мужской монастырь стал крупным духовным учреждением края, центром управления Якутского казака, оплотом миссионерства в регионе, начинателем духовного образования, а также сложившимся хозяйствующим субъектом, обладавшим значительными финансовыми средствами, но административное устройство монастыря не отличалось устойчивостью и порядком. Епархиальные архиереи находились далеко, и не все настоятели монастыря были чест-

ны и способны к административной деятельности [16. С. 10].

К концу XVII в. в Ленско-Илимском крае действовали 2 соборные церкви в Якутском и Илимском острогах и 7 приходских церквей [5. С. 80]. К 1662–1664 гг. относится память якутского воеводы И.Ф. Большого Голенищева-Кутузова о строительстве храма в Чечуйском волоке [17. Оп. 3. Д. 1406. Л. 3–4]. В 1682 г. действовала Троицкая часовня на Колымской ярмарке [Там же. Оп. 3. Д. 2282. Л. 1–14]. В 1700 г. была построена Зашиверская Спасская церковь, деятельность которой была направлена на христианизацию народов, проживающих на северо-востоке Якутского края. В конце XVII в. в 180 верстах от Якутска в с. Амга была возведена часовня, также служившая миссионерским целям [7. С. 62]. По распоряжению епископа Иннокентия (Неруновича)², дважды посетившего Якутию, были построены церковь в Верхневилуйском зимовье и храм на Колыме. В середине XVII в., после основания Нижне-Колымского и Анадырского острогов, там были сооружены деревянные церкви.

В Якутске, помимо Спасского монастыря, в начале XVIII в. имелись Троицкий собор и Никольская церковь [16. С. 8]. Храмы были построены с благословения тобольских митрополитов казачьим головой А. Шестаковым. Особым расположением местных жителей пользовалась Никольская церковь, она была самой доходной, так как якуты, даже не крещенные, с особым уважением относились к Святителю Николаю и приносили вклады к его иконе.

По неподтвержденным данным, в 1708 г. Якутск посетил епископ Варлаам (Косовский)³, викарий открытого митрополитом Филофеем (Лещинским)⁴ Иркутского викариатства, и заложил каменный соборный храм во имя св. Живоначальной Троицы [15. 1895. № 11. С. 164–165]. Основанием для данных утверждений стала надпись на медной пластине, обнаруженной в 1854 г. при проведении ремонтных работ восточной стороны храма епископом Иннокентием (Вениаминовым)⁵, гласившая, что «основана церковь сия... при державе Благочестивейшаго и великодержавнейшаго Господаря нашего и великого Князя Петра Алексеевича, правящу же престол митрополиту Тобольской и Сибирской преосвященному Филофею, Преосвященным Варлаамом, Епископом Иркутским и Нерчинским, <...> в лете 1708 года, месяца июня в 27 день, в граду Якутском...» [Там же. 1895. № 11. С. 164–165].

Православные храмы строились «там, где жили русские» и оказывали значительное влияние на распространение религии. Так, воевода П. Головин приглашал в церковь «многих якутских людей, а дверей церковных велел отворять, <...> велел церковь смотреть и кланяться, не крестясь» [8. С. 27].

В начале XVIII в. правительством был взят курс на сокращение церковного строительства, и первым мероприятием в этом направлении стал «часовенный разбор». Именным Указом от 25 ноября 1707 г. было за-

прещено строительство часовен, но тобольские митрополиты продолжали выдавать разрешения на возведение часовен. В 1722 г. Синодом было принято решение, после которого в митрополии начался «часовенный разбор»: из часовен выносились церковная утварь, строения разбирались или передавались гражданским властям. Митрополит Антоний (Стаховский)⁶ пытался приостановить разбор и в январе 1723 г. направил в Синод письмо с просьбой не разбирать часовни в иногородческих селениях, но получил отказ с требованием строить на месте часовен церкви, предварительно заручившись обязательствами о содержании храма и причта от инородцев. В 1724–1725 гг. в Восточной Сибири было уничтожено более 60 часовен [18]. Разбор продолжался почти пять лет, затем последовало некоторое послабление, и в 1734 г. было разрешено оставить сохранившиеся часовни, но не строить новых. Тем не менее в Якутском крае строительство часовен не прекращалось, но официального их учета не было, и только в XIX в. произошла их «легализация».

До середины XVIII в. в Русском государстве употреблялся термин «служилые люди», подразумевавший всю совокупность представителей административной и военной власти, получавших «государево жалование» деньгами, хлебом и солью. Главным занятием служилых людей в Сибири был «прииск новых земель и неясачных людей» и «привод неясачных под царскую руку». Духовные лица в источниках чаще всего обозначались как «фружники» или «попы», и их деятельность также финансировалась государством. Источники сохранили «памяти» 1646–1654 гг. о выдаче попам и служилым людям Якутского острога хлебного жалования и расписки (отписки) в его получении [17. Оп. 3. Ч. 2. Д. 748. Л. 121–129; Ч. 2. Д. 990. Л. 32–100]. Численность якутских служилых людей увеличивалась, они представляли различные категории населения, в том числе и новокрещенные: «...меньше пополнения давало местное население, которое крестилось редко», так как тогда православие делало свои первые шаги в Якутии [19. С. 112; 21. С. 41].

«Государевы люди» получали жалование в соответствии с занимаемыми должностями. Оно было скудным, и известно, что казаков, например, отпускали летом для заготовки продовольствия на зиму. В таблице указаны годовые оклады духовенства.

Очевидно, что «оклад» попов, дьяконов и дьячков в середине XVII в. соотносим с оплатой службы детей боярских и толмачей как наиболее высокооплачиваемых категорий, но пономари довольствовались меньшим количеством денег, хлеба и соли. Можно отметить к концу столетия некоторое повышение всех видов жалования у детей боярских и толмачей при сохранении размеров оплаты духовным лицам. Заметим, что денежную, соляную и хлебную ругу получали причты и соборных храмов, и приходских церквей, так как не были оформлены ни территории приходов, ни приходская деятельность.

Деньги на оплату жалования доставлялись частично из Москвы, частично из Тобольска. Обычной являлась задержка жалования, приобретая хронический характер. Так, к 1679 г. якутская воеводская канцелярия имела долг в 5 050 руб. [19. С. 82–83]. Ещё большие проблемы возникали с выдачей хлебного жалования. Хлеб закупали в Перми, Вятке и других местах, затем доставляли в Верхотурье, откуда водным транспортом переплавляли в сибирские города. С 1620-х гг. государством была установлена казенная пахота для получения оброчного хлеба в Западной Сибири [7. С. 52].

Незначительность местной пашни и трудности доставки хлеба в Якутский край приводили к систематическому его недополучению. В 1654–1689 гг. служилые люди, в том числе духовенство, недополучили 68 736 пуда [17. Оп. 2. Д. 153. Л. 4].

Источники отмечают, что очень скудным было и обеспечение братии Спасского монастыря и в 1680-х гг. настоятель игумен Евфимий ходатайствовал перед царем Федором Алексеевичем об его улучшении, результатом чего стала выдача земельных угодий по р. Лене и о. Байкалу и небольшая сумма жалования [14. С. 8].

Годовые оклады духовенства

Ружники	Годовые оклады в сер. 1640-х гг.		
	деньгами (руб.)	хлебом (четверти)	солью (пуд)
Попы (священники)	15	10 ржи, 10 овса	3,5
Дьяконы	12	10 ржи, 8 овса	3
Пономари	3,5	4 ржи, 2 овса	1,5
Годовые оклады в сер. 1650-х гг.			
Попы (священники)	12–15	10 ржи, 8–10 овса	3–3,02
Дьяконы	12	10 ржи, 8–10 овса	3
Дьячки	6	6 ржи, 6 овса	2,5
Просвири	4	4 ржи, 4 овса	1,5
Пономари	3,5	4 ржи, 2 овса	1,5
Дети боярские	5–13	5–12 ржи, 5–25 овса	3,5
Толмачи	5–8	5–8 ржи, 5–6 овса	1,03
Конные казаки	7–9	6 с осьминой ржи, 4 овса	2
Годовые оклады в 1690-е гг.			
Попы (священники)	15	10 ржи, 10 овса	3–3,02
Дьяконы	12	8 ржи, 8 овса	3
Дьячки	6	6 ржи, 6 овса	2,5
Просвири	4	4 ржи, 4 овса	1,5
Пономари	3р. 16 алтын	4 ржи, 2 овса	1,5
Дети боярские	6–18	5–14 ржи, 5–12 овса	2–3
Толмачи	12–15	12,5 ржи, 8 овса	3
Казаки	5,02	7 ржи, 4–6 овса	2

Источник подсчета: [19. С. 74–78].

Таким образом, служители православной церкви, направленные на окраины государства, получали жалование из государственной казны задолго до реформ начала XVIII в., включивших Русскую православную церковь в государственный аппарат. С начала освоения Якутского края представители духовенства расценивались «как государевы люди», имеющие вознаграждение за свою деятельность.

Первые представители духовенства на территории Ленского края были людьми приезжими, попавшими на окраину государства либо по зову сердца, либо в качестве ссылки за проступки и преступления. Распространителями православной веры являлись не только священники и монахи, но и казаки, торговцы и промысленники. Установлены факты обращения инородцев в христианскую веру служилыми людьми [7. С. 55]. Представители духовенства были прежде всего носителями иной неведомой цивилизации. Их внешние отличия (высокий рост, светлая кожа, светлые волосы и глаза) дополнялись православной ментальностью, так как вся жизнь русского человека была неразрывно связана с церковью: от его социального положения в обществе и до взаимоотношений в семье, быту. После образования Якутского (Ленского) острога начинается

распространение государственной власти далее на северо-восточные и восточные земли, и рядом с первопроходцами, «бок о бок» на неизведанные земли шли священники, одной из функций которых было придание божественного ореола власти «белого царя», личность которого изначально трактовалась для местного населения как царь православный.

Имеются некоторые сведения о первых духовных лицах Якутского края. С образованием Тобольской епархии распространением православия в Восточной Сибири занимались посланцы архиерея (митрополита). По принятой со времени правления царя Ивана IV (Грозного) практике направляющимся на службу в нехристианские уезды воеводам «давалась целая церковная миссия». В источниках упоминаются имена священников – «соборных попов» Стефана Фомина и Стефана Яковлева, иеромонахов Симеона и Порфирия, диакона С. Васильева, прибывших летом 1641 г. вместе (или следом) с первыми якутскими воеводами. Четверо первых «были взяты воеводой из Казани, чтобы на Лене реке без попов не было и служилые бы люди без покаянья и причастия не помирали» [15. 1900. № 28. С. 33]. Данный факт противоречив, и некоторые исследователи указывают, что одного из священников звали

Василий, а иеромонахи и диакон были назначены сибирским митрополитом ранее и находились в Тобольске, где и получили известие об образовании Якутского уезда, после чего они присоединились к «команде» первых якутских воевод [7. С. 51].

Исторические источники не предоставляют возможности установить точное описание событий, но очевидно, что в середине 1641 г. в острог прибыли на постоянное служение духовные лица Тобольской митрополии. Все церковно-богослужебные принадлежности они привозили с собой. В остроге во второй половине XVII в. проводились обязательные праздничные службы, подтверждением чего служит факт привлечения воеводой Головиным попа Стефана (Фомина) к ответу за неправильное поименование на ектении государственной семьи (поименование царских детей после имени патриарха) [17. Оп. 2. Д. 110. Л. 55]. Представители немногочисленного якутского духовенства, а именно тот же поп Стефан, в 1644 г. принимал участие «в заговоре» против воеводы П.П. Головина, который, в свою очередь, доносил Тобольскому архиепископу Герасиму⁷ о возмущении якутских служилых людей «чрезмерной строгостью» присланных в Якутск священнослужителей [Там же. Оп. 3. Д. 498. Л. 1].

В газете «Якутские епархиальные ведомости» имеется сообщение о том, что в 1679 г. боярскому сыну И. Захарову было прислано повеление Тобольского митрополита об отправке Фомина и Яковлева в Тобольск «к розыску в великих церковных и духовных делах, с нарочным посыльщиками, а буде те попы архиерейскому указу учиняться ослушны, <...> то их обнажить священства и снять с их скуфы». Яковлев был отправлен в Тобольск, а Фомин по челобитной градских людей оставлен в остроге, так как «белого священника, кроме Стефана, никого нет» [15. 1890. № 12. С. 186]. Но архивные документы опровергают отъезд Яковлева, так как имеется челобитная Яковлева, датированная 1680–1681 гг. об отводе ему дворового места [17. Оп. 3. Д. 2204. Л. 1–2].

В августе 1649 г. распоряжением Тобольского и Сибирского архиепископа в Якутский острог «по духовным делам» был назначен сын боярский И. Корякин. Источники позволяют установить имя ещё одного духовного лица – дьякона Якутской соборной церкви Спиридона Васильева, наказанного батогами в 1650 г. за «невежливый» разговор с воеводой Д.Ф. Франбековым и назначенного в 1652 г. священником в Енисейский острог [Там же. Оп. 3. Д. 737. Л. 10; Д. 930. Л. 13–16].

В 1709 г., по инициативе митрополита Филофея (Лещинского), в Енисейске состоялся съезд духовенства городов Сибири, куда был вызван настоятель Якутского монастыря Варлаам, посвященный Филофеем в архимандриты и награжденный митрой [15. 1895. № 11. С. 165]. В 1713 г., по указанию Лещинского, «ученый монах» из Якутска Илларион Лежайский был направлен в Пекин начальником первой православной

миссии в Китае в звании наместника Посольского монастыря на Байкале [20. С. 6–7]. Тогда же в Якутск из Тобольска был отправлен уроженец Малороссии архимандрит Феофан, назначенный церковным управителем и настоятелем монастыря и оставшийся в воспоминаниях современников как обладатель «запальчивого нрава» [14. С. 145–147]. В 1730 г. Тобольский митрополит Антоний (Стаховский) произвел в протопопы к Якутскому монастырю А.Г. Тарлыкова. Удалось выявить документы, составленные Тарлыковым в Якутске, что подтверждает факт его пребывания и служения [21. Оп. 1. Д. 10. Л. 16]. Помимо строительства храмов и совершения христианских треб, священнослужителям надлежало крестить языческое население.

В исторической литературе описаны многочисленные факты произвола первых якутских воевод, и тема протеста им длительное время рассматривалась с точки зрения противостояния «трудящихся» и «эксплуататоров» [22. С. 75]. Известны случаи, когда «местам» удавалось «достучаться» до высшего представителя власти в государстве – монарха. Так, в 1658 г. бурятские ясачные князья челом били Алексею Михайловичу на братского воеводу Похабова с просьбой остановить насилие и заменить воеводу [23. С. 117]. Якутские священники также терпели унижения от местных властей. Например, воевода П. Головин заключил в тюрьму своего духовника монаха Симеона, также по его приказу подвергали пыткам иеромонаха Порфирия. Самодурство воеводы привело к тому, что в остроге на некоторое время были прекращены церковные службы, но со временем в Якутске был сформирован стабильно функционирующий клир [24. С. 90].

Во второй половине XVII в. и в начале XVIII в. якутское духовенство было немногочисленно и обслуживало духовные нужды русского населения, сосредоточенного по острогам, острожкам и крестьянским слободам. В связи с недостаточностью кадров духовенства имелись случаи назначения в церковные пономари служилых людей, избранных по согласию населения [17. Оп. 3. Д. 1809. Л. 96–97]. В 1682 г. пашенными крестьянами Чечуйской волости был избран «по приговору в попы» Е. Федоров, которому обществом «на подмогу» было собрано 40 руб. для рукоположения в Тобольске [8. С. 30]. Но это не правило, а скорее исключение из правил.

Вызывает интерес челобитная митрополита Филофея (Лещинского), поданная в 1702 г. царю Петру и свидетельствующая о государственной политике в отношении христианизации местного населения. Митрополит просит: «Буде иноземцы похотят креститься в Православную Христианскую веру своею волею, и чтобы тем иноземцам ко крещению приходить свободно, без ясачных убытков, а ни кому возбраняется»; царская помета гласит: «Некоторые иноземцы похотят своею волею креститься... И их крестить, а не волею никаких иноземцев не крестить, и ясак с них не складывать, только спрашивать, какой

ради причины приходят по Святому крещению и вере Православной» [8. С. 40–44]. Это первые сведения об ином подходе главы государства к вопросам христианизации, закрепленном в дальнейшем в специальных указах, свидетельствующих о постепенном переходе к массовой христианизации. В 1714 г. царским указом тобольскому митрополиту было предписано уничтожать кумиров и кумирниц у вогуличей, остяков, татар и якутов и крестить их в христианскую веру, но уже в 1719 г. появляется указ Сената о запрете насильственного крещения инородцев, что в дальнейшем стало государственной политикой в отношении христианизации. Высшим повелением было определено, что крещение должно быть добровольным, осознанным, и, кроме того, новоокрещенные не освобождались от уплаты ясака, являвшегося одним из основных стимулов вступления в православие.

Вопрос об освобождении от уплаты ясака при крещении остается дискуссионным. До 1640-х гг. ясак не регламентировался – брали «сколько возьмут». Затем были установлены размеры ясака, а ясакоплательщики переписаны в ясачные книги. В монографии Е.С. Шишигина указывается, что в Якутии в XVII в. ясак после крещения не снимался [Там же]. В челобитной Филофея (Лещинского) также отмечается о сохранении ясачного сбора при крещении. Источники более позднего Иркутского периода (1731–1852 гг.) в списках новоокрещенных Якутского края имеют отметку (напротив фамилии неофита) о 3-летнем освобождении от ясака [25. Оп. 1. Д. 920]. Вероятно, что государственная политика в отношении оплаты ясачного сбора для вступающих в православие жителей Якутского края претерпевала изменения, зависящие от количественного уменьшения добываемой пушнины и повышения численности православного населения, тогда как православные Иркутского, Селенгйского, Барузинского, Нерчинского острогов имели эту льготу постоянно.

В вопросах крещения проявлялась осторожность, и каждый конкретный случай рассматривался гражданской администрацией без учета пожеланий духовенства. Историки объясняют данный факт тем, что в XVII в. «крещение аборигенов проводилось обычно только с разрешения воеводы, которому желающие креститься или их ходатаи подавали челобитные» [26. С. 176–177]. Вероятно, что основной причиной медленного процесса христианизации Ленского края при его освоении являлась политика государства. Территория проживания народов Сибири признавалась государственной (или царской) собственностью, и мероприятия государственной власти по отношению к народам Якутии сводились к обеспечению максимального и бесперебойного поступления ясака. В Инструкции, составленной российским посланником в Пекине С. Владиславовичем-Рагузинским в 1728 г., ставшей одним из первых документов по управлению народами Сибири, местным родоначальникам вменя-

лись в обязанность сбор ясака, право управления над сородичами и суд над ними по незначительным делам [24. С. 173–174].

В то же время правительство неоднократно напоминало воеводам о необходимости миссионерско-просветительской деятельности. В наказе от 10 февраля 1644 г., данном на имя якутских воевод В.Н. Пушкина и К.И. Супонева, разъясняется: «А будет кто изъ ясачных людей похочет самовольно креститься, и тех людей велеть крестить, сыскать об них допряма, что свою-ли волею они хотят креститься, а крестя устраивать их в государеву службу...». Аналогичный указ был повторен в 1651 г. якутскому воеводе М.С. Лодыженскому. В наказе воеводе И. Большому Голенищеву-Кутузову в 1658 г. отмечается: «Никаких иноземцев и жен их и детей во двор не имати и засылкою самими ни у кого не покупать и не крестити... и служилым и всяким людем крестить не велеть же, чтоб Сибирская Ленская Земля пространялась, а не пустела; <...> а будет кто из женского полу жонки или девки похотят креститься, и тех жонок и девок потому ж велеть крестить и выдавать замуж за новоокрещеннов же и за русских служилых людей» [15. 1900. № 11. С. 32–33].

При недостаточности православного женского населения в острогах, отрожках и зимовьях распространенным явлением были браки служилых, промышленных и торговых людей с представительницами местного населения. Дети от этих браков записывались в состав русского населения и, как правило, крестились. Сожительство с «ясырками» приобрело массовый характер, и в 1653 г. в Якутск была направлена грамота тобольского архиепископа, осуждающая подобное поведение и призывающая к крещению и последующему венчанию. Исторические источники сохранили любопытный факт: новоокрещенная жена служивого человека обманным путем окрестила другую женщину «за что была бита батогом» [27. С. 164]. Мужчин крестили в большинстве случаев при зачислении «на государеву службу» в служивые, недостаток которых всегда был в отдаленных окраинах государства. Новоокрещенные, как люди местные, хорошо знающие край, пополняли отряды служилых людей, способствовали его быстрейшему освоению. Необходимо отметить, что при крещении мужчин принималось во внимание их материальное положение: в случае если неофит не имел возможности вносить ясак и был бесскотным, его крестили.

Можно выделить несколько основных причин добровольного принятия крещения, нашедших отражение в документальных источниках: переход на службу к служилым людям – «показания якутской женки о продаже её служилому и о желании её креститься» (1660 г.), «челобитная «боярского сына Галкина о дозволении крестить купленную им югагирку в православную веру» (1645 г.), записи о крещении «ясырей служилых людей и их прижитков» (1640 г.); матери-

альный интерес – «прозьба якутки окрестить и взять её к русским, чтобы не умереть с голода» (1650-е гг.) [17. Оп. 2. Д. 31. Л. 57–60; Д. 110. Л. 26; Оп. 3. Д. 161. Л. 6; Д. 862; Д. 1066. Л. 49–50; Д. 1616. Л. 1–2; Д. 1723. Л. 90–92, 202–204; Д. 1754. Л. 1; Д. 1869. Л. 1–3].

С 1720–1730-х гг. государство вновь изменяет своё отношение к христианизации. Указ 1731 г. требовал давать новоокрещенным «всякие льготы». В 1733 г. был издан указ «О нечинении обид и притеснений ясачным людям, живущим в Якутском воеводстве и в Камчатке» [28. С. 131–132]. В 1740 г. – указ о запрещении «принуждения ко крещению». Указы устанавливали ряд льгот, предоставляемых при крещении, в том числе 5-летнее освобождение от уплаты ясачного обложения. Предусматривалась система подарков для вступивших в православие, в том числе, помимо ясачной льготы, медные кресты, рубахи и кафтаны, шапки и рукавицы, чирюхи и чулки. Представители местной знати получали серебряные кресты, суконные кафтаны и сапоги, женщины – украшения. Новоокрещенным выдавались денежные средства, а семья, принявшая православие в полном составе, одаривалась иконой. После принятия православия «родовичами» общий объём ясака оставался неизменным и рассчитывался по численности некрещенных членов рода, в связи с чем понятна недоброжелательность к новоокрещенным со стороны их сородичей, тягловые обязательства которых увеличивались. Помимо этого, существовала практика, когда в случае смерти крещенного инородца его ясачный оклад распределялся среди его родственников с учетом «недоимок» за время использования им льгот по освобождению от ясака. Указом 1740 г. некрещенные ясачные должны были вносить яsak и за себя, и за своих окрещенных земляков. Одаривание крестами и иконами и 3-летняя ясачная льгота были сохранены императорским указом 1764 г., отменившим систему подарков при крещении.

Очевидно, что «при всей тяжести ясачного податного гнета политика московского государства не вела к истреблению коренного населения, не приводила к нарушению его образа жизни и хозяйственного уклада, уничтожению его самобытности» [29. Ч. 1. С. XLIV–XLVII]. Русская власть постепенно вырабатывала методы взаимодействия с инородцами, применяя их на практике, которые отражены в инструкциях сибирским воеводам и землепроходцам. Служилые люди были должны «иноземцам никакие тяготы не чинить», объявлять им государево милостивое слово» о государственной их защите и сборе ясака, после этого «лутчих иноземческих князцов» требовалось привести по их вере к присяге-шерти и взять аманатов. И только приведя к присяге и обезопасив себя взятием заложников, служилые люди могли приступить к сбору ясака.

В фольклоре народов Сибири установление нового государственного порядка оценивается прагматично, как возможность прекращения междоусобных распри и гарантия защиты от врагов. Ясакоплательщики обеспечивали доходы государства, и основой государственной политики в Якутии являлось не уничтожение, а сохранение и увеличение численности местных жителей. Поиск мирных путей взаимодействия с местным населением был обусловлен и малочисленностью русских вооруженных сил.

В период первой половины XVII в. народы Якутской (Ленской) земли приводились к присяге (шерти) на принятие русского подданства, что стало началом диалога между российской цивилизацией и традиционными этническими культурами. Мероприятия по христианизации местного населения только начинались, и первые инородцы, принявшие православие, включались в сферу действия русской ментальности: изменяли имя, получали фамилию, происходила перемена языка, одежды, поведения и зачастую они обрывали связи с сородичами, в случае если новоокрещенный переезжал на жительство в острог или русское поселение. Очевидно, что переходить в православие язычникам было проще, чем представителям монотеистических религий, и это, в частности, находит объяснение в мирном характере христианизации края. Исторические источники и народные предания не сохранили упоминаний о восстаниях и мятежах, направленных против крещения неофитов. Имеющиеся сведения о проявлениях открытого неповиновения властям связаны прежде всего со своеволием и произволом представителей государственной власти.

Таким образом, процесс христианизации в Якутии происходил с учетом государственной региональной политики, приоритетом которой являлось «бесперебойное поступление ясака в государеву казну», и православная церковь, в лице первых её представителей на территории необъятного Якутского края, выполняла общегосударственные задачи интеграции, но вместе с тем, в связи с незначительной численностью духовенства, их бесконтрольностью, территориальной отдаленностью от епархиального центра, неупорядоченностью церковных структур, роль православия в середине XVII – начале XVIII в. была ещё незначительной, и духовенство обслуживало в основном религиозные потребности пришлого населения.

Изучение опыта истории церкви в Якутии представляет возможность расширения научного представления об интеграции отдаленных регионов империи в выполнении общегосударственных, общеимперских задач на пути лояльности и солидарности с основными ценностями ментальности коренных народов, проживающих на этих территориях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Нектарий (Теляшин), митрополит Тобольский и Сибирский в 1636–1640 гг.

² Иннокентий (Нерунович), в 1732–1747 гг. – епископ Иркутский и Нерчинский, первым из иркутских архиереев посетил Якутский край.

- ³ Варалам (Косовский или Коссовский), после открытия в составе Тобольской митрополии Иркутского викариатства стал именоваться епископом Иркутским и Нерчинским, числился управляющим викариатства до 1714 г., затем был переведен в статусе архиепископа в Тверскую епархию.
- ⁴ Филофей (Лещинский, в схиме – Феодор), в 1702 г. хиротонисан во епископа Сибирского и Тобольского с возведением в сан митрополита. В 1711 г. уволен от управления епархией, проживал в Тюменском монастыре, где принял схиму. В 1715–1721 гг. вторично управлял митрополией.
- ⁵ Иннокентий (Вениаминов) (1797–1879 гг.), миссионер Сибири, Дальнего Востока и Аляски, член Синода, ученый-лингвист и этнолог, Почетный член Императорского Русского географического общества. С 1840 г. – епископ (архиепископ) Камчатский, Курильский и Алеутский. В 1853–1860 гг. проживал в г. Якутске. В 1868–1879 гг. – митрополит Московский и Коломенский.
- ⁶ Антоний (Стаховский), митрополит Сибирский и Тобольский в 1721–1740 гг.
- ⁷ Герасим (Кремлев), архиепископ Сибирский и Тобольский в 1640–1650 гг.

ЛИТЕРАТУРА

- Вениамин. арх. Жизненные вопросы православной миссии в Сибири. Сочинения Вениамина, архиепископа Иркутского и Нерчинского. СПб., 1895.
- Догуревич Т.А. Свет Азии: распространение христианства в Сибири в связи с описанием быта, нравов, обычаев и религиозных верований инородцев этого края на основании миссионерских отчетов, записок путешественников и лучших исследователей по данному вопросу. СПб., 1897. С. 102, 126–160.
- Иванов В.Ф. Историко-этнографическое изучение Якутии. XVII–XVIII вв. М., 1974. С. 157–162, 164.
- Иванов В.Н. Русские ученые о народах северо-востока Азии (XVII – начало XX в.). Якутск, 1978. С. 32–41, 43–44.
- Сафронов Ф.Г. Крестьянская колонизация бассейнов Лены и Илим в XVII в. Якутск, 1956. С. 79–92.
- Сафронов Ф.Г. Православное христианство в Якутии. Якутск, 1997.
- Попов Г.А. Христианство в Якутском крае. Очерки по истории Якутии. Якутск, 1924.
- Шишигин Е.С. Распространение христианства в Якутии. Якутск, 1991.
- Дамешек Л.М. Крайняя политика как фактор инкорпорации сопредельных территории Российской империи (XVIII – начало XX в.) // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2011. № 2.
- Шишигин Е.С. Якутская епархия (Краткий исторический очерк). Мирный, 1997.
- О лицах духовного ведомства, об устройстве судов Патриаршего и Епископских, об имуществе домовых Патриарших, епископских и монастырских, о новом разделении Епархий, о благочинии церковном и монастырском, о супружестве Священников, Дяконов и причетников и об уничтожении Царских жалованных монастырям грамот, испрошенных Патриархом Никоном (17 июня 1667 г.) [№ 412] // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 1. С. 696–715.
- Мелетий, архимандрит. Древние церковные грамоты Восточно-Сибирского края (1653–1726 гг.) и сведения о Даурской миссии. Казань, 1875.
- О именовании Архиепископов со степенями и о придаче Патриарху и в каждую Епархию подвластных Епископов, с показаниями монастырей и количества дворов, назначенных для их содержания (27 ноября 1681 г.) [№ 898] // ПСЗРИ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 1. С. 364–366.
- Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1866. № 12.
- Якутские епархиальные ведомости.
- Якутский Спасский монастырь. Краткий исторический обзор (1644–1904 гг.). СПб., 1904.
- Российский государственный архив древних актов. Ф. 1177.
- Санников А.П. Православная церковь в Восточной Сибири. Выступление на просветительских чтениях Республиканского фестиваля «Золотые купола». Якутск, 2006 (неопубл.).
- Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. М., 1978.
- Калинина И., Медведев С. Духовный вертоград Сибири // Земля Иркутская. 2000. № 14.
- Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 1-и.
- Трепавлов В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2005.
- Окладников А.П. Очерки по истории западных бурят-монголов. Л., 1937.
- Тресвятский Л.А. Влияние Русской Православной церкви на уровень религиозности сибиряков // Вестник Кемеровского университета культуры и искусств. 2010. № 10. С. 88–96.
- Государственный архив Иркутской области. Ф. 50.
- Иванов В.Ф. Письменные источники по истории Якутии XVII в. Новосибирск, 1979.
- Колониальная политика Московского государства в Якутии. XVII в. : сб. докл. Л., 1936.
- О нечинении обид и притеснений ясажным людям, живущим в Якутском ведомстве и в Камчатке (21 мая 1733 г.) [№ 6407] // ПСЗРИ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 9. С. 131–132.
- Гурвич И.С. Ясак в Якутии // Материалы по истории Якутии XVII в. (документы ясачного сбора). М., 1970.

Yurganova Inna I. Institute for Humanities Research and Indigenous studies of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia). E-mail: inna.yurganova@mail.ru

"THE TOBOLSK PERIOD" OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN YAKUTIA: THE BEGINNING OF A DIALOGUE AMONG CIVILIZATION.

Keywords: Yakutia; Russian Orthodox Church; integration; dialogue among civilizations.

The article discusses the beginning of the integration process of newly received, the suburban areas of the Russian state on the example of the Russian Orthodox Church activities in Yakutia in the middle of XVII – the beginning of XVIII centuries, when this territory in the church and administrative respect was subordinate to the bishops of Tobolsk archdiocese – “the Tobolsk period”. The spread of Orthodoxy in the outlying territories was, first of all, a part of state policy of the Russian Empire, the way of integration into the Russian state system. Simultaneously with the registration of the administrative-territorial structure of new lands there was the formation of the structures of the Russian Orthodox Church. This article describes the attempts of creation of individual dioceses on the territory of the archdiocese, some information about the Yakut clergymen and number of “monarchic people” in Yakut area, notes the facts of receiving all types of government salaries by spiritual persons of Yakutia, identifies the main reasons for acceptance of a christening by the local population and the dependence of rate of the Christianization on the state regional policy, a priority of which in the middle of XVII – the beginning of XVIII centuries was the incoming of tribute paid off in furs. The growth of the Russian state, inclusion a new citizens in its structure caused cardinal changes in life of the conjoint people which has to interact with new to them political and economic system, coming to submission of the Russian administration. During research, interest of the government in distribution of Orthodoxy that found reflection in the orders which were given to local magistrates is revealed. It is obvious, that during the studied period there was a caution

in christening questions when each case was considered by administration without the opinion of clergy. We have found that in the second half of XVII – the beginning of XVIII centuries the Yakut clergy was not numerous, geographically remote from the center and served, in common, the spiritual needs of the Russian population, concentrated in ostrogs, outposts and peasant settlements. It is noted, that the state policy was not directed on extermination of the indigenous people, did not lead to a breach of their way of life and economic structure. The attention is paid to the discussion character of the matter of releasing the neophytes from tribute. The author makes the conclusion that experience of studying history of church in Yakutia gives the opportunity of expansion of scientific idea of integration of the remote regions of the empire into implementation of nation-wide, all-imperial tasks on the ways of loyalty and solidarity with the main values of mentality of the indigenous people on these territories.

REFERENCES

1. Archbishop Veniamin. (1895) *Zhiznennyye voprosy pravoslavnoy missii v Sibiri. Sochineniya Veniamina, arkhiepiskopa Irkutskogo i Nerchinskogo* [Vital issues of the Orthodox Mission in Siberia. Works of Veniamin, Archbishop of Irkutsk and Nerchinsk]. St. Petersburg: [s.n.].
2. Dogurevich, T.A. (1897) *Svet Azii: rasprostraneniye khristianstva v Sibiri v svyazi s opisaniem byta, nrayov, obychaev i religioznykh verovaniy inorodtsev etogo kraya na osnovanii missionerskikh otchetov, zapisok puteshestvennikov i luchshikh issledovateley po dannomu voprosu* [Light of Asia: The spread of Christianity in Siberia in connection with the description of everyday life, morals, customs and religious beliefs of foreigners of this region on the basis of the missionary reports, travelogues and the best researchers on the subject]. St. Petersburg: P.P. Soykin. pp. 102, 126-160.
3. Ivanov, V.F. (1974) *Istoriko-etnograficheskoe izucheniye Yakutii. XVII–XVIII vv.* [Historical and ethnographic study of Yakutia. The 17th – 18th centuries]. Moscow: Nauka. pp. 157-162, 164.
4. Ivanov, V.N. (1978) *Russkie uchenyye o narodakh severo-vostoka Azii (XVII – nachalo XX v.)* [Russian scientists about the Northeast Asia nations (The 17th – early 20th centuries)]. Yakutsk: Yakutsk Book Publ. pp. 32-41, 43-44.
5. Safronov, F.G. (1956) *Krest'yanskaya kolonizatsiya basseynov Leny i Ilima v XVII v.* [Peasant colonization of the Lena and Ilim basins in the 17th century]. Yakutsk: Yakutsk Book Publ. pp. 79-92.
6. Safronov, F.G. (1997) *Pravoslavnoye khristianstvo v Yakutii* [Orthodox Christianity in Yakutia]. Yakutsk: Yakutsk Book Publ.
7. Popov, G.A. (1924) *Khristianstvo v Yakutskom krae. Ocherki po istorii Yakutii* [Christianity in Yakutsk Region. Essays on the history of Yakutia]. Yakutsk: [s.n.].
8. Shishigin, E.S. (1991) *Rasprostraneniye khristianstva v Yakutii* [The dissimination of Christianity in Yakutia]. Yakutsk: Yakutpoligrafizdat.
9. Dameshek, L.M. (2011) The borderland policy as a factor of incorporation of frontier territories of the Russian Empire (the 17th – early 20th centuries). *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. 2. (In Russian).
10. Shishigin, E.S. (1997) *Yakutskaya eparkhiya (Kratkiy istoricheskiy ocherk)* [The Yakut diocese (A brief historical sketch)]. Mirnyy: [s.n.].
11. Russia. (1830) On people of the spiritual department, on the Patriarch and Bishops courts, on the Patriarchal, Episcopal and Monastic properties, on the new division of dioceses, deaneries of the church and the monastery, on the marriage of priests, deacons and sextons and the destruction of the Royal grant of Monasteries Charters requested by Patriarch Nikon (June 17, 1667) [412]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 1. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 696-715. (In Russian).
12. Meletios, Archimandrite. (1875) *Drevnie tserkovnye gramoty Vostochno-Sibirskogo kraya (1653–1726 gg.) i svedeniya o Dauriskoy missii* [The ancient church charters of the East Siberia (1653–1726) and the information about the Dauria mission]. Kazan: University Typography.
13. Russia. (1830) On naming bishops with degrees and on addition to the Patriarch and to each Diocese subservient bishops, with the testimony of the monasteries and the number of households assigned to their content (November 27, 1681) [898]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 1. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 364-366. (In Russian).
14. *Irkutskie Eparkhial'nye vedomosti*. (1866) 12. Appendix.
15. *Yakutskie eparkhial'nye vedomosti*. (1890) 9.
16. Anon. (1904) *Yakutskiy Spasskiy monastyr'.* *Kratkiy istoricheskiy obzor (1644–1904 gg.)* [Spassky Monastery of Yakutia. A brief historical overview (1644–1904)]. St. Petersburg: [s.n.].
17. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fund 1177.
18. Sannikov, A.P. (2006) *Pravoslavnaya tserkov' v Vostochnoy Sibiri. Vystupleniye na prosvetitel'skikh chteniyakh Respublikanskogo festivalya "Zolotye kupola"* [The Orthodox Church in Eastern Siberia. The speech at the educational readings of the Republican festival "Golden Domes"]. Yakutsk: [unpublished].
19. Safronov, F.G. (1978) *Russkie na severo-vostoke Azii v XVII – seredine XIX v.* [Russians in the north-east Asia in the 17th – mid 19th centuries]. Moscow: Nauka.
20. Kalinina, I. & Medvedev, S. (2000) *Dukhovnyy vertograd Sibiri* [The spiritual garden of Siberia]. *Zemlya Irkutskaya*. 14.
21. The National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia). Fund 1-i.
22. Trepavlov, V.V. (2005) *"Belyy tsar'": obraz monarkha i predstavleniya o poddanstve u narodov Rossii XV–XVIII vv.* [The "White Tsar": The image of the monarch and the idea of citizenship among peoples of Russia in the 15th – the 18th centuries]. Moscow: Vostochnaya literatura.
23. Okladnikov, A.P. (1937) *Ocherki po istorii zapadnykh buryat-mongolov* [Essays on the History of Western Buryat-Mongols]. Leningrad: OGIZ.
24. Tresvyatskiy, L.A. (2010) Effect of Russian Orthodox Church on the level of Siberians' religiousness. *Vestnik Kemerovskogo universiteta kul'tury i iskusstv – Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*. 10. pp. 88-96. (In Russian).
25. The State Archives of the Irkutsk region. Fund 50.
26. Ivanov, V.F. (1979) *Pis'mennyye istochniki po istorii Yakutii XVII v.* [Written sources on the history of Yakutia in the 17th century]. Novosibirsk: USSR AS.
27. Al'kor, Ya.P. & Grekov, B.D. (eds) (1936) *Kolonial'naya politika Moskovskogo gosudarstva v Yakutii. XVII v.* [The colonial policy of the Moscow state at the Yakutia in the 17th century]. Leningrad: USSR AS.
28. Russia. (1830) On insults and harassment caused to Yassak people living in Yakutia and Kamchatka (May 21, 1733) [6407]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. p. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 131-132.
29. Gurvich, I.S. (1970) *Yasak v Yakutii v XVII veke* [Yasak in Yakutia in the 17th century]. Moscow.

Г.Н. Алишина

АНТИНЕМЕЦКАЯ КАМПАНИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В «ЦЕНТРЕ» И «НА МЕСТАХ» РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: РЕАЛИЗАЦИЯ МЕР ПО БОРЬБЕ С НЕМЕЦКИМ ЗАСИЛЬЕМ В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

*Статья подготовлена в рамках проекта НУ 8.1.32.2015С
«История изучения и освоения Сибири» научного фонда Д.И. Менделеева.*

Первая мировая война стала испытанием для Российской империи. В это время в российском обществе наблюдается рост ксенофобии. Целые группы населения были заподозрены в нелояльности. В первую очередь это коснулось иностранцев, являвшихся подданными стран Тройственного союза. Со временем в число «подозреваемых» попали российские немцы и ряд конфессий «иностранного происхождения». В статье рассматривается реализация мер, проводимых в рамках антинемецкой кампании, на уровне «центра» и «периферии» (на примере Томской губернии).

Ключевые слова: антинемецкая кампания; Первая мировая война; Томская губерния.

Любой комплекс мероприятий, инициированный центральной властью, доходит до «непосредственного потребителя», преломляясь на уровне власти «на местах». Иногда это «преломление» не существенное, а иногда весьма ощутимое. Для России и российской истории в силу размеров страны всегда крайне важно учитывать этот региональный аспект, поскольку реконструкция прошлого, основанная только на анализе решений и действий «центра», будет обречена на неполноту и односторонность. Прекрасной иллюстрацией этого тезиса служит развернувшаяся в годы Первой мировой войны на территории Российской империи «антинемецкая кампания». Источником мероприятий по «борьбе с немецким засильем» выступала центральная власть, на губернском уровне ее решения превращались в набор конкретных административных практик, не всегда совпадающих с «генеральной линией» и в принципе отличающихся друг от друга. В качестве примера конкретного региона в данной статье рассматривается Томская губерния, где в силу целого ряда обстоятельств реализация антинемецких мер имела свою специфику.

Начать следует с того, что вопрос о лояльности немцев, проживавших на территории страны, был поставлен задолго до вступления России в Первую мировую войну. Из уст отдельных представителей власти и общественности то и дело звучали опасения по поводу их присутствия. Помимо земельного богатства немецких колонистов, обращалось внимание на достаточно большое представительство немцев в государственном управлении и российском предпринимательстве, что вызывало определенную тревогу. Витавшие в российском обществе антинемецкие настроения существенно «подпитывали» два обстоятельства: принятие в Германии 1 июня 1870 г. закона о двойном подданстве [1. С. 23] и образование в 1871 г. единого немецкого государства – Германской империи, которое стало иметь собственные национальные интересы, все чаще пересекавшиеся с интересами России. Следует также отме-

тить, что зачинателями травли последователей «немецких вероучений» выступало православное духовенство, в немалой степени дававшее идеологическую подпитку действиям властей, нацеленным на ограничение возможностей некоторых религиозных групп немецкого населения страны. Однако в целом политика властей по отношению к российским немцам носила лояльный характер. Государственные мужи в большинстве своем осознавали ту пользу, которую приносили России немецкие переселенцы. И, несмотря на наличие явных недоброжелателей, немцы, проживавшие в стране, не были стеснены в своей хозяйственной деятельности и культурной жизни, а в случае нападков в их адрес имели возможность защищать свои интересы посредством доступных правовых механизмов.

Ситуация кардинальным образом изменилась в связи с событиями 1914 г. Практически сразу с момента вступления Российской империи в Первую мировую войну внутри страны развернулась широкомасштабная кампания, которая была последовательно направлена против трех категорий населения страны: подданных воюющих с Россией держав, российских подданных немецкого происхождения и представителей религиозных вероучений, также маркированных как «немецкие». Первая и вторая группы совпадали с третьей (т.е. с точки зрения объектов дискриминации, фигурировавших в нормативных актах и СМИ, можно выделить три категории населения, но третья категория частично включала в себя две первые), но все-таки не полностью, так как в состав приверженцев подобных вероисповеданий входили и представители иных этнических групп, к Германии отношения не имеющих (латыши, эстонцы, русские, украинцы и пр). Поскольку в основном данная кампания касалась этнических немцев, за ней закрепилось название «антинемецкая», или кампания «по борьбе с немецким засильем». Она включала в себя множество различных мероприятий.

Первыми «приступ ксенофобии» ощутили на себе подданные воюющих с Россией держав, т.е. лица,

находившиеся в германском, австрийском или турецком подданстве и оказавшиеся на момент начала боевых действий на территории Российской империи. На фоне красочно описываемых в прессе «германских зверств» [2. 29, 30 июля; 3. 4 сен. и др.] была проведена целая кампания по исключению их из различных организаций и объединений [2. 11, 20, 21 сен., 2 окт.]. Даже «учащихся германских и австрийских подданных» было предписано увольнять из учебных заведений [3. 4 сен.]. Особо пристальное внимание уделялось мужчинам призывного возраста как потенциальным участникам боевых действий на стороне врага, прежде всего кадровым военным. Еще одним направлением в борьбе с проникновением врага внутрь России стало наступление на предпринимательскую деятельность, которую вели германские и австрийские подданные на территории страны. Со страниц газет доносились призывы к «бойкоту немецкого производства» [2. 14 окт.]. На некоторые немецкие предприятия был наложен секвестр, как это произошло с Обществом электрического освещения [Там же. 29 окт.]. Перечисленные меры российских властей по отношению к подданным вражеских держав не носили исключительного характера. Подобная практика была широко распространена во многих странах и являлась в какой-то степени нормой для воюющего государства.

Однако на этом поиски «враждебных элементов» внутри страны не прекратились. Помимо иностранцев, подпали под это определение и некоторые российские подданные. В первую очередь это коснулось немцев, давно проживавших в России, но в силу своего происхождения вызывавших подозрения и недоверие к себе. Борьба с «внутренним немцем» велась в нескольких ключевых направлениях (промышленность, торговля, землевладение, язык, образование и пр.). В 1914 г. в масштабах всей страны была начата кампания по переименованию населенных пунктов с немецкими названиями, в результате чего в августе этого года Петербург стал Петроградом. В 1915 г. вышли в свет сразу два «ликвидационных закона», направленных на ограничение землевладения не только иностранных, но и российских подданных немецкого происхождения. Был даже создан Особый Комитет по борьбе с немецким засильем, положение о котором было Высочайше утверждено 1 июня 1916 г. [4. Л. 2 об.]. В июле 1916 г. появилось положение Совета Министров «о воспреещении повсеместно в Империи преподавания на немецком языке во всех учебных заведениях, а также на богословском факультете Императорского Юрьевского университета» [Там же. Л. 9]. Практиковалась даже депортация подданных воюющих с Россией держав и лиц немецкого происхождения из прифронтовой зоны на восток страны. В основном это коснулось так называемых волыньских немцев [5. С. 228–229].

Активную информационную борьбу с засильем немцев в России вела шовинистически настроенная

общественность. Центральная радикальная пресса не скупилась в выражениях, обвиняя немцев, состоящих как в германском, так и в российском подданстве, в предательстве, преследовании интересов воюющих с Россией держав, неискренней лояльности и пр. В доказательство приводились примеры, когда немцы, состоящие в русском подданстве и имеющие земельные владения в России, оказывались в составе германской армии [2. 5 ноя.], радушно встречали германские войска [6. 2 мая], и даже нашумевший случай предательства со стороны Мясоедова был объяснен тем, что он «сын немца» [Там же. 14 апр.]. Муссировались слухи о шпионской деятельности немецких колонистов в пользу Германии [Там же. 2 мая.], которые вылились в шпионманию. Частыми были «свидетельства очевидцев» о многочисленных германских аэропланах-разведчиках, которые приземлялись в немецких колониях России. В результате население стало проявлять по отношению ко всему немецкому не только настороженность, но даже агрессию. На волне этих настроений в Москве и Петрограде имели место антинемецкие погромы [5. С. 225], были случаи, когда людей, разговаривающих на улице по-немецки, бдительные граждане доставляли в полицейские участки [2. 11 сен.], адвокат отказывался от защиты интересов немца-доверителя [Там же. 14 сен.], студенты бойкотировали лекции профессоров немецкого происхождения, как это произошло в Петроградском университете [Там же. 8 дек.], и т.д. Ксенофобия, как болезнь, расползалась по обществу и, в конце концов, затронула тех, кто прямого отношения к странам Тройственного союза не имел.

Это отчетливо прослеживается при изучении отношения российских властей и части общественности к некоторым конфессиональным группам неправославного толка. Они также были обвинены в нелояльности. В немилость, наряду с прочими, попали и евангелические лютеране. Лютеранская церковь характеризовалась местными властями как особо опасная организация, преследовавшая узко национальные интересы [7. Л. 8–9]. Это было вызвано тем, что в числе приверженцев этого вероисповедания было немало германских подданных и российских немцев. Данного факта было достаточно, чтобы начать притеснения в отношении всех лютеран на территории России, несмотря на то что в их число входили и представители иных национальностей (эстонцы, латыши и др.). Последние в равной степени с немцами ощущали на себе меры, направленные против лютеранской церкви в России. Уже в ноябре 1914 г. вышло постановление министра внутренних дел о закрытии евангелических обществ юношей и молодых людей и союза этих обществ в России [8. Л. 31]. Из-за подозрений в помощи воюющим с Россией державам в декабре 1914 г. лютеранским приходам воспретили производить «какие бы то ни было сборы на потребности заграничных миссий» [9. 30 дек.]. В мае 1915 г. в Москве антинемецкие выступления закончились погромом, в результате которого был причинен

большой материальный ущерб евангелическо-лютеранскому приходу Св. Михаила [10. Л. 8]. В целом наибольший прессинг в отношении лютеран и близких им христианских вероисповеданий исходил от военных властей, которые обвиняли неправославных христиан в германизме и антимилитаризме [11. Л. 1].

Последнее обвинение чаще всего звучало в адрес меннонитов, крайне раздражавших представителей власти и шовинистически настроенную общественность своим принципиальным пацифизмом [12. 20 марта]. Если рассмотреть этнический состав этой этноконфессиональной группы, то ее сторонники, хоть и пришли в Россию вместе с немецкими колонистами, были выходцами из Голландии и немцами по своему происхождению не являлись. Серьезным гонениям подверглись также евангельские христиане и баптисты. Вывод об их «германизме» был сделан на том основании, что религиозные взгляды представителей данных течений берут свое начало в немецком протестантизме [11. Л. 17–21]. В этническом отношении евангельские христиане и баптисты были довольно не однородны, в основном русские и украинцы. Немцы среди них были, но явно не в большинстве. Из приведенных примеров видно, что от антинемецких настроений в российском обществе страдали не только немцы, но и представители других национальностей: эстонцы, латыши, лица голландского происхождения и др.

Перечисленный комплекс мероприятий и элементов «антинемецкой кампании» был распространен по всей стране. Однако отдельные регионы имели в плане реализации решений и следовании тенденциям «центра» свои особенности. Где-то местная власть шла по пути ужесточения и без того однозначно дискриминационной политики, где-то, напротив, старались по возможности смягчить инициативы и распоряжения, исходящие от центральной власти. Заслуживающим внимания примером подобной «региональной специфики» является Томская губерния.

До вступления Российской империи в Первую мировую войну ярко выраженных антинемецких настроений в Томской губернии не фиксируется. К немцам местные власти и общественность относились в целом доброжелательно. Хотя в местной печати правого толка, традиционно выступавшей за искоренение инородческого засилья в стране, промелькивали публикации о потенциальной опасности столь заметного числа немцев среди сибирского чиновничества. Однако следует отметить, что подобные нападки были довольно редки. Несравнимо больший интерес у подобного рода изданий вызывал «еврейский вопрос».

Как и во всей стране, существенные изменения в отношении к немецкому населению губернии произошли в связи со вступлением Российской империи в Первую мировую войну. Надо сразу отметить, что сценарий развития борьбы с «немецким засильем» в Томской губернии в целом был схож с тем, что разворачивался в европейской части страны.

После вступления России в войну в губернии вслед за центром начались мероприятия, нацеленные на обезвреживание подданных вражеских государств, относительно которых была озвучена установка, что они «всегда были и останутся элементом подозрительным и для нас вредным» [13. 29 авг.]. Не обошлось без арестов. В начале войны им подверглись австрийские и германские подданные. Правда, уже в сентябре 1914 г. томский вице-губернатор, посетив тюрьму, отдал распоряжение об освобождении австрийских подданных славянского происхождения (чехов и поляков), а также германских и австрийских подданных, «долго живших в России и вполне доказавших свою лояльность». Для этой цели собирались сведения об этих лицах и составлялись особые списки, по которым они должны были получить свободу в самом непродолжительном времени [9. 12 сен.].

Несмотря на удаленность от линии фронта, в Томской губернии был прецедент пленения кадрового офицера вражеской армии, оказавшегося на момент начала боевых действий на территории региона. Этот казусный случай произошел с германским лейтенантом, который еще в феврале 1914 г. прибыл на Алтай и проводил время в Лебедском и Телецком лесничествах, охотясь на медведей. Уже 13 августа в местной прессе появилось сообщение о том, что он был доставлен в полицию в г. Бийске [Там же. 13 авг.].

Имело место и исключение вражеских подданных из различных обществ. В частности, было «постановлено исключить из состава биржевых комитетов лиц, принадлежащих к германскому или австрийскому подданству» [Там же. 14 сен.], а местными страховыми обществами было получено предписание от министерства внутренних дел «немедленно уволить всех германских и австрийских подданных, состоящих на службе страховых обществ в качестве членов правлений, а также лиц, которые занимают должности по выбору или найму в названных обществах» [Там же. 16 окт.].

Кроме того, в Томской губернии были случаи конфискации имущества у подданных вражеских держав. В поселке Найдорф Змеиногорского уезда было обнаружено шесть семей немцев, состоявших в германском подданстве. В течение 10 лет они владели здесь земельными наделами на правах водворенных переселенцев. После обнаружения этих семей «довольно значительное имущество их, состоящее из сельскохозяйственного инвентаря, подверглось конфискации» [Там же. 12 сен.].

Что касается политики местных властей в отношении немецкого предпринимательства на территории губернии, то сведений об этом немного, но благодаря публикациям в местной прессе известно, что, несмотря на начавшуюся войну, в Томске продолжало функционировать отделение немецкого торгового дома «Штоль и Шмит», в котором в январе 1915 г. совершенно свободно можно было приобрести билеты на устраиваемый в городе концерт [14. 8 янв.]. Это обстоятельство

свидетельствует скорее о лояльности местных властей в этом вопросе.

В целом следует отметить, что мероприятия против давно проживавших в губернии вражеских подданных местные власти проводили без особого усердия, по крайней мере, не проявляя собственной инициативы. Губернская общественность также не принимала особого участия в борьбе с засильем подданных стран-неприятелей.

Участие страны в Первой мировой войне отразилось и на положении немецкого населения Томской губернии, состоявшего в российском подданстве. Так, например, не обошла стороной Томскую губернию акция по переименованию населенных пунктов с немецкими названиями. 15 октября 1914 г. Земским отделом МВД было разослано обращение ко всем губернаторам с указанием выяснить, есть ли в их губерниях населенные пункты с немецким названиями, и внести предложения по их переименованию [15. Л. 2]. Пришло такое указание и на имя томского губернатора, который, в свою очередь, отдал распоряжение местным чиновникам, и началась работа по выявлению поселков с немецкими наименованиями и присвоению им русских названий.

При выборе нового имени для населенного пункта уездные чиновники, как правило, руководствовались либо примерным переводом немецкого слова, либо названием участка, на котором располагался поселок [Там же. Л. 47 об.–48]. Последний вариант был даже предпочтительнее, поскольку к этим названиям местное население уже «привыкло».

На основе отчетов местных чиновников к январю 1915 г. был составлен общий список, который затем направили в Земский отдел МВД для утверждения, после чего колонии в директивном порядке были переименованы. В некоторых из них сами немцы возбуждали ходатайства о приобретении русских названий [Там же. Л. 103], однако, по мнению некоторых исследователей, эти «добровольные» ходатайства были организованы местными властями [16. С. 139]. В результате в кампании по переименованию немецких населенных пунктов Томская губерния даже отличилась на фоне остальных размахом проведенной работы [17. С. 36].

При решении немецкого «школьного вопроса» местные власти в годы войны в целом также придерживались «генеральной линии». Как и в центральной части страны, самым проблемным был вопрос о меннонитских школах. Губернские власти проводили в их отношении запретительную политику. Но стоит также отметить, что в Томской губернии меры, направленные против школ меннонитов, в основном носили административный характер. Власти не давали своего разрешения на открытие и регистрацию новых школ, что вынуждало меннонитов действовать вопреки их решению. И хотя школы, осуществлявшие свою деятельность нелегально, обнаруживались местными чиновниками и признавались открытыми «без надлежащего

разрешения», дальше этого дело не шло. Несмотря на все попытки губернских властей привлечь виновных к ответственности, реального наказания зачастую никто не нес [18. Л. 24–31 об.]. В 1915/16 уч. г. даже произошло явное смягчение в «школьной политике» губернии: в Барнаульском уезде были разрешены 16 меннонитских школ с шестилетним курсом обучения [19. С. 159]. Кроме того, в Томске в годы войны продолжала функционировать немецкая школа при лютеранском приюте [20. С. 52; 21. С. 83].

Подобные безынициативность и «мягкость» губернских властей в решении немецкого школьного вопроса даже заслужили критику со стороны местных правых изданий. В «Сибирской правде» с возмущением писалось о том, что «с дозволения начальства» некому Глейе, «человеку, очевидно плохо знакомому с русским языком, так как составил безграмотное объявление», разрешено было открыть в Томске частную мужскую гимназию. В качестве резюме по этому вопросу автор заметки выразил твердую уверенность, что «совершенно несвоевременно и неуместно позволять немцу открывать русское среднеучебное заведение» [13. 27 сен.].

Поиски на территории Томской губернии «немецких обществ», «имеющих целью объединение немецкого элемента на почве узконациональных интересов и даже проведение германских национальных тенденций», успехом не увенчались [22. С. 381]. Единственным общественным объединением в среде немцев губернии было Томское евангелическо-лютеранское дамское благотворительное общество. Его деятельность в годы войны хоть и не отличалась прежней активностью, но и не была прекращена.

Существенную роль в борьбе с «немецким засильем» в Российской империи играла пресса (в особенности, правого толка). Именно она отвечала за формирование и поддержание «образа врага» в общественном сознании. Томская пресса в этом плане явно отставала от столичных изданий.

Трибуной для выражения недовольства «немецким засильем» стала газета «Сибирская правда», издававшаяся в Томске с 1907 по 1915 г. и являвшаяся органом Союза русского народа. В ней, как и в центральной правой печати, освещались все основные стороны «засилья»: заметное представительство немцев на государственной службе, «порабощение» ими фабрично-заводской промышленности, захват немецкими колонистами лучших земель, культурная обособленность немцев и пр. [13. 23 авг., 6, 20 сен., 4, 11 окт., 1, 8 ноя.] Раздавались призывы: передать земли колонистов «православным безземельным христианам», «конфисковать все немецкие предприятия», бойкотировать немецкие товары, отстранить от деятельности чиновников немецкого происхождения и пр. [Там же. 6, 20 сен., 4 окт., 8 ноя.] По отношению к российским немцам использовались такие эпитеты, как «домашние» или «внутренние враги», «пришельцы», «шпионы», «интриганы», «внут-

ренняя неметчина», «скрытые пособники германской армии» и др. [13. 23 авг., 6 сен., 11, 25 окт., 1 ноя.] Однако все эти возмущения и призывы строились не на местном материале. В большинстве случаев антинемецкие публикации либо носили общий характер и содержали пространные рассуждения о вредном влиянии немцев, либо являлись перепечаткой из центральных изданий. За период с августа по декабрь 1914 г. в «Сибирской правде» появились всего лишь две «местные» антинемецкие публикации: это уже упоминавшаяся заметка об открытии неким Глейе частной мужской гимназии [Там же. 27 сен.] и сообщение о том, что в кондитерской Грених немецкие военнопленные «находят не только приют и ласку, но и ведут какие-то серьезные переговоры» [Там же. 18 окт.].

В силу объективных обстоятельств (Томск был местом сосредоточения военнопленных) газета уделяла повышенное внимание проблеме их появления и обустройства в городе. В центральных изданиях об этом также писалось, но значительно реже. В Томской же губернии этот вопрос имел безусловную актуальность. В частности, в «Сибирской правде» неоднократно указывалось на слишком свободное и вольготное положение пленных в Томске.

Либеральная пресса Томской губернии, как это видно на примере газеты «Сибирская жизнь», в «немецком вопросе» занимала скорее нейтральную позицию. В адрес так называемых «внутренних немцев» не только не звучало никаких обвинений, но даже были случаи положительных отзывов.

В целом отношение местной прессы к «немецкому вопросу» в годы войны зависело от «политической окраски» издания. Как и в центре, газеты правого толка в своих оценках отличались крайним радикализмом. Либеральная печать придерживалась нейтралитета. Однако следует отметить, что либеральная «Сибирская жизнь» по сравнению с правой «Сибирской правдой» пользовалась у губернской публики большей популярностью, из чего следует, что ее позицию в вопросе борьбы с немецким засильем разделяло большее число читателей.

Косвенно это подтверждается еще и тем, что в Томской губернии в годы войны не было зафиксировано открытых действий местных жителей против городских и сельских немцев. Если в Москве и Петрограде имели место антинемецкие погромы, то в Томской губернии подобной открытой агрессии со стороны даже «патриотически настроенных» граждан не наблюдалось. Также не было найдено сведений о наличии в регионе общественных организаций по борьбе с немецким засильем.

Однако нельзя оставить без внимания то обстоятельство, что некоторые местные чиновники в своих отчетах на имя губернатора сообщали о скрытом недовольстве, возникавшем у русских крестьян губернии в отношении немецких колонистов. В частности, крестьянский начальник 4-го участка Каинского уезда утверждал, что

среди русского населения Татарской волости «немцы-колонисты пользуются дурной славой». По его словам, местные жители считали, что немцы – «тайные доброжелатели Германии», что они «сочувствуют успехам последней в военных делах, верят в конечную победу Германии над Россией» [23. Л. 38]. Согласно свидетельству Барнаульского уездного исправника, среди местного русского населения по отношению к немцам наметилось «скрытое, ничем пока не проявляемое враждебное настроение» [24. Л. 188].

Сама лексика этих сообщений говорит о том, что реальных прецедентов агрессии со стороны местных жителей не было. Кроме того, в противовес этим свидетельствам можно привести выдержки из отчетов других чиновников, описывающих совершенно иное отношение к немцам.

Хотя в целом для Томской губернии не был характерен разгул «шпиономании», несколько свидетельств «шпионской деятельности» немецких колонистов все-таки было. Так, например, в донесениях указывалось на ряд мельниц Михайловского имения в Каинском уезде [25. С. 36]. Также, по свидетельству Барнаульского уездного исправника, аэроплан-разведчик приземлялся на участке № 54 Троицкой волости Барнаульского уезда вблизи мельницы немецкого колониста Франца Петровича Вибе [26. Л. 1]. Были, по сообщениям некоторых уездных чиновников Томской губернии, и другие примеры проявления нелояльности со стороны немецких колонистов. Согласно рапорту крестьянского начальника Змеиногорского уезда, немцы «с особою неохотою отбывают воинскую повинность и для того, чтобы уклоняться от отбывания ее, очень часто отправляют своих сыновей в Америку» [23. Л. 91 об.]. Временный заведующий 1–3 Кулундинским подрайоном сообщал губернатору, что колонисты «в своей среде укрывают немцев-германскоподданных» [Там же. Л. 122]. Однако источником подобных свидетельств были в основном чиновники, местное население в этом отношении себя не проявляло. Последнее можно объяснить тем, что томские власти не прибегали к стимуляции массовой истерии среди жителей губернии.

Не обошло стороной Томскую губернию и «ликвидационное законодательство». Хотя следует отметить, что действие этих законов в полном объеме распространилось на нее не сразу и не повсеместно. Сначала, в сентябре 1916 г., на Каинский уезд [17. С. 38] и только в феврале 1917 г. – на Барнаульский и Змеиногорский уезды [Там же. С. 43]. Заработать на территории губернии в полную силу эти узаконения просто не успели в связи со сменой власти в стране после Февральской революции. Однако в некоторой степени «ликвидационное законодательство» на немецких колонистах Томской губернии все же отразилось.

Проявилось это, главным образом, в сборе информации о немцах и их земельных владениях. Первым этим вопросом озаботилось ведомство Кабинета Его Императорского Величества. После публикации в «Но-

вом времени» от 20 ноября 1914 г. статьи о том, что в Барнаульском уезде немцы захватили лучшие земли, в Барнаул поступила телеграмма из Петрограда. В ней содержалось указание собрать сведения об арендаторах-немцах иностранных и русских подданных: их количестве, размерах и качестве арендуемых ими земель и сроках арендных договоров [27. Л. 1]. Уже 25 ноября 1914 г. это указание было доведено до сведения всех лесничих и заведующих арендными районами Алтайского округа с одним небольшим дополнением: наряду с арендаторами-немцами следовало также предоставить данные об эстонцах и латышях [Там же. Л. 7–13]. Трудно объяснить причину расширения состава лиц, о которых предстояло собирать информацию. Возможно, власти округа решили подстраховаться, предполагая, что прибалты тоже могут оказаться в числе заподозренных в нелояльности по отношению к Российскому государству.

В октябре 1915 г. томским губернатором также была получена телеграмма из Петрограда за подписью товарища министра внутренних дел Н.В. Плеве, где содержалось указание собрать сведения о немецком населении региона. Выяснялось, главным образом, количество немцев, размеры их землевладений, год поселения в той или иной местности, год принятия российского подданства, отношение к русскому населению, к войне и пр. [28. Л. 1]. В результате подобного наведения справок появились многочисленные отчеты местных чиновников Томской губернии, в которых они подробно описывали жизнь, быт и настроения колонистов. Эти отчеты на данный момент – богатейшие архивные источники о сельских немцах губернии.

В целом наибольший результат от реализации ликвидационного законодательства на территории Томской губернии был достигнут в Алтайском округе. Уже в марте 1915 г. был издан циркуляр, согласно которому «все договора с арендаторами немецкой национальности, хотя бы и русскоподданными» должны были расторгаться. Единоличные договоры можно было оставить в силе только со следующими категориями немцев-арендаторов:

- 1) меннонитами, если они докажут это документально;
- 2) немцами, перешедшими в русское подданство до 1 января 1880 г.;
- 3) родственниками по восходящей или нисходящей линии тех, кто участвует в действиях русской армии или флота против неприятеля;
- 4) немцами, принявшими православие до 1 января 1914 г. [27. Л. 186–186 об.].

Что касалось товарищеских договоров, то, если среди товарищей по аренде было хотя бы одно лицо, неудовлетворяющее требованиям закона от 2 февраля 1915 г., договор расторгался [Там же. Л. 186 об.].

В результате применение закона от 2 февраля 1915 г. привело в конце 1916 г. к заметному сокращению в Алтайском округе числа немцев, арендующих

земельные угодья: из 104 арендаторов осталось 67 [Там же. Л. 273 об.–274]. Из этих 67 лиц большинство документально доказало местным властям, что они приняли российское подданство до 1880 г. В целом же с 37 немцами (из них 34 российские подданные) договоры об аренде были расторгнуты раньше предполагаемого срока. По мнению П.П. Вибе, подобные действия властей были абсурдны, поскольку немцы арендовали у Кабинета Его Величества всего лишь 10 439,11 десятин земли в малопригодных для земледелия районах, или 0,14% от всей площади земель, обрабатываемых на Алтае [25. С. 33].

17 июня 1916 г. на заседании Томского Губернского Управления был заслушан доклад, основанный на собранной ранее информации о немецких колонистах. Согласно ему, в Томской губернии было выявлено 32 семьи, состоявших в германском и австрийском подданстве. Не все из них были немцами. Среди австрийских подданных были лица чешской национальности¹. Пять из этих семей, проживавших в Змеиногорском уезде, пользовались неправильно отведенными в надел общественными землями, что вызвало ликвидацию их землепользования и воспрещение обществам впредь передавать этим и другим немцам участки [23. Л. 195]. Актовых и арендных усадебных земель распоряжение Губернского Управления вообще не коснулось. Семьи германских и австрийских подданных, являвшиеся собственниками земель, согласно законам от 2 февраля и 13 декабря 1915 г., лишались впредь права собственности и иных вотчинных прав на недвижимые имущества, а также права владения и пользования подобным имуществом, отделенное от права собственности. Однако важно подчеркнуть, что собственники не лишались личного права пожизненного владения имуществом. Действуя в строжайшем соответствии с ликвидационными законами, Губернское Управление ограничилось распоряжением об изъятии из пользования германских и австрийских подданных только тех земель, права на которые они приобрели по договорам найма или аренды, да и то только в том случае, если они еще не были изъятые по истечению годичного срока со времени обнародования закона от 2 февраля 1915 г. [Там же. Л. 195 об.].

Также в Томской губернии проживали 36 тыс. немцев, находившихся в российском подданстве и обосновавшихся в губернии в порядке переселения. У этой категории немцев в пользовании находилось более 221 213 дес. наделной земли, в аренде – более 15 000 дес. кабинетских и других частновладельческих земель, в собственности – более 4 000 дес. земли [Там же. Л. 195 об.]. Собственниками земель были 37 семей меннонитов, живших на частновладельческих участках Сукачева и Михайлова в Каинском уезде.

В отношении русскоподданных немцев Губернским Управлением было принято следующее решение: «Если... иностранные подданные, которые приобрели в собственность недвижимые имущества в прежнее вре-

мя, <...> не лично лишаются права владения ими, то, надо полагать, тем более не ограничиваются в этом праве русские подданные из иностранных выходцев» [23. Л. 195 об.].

Таким образом, иностранным выходцам немецкого происхождения и их потомкам запрещалось в будущем совершение всякого рода актов о приобретении права собственности, права залога, права владения и пользования недвижимыми имуществами, отделенного от права собственности, а также их участие в публичных торгах на эти имущества. Данный запрет не распространялся на приобретение прав на недвижимые имущества в порядке наследования, а право найма или аренды было ограничено шестью годами со времени обнародования закона от 2 февраля 1915 г. Что касается наделных земель, то общества иностранных выходцев, состоявших в российском подданстве, не могли отчуждать, закладывать или обременять долгами земли, а также пользоваться вознаграждением в случае отчуждения земель для какой-либо государственной надобности. Во всем остальном общества «выходцев» имели равные права с русским населением [Там же. 195 об.–196].

Таким образом, пока Томская губерния не подпадала под полное действие ликвидационных законов, лишение немцев (и иностранных и российских подданных) недвижимого имущества носило единичный характер. В большинстве случаев и та и другая категории немецкого населения губернии продолжали пользоваться теми же землями, что и раньше. Все это позволяет сделать вывод, что при решении немецкого земельного вопроса томские власти действовали в строжайшем соответствии букве закона и не стремились к полной ликвидации немецкого землевладения и землепользования.

Ситуация изменилась в связи с изданием положения от 8 сентября 1916 г., согласно которому действия ликвидационных законов в полной мере было распространено на Каинский уезд Томской губернии. Подобные меры были вызваны прохождением через эту местность Сибирской железной дороги, имевшей для страны стратегическое значение. Однако применение ликвидационных законов, предполагавшее отчуждение недвижимого имущества немецких колонистов, встретило на своем пути непреодолимое препятствие: земли, на которых были расселены в большинстве своем немцы-колонисты, им не принадлежали, а были получены от Переселенческого управления. После выяснения этого обстоятельства был определен особый порядок прекращения немецкого наделного землевладения, распространившийся и на Каинский уезд Томской губернии. В соответствии с ним земли, отведенные немецким колонистам на основании правил о переселении 1912 г., должны были перейти в распоряжение Переселенческого управления, за что немцам выплачивалась компенсация. В Каинском уезде она составляла 73 руб. за десятину, за постройки и инвентарь предусматрива-

лось вознаграждение по их действительной стоимости [25. С. 34–35].

В отношении же немногочисленных собственников земли применялся общий порядок отчуждения с предоставлением срока на самостоятельную ликвидацию, по истечению которого нераспроданное имущество выставлялось на публичные торги. В Каинском уезде это коснулось 30 меннонитских хозяйств, расположенных в Татарской волости. Их список, согласно общему порядку, был обнародован в Томской губернии в начале 1917 г. [Там же. С. 35]. Однако из-за смены власти в стране дальнейшая деятельность по ликвидации земельной собственности немецких колонистов была приостановлена. В Барнаульском и Змеиногорском уездах Томской губернии, подпавших под полное действие ликвидационных законов 6 февраля 1917 г., процедура ликвидации немецкого землевладения даже не успела начаться.

Таким образом, несмотря на то что на отдельные уезды Томской губернии ликвидационное законодательство распространилось в полной мере, фактического отчуждения земель у немцев, состоявших в иностранном и российском подданстве, в губернии почти не наблюдалось. Это объясняется позицией местных властей, которые не проявляли инициативы и активности в немецком земельном вопросе. Такой подход исследователь В.Н. Шайдуров расценивает как деловой и прагматичный [29. С. 85]. Кроме того, нельзя забывать о более позднем включении уездов губернии в число территорий, на которые законы от 2 февраля и 13 декабря 1915 г. распространялись в полной мере, что также уберегло земли немецких колонистов от ликвидации.

В годы войны также изменилось положение «немецких конфессий» Томской губернии. В отношении лютеран проводились мероприятия запретительного характера, инициированные центральной властью. Это привело к тому, что отличавшаяся до войны активностью лютеранская община г. Томска практически свела свою общественную деятельность на нет. Внутриобщинная жизнь также словно замерла. Однако религиозная деятельность продолжалась. Согласно объявлению в «Сибирской жизни», 15 марта 1915 г. пастором Гессе в томской лютеранской кирхе было совершено богослужение с причастием и конфирмацией [14. 15 марта]. Как уже было сказано, не перестала функционировать школа при лютеранском приюте и сам приют. Хотя и не так активно, но по-прежнему проявляло себя благотворительное общество дам-лютеранок. Тот факт, что институциональная составляющая лютеранской томской общины не понесла потерь и пусть менее активно, но продолжала функционировать, говорит о лояльности в этом вопросе местных властей и общества. Не была остановлена религиозная жизнь и у лютеран губернии, проживавших в сельской местности. Так, в феврале 1915 г. на имя томского губернатора поступило прошение лютеран поселка Красновского

Андреевской волости Каинского уезда о разрешении проводить богослужения по евангелическо-лютеранскому обряду в уже имеющейся для этого оборудованной постройке [30. Л. 1].

По отношению к меннонитам губернские власти в годы войны также проводили политику запретительного характера, используя доступные им административные механизмы. Уже отмечалось, что меннонитам отказывалось в регистрации школ. Ровно также власти реагировали на просьбы о регистрации церковных приходов и разрешении строительства молитвенных домов. Показателен в этом смысле пример меннонитского села Шумановка Орловской волости Барнаульского уезда. Еще до начала Первой мировой войны, в феврале 1914 г., духовный староста Шумановского церковного прихода Корнелиус Винс обратился к томскому губернатору с ходатайством о разрешении постройки на средства прихода молитвенного дома [31. Л. 1]. Первоначальной реакцией губернатора был запрос о предоставлении всех необходимых документов (приговора прихожан, двух экземпляров проекта молитвенного дома и пр.) [Там же. Л. 6 об.], что вполне логично было трактовать, как готовность властей при соблюдении определенных условий дать разрешение на постройку. Однако после предоставления меннонитами всех требуемых документов и наведения различных справок по данному вопросу, что длилось вплоть до конца 1915 г., губернатор решил оставить ходатайство меннонитов с. Шумановка без последствий, сославшись на Устав иностранных вероисповеданий [Там же. Л. 38 об.].

Вопрос об исполнении меннонитами воинского долга, столь остро обсуждавшийся в Европейской России, в Томской губернии решался без видимых проволочек. К середине октября 1914 г. в одной Орловской волости было призвано около 400 человек «запасных» из числа меннонитов. Большая часть из них пошла служить санитарями в действующую армию, часть (около 30 человек) отправилась на лесные работы в Петуховскую тайгу Томского уезда, и чуть большее число меннонитов было направлено на лесные работы в Нарымский край [9. 11 окт.]. Ратники-меннониты, проходившие службу в лесных командах, в основном были сосредоточены в районе 32-й версты томской железнодорожной ветки. Согласно публикации в «Сибирской жизни», они «старательно исполняли возложенные на них обязанности и получали 20 коп. в день на пропитание» [Там же]. Поскольку этих денег было недостаточно для человека, работающего 12 часов в сутки, каждый меннонит получал от общины Орловской волости по 10 руб. на человека в месяц дополнительно и вносил эти деньги в общую кассу коммуны [Там же].

Из-за нехватки санитаров ратники из числа меннонитов были очень востребованы. Осенью 1914 г. управление Красного Креста даже попросило губернские власти отпустить для несения этой службы мен-

нонитов, которые были привлечены на казенные работы по заготовке леса [Там же. 12 окт.]. Для удовлетворения потребностей фронта к осени 1916 г. в Томской губернии из числа меннонитов были призваны для несения санитарной службы ратники первого разряда сроков призыва с 1916 по 1894 г. включительно и ратники второго разряда сроков призыва с 1916 по 1896 г. включительно [32. Л. 160, 167].

Свидетельств ненадлежащего исполнения ратниками из числа меннонитов своего воинского долга найдено не было. Удалось лишь обнаружить прошение проповедника Марковского меннонитского церковного прихода Петра Эннса, несшего военную службу в лесной команде Боровского лесничества Акмолинской области, об увольнении его как священнослужителя от действующей службы. Данное ходатайство губернскими властями было «оставлено без последствий» [33. Л. 1, 6–6 об.].

Как и в Европейской России, в Томской губернии в условиях войны фиксировалось предвзятое отношение к тем конфессиям, которые причислялись к «немецким» по косвенным признакам. В отчете местного чиновника, в частности, сообщалось, что проживавший в д. Бороздиной Тулинской волости баптист-крестьянин Дмитрий Трофимович Литвиненко распространял между крестьянами слухи о взятии германцами Варшавы, открыто высказывал радость по этому поводу, благодарил Бога за то, что при взятии Варшавы немцами, которых он называл своими, было убито много русских, а также говорил, что «как ему, так и другим баптистам не нужен Государь Император, который поступает против закона, отправляя своих ни в чем не виновных солдат на войну» [24. Л. 8].

В целом в Томской губернии в годы Первой мировой войны наблюдалось ущемление религиозных интересов лютеран, меннонитов и прочих «немецких конфессий». Но следует отметить, что меры, направленные против них, носили в основном административный характер. Местные власти разговаривали с этими конфессиями на языке ненавязчивого запрета. Даже отказы в их просьбах чиновники старательно аргументировали, ссылаясь на российское законодательство. Общественность губернии в этом вопросе активно себя не проявляла.

Кроме того, к специфике Томской губернии следует отнести присутствие на ее территории в годы войны вынужденных немецких переселенцев: пленных, заложников, депортированных, беженцев. Это была особая группа в составе немецкого населения региона. Данный контингент направлялся в губернию по причине ее глубокого тылового положения и требовал от местных властей огромных усилий по его расселению, медицинскому обслуживанию, трудоустройству, контролю за перемещением и пр.

Подводя итог реализации мер «антинемецкой кампании» в Томской губернии, можно утверждать, что немецкое население региона подверглось целому комплексу дискриминационных практик. Формально

борьба с «домашним немцем» в губернии велась наравне с Европейской частью страны, правда, с понятной задержкой в реализации тех или иных мер. Тем не менее многие исследователи сходятся во мнении, что губернские власти не поддержали в полной мере «антинемецкую кампанию», получившую широкий размах во многих регионах Российской империи, и были довольно пассивны, претворяя в жизнь меро-

приятия по борьбе с «немецким засильем» [29. С. 79; 34. С. 62–64 и др.]. Пример Томской губернии показывает, что далеко не вся страна была охвачена германофобией. Огромную роль в реализации «анти-немецкой кампании» играла позиция местной власти, которая могла выполнять циркуляры из центра довольно формально в режиме административных практик.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В работах П.П. Вибе [17. С. 38; 25. С. 34 и др.] все 32 семьи иностранных подданных названы немцами, что расходится с данными, приведенными в Журнале общего присутствия Томского Губернского Управления от 17 июня 1916 г. [23. Л. 195].

ЛИТЕРАТУРА

1. Brandes D., Savin A. Die Sibiriendeutschen im Sowjetstaat. 1919–1938. Essen, 2001.
2. Новое время (СПб.). 1914.
3. Русские ведомости. (М.). 1914.
4. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1483. Оп. 1. Д. 1.
5. Герман А.А., Илларионова Т.С., Плеве И.Р. История немцев России : учеб. пособие. М., 2005.
6. Новое время (СПб.). 1915.
7. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1117.
8. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1082.
9. Сибирская жизнь (Томск). 1914.
10. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1072.
11. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1016.
12. Земщина (СПб.). 1915.
13. Сибирская правда (Томск). 1914.
14. Сибирская жизнь (Томск). 1915.
15. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 3. Оп. 45. Д. 1242.
16. Нам И.В. Немцы-переселенцы глазами сибирского чиновника: проблема адаптации в инокультурной среде (на материалах Томской губернии) // Российские немцы в интонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности. М., 2005.
17. Вибе П.П. Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект. Омск, 2007.
18. ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 134.
19. Черказянова И.В. Школьное образование российских немцев (проблемы развития и сохранения немецкой школы в Сибири в XVIII–XX вв.). СПб., 2004.
20. Памятная книжка Томской губернии на 1914 год. Томск, 1914.
21. Памятная книжка Томской губернии на 1915 год. Томск, 1915.
22. Нам И.В. Жизнь в диаспоре (городские немцы Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.) // Немцы России : социально-экономическое и духовное развитие 1871–1941 гг. М., 2002.
23. ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 4204.
24. ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 1544.
25. Вибе П.П. Немецкие колонии в Сибири в условиях социальных трансформаций конца XIX – первой трети XX вв. Омск, 2011.
26. ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 2290.
27. Государственный архив Алтайского края (далее – ГААК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 3702.
28. ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 1250.
29. Шайдуров В.Н. Немцы и русские на Алтае. Контакты и конфликты на рубеже XIX–XX вв. // Диаспоры. 2003. № 2.
30. ГАТО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 278.
31. ГАТО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 191.
32. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3726.
33. ГАТО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 218.
34. Маттис А.Э. «Борьба с немецким засильем» в годы Первой мировой войны и немецкие колонии Томской губернии // Вопросы истории Сибири XX века : межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск : НГУ, 1998.

Alishina Galina N. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: galinaalishina@gmail.com

ANTI-GERMAN CAMPAIGN IN THE FIRST WORLD WAR IN THE "CENTER" AND "ON THE GROUND" OF THE RUSSIAN EMPIRE: THE IMPLEMENTATION OF MEASURES AGAINST GERMAN DOMINANCE IN THE TOMSK PROVINCE.

Keywords: anti-German campaign; the First World War; the Tomsk province.

Any decision of the central government passes through the local authorities. And often, in varying degrees, this leads to distortion of the solutions. For Russia and Russian history, because of the size of the country is always very important to take into account the regional dimension, because the reconstruction of the past on the basis of the analysis of the decisions and actions only by “center” will be incomplete and one-sided. An excellent illustration of this statement is the “anti-German campaign” that took place on the territory of the Russian Empire during the First World War and subsequently directed against the three categories of the population: subjects of states fighting with Russia, Russian citizens of German origin and members of religious creeds, also referred to as “German” (Lutherans, Mennonites, Evangelical Christians, Baptists and others). “Anti-German campaign” included a whole range of different activities, such as the prohibition of teaching the German language, with the exception of the Germans from public organizations, renaming towns with German names (Petersburg became Petrograd), confiscation of property, liquidation of the German land tenure, deportation and other. We should also note the role of the press in the “anti-German campaign”. Radical newspaper made a real information war against “German domination”. Criticism and allegations on the pages of newspapers in many ways formed public opinion in the country, in-

creasing the scope of Germanophobia. However, the main force to “fight against German dominance” was the central government. At the level of provinces its decisions turned into a set of specific administrative actions not always coincide with the “general line” and often different from each other. As an example, this article examines the Tomsk province, where, because of a number of circumstances, implementation of the “anti-German” actions had its own specific. First of all, this specific was due to the remoteness of the province from the center and the front, as well as the position of local authorities, which did not seek to tighten the discrimination of the German population, dictated from the “center”. The case of Tomsk province shows that not the entire country was covered by Germanophobia. A huge role in the implementation of the “anti-German campaign” played the position of local authorities, which could execute the orders of the center without much eagerness, but rather formally.

REFERENCES

1. Brandes, D. & Savin, A. (2001) *Die Sibiriendeutschen im Sowjetstaat. 1919–1938* [The Siberia Germans in the Soviet state. 1919–1938]. Essen: Klartext Verlag.
2. *Novoe vremya* (St. Petersburg). 1914.
3. *Russkie vedomosti* (Moscow). 1914.
4. Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 1483. List 1. File 1.
5. German, A.A., Illarionova, T.S. & Pleve, I.R. (2005) *Istoriya nemtsev Rossii* [The history of Russian Germans]. Moscow: MSNK-press.
6. *Novoe vremya* (St. Petersburg). 1915.
7. Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 821. List 133. File 1117.
8. Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 821. List 133. File 1082.
9. *Sibirskaya zhizn'* (Tomsk). 1914.
10. Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 821. List 133. File 1072.
11. Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 821. List 133. File 1016.
12. *Zemshchina* (St. Petersburg). 1915.
13. *Sibirskaya pravda* (Tomsk). 1914.
14. *Sibirskaya zhizn'* (Tomsk). 1915.
15. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 45. File 1242.
16. Nam, I.V. (2005) Nemtsy-pereselentsy glazami sibirskogo chinovnika: problema adaptatsii v inokul'turnoy srede (na materialakh Tomskoy gubernii) [Germans settlers as viewed by Siberian officials: The challenge of adaptation to the cultural environment (a case study of Tomsk Province)]. In: German, A.A. (ed.) *Rossiyskie nemtsy v inonatsional'nom okruzenii: problemy adaptatsii, vzaimovliyaniya, tolerantnosti* [Russian Germans in non-indigenous environment: Problems of adaptation, interference and tolerance]. Moscow: MSNK-press.
17. Vibe, P.P. (2007) *Nemetskie kolonii v Sibiri: sotsial'no-ekonomicheskiy aspekt* [German colonies in Siberia: The socio-economic aspect]. Omsk: Omsk State Pedagogical University.
18. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 67. File 134.
19. Cherkaz'yanova, I.V. (2004) *Shkol'noe obrazovanie rossiyskikh nemtsev (problemy razvitiya i sokhraneniya nemtskoy shkoly v Sibiri v XVIII–XX vv.)* [School education of Russian Germans (Problems of development and preservation of the German school in Siberia in the 18th – 20th centuries)]. St. Petersburg [s.n.].
20. Tomsk Province. (1914) *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1914 god* [The memorial book of the Tomsk province in 1914]. Tomsk [s.n.].
21. Tomsk Province. (1915) *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1914 god* [The memorial book of the Tomsk province in 1915]. Tomsk [s.n.].
22. Nam, I.V. (2002) *Zhizn' v diasporе (gorodskie nemtsy Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv.)* [Life in the diaspora (Urban Germans in Western Siberia in the late 19th – early 20th centuries)]. *Nemtsy Rossii: sotsial'no-ekonomicheskoe i dukhovnoe razvitie 1871–1941 gg.* [Russian Germans: The socio-economic and spiritual development of the 1871–1941]. Proc. of the International Research Conference. Moscow.
23. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 44. File 4204.
24. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 12. File 1544.
25. Vibe, P.P. (2011) *Nemetskie kolonii v Sibiri v usloviyakh sotsial'nykh transformatsiy kontsa XIX – pervoy treti XX vv.* [German colonies in Siberia under social transformation in the late 19th – early 20th centuries]. Omsk: Nauka.
26. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 13. File 2290.
27. The State Archives of the Altai Territory (GAAK). Fund 4. List 1. File 3702.
28. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 45. File 1250.
29. Shaydurov, V.N. (2003) Nemtsy i russkie na Altae. Kontakty i konflikty na rubezhe XIX–XX vv. [Germans and Russians in Altai. Contacts and conflicts in the 19th – 20th centuries]. *Diaspory*. 2.
30. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 77. File 278.
31. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 77. File 191.
32. The State Archives of the Altai Territory (GAAK). Fund 4. List 1. File 3726.
33. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 77. File 218.
34. Mattis, A.E. (1998) “Bor'ba s nemetskim zasil'em” v gody Pervoy mirovoy voyny i nemetskie kolonii Tomskoy gubernii []. In: Shilovskiy, M.V. (ed.) *Voprosy istorii Sibiri XX veka* [The history of Siberia of the 20th century]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.

УДК 94(47).083
DOI 10.17223/19988613/40/3

Э.Е. Шумилова

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И УРОВЕНЬ МЕДИЦИНСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В КРУПНЫХ ГОРОДАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1914–1917 гг.)

Анализируется уровень медицинского обслуживания населения в крупных городах Западной Сибири в 1914–1917 гг. На основе вводимых в научный оборот архивных источников делается вывод о том, что в годы Первой мировой войны в Омске, Томске, Новониколаевске и Барнауле оно было организовано на неудовлетворительном уровне. Горожане столкнулись с загруженностью лечебных учреждений военнопленными и беженцами, а также военнообязанными, для которых изначально не было построено достаточно лечебных учреждений. С первого года войны сибирские города захлестнули многочисленные эпидемии различных заболеваний, источником которых часто были вышеупомянутые социальные группы. Среди причин возникновения неблагоприятной эпидемической обстановки автор выделяет: недостаток врачей, медикаментов и медицинских инструментов вследствие ухода персонала на войну и прекращения импорта из заграницы, антисанитарные условия проживания вынужденных переселенцев, плохое питание больных, а также недофинансирование лечебных заведений. Вместе с тем подчёркивается, что сибирские врачи и местные власти предпринимали ряд эффективных мер по борьбе с заразными заболеваниями и смогли предотвратить более масштабные эпидемии.

Ключевые слова: медицина; эпидемия; Западная Сибирь; Первая мировая война; Новониколаевск; Барнаул; Томск; Омск.

Интерес к истории медицинского обслуживания населения в Западной Сибири в годы Первой мировой войны начал проявляться ещё у дореволюционных исследователей. В основном это были небольшие по объёму очерки об отдельных лечебных учреждениях или статьи специалистов-медиков по вопросам медицинской науки и практики [1, 2]. В советский период продолжилось изучение этого вопроса. Появились работы, посвящённые как изучению отдельных лечебных заведений, так и истории медицины в Сибири в целом, в которых освещался дореволюционный период [3–5]. В постсоветское время впервые появляются статьи и объёмные труды по истории проблемы, написанные профессиональными историками. В современных работах предпринимается попытка охарактеризовать деятельность в области борьбы с эпидемиями заразных заболеваний в изучаемый период, проанализировать работу отдельных медицинских учреждений или даже комплексно охарактеризовать уровень развития здравоохранения в отдельных крупных городах Западной Сибири [6–10].

Однако большинство современных исследований посвящено военной медицине или заботе о больных и раненых воинах, а период Первой мировой войны в развитии гражданской медицины в Западной Сибири отдельно не выделяется и, следовательно, не формулируются выводы о том, как война повлияла на медицинское обеспечение горожан, оставшихся в тылу.

Первая мировая война оказала огромное воздействие на все стороны жизни российского общества, обнаружив, в том числе, серьёзное влияние и на медицинское обеспечение населения Российской империи. В крупных тыловых городах, где наблюдалось наибольшее скопление беженцев и военнопленных, эти изменения были особенно заметны.

С начала войны больницы всех крупных городов Западной Сибири были переполнены больными. Так, по данным врачебно-санитарного бюро, в конце сен-

тября – начале октября 1914 г. в Томске было зарегистрировано 50 заболевших, в том числе 18 больных дизентерией, 8 – брюшным тифом, 7 – скарлатиной и т.д. За неделю от острых заразных заболеваний скончались 8 человек [11]. В Новониколаевске за сентябрь и октябрь 1914 г. было зарегистрировано 238 заболевших, из которых 77 человек болели брюшным тифом [12. Л. 17–28]. В 1915 г. в Западной Сибири уже свирепствовали эпидемии. Согласно статистике, сыпным тифом в 1915 г. в Новониколаевске болели 4 285 чел., из которых умерли 1 094 [13. С. 211]. В Омске в 1915 г., по сравнению с 1914 г., количество случаев заболевания натуральной оспой увеличилось с 89 до 258 чел., корью – с 347 до 411 чел., скарлатиной – с 281 до 580 чел., дифтеритом – с 128 до 175 чел., брюшным тифом – с 212 до 597 чел., сыпным тифом – с 37 до 70 чел., дизентерией – с 13 до 204 чел., эпидемическим гастроэнтеритом – с 21 до 103 чел., рожей – с 56 до 144 чел. [14. С. 7]. Неблагоприятная ситуация была характерна и для Барнаула, который эпидемия сыпного тифа охватила в 1916 г. По данным доктора А.П. Велижанина, в Барнаульской городской заозерной больнице пик заболеваемости сыпным тифом пришёлся на январь 1916 г., когда там было зарегистрировано 125 больных [1. С. 230–231]. Летом 1916 г. в Томске началась эпидемия дизентерии: вместо 5–8 заболевших ранее за одну неделю конца июня заболели сразу 66 человек [15].

Оторванность во время войны женатых военнослужащих от своих семейств, недостаточный надзор за проституцией, а также приказ верховного начальника санитарной и эвакуационной части Российской империи А.П. Ольденбургского № 28, резко сокративший приём в госпитали пациентов с венерическими заболеваниями, привели в эти годы к массовым эпидемиям по всей стране [1. С. 177–178]. Не обошла эпидемия и Западную Сибирь. Так, например, по свидетельству врача Н.И. Плоскарева, в Томске в специальную городскую

амбулаторию с утренними и вечерними приёмами ежедневно прибывали солдаты как местного гарнизона, так и с фронта с самыми заразными формами сифилиса и венерических болезней [1. С. 193].

Главными источниками распространения различных эпидемий опасных заболеваний среди местного населения были инфицированные пленные, беженцы и военнообязанные. В журнале очередного собрания Омской городской Думы за 3 марта 1915 г. читаем: «В связи с поселением в городе Омске австрийских и особенно турецких пленных в городе наблюдается распространение заразных болезней – оспы, сыпного и брюшного тифа и др., распространение, принимающее черты эпидемии» [16. Л. 168]. Население зачастую заражалось, покупая вещи у пленных, а также через врачей и медицинский персонал заразных больниц [17]. В протоколе совещания врачей Омска при Санитарном бюро отмечалось, что источником распространения сыпного тифа в 1915 г. среди жителей города, согласно материалам расследования, также стал Омский военный госпиталь [16. Л. 155].

Невероятная скученность среди беженцев в городах Западной Сибири серьёзно повышала вероятность эпидемических заболеваний среди них. Города принимали беженцев более того количества, чем могли принять. По пути следования медицинский надзор за ними почти отсутствовал, бывали случаи, что с поездов снимали мёртвых, т.е. не обнаруженные вовремя больные разносили заразу по всему пути их следования [14. С. 3].

Немалую роль также играли и антисанитарные условия сибирских городов. Описывая санитарное состояние барнаульской больницы, корреспондент газеты «Жизнь Алтая» отмечал: «Тут же около родильного отделения в коридоре помещены ящики с больничным бельём, а на ящиках узлы с одеждой больных: цейхгаузов не хватает, и, кроме того, в цейхгаузах одежда портится крысами. На кухне плита разваливается, готовить на кухне нельзя, и пища для больных и служебного персонала готовится на кухне заразного барака» [18]. Эпидемиологическую ситуацию в городах обостряли скученность проживания, очень маленькое количество общественных бань, дезинфекционных камер, дешёвых прачечных, а также отсутствие канализаций [19. С. 7].

К страданиям заболевших в городах Западной Сибири добавлялась и нехватка квалифицированной медицинской помощи. К началу XX в. Сибирь явно отставала по наличию медицинских работников от центральных губерний. На одного врача приходилось 14 246 кв. верст и 11 100 жителей в сравнении с 252 кв. верстами и 7 100 чел. в европейской части России [20]. В 1916 г. на 80-тысячное население Новониколаевска приходилось несколько больниц: первая городская общего профиля с родильным отделением, вторая городская («заразная»), переселенческая, железнодорожная, участково-сельская, амбулатория в Закаменской части города и два приемных покоя. Кроме того, действовал

лазарет на военно-остановочном пункте. Врачебная помощь была также организована в реальном училище и городских начальных школах, на казенном винном складе, военно-сухарном заводе и некоторых других наиболее крупных предприятиях, работали около десятка частных врачей [13. С. 367].

Медицинская помощь, которую могли предоставить больницы Омска, также не могла удовлетворить потребности постоянно растущего населения города. К 1916 г. в Омске, где проживали около 130 тыс. чел., существовали следующие лечебные учреждения: городская больница с четырьмя штатными врачами; городская амбулатория с двумя штатными врачами, которые также работали в городской больнице; областная лечебница для душевно-больных с одним штатным врачом на 19 мест; военный госпиталь с одним врачом; больница Омского переселенческого пункта с одним врачом; лечебница Омской Общины Красного Креста на 25 мест; больница доктора медицины А.И. Фогеля; убежище для рожениц; кроме того, осуществляли частную практику несколько десятков частных врачей [21. С. 92–97]. Самая большая в городе городская больница в 1916 г. имела инфекционное отделение на 60 мест, холерный барак, венерическую больницу, а также барак родильного дома, причём все места были заняты инфекционными больными [19. С. 7].

В Томске с населением в то время около 100 тыс. чел. ситуация с медицинскими кадрами была немного лучше, чем в других сибирских городах. Это объяснялось статусом губернского города и наличием Императорского Томского университета, который готовил будущих врачей. Однако большое количество жителей окрестных сёл и других регионов, обслуживаемых в больницах Томска, заметно сокращало это преимущество. В изучаемый период в городе находилось около десятка больниц. Среди них одна из пяти крупнейших психиатрических больниц Российской империи – Окружная психиатрическая лечебница. Она насчитывала более 1 000 кроватей и обслуживала, помимо томичей, жителей Томской, Иркутской, Енисейской губерний, а также Акмолинскую, Семипалатинскую и Забайкальскую области [22. С. 272].

Огромная губернская больница Ведомства Общественного Призрения с 10 штатными врачами также располагалась в Томске. Она насчитывала в 1914 г. 344 кровати, а к 1917 г. – уже 620 кроватей и девять отделений: хирургическое, терапевтическое, венерическое, заразное, детское, женское, дом для неизлечимых больных, богадельня, дом для умалишённых. В распоряжении больницы имелась также лаборатория для научных исследований. Через больницу Ведомства Общественного Призрения в 1914 г. прошли 3 234 стационарных больных, в 1915 г. – 3 846, в 1916 г. – 3 684, амбулаторных больных было зарегистрировано в 1914 г. – 8 145 чел., в 1915 г. – 8 944 чел., а в 1916 г. – 10 694 чел. Чуть больше половины из них составляли собственно жители Томска [1. С. 209–210, 213]. В годы

войны в Томске работали также клиники при Императорском Томском университете на 220 коек, которые занимались в основном интересными, с точки зрения университетских преподавателей, медицинскими случаями, всех остальных отправляли в больницу Ведомства Общественного Призрения [22. С. 269].

Кроме того, население амбулаторно обслуживала городская лечебница для бедных приходящих больных с тремя штатными врачами по общей амбулатории, венерическим и гинекологическим болезням; больница имени Ивана Некрасова с шестью штатными врачами для острых незаразных больных; железнодорожная больница на вокзале станции Томск-2, рассчитанная на 70 коек и имеющая в своём штате двух врачей; амбулатория Сибирской железной дороги, где обслуживались исключительно служащие железной дороги; больница для заразных больных на 65 коек с двумя врачами, куда принимались все, кроме венерических больных; хирургическая лечебница при Общине сестёр милосердия Красного Креста с хирургическим и женским отделениями на 12 коек. Были и частные больницы: водолечебница врача Еланцева, куда принимались больные с нервными заболеваниями и сифилисом; лечебница для физических методов лечения врача Иванова, где лечились от внутренних, женских, кожных заболеваний; также лечебница врачей Левенсона и Гершкопфа для лечения женских и хирургических болезней [Там же. С. 275–279].

В Барнауле, где население в годы Первой мировой войны составляло около 60–70 тыс. чел., количество лечебных заведений было меньше, чем в Томске. Здесь работала городская больница с тремя штатными врачами, рассчитанная на 50 мест; Барнаульская городская заозёрная больница имени Балашова с одним штатным врачом на 40 коек, в том числе койками для заразных больных; инфекционная («заразная») больница; Барнаульская городская амбулаторная лечебница с 2 врачами; военный лазарет; родильный дом, который построил на свои средства врач А.И. Смирнов, а в 1915 г. создаётся также железнодорожная больница на 50 коек [1. С. 229, 218, 227; 23].

С началом войны резко увеличивается загруженность медицинских учреждений в Западной Сибири. Так, в середине августа 1914 г. в Барнаульской городской больнице, рассчитанной на 50 мест, число больных в некоторые дни превышало 200 чел. [24. Л. 7, 9]. Поскольку мест в палатах не хватало, больные размещались в коридорах, причём мужчины и женщины вместе [18]. Первая городская больница в Новониколаевске для внутренних и хирургических больных и рожениц, рассчитанная на 50 коек, в годы войны была вынуждена увеличить число коек более чем в два раза. Сомкнутые вместе для экономии пространства койки представляли собой своеобразные нары, на которых тесно лежали больные, укрываясь нередко по паре одним одеялом [25. С. 368].

Предназначенные для местного населения места в лечебных учреждениях, особенно в первые годы войны, зачастую были заняты ранеными воинами и военнопленными. В 1914 г. на 4 420 размещённых в Барнауле военнопленных приходилось 1 933 больничных дня из общего числа 3 060 по городу, что составляло 63,16% [26. Л. 15–17]. В Новониколаевске в первой половине 1915 г. до 80% больных в местных больницах составляли пленные и военнослужащие, так что многие слои городского населения оказывались без врачебной помощи [13. С. 210].

Связанный с этим случай широко освещался в газете «Жизнь Алтая» за январь 1915 г.: «С солдаткой Белобородовой, только разрешившейся от бремени случился сильный припадок. Пригласили врача А.И. Смирнова, который диагностировал эпилепсию и, оказав первую медицинскую помощь, посоветовал отвести больную в больницу, т.к. требовался особый уход и наблюдение врача. В одиннадцать часов дня родственники привезли Белобородову в больницу, но там в приёме было отказано в следствие обычного отсутствия мест. Её привезли обратно, но по пути случился припадок и рвота. Больную удалось устроить в больницу только через четыре дня» [27].

Отметим, что недостаток коек в больницах не был характерен только для Новониколаевска и Барнаула, это было общероссийское явление. Подобная ситуация сложилась в результате недооценки масштабов будущей войны и нерационального распределения коек между театром военных действий и внутренними районами страны. Организация медицинского обеспечения России предполагала развернуть на фронтах только одну треть коек, раненые и больные со сроком лечения более шести недель должны были эвакуироваться в тыл. Чтобы понять масштабы проблемы, обратимся к статистическим данным. Так, только с августа 1914 г. по ноябрь 1916 г. включительно с фронта в тыловые лечебно-эвакуационные учреждения России были доставлены 5 812 935 больных и раненых офицеров и солдат, что в среднем в месяц составляло 116 896 чел. В госпиталях тыловых районов находились до окончательного излечения 3 273 085 чел. (56,3%) [28. С. 58]. Несмотря на то что во внутренние районы страны должны были эвакуироваться раненые и больные со сроком лечения более шести недель, на практике из-за плохой сортировки эти требования нарушались, и значительная часть легкораненых и больных также отправлялись в тыл.

Остро стояла и проблема лекарственного обеспечения. Уже в начале войны в стране ощущался недостаток медикаментов и хирургических инструментов. Дело в том, что из 118 наименований медикаментов каталога военного времени 80 наименований ввозилось из-за границы, в том числе из Германии и Австро-Венгрии [Там же. С. 59]. Чтобы понять масштабы проблемы, необходимо сказать, что до лета 1915 г. в России не производилось даже йода. В дефиците или в полном

отсутствии в городских больницах были такие лекарства, как хинин и салициловые препараты (аспирин) [1. С. 222].

Не было и анестезии: дорогой кокаин и опий в аптеках не закупались, эфир и хлороформ применялись только при операциях. Единственное, чем были полностью обеспечены медицинские лечебные учреждения, — индивидуальные перевязочные пакеты.

Ситуация начала стабилизироваться лишь к концу 1915 г. [29. С. 167]. Петроградский завод военно-врачебных заготовлений по приказу начальника санитарной и эвакуационной части А.П. Ольденбургского стал работать в три смены, а Институт экспериментальной медицины обеспечил бесперебойный выпуск вакцин и сывороток. По инициативе принца и на его личные средства были начаты производство йода из морских водорослей, а также сбор лекарственных трав на Кавказе.

Смириться с нехваткой лекарств в условиях, когда тысячам людей требовались ежедневно лекарства, не мог не только принц А.П. Ольденбургский. В течение первой недели октября 1916 г. в Петрограде проходил всероссийский съезд по борьбе с лекарственным голодом и по мобилизации отечественной химико-фармацевтической промышленности, в котором участвовали и представители из городов Западной Сибири. На съезде широко освещали современное положение лекарственного вопроса в России, искали способы рационального снабжения русского рынка медикаментами и, наконец, вырабатывали общий план развития русской химико-фармацевтической промышленности.

Там же было выяснено, что русская химико-фармацевтическая промышленность способна развиваться самостоятельно, а не как ранее, закупая медикаменты в Германии. На производство лекарств были брошены значительные научные силы. Почти сразу после съезда 18 октября 1916 г. в Барнаульской городской управе состоялось заседание врачебно-санитарного совета, на котором вместе с городским головой В.Я. Бирюковым члены совета обсудили организацию товарищества по изготовлению медикаментов [30. Л. 52].

В годы войны в Западной Сибири ощущался не только недостаток медикаментов, но и врачей. Об этом подробно в своём выступлении на заседании первого съезда врачей Томской губернии сообщает хирург Н.М. Руднев. В своём докладе, который назывался «Барнаульская городская больница в настоящее время. Деятельность больницы и условия работы в ней», врач отмечал, что лечебное учреждение приблизительно в течение 4–4,5 лет обслуживалось двумя врачами, 1,5–2 месяца в начале 1917 г. обслуживалась тремя врачами, а остальное время — одним врачом [1. С. 219]. Н.М. Руднев пояснял, что во многом это было связано с тем, что в военное время один из врачей, а нередко и оба, откомандировывался губернской администрацией или другими властями в Воинское присутствие и на

соборный пункт для освидетельствования призываемых. В Омске ситуация с врачами обстояла несколько лучше, однако их число с каждым годом уменьшалось. Если в 1914 г. в городе насчитывалось 37 врачей, то в 1915 г. их количество сократилось до 23 [31. С. 200]. Причиной такого сокращения стало то, что медицинский персонал забирали на фронт, причём зачастую империя даже не стремилась оплатить медицинским работникам дорогу и проживание. Так, например, из далёкой Варшавы старший врач госпиталя телеграммой просил выслать барнаульским сестрам милосердия Маркиной, Будкевич, Шелеповой и Гуляевой, приехавшим в госпиталь Варшавы на свои средства, по 40 руб. [32. Л. 8]. Вскоре в лечебных учреждениях крупных городов Западной Сибири наблюдалась катастрофическая нехватка медицинского персонала. Дело дошло до того, что в феврале 1915 г. гласные Томской городской думы постановили освободить всех городских врачей от призыва в армию [31. С. 203].

Не всё благоприятно обстояло и с питанием пациентов. Говоря о питании больных во время войны, заведующий Барнаульской городской заозёрной больницей врач А.П. Велижанин отмечал, что для больных доставляется недостаточное количество молока и порой вообще не поступает мяса. На недостаточность молока для больных указывал и заведующий Барнаульской городской больницей Барнаула врач Н.М. Руднев. Руднев также сообщает, что приходилось испытывать дефицит хлеба, который иногда даже совсем не доставляли, а иногда привозили полусырой с толстой коркой, который был не пригоден для питания больных [1. С. 218–231].

Отметим, что лечение в сибирских больницах в годы войны было в основном платным. Порядок цен можно понять, рассмотрев цены в Барнаульской городской больнице. Так, стационарные больные за сутки в больнице платили: городские жители — 1 р., иногородние — 1 р. 50 к., служащие фирм — 2 р., железнодорожные служащие — 5 р., исключение делалось для бедных и семей, призванных на войну, которые могли по усмотрению городской управы лечиться бесплатно. Точных предписаний для администрации больницы также не было дано [Там же. С. 221].

Вопросы здравоохранения разные города Западной Сибири решали с разной степенью эффективности. Так, Томску для борьбы с эпидемиями из общегосударственных источников было выделено безвозвратное пособие в размере 220 тыс. руб. Этому способствовала личная поездка томского городского головы доктора Ломовицкого в Петроград к принцу А.П. Ольденбургскому, в ходе которой голова попросил данную сумму. В то же время Омску такая помощь оказана не была, при том что в Омске население было больше [19. С. 6–7].

Несмотря на многочисленные финансовые трудности, сибирские врачи и местные власти предпринимали ряд действенных шагов по борьбе с заразными заболеваниями в городах. Среди таких шагов было, например,

широкое обсуждение в прессе методов борьбы с заразными заболеваниями.

Так, в газете «Алтайское дело» за 22 августа 1915 г. городским санитарным врачом Новониколаевска была напечатана памятка для населения о мерах предохранения от холеры. В ней сообщалось, что заразиться болезнью можно, употребляя в пищу плохо промытые, испорченные фрукты и овощи, рекомендовалось всякий раз при любом использовании кипятить воду. Кроме того, при первых признаках болезни в газете советовали обращаться к фельдшеру или врачу и не заниматься самолечением [33]. С целью борьбы с эпидемическими заболеваниями и в частности с холерой с 1 августа 1916 г. в Новониколаевске был открыт холерный барак с дезинфекционной камерой и прачечной, организован санитарно-дезинфекционный отряд, продолжилось систематическое прививание населения от оспы. Кроме того, с этой же целью в короткий срок от грязи были очищены площади и улицы города [34. Л. 61].

В марте 1916 г. в Новониколаевске был учрежден институт санитарных попечителей. При этом состоящим попечителями лицам давались самые широкие полномочия. Они могли составлять протоколы в отношении лиц, нарушивших санитарные правила, возбуждать против них судебные преследования, а также принимать надлежащие меры для устранения нарушений [35. Л. 23].

В Барнауле в 1916 г. был принят ряд эффективных мер для борьбы с сыпным тифом. Помещения, где жили беженцы, лишь только появлялись случаи заболевания, освобождались, а они сами переводились в другой дом. Освобожденное помещение мылось, белилось,

нары обливались кипятком, жидкостью Смородникова. Переводимые мылись в бане с дезинфекцией и сменой белья. Для того чтобы улучшить санитарное состояние жилищ и извлекать подозрительных больных как можно раньше, врачами города производилось обследование всех помещений, где размещались беженцы, как общежитий, так и городских квартир [1. С. 230–231]. Существенно улучшило эпидемическую ситуацию в Барнауле в 1916 г. переселение 600 беженцев из дома купца Сухова, считавшегося главным очагом инфекции. Эта мера наряду с дезинфекцией помещений способствовала предотвращению дальнейшего роста эпидемии [36].

Таким образом, в первые три года войны медицинское обслуживание населения крупных городов Западной Сибири было организовано неудовлетворительно. Горожане столкнулись с многочисленными эпидемиями заразных заболеваний, источником которых были военнопленные, беженцы и военнообязанные. Нерациональное распределение коек между театром военных действий и внутренними районами страны привели к резкому увеличению загруженности лечебных учреждений города. Освидетельствование воинских чинов и лечение нескольких сотен военнопленных способствовали ухудшению санитарной обстановки в больницах и сокращению неотложных операций. Кроме того, работа лечебных учреждений была осложнена недостатком врачей и медикаментов. Однако, несмотря на тяжесть обстоятельств военного времени, сибирские врачи и местные власти предпринимали многочисленные эффективные шаги по борьбе с заразными заболеваниями и смогли в конечном итоге предотвратить более масштабные эпидемии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Труды первого съезда врачей Томской губернии (9–14 сентября 1917 г.). Томск, 1917. Вып. 1. 269 с.
2. Тихов П.И. Хирургические госпитальные клиники. Томск, 1916. 11 с.
3. Рабинович М.С. Из истории Омского военного госпиталя // Известия Омского отделения географического общества СССР. Омск, 1960. Вып. 3. С. 37–43.
4. Рабинович М.С. Роль военных врачей Омска в истории гражданского здравоохранения города до Октябрьской революции // Межвузовская научная конференция. Материалы географической секции. Омск, 1967. С. 113–118.
5. Федотов Н.П., Мендрина Г.И. Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири. Томск, 1975. 260 с.
6. История здравоохранения дореволюционной России (конец XVI – начало XX в.). М., 2014. 248 с.
7. Буравцов В.И. К 100-летию Первой мировой войны. Медицинская служба Русской армии в годы Первой мировой войны (сообщение второе – год 1914) // Скорая медицинская помощь. 2014. Т. 15, № 2. С. 31–37.
8. Ерёмин И.А. Забота о больных и раненых войнах в Западной Сибири в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Известия Томского политехнического университета. 2006. Т. 309, № 6. С. 202–205.
9. Семенова К.А. Здравоохранение города Томска: время становления (1860-е – 1919 г.). Томск, 2009. 157 с.
10. Гефнер О.В. Медицинская деятельность военных Омска в конце XIX – начале XX в. // Вестник Омского университета. Омск, 1999. Вып. 1. С. 46–50.
11. Сибирская жизнь (Томск). 1914. 4 окт.
12. Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 202.
13. Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А., Цепляев Л.Н. Новосибирск в историческом прошлом. Новосибирск, 1978. 294 с.
14. Врачебно-санитарная хроника города Омска. 1915 г. Омск, 1916.
15. Сибирская жизнь (Томск). 1916. 3 июля.
16. Государственный архив Омской области. Ф. 30. Оп. 1. Д. 28.
17. Омский вестник (Омск). 1915. 12 марта.
18. Жизнь Алтая (Барнаул). 1916. 22 окт.
19. Врачебно-санитарная хроника города Омска. 1916 год. Омск, 1917.
20. Дипломированные медики // История Алтая с древнейших времён и до наших дней [интернет портал]. URL: <http://starshoes.su/zdravooohranenie/diplomirovannyye-mediki.html>, свободный (дата обращения: 10.01.15).
21. Памятная книжка Акмолинской области на 1916 г. Омск, 1916.
22. Адресно-справочная книжка «Весь Томск» на 1912–1913 гг. Томск, 1913.

23. Саета В.А. Барнаул. Прошлое и настоящее (1730–2008) // Краеведческий портал Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. В.Я. Шишкова [Официальный сайт]. URL: <http://altlib.ru/files/cd/barnaulsaeta/002.html>, свободный (дата обращения: 10. 01. 2015).
24. Государственный архив Алтайского края (далее – ГААК). Ф. 51. Оп. 1. Д. 219.
25. История города. Новоиколаевск-Новосибирск: исторические очерки : в 2 т. Новосибирск, 2005. Т. 1. 864 с.
26. ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 64.
27. Жизнь Алтая (Барнаул). 1915. 11 янв.
28. Будко А.А., Селиванов Е.Ф. Военная медицина в войне с Японией в 1904–1905 гг. // Военно-исторический журнал. 2004. № 6. С. 57–62.
29. Ерёмин И.А. Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Барнаул, 2005. 276 с.
30. ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 16.
31. Чудаков О.В. Социально-культурная деятельность органов Городского самоуправления в западной Сибири в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 года) // Культурологические исследования в Сибири. № 3. Омск, 2005.
32. ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 1031.
33. Алтайское дело (Барнаул). 1915. 22 авг.
34. ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 215.
35. ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 161.
36. Жизнь Алтая (Барнаул). 1916. 4 фев.

Shumilova Elina E. Institute of History of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia). E-mail: e-shumilova@yandex.ru

THE FIRST WORLD WAR AND THE LEVEL OF MEDICAL CARE IN THE CITIES OF WESTERN SIBERIA (1914–1917).

Keywords: medicine; epidemic; Western Siberia; the First World War; Novonikolayevsk; Barnaul; Tomsk; Omsk.

The article attempts for the first time to comprehensively analyze the impact of the First World War on the state of medical care in the rear of the large cities of Western Siberia in 1914–1917. The choice of research topic is not accidental: the majority of modern scientific articles is devoted to military medicine and care of the sick and wounded soldiers, and period of the First World War in the development of civil medicine practically does not stands out, and therefore, complete conclusions about how the war has affected on health care of citizens remaining in the rear were not made. The article consists of three parts. At the beginning of the article the author makes a brief historiographic review of pre-revolutionary, Soviet and contemporary literature on the subject, and gives substantiation of its relevance. Then the main part of the paper attempts to describe the epidemiological situation in the cities of Western Siberia in 1914–1917 and to highlight the causes of its deterioration. Finally, in the third part of the article the author discusses the steps of local authorities in the fight against infectious diseases and on the basis of the analysis and synthesis of information from archival sources and literature makes the conclusions. Firstly, the author concludes that in the first year of the war many epidemics of infectious diseases such as typhoid and typhus, measles, syphilis and widely spread dysentery swamped Siberian cities. Secondly, it is emphasized that the source of these diseases often were prisoners of war, refugees and soldiers of the Russian army. Thirdly, it is noted that the intended spaces for the local population in hospitals especially in the first years of the war were often occupied by aforecited social groups, because originally there were not enough hospitals. Fourthly, among the main causes of the unfavorable epidemiological situation were: lack of doctors, medicines and medical instruments due to the leaving personnel to the war and an end of import from enemy countries, unsanitary living conditions of internally displaced persons, malnutrition of patients, as well as under-funding of medical institutions. At the end, the author concludes that during the war medical care of cities such as Omsk, Tomsk, Barnaul and Novonikolayevsk was organized poorly. However, the author notes that the Siberian doctors and local authorities had taken many effective measures to combat infectious diseases and were able to prevent a large-scale epidemic. It should be noted that the issues discussed in the article allows partially fill the “white spots” in the history of the Siberian everyday life.

REFERENCES

1. Chistyakov, P.I. (ed.) *Trudy pervogo s"ezda vrachey Tomskoy gubernii (9–14 sentyabrya 1917 g.)* [Proceedings of the First Congress of Doctors of Tomsk Province (September 9–14, 1917)]. Vol. 1. Tomsk: [s.n.].
2. Tikhov, P.I. (1916) *Khirurgicheskie gospi tal'nye kliniki* [The surgical hospital clinic]. Tomsk: [s.n.].
3. Rabinovich, M.S. (1960) Iz istorii Omskogo voennogo gospi talya [From the history of the Omsk Military Hospital]. *Izvestiya Omskogo otdeleniya geograficheskogo obshchestva SSSR*. 3. pp. 37–43.
4. Rabinovich, M.S. (1967) [The role of military doctors in the history of the Civil Health Care in Omsk before the October Revolution]. *Mezhvuzovskaya nauchnaya konferentsiya. Materialy geograficheskoy sekti i* [Interuniversity Scientific Conference. Proc. of the Geographic Section]. Omsk. pp. 113–118.
5. Fedotov, N.P. & Mendrina, G.I. (1975) *Ocherki po istorii meditsiny i zd ravookhraneniya Sibiri* [Essays on the History of Medicine and Health in Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Poddubnyy, M.V., Egorysheva, I.V., Sherstneva, E.V., Blokhina, N.N. & Goncharova, S.G. (2014) *Istoriya zd ravookhraneniya dorevolutsionnoy Rossii (konets XVI – nachalo XX v.)* [The history of the health care in the Pre-Revolutionary Russia (the late 16th – early 20th centuries)]. Moscow: GEOTAR-Media.
7. Buravtsov, V.I. (2014) K 100-letiyu Pervoy mirovoy voyny. Meditsinskaya sluzhba Russkoy armii v gody Pervoy mirovoy voyny (soobshchenie vtoroe – god 1914) [On the 100th anniversary of the First World War. Medical service in the Russian army during the First World War (the second message, 1914)]. *Skoraya meditsinskaya pomoshch'*. 15(2). pp. 31–37.
8. Eremin, I.A. (2006) Zabota o bol'nykh i ranenyykh voynakh v Zapadnoy Sibiri v gody Pervoy mirovoy voyny (1914–1918 gg.) [Caring for the sick and wounded in the wars in Western Siberia in the years of the First World War (1914–1918)]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*. 309(6). pp. 202–205.
9. Semenova, K.A. (2009) *Zd ravookhraneniye goroda Tomsk: vremya stanovleniya (1860-e – 1919 g.)* [Health Care of Tomsk: The time of formation (1860–1919)]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Gefner, O.V. (1999) Meditsinskaya deyatel'nost' voennykh Omska v kontse XIX – nachale XX vv. [The medical activities of the military in Omsk in the late 19th – early 20th centuries] *Vestnik Omskogo universiteta – Herald of Omsk University*. 1. pp. 46–50.
11. *Sibirskaya zhizn'*. (1914) 4th October.
12. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund D-97. List 1. File 202.
13. Goryushkin, L.M., Bochanova, G.A. & Tseplyaev, L.N. (1978) *Novosibirsk v istoricheskom proshlom* [Novosibirsk in its historical past]. Novosibirsk: Nauka.
14. *Vrachebno-sanitarnaya khronika goroda Omska 1915* [Medical-Sanitary Chronicle of Omsk, 1915]. (1916)
15. *Sibirskaya zhizn'*. (1916) 3rd July.

16. The State Archives of Omsk Region. Fund 30. List 1. File 28.
17. *Omskiy vestnik*. (1915) 12th March.
18. *Zhizn' Altaya*. (1916) 22nd October.
19. *Vrachebno-sanitarnaya khronika goroda Omska 1916* [Medical-Sanitary Chronicle of Omsk, 1916]. (1917)
20. *Istoriya Altaya*. (n.d.) *Diplomirovannyye mediki* [Qualified doctors]. [Online] Available from: <http://starshoes.su/zdravooohranenie/diplomirovannyye-mediki.html>. (Accessed: 10th January 2015).
21. Sobolev, M.N. (ed.) (1916) *Pamyatnaya knizhka Akmolinskoy oblasti na 1916 g.* [The memorial book of Akmola region in 1916]. Omsk: Regional Typography.
22. Chavykin, G.V. (ed.) (1913) *Ves' Tomsk na 1912–1913 gg.* [The Whole Tomsk. 1912–1913]. Tomsk: [s.n.].
23. Saeta, V.A. (n.d.) *Barnaul. Proshloe i nastoyashchee (1730–2008)* [Barnaul. The past and the present (1730–2008)]. [Online] Available from: <http://altlib.ru/files/cd/barnaulsaeta/002.html>. (Accessed: 10th January 2015).
24. The State Archives of the Altai Territory (GAAK). Fund 51. List 1. File 219.
25. Kosenkov, A.F. (ed.) (2005) *Istoriya goroda. Novonikolaevsk-Novosibirsk: istoricheskie ocherki: v 2 t.* [The history of the city. Novonikolayevsk-Novosibirsk: Historical essays. In 2 vols]. Vol. 1. Novosibirsk: Ist. nasledie Sibiri.
26. The State Archives of the Altai Territory (GAAK). Fund 219. List 1. File 64.
27. *Zhizn' Altaya*. (1915) 11th January.
28. Budko, A.A. & Selivanov, E.F. (2004) *Voennaya meditsina v voyne s Yaponiey v 1904–1905 gg.* [Military medicine in the war with Japan of 1904–1905]. *Voennno-istoricheskiy zhurnal*. 6. pp. 57–62.
29. Eremin, I.A. (2005) *Tomskaya guberniya kak tylovoy rayon Rossii v gody Perovoy mirovoy voyny (1914–1918 gg.)* [Tomsk province as a Russian rear area during World War I (1914–1918)]. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University.
30. The State Archives of the Altai Territory (GAAK). Fund 219. List 1. File 16.
31. Chudakov, O.V. (2005) *Sotsial'no-kul'turnaya deyatel'nost' organov Gorodskogo samoupravleniya v zapadnoy Sibiri v gody Pervoy mirovoy voyny (1914 – fevral' 1917 goda)* [Socio-cultural activities of the Municipal governments in Western Siberia in World War I (1914 – February 1917)]. *Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri*. 3.
32. The State Archives of the Altai Territory (GAAK). Fund 219. List 1. File 1031.
33. *Altayskoe delo*. (1915) 22nd August.
34. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund D-97. List 1. File 215.
35. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund D-97. List 1. File 161.
36. *Zhizn' Altaya*. (1916) 4th February.

УДК 947.083:330(571.1) «19»
DOI 10.17223/19988613/40/4

П.Ф. Никулин

ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ И ВНУТРЕННЕГО СТРОЯ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА СИБИРИ СКОТОВОДЧЕСКОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ НАКАНУНЕ 1917 г.

Рассматриваются особенности модернизации переселенческого хозяйства Сибири скотоводческой специализации накануне Революции 1917 г. По данным сельскохозяйственной переписи 1916 г., переселенческие хозяйства отставали от старожильческих дворов в масштабах и уровне производства, капиталовооруженности и эффективности труда. Они были в меньшей степени вовлечены в рыночно-капиталистические отношения в силу незавершенности адаптации к сибирским условиям.

Ключевые слова: крестьянское хозяйство Сибири; переселенческое хозяйство в начале XX в.; внутренний экономический строй; Сибирь.

На рубеже XIX–XX вв. с проведением Сибирской железной дороги мелкотоварное земледельческое хозяйство Сибирского края включилось в систему общероссийского капиталистического рынка. Вхождение семейно-трудового крестьянского хозяйства Сибири в состав единого общероссийского рынка дало мощный импульс его модернизации.

В процессе аграрной модернизации Сибири начала XX в. огромную роль играли переселенческие крестьянские хозяйства. Они являлись главным источником динамичного развития сибирской деревни. В этой связи переселенческое хозяйство получило в сибиреведении очень широкое и многоплановое освещение [1–15]. Вместе с тем в историографии проблемы XX – начала XXI в. главное внимание уделялось процессам водворения новоселов, становления переселенческих хозяйств, развитию товарно-денежных отношений в различных социально-экономических группах и социальному расслоению переселенцев. Хозяйства новоселов рассматривались в основном обособленно от старожильческих дворов. В результате к настоящему времени недостаточно изучены сравнительные со старожилами особенности экономического положения, производственной структуры и уровня товарно-рыночного развития переселенческих хозяйств.

В связи с этим данные аспекты изучаемой проблематики оказались в центре настоящей работы. Ее главной целью является определение особенностей общего состояния, внутреннего экономического строя и рыночно-капиталистического развития, а также роли переселенческих хозяйств в аграрной модернизации и эволюции Сибири накануне 1917 г. Намеченное исследование предполагается осуществить на основе данных по переселенческим дворам скотоводческой специализации, сыгравших в начале XX в. ведущую роль в модернизации сельского хозяйства региона.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: во-первых, определить обеспеченность переселенческих дворов средствами производства, масштабы, факторы животноводческого производства и производственно-техническую струк-

туру хозяйства; во-вторых, выяснить уровень рыночно-капиталистического развития новоселов и, в-третьих, попытаться оценить сравнительный вклад переселенческих хозяйств в развитие сельскохозяйственного производства Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы (1906–1916 гг.).

Согласно социокультурному подходу, крестьянское хозяйство являлось экономической формой традиционной крестьянской культуры. Следовательно, оно, как и любое массовое общественное явление, было системой с присущей ей целостностью, выражаемой в структуре и единстве функционирования. Поэтому постичь сущность его социально-культурной и экономической природы возможно лишь при целостно-системном подходе. Суть его в том, что крестьянское хозяйство рассматривается не только со стороны его отдельных элементов (землепользование, производственно-техническая база, рабочие ресурсы и т.д.), но и в их взаимодействии, образующем новое интегративное качество, представленное внутренней структурой, способом организации компонентов, их функциями, а также с учётом места и функций крестьянского хозяйства во внешней среде – общественных системах более высокого порядка (аграрный строй в целом, общая народнохозяйственная система и т.д.) и его отношений с социальной и природной средой [16. С. 159–168].

Чтобы осуществить целостный подход к анализу исследуемого явления, необходимо подобрать формально-логический аналог (математическую модель) всей структуры его взаимосвязей. Для структурной модели требуется методика количественной оценки силы взаимосвязей между элементами структуры. Такие средства даёт математическая статистика. Анализ силы (тесноты) взаимосвязей и степени воздействия на тот или иной процесс различных факторов производится на основе хорошо разработанного и апробированного корреляционного метода.

Корреляционный анализ позволяет оценить тесноту взаимосвязи между признаками. Одним из основных его средств является линейный парный коэффициент корреляции, применяемый в случае линейного харак-

тера зависимости между признаками. Его значения изменяются в пределах от -1 до $+1$. Нулевые и близкие к нему значения указывают на отсутствие связи между парой признаков. Коэффициент, близкий к единице и равный ей, свидетельствует о полной (функциональной) связи. Вообще же об очень тесной связи говорит величина коэффициента в пределах от $0,7$ до $1,0$. Именно они говорят о преобладании или решающей роли в воздействии на систему какого-либо фактора. Значения корреляции от $0,4$ до $0,7$ можно интерпретировать как средние по силе [17. С. 137–165].

В качестве источниковой основы исследования избраны подворные материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. по Томской губернии (250–350 тыс. подворных карточек). Общероссийская программа обследования отразила практически все главные стороны крестьянского хозяйства: население, семейную и наемную рабочую силу, землепользование, рабочий и продуктивный скот, посевы и кооперированность [18. Д. 1–211; 19; 20].

Сибирская программа также включала в себя сведения о переселенческих хозяйствах. В подворных карточках отмечались год прихода новосёла в Сибирь, губерния выхода и год водворения или образования самостоятельного хозяйства [21. С. 12, 27]. Эти данные вполне позволяют изучить экономическое состояние и внутренний производственный строй переселенческого хозяйства кануна 1917 г.

К переселенческому типу в настоящей работе отнесены хозяйства, водворившиеся на момент переписи 12 и менее лет назад. Двенадцатилетний срок водворения является максимальным временем экономического становления и адаптации новопоселенческого хозяйства к сибирским условиям [22. С. 28; 23. С. 110, 150–151, 157].

Время существования переселенческого хозяйства с момента водворения обозначен в настоящей работе как «коэффициент возраста хозяйства». У старожилов он определен средней величиной в 25.

Из имеющейся генеральной совокупности подворных сведений были избраны типические скотоводческие волости [18. Д. 11, 27, 53; 20. С. 22–42, 184–205]. В качестве типических критериев были взяты средние подворные данные по посевам, рабочим лошадям, молочным коровам, семейным работникам, плугам, усовершенствованному инвентарю, мельницам и маслодельским заведениям. Затем из типических животноводческих волостей для обработки на ЭВМ была сделана случайная выборка примерно в 400 дворов. Распределение попавших в выборку переселенческих хозяйств скотоводческой специализации по времени водворения дано в табл. 1.

Обратимся к результатам описательно-статистической и корреляционной обработки избранных подворных данных сельскохозяйственной переписи 1916 г. по Сибири. Прежде охарактеризуем общее состояние экономики переселенческих и старожиловских дворов скотоводческой специализации (табл. 2 и 3).

Таблица 1

Распределение переселенческих хозяйств скотоводческой специализации по времени водворения (1904–1915 гг.)

Показатель	Год водворения переселенцев											
	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915
Количество водворившихся переселенцев	6	7	13	24	30	38	21	7	6	24	5	5
Возраст переселенческих дворов в 1916 г., лет	12	11	10	9	8	7	6	5	4	3	2	1
Доля хозяйств, водворившихся в данный год, %	3,2	3,7	7,0	12,9	16,2	20,4	11,3	3,7	3,2	12,9	2,7	2,7

Таблица 2

Размеры переселенческих и старожиловских хозяйств скотоводческой специализации

Показатель (в расчете на 1 двор)	Скотоводческие хозяйства		
	переселенцев	старожилов	в целом
Коэффициент возраста хозяйства	7	25	17
Размеры семьи, чел.	5,8	5,4	5,6
Семейные работники, чел.	2,4	2,2	2,3
Наемные рабочие, чел.	0,15	0,17	0,16
Рабочий скот, голов	2,4	4,2	3,3
Коровы, голов	3,0	3,8	4,6
Продуктивный скот, голов	4,4	6,8	5,7
Вся пашня, дес.	5,1	7,1	6,2
Весь посев, дес.	4,1	5,6	4,9
в том числе посев яровой пшеницы, дес.	2,5	3,3	2,9
в том числе посев овса, дес.	1	2	1,5
Количество дворов	186	212	398
Доля дворов, %	47	53	100

Таблица 3

Уровень переселенческих и старожильческих хозяйств скотоводческой специализации

Показатель (в расчете на 1 душу)	Скотоводческие хозяйства		
	переселенцев	старожилов	в целом
Семейные работники, чел.	0,45	0,43	0,44
Наемные рабочие, чел.	0,025	0,035	0,030
Рабочий скот, голов	0,45	0,75	0,60
Коровы, голов	0,55	0,85	0,70
Продуктивный скот, голов	0,8	1,4	1,1
Вся пашня, дес.	0,95	1,25	1,10
Весь посев, дес.:	0,70	1,0	0,85
в том числе посев яровой пшеницы, дес.	0,45	0,55	0,50
в том числе посев овса, дес.	0,20	0,35	0,25
Доля дворов, %	47	53	100

Первоначально необходимо определить средние размеры их домохозяйств (см. табл. 2). Хозяйства новоселов и старожилов имели примерно одинаковые размеры семьи и семейных рабочих ресурсов: соответственно 5,8 и 5,4 душ обоого пола; 2,4 и 2,2 своих работников обоого пола. Довольно близким было и среднее количество сроковых и годовых наемных рабочих: 0,15 и 0,17. Вместе с тем обнаруживается некоторое превосходство переселенцев в масштабах семьи и рабочих ресурсов, не превышавшее 10%. В свою очередь, старожилы имели более значительные производственную базу и производство: рабочего скота – 4,2 голов против 2,4 у переселенцев; продуктивного скота – 6,8 голов против 4,4; пашни и посевов соответственно 7,1 и 5,6 дес. против 5,1 и 4,1 дес. В общем размеры хозяйства у старожилов по главным показателям были больше, чем у переселенцев, в 1,3–1,7 раза.

Дворы старожилов имели большую экономическую мощьность, поэтому более точной будет оценка хозяйственных различий в подушевом плане, раскрывающем уровень производства. Производственно-технические данные в расчете на 1 душу (см. табл. 3) также свиде-

тельствуют о более высоком уровне старожильского хозяйства. Его обеспеченность рабочими лошадьми, продуктивным скотом, пашней и посевами была выше, чем у переселенцев, в 1,4–1,8 раза.

В целом производственно-техническая база, размеры и уровень производства в переселенческих дворах были меньше, чем у старожилов, примерно в 1,5 раза. Значительное экономическое отставание новоселов, несомненно, являлось результатом незавершенности процесса становления большей части их хозяйств. И действительно, доля домохозяйств, водворившихся 6 и менее лет назад, составила среди переселенцев-животноводов 36,6%, в то время как доля тех, кто водворился и хозяйствовал 10–12 лет, – только 14% (см. табл. 1). Вместе с тем средний возраст переселенческих хозяйств достиг 7 лет. Это свидетельствует о становлении и сформированности целостной экономической структуры в большинстве новопоселенческих дворов, но одновременно говорит о незавершенности процесса их трансформации в хозяйства старожильского типа, целиком соответствующего природным и экономическим условиям Сибири.

Таблица 4

Характеристики производственно-технической базы и рыночной специализации переселенческих и старожильческих хозяйств скотоводческой специализации

Показатель	Скотоводческие хозяйства		
	переселенцев	старожилов	в целом
Капиталовооруженность труда: рабочего скота на 1 семейного работника, голов	1,2	1,8	1,5
Эффективность труда: семейных работников на 1 голову рабочего скота, чел.	1,0	0,5	0,7
Фондовооруженность и рыночная специализация хозяйства: рабочего скота на 1 дес. посева, голов продуктивного скота на 1 дес. посева, голов	0,85 1,50	1,25 2,40	1,05 1,95

Весьма существенными компонентами внутреннего экономического строя крестьянского хозяйства являются его производственно-технические показатели – капиталовооруженность и эффективность (рациональная затратность) труда, а также фондовооруженность и глубина торгово-рыночной специализации, отраженные в табл. 4. Как видно из представленных в ней данных, капиталовооруженность семейного труда в переселенческом хозяйстве была ниже, чем у старожильской части дворов животноводческой специа-

лизации: она составляла 1,2 головы рабочего скота на 1 семейного работника против 1,8 – у старожилов. Более высокая капиталовооруженность давала старожильским дворам возможность гораздо шире применять усовершенствованный сельскохозяйственный инвентарь на конной тяге. Это обусловило их превосходство в эффективности живого труда и сделало его менее затратным. Труд переселенцев в целом характеризовался более высокими затратами семейного труда на одну производственную единицу (1 голову

рабочего скота): 1,0 против 0,5 у старожилов. Меньшие, чем у старопоселенцев, рациональность и эффективность личного труда новоселов, несомненно, свидетельствуют о более слабой вовлеченности их хозяйств в рыночно-капиталистические отношения. На это также указывает относительно слабая оснащенность переселенческих дворов производственными фондами, выраженными количеством голов рабочего продуктивного скота в расчете на 1 дес. всего посева: соответственно 0,85 и 1,5 головы против 1,25 и 2,4 – во дворах старожилов. Отставание переселенческих хозяйств в капиталооснащенности и вооруженности животноводческих производственных фондов отражало меньшую глубину их рыночно-

скотоводческой специализации, выраженной показателем «голов продуктивного скота на 1 дес. всего посева». Во дворах новоселов он был ниже, чем у старожилов, примерно в 1,5 раза: 1,5 голов против 2,4.

Воздействие аграрно-капиталистического рынка носило всеобъемлющий, системный характер: оно влияло не только на определенные компоненты и аспекты производственной базы земледельческого хозяйства, но и на его отдельные хозяйственно-культурные подсистемы. Особенно существенное влияние современный рынок оказывал на традиционные системы земледелия, скотоводства и социальные формы хозяйствования, отраженные долевыми (относительными) показателями (см. табл. 5).

Таблица 5

Относительные (долевые) показатели по хозяйствам переселенцев и старожилов скотоводческой специализации

Показатель	Скотоводческие хозяйства		
	переселенцев	старожилов	переселенцев
Доля коров в продуктивном стаде, %	64	68	66
Доля посева в пашне, %	67	87	78
Доля яровой пшеницы в посевах, %	50	56	53
Доля овса в посевах, %	16	26	22
Доля яровой пшеницы и овса в посевах, %	66	82	75
Доля кооперированных дворов, %	51	72	63
Доля дворов группы, %	47	53	100

Суть происходивших в системах земледелия и животноводства рыночных изменений заключалась в расширении производства торгово-рыночных культур и видов скота. Как показывают данные табл. 1–5, старожильские дворы продвинулись на этом пути дальше переселенцев. И действительно, в главной отрасли – молочном животноводстве – доля коров в стаде крупного рогатого скота у новоселов была меньше: 64% против 68% в старожильских дворах. Еще значительнее было отставание переселенцев в рыночном развитии зерновой отрасли: посевные площади под наиболее товарными культурами яровой пшеницы и овса составляли у них только 66% от всех посевов, в то время как в старожильских хозяйствах – 82%. Также необходимо отметить у новоселов менее интенсивный характер землепользования в рамках залежно-паровой системы земледелия: доля посевов в их пашне составляла 66%, на пары приходилось 34%. В хозяйствах старожилов посева занимали 87%.

Сравнительно меньшая вовлеченность переселенческих хозяйств в рыночно-капиталистические отношения предопределила их отставание от старожилов в социально-модернизационных процессах. Об этом ярко свидетельствует относительно слабая для Сибири охваченность новоселов кооперативным движением: она составляла только 51% против 72% у старожилов (вместе – 63%).

В определении глубины развития товарно-капиталистических отношений в крестьянском хозяйстве Сибири начала XX в. большое значение имеет оценка его рыночной мобильности, которая заключа-

лась в реагировании земледельца на изменения конъюнктуры и структуры товарного рынка. В годы Первой мировой войны резко возрос спрос городского населения и массовой действующей армии на яровую пшеницу, овес и мясо. В то же время произошло сильное сокращение потребности в сливочном масле, вызванное потерей внешних рынков.

В новых условиях основная масса животноводческих хозяйств (бедняки и середняки) расширила производства мяса и товарных зерновых культур путем сокращения доли коров в стаде продуктивного скота (до 59–63%) и увеличения в посевах доли яровой пшеницы и овса (до 80%). Экономически самые мощные, зажиточные дворы, составлявшие примерно 18% от числа всех скотоводческих хозяйств, перешли на зерновую торговую специализацию в сочетании с молочным или мясным животноводством (58% зажиточных хозяйств) либо на более широкую двойную товарную специализацию, включавшую в себя молочно-мясное и зерновое направления (42% богатых крестьян). Переселенческие хозяйства отставали от старожилов в перестройке и модернизации рыночно-производственной отраслевой структуры: их доля среди дворов, перешедших на чисто зерновую или двойную торгово-рыночную специализацию, составляла только 33%.

Рассмотрим далее общие особенности внутреннего экономического строя переселенческого скотоводческого хозяйства, представленного в форме корреляционных моделей. В первую очередь обратимся к анализу структуры взаимосвязей главных компонентов его производственно-технической базы (табл. 6).

Таблица 6

Сбалансированность компонентов производственно-технической базы в переселенческих и старожильческих хозяйствах животноводческой специализации (коэффициент корреляции 0, ...)

Группа хозяйств	Коррелируемые признаки	Пары коррелируемых признаков			Средний коэффициент корреляции
		Рабочие лошади – продуктивный скот	Рабочие лошади – посев	Продуктивный скот – посев	
Переселенцы	1. На 1 двор	75	75	58	70
	2. На 1 дес. посева	81			81
Старожилы	1. На 1 двор	65	75	66	69
	2. На 1 дес. посева	69			69
В целом	1. На 1 двор	63	74	65	67
	2. На 1 дес. посева	67			67

Как уже отмечалось, в начале XX в. животноводческие хозяйства Сибири включились в систему общероссийского аграрно-капиталистического рынка. Их внутренний экономический строй функционировал и развивался в рамках закономерностей рыночно-капиталистических отношений, которые требовали поддерживать производственные издержки на уровне общественно необходимых затрат. Это давало крестьянам-животноводам получать среднюю прибыль. Переселенческие хозяйства как органичная часть экономики сибирской деревни, представлявшая колонизационную сторону ее развития, также функционировали на основе законов общероссийского капиталистического рынка. Об этом ярко свидетельствуют данные рассматриваемой табл. 6. Как видно, сила взаимосвязей между показателями «рабочие лошади на 1 дес.» и «продуктивный скот на 1 дес.» (они выражают главные стороны фондовооруженности скотоводческого хозяйства) значительно превышает уровень 0,7, достигая величины 0,81. Это говорит о рыночно-капиталистическом характере производственных фондов экономики переселенческих дворов. На объективно капиталистическую природу товарных отношений в хозяйствах новоселов также указывает высокий средний уровень сопряженности между рабочими лошадьми, продуктивным скотом и посевами в подворном плане, имевший значение 0,70.

Систематизированные табличные данные по переселенческим дворам в целом показывают более высокую, чем у старожилов, тесноту взаимосвязей между анализируемыми компонентами производственной базы. Это, на первый взгляд, противоречит результатам сравнительного анализа общего состояния переселенческих и старожильческих хозяйств, согласно которому новоселы отставали в рыночном отношении от старопоселенцев.

На деле никаких противоречий здесь нет. Итоги оценки прямых показателей хозяйственного состояния дворов корректны и поэтому имеют приоритетное значение. Расхождение результатов связано с некоторыми объективно обусловленными нарушениями «чистоты» (условий) корреляционного анализа. Они вызваны вынужденным переходом части животноводческих хозяйств к зерновой торговой специализации. Это взаимопогасило корреляционные коэффициенты взаимосвязей показателей обеих специализаций и привело к их снижению в пределах от 0,05 до 0,15. Особенно понизились корреляционные коэффициенты структурной модели старожильческих хозяйств. Группа переселенческих дворов, в которой количество перешедших к новой специализации было в 2 раза меньше, чем у старожилов, «пострадала» от искажений гораздо меньше, чем общая выборка и группа старопоселенцев. Поэтому расчетные оценки корреляционных коэффициентов по структуре переселенческих дворов наиболее близки к реальности. В данной связи следует отметить, что превосходство переселенческих хозяйств в значении корреляции показателей фондовооруженности (0,81 против 0,69 у старожилов) твердо свидетельствует о более высоком уровне развития их рыночно-капиталистической культуры, сформировавшейся в Европейской России в 80–90-х гг. XIX в. [14. С. 321–355].

Выяснив рыночно-капиталистическую природу и особенности функционирования производственно-технической базы переселенческого скотоводческого хозяйства, необходимо определить самые существенные факторы его экономического развития. С этой целью проанализируем наиболее значимые взаимосвязи размеров животноводческого производства (показатель – «продуктивный скот на 1 двор») с главными производственно-техническими признаками (табл. 7).

Таблица 7

Взаимосвязи размеров производства (продуктивный скот на 1 двор) с основными компонентами крестьянского хозяйства животноводческой специализации (коэффициент корреляции 0, ...)

Показатель	Группы хозяйств		
	переселенцев	старожилов	в целом
Размеры семьи, чел.	37	39	38
Семейные работники, чел.	24	42	40
Рабочий скот на 1 двор, голов	75	61	63
Весь посев на 1 двор, дес.	58	66	65
Рабочий скот на 1 семейного работника, голов	54	34	36
Посев овса на 1 дес. всего посева, %	51	40	42

Как следует из данных табл. 7, размеры производства во дворах новоселов и старожилов зависели от следующих факторных признаков: семейные работники (коэффициент корреляции соответственно 0,24 и 0,42); количество рабочих лошадей (0,75 и 0,61); весь посев (0,58 и 0,66); рабочих лошадей на 1 семейного работника (0,54 и 0,36) и доля овса во всем посеве (0,51 и 0,40). Если сущностно-содержательно истолковать и ранжировать полученные признаки в плане представляемых ими внутривладельческих экономических факторов, то можно констатировать, что в скотоводческих хозяйствах в целом производство определялось размерами производственного капитала (рабочий скот), величиной кормовой базы (весь посев, доля овса в посеве), капиталовооруженностью труда (рабочих лошадей на 1 семейного работника) и семейными рабочими ресурсами.

Переселенческие дворы в большей степени зависели от обеспеченности рабочим скотом (0,75) и тесно связанной с данным фактором капиталовооруженности семейного труда (0,54). Сильная роль фактора капиталовооруженности у новоселов является следствием недостатка рабочих лошадей (в 1,7 раза меньше, чем у старожилов). Кроме того, можно отметить большую зависимость переселенческого хозяйства от кормового признака «доля овса в посеве» (0,51 против 0,40 у старожилов). Это, несомненно, результат более слабой обеспеченности новоселов сенокосами. Их недостаток восполнялся расширением посевов овса, который давал очень качественную солому. С другой стороны, переселенческое животноводство в меньшей степени, чем старожильские дворы, зависело от размеров посевов. Старожилы больше нуждались в соломе в силу значительно более высокой нагрузки на кормовую базу хозяйства: она была в 1,6 раза больше, чем у переселенцев (2,4 голов продуктивного скота на 1 дес. посева против 1,6 голов). Также необходимо констатировать слабую зависимость размеров производства от количества семейных работников (коэффициент 0,24). Это, безусловно, следствие очень хорошей обеспеченности новоселов собственными трудовыми ресурсами при значительно меньших, чем у старожилов, масштабах животноводческого производства: 4,4 головы продуктивного скота против 6,8 головы в старожильских дворах.

Переселенческое хозяйство являлось неотъемлемой частью крестьянской экономики Сибири начала XX в. Его формирование и развитие выражало коренную особенность крестьянского типа аграрной эволюции, вытекавшую из колониальной природы хозяйственного развития сибирского края.

Как органичная часть крестьянского хозяйства Сибири начала XX в. переселенческие дворохозяйства были включены в систему общероссийского аграрно-капиталистического рынка и подчинялись его объективным закономерностям. Главной особенностью пересе-

ленческого хозяйства являлось включение в сложный, многофакторный процесс его развития, фаз переселения и водворения, формирования, становления и социально-природной адаптации. Большинство переселенческих хозяйств (90%) были основаны новоселами столыпинского «призыва» 1906–1915 г. 57% дворов имели возраст 7 и менее лет и находились на этапе формирования полноценной производственно-технической базы (структуры), строительство которой завершалось в среднем к 8 годам. Экономически более зрелые дворы (возрастом 8–12 лет) продолжали наращивать свое производство до масштабов и культурно-экономического уровня хозяйств старожильского типа, адаптированных к суровым природно-климатическим и социально-рыночным условиям Сибири.

Наличие в развитии переселенческих хозяйств очень сложного и трудного этапа переселения, первоначального становления и адаптации к иной природной и социально-экономической среде обусловило их отставание от старожильских дворов в масштабах и уровне производства, капиталовооруженности и эффективности труда более, чем в 1,5 раза. Замедленное развитие производственно-технической базы и незавершенность хозяйственно-культурной адаптации предопределили более низкую фондовооруженность и глубину рыночной животноводческой специализации новосельских дворов. Отмеченные особенности, несомненно, указывают на более слабую, чем у старожилов, степень вовлеченности переселенческих хозяйств в товарные рыночно-капиталистические отношения. Очень ярко об отставании новоселов в освоении рыночно-экономической сферы свидетельствует более слабое развитие торговых направлений производства. На это указывают меньшая доля коров в стаде продуктивного скота и товарных культур яровой пшеницы и овса в посевах, а также недостаточная обеспеченность их хозяйств сенокосами и кормами. Сравнительно низкий уровень включенности в рыночно-капиталистические отношения обусловил более слабую, чем у старожилов, рыночную мобильность, конкурентоспособность и кооперированность переселенческих дворов.

Вместе с тем структурно-функциональный анализ показал, что у переселенцев была более богатая культура рыночного хозяйствования, освоенная ими на родине, в Европейской части России. Об этом свидетельствует очень высокая для Сибири степень сбалансированности и рационализации производственных фондов новопоселенческих дворов. Однако данное преимущество столыпинских переселенцев еще не могло обеспечить им экономическое превосходство в товарном производстве в связи с недостатком капиталов и незавершенностью социокультурной адаптации к сибирским условиям. В целом же дальнейшая экономическая эволюция семейно-трудовых мелкоформ переселенческих хозяйств региона 10-х гг. XX в.

была связана с расширением и модернизацией производственно-технической базы, развитием товарного производства и углублением интеграции в систему общероссийских рыночно-капиталистических и кооперативных отношений.

В завершение исследования необходимо остановиться на оценке роли столыпинских переселенческих хозяйств (водворившихся в 1906–1915 г.) в развитии сельскохозяйственного производства в регионе. Как представляется в свете данных настоящей работы об экономическом отставании столыпинских новопоселенческих хозяйств, их вклад в развитие сельскохозяйственного производства в Сибири начала XX в. несколько преувеличен исследователями. Подворные выборочные сведения сельскохозяйственной переписи 1916 г. по Томской губернии позволяют впервые проинвестировать более взвешенную оценку. Согласно им, 37%

переселенческих крестьянских хозяйств животноводческой и зерновой специализаций (табл. 1–3) имели только 25% рабочих лошадей, 26% поголовья продуктивного стада и 28% посевных площадей [12. С. 135, 208, 209; 18. Д. 11, 27, 53]. Другими словами, 37% переселенческих дворов столыпинского призыва производили на 1916 г. только чуть более четверти всей продукции сельского хозяйства Сибири, в то время как 63% старожилов дворов давали почти три четверти. Это свидетельствует о ведущей экономической роли старожилов хозяйств. Переселенческие дворы накануне и в период Первой мировой войны (1914–1916 г.) лишь завершали формирование полнокровного экономического потенциала. В полной мере он развернулся в 20-е гг. XX в., обеспечив кратковременный успех Новой экономической политики большевистского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1–2.
2. Складов Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962.
3. Степанин В.А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962.
4. Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966.
5. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX – начало XX. Новосибирск, 1967.
6. Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976.
7. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., 1968. Т. 3 : Сибирь в эпоху капитализма. С. 22–24, 173–211, 300–327, 436–447.
8. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983.
9. Емельянов Н.Ф., Важенникова Т.Г., Тарасов Н.Л. Курганская деревня при капитализме. Курган, 1993.
10. Иванцова Н.Ф. Западносибирское крестьянство в 1917 – первой половине 1918 гг. М., 1993.
11. Ильиних В.А. Крестьянское хозяйство Сибири (конец 1980-х – начало 1940-х годов): тенденция и этапы развития // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения. Новосибирск, 1999. С. 33–76.
12. Никулин П.Ф. Экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. Томск, 2009.
13. Разгон В.Н., Храмов А.А., Пожарская К.А. Столыпинская аграрная реформа и Алтай. Барнаул, 2010.
14. Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. М., 2004.
15. Чуркин М.К. Переселения крестьян Черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начала XX в.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск, 2006.
16. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 159–168.
17. Количественные методы в историческом исследовании. М., 1984.
18. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 239. Оп. 16. Д. 1–211.
19. Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Пг., 1917. Вып. 3 : Степной край, Сибирь и Дальний Восток.
20. Алтайско-Томская часть Сибири по данным сельскохозяйственной переписи 1916 года. Материалы с.-х. переписи собранные и разработанные под руководством и ред. В.Я. Нагнибеды. Томск, 1927.
21. Протоколы Сибирского областного совещания статистиков переселенческого управления, состоявшегося 13–21 мая 1916 г. в Иркутске. Томск, 1916.
22. Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири : Материалы по обследованию типичных переселенческих поселков, собранные и разработанные под руководством и ред. В.К. Кузнецова. СПб., 1913. Вып. 5.
23. Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Уезды Барнаульский, Каинский, Томский и Мариинский : Материалы по исследованию переселенческих хозяйств, собранные и разработанные под руководством и ред. В.Я. Нагнибеды. Томск, 1913. Вып. 1.

Nikulin Petr F. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: K1tat@yandex.ru

PECULIARITIES OF ECONOMIC STATE AND INTERNAL ORGANIZATION OF PEASANT RESETTLEMENT LIVESTOCK HOUSEHOLD ON THE EVE OF 1917.

Keywords: peasant household in Siberia; resettlement household in the beginning of XXth century; internal economic organization; Siberia.

Resettlement peasant households played a very important role in the process of Siberian agrarian modernization in the beginning of 20th century. They were the main resource for dynamic development of Siberian village. Therefore, in Siberian study a peasant resettlement household was thoroughly researched from different angles. At the same time, such aspects as economic peculiarities, production structure, development of commodity-money relationship in resettlement households in comparison with those of old residents have not been the subject of investigation. This study is based on resettlement livestock households data from All-Russia Agricultural Census of 1916 in Tomsk Province. Program of the study includes almost all key characteristics of a peasant household: population, land-use, family and wage labor force, draught animals and dairy cattle, crops and cooperation. In this study method of correlation modeling of the structure of a peasant household was applied. Systematic and structural analysis showed that resettlement households were incorporated into the system of Russian agrarian-capitalistic market and developed under its influence. Phases of moving and settlement, forming and social and natural adaptation were included into the process of development of such households which became their main feature and caused that in terms of size, production, capital endowment and effectiveness their development was more than 1.5 times slower than the

development of old resident's households. Decelerated development of production basis and incompleteness of economical and cultural adaptation predetermined lower capital-labor ratio and less marked livestock specialization of resettlement households. Undoubtedly, noted features demonstrate that resettlement households were less included into capitalist exchange relations than ones of old residents. On the other hand, resettlers had richer culture of market economy that they became familiar with in the European part of Russia. But this advantage of Stolypin's resettlements didn't give them economic superiority because of lack of capital and uncompleted social and cultural adaptation to Siberian conditions.

REFERENCES

1. Chief Directorate of Land Management and Agriculture of Russia. (1914) *Aziatskaya Rossiya* [Asian Russia]. St. Petersburg: A.F. Marks.
2. Sklyarov, L.F. (1962) *Pereselenie i zemleustroystvo v Sibiri v gody stolypinskoy agrarnoy reform* [Resettlement and Land Development in Siberia during the Stolypin Agrarian reform]. Leningrad: Leningrad State University.
3. Stepynin, V.A. (1962) *Kolonizatsiya Eniseyskoy gubernii v epokhu kapitalizma* [Colonization of Yenisei province in the era of capitalism]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical Institute.
4. Tyukavkin, V.G. (1966) *Sibirskaya derevnya nakanune Oktyabrya* [Siberian village before the October]. Irkutsk: East Siberian Book Publ.
5. Goryushkin, L.M. (1967) *Sibirskoe krest'yanstvo na rubezhe dvukh vekov. Konets XIX – nachalo XX. vv.* [Siberian peasants at the turn of the century. The late 19th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Nauka.
6. Goryushkin, L.M. (1976) *Agrarnye otnosheniya v Sibiri perioda imperializma (1900–1917 gg.)* [Agrarian relations in Siberia in 1900–1917]. Novosibirsk: Nauka.
7. Okladnikov, A.P. (ed.) *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of Siberia since ancient times to the present day]. Vol. 3. Leningrad: Nauka. pp. 22–24, 173–211, 300–327, 436–447.
8. Goryushkin, L.M. (1983) *Krest'yanstvo Sibiri v epokhu kapitalizma* [The peasantry of Siberia in the era of capitalism]. Novosibirsk: Nauka.
9. Emelyanov, N.F., Vazhenina, T.G. & Tarasov, N.L. (1993) *Kurganskaya derevnya pri kapitalizme* [Kurgan village under capitalism]. Kurgan: Kurgan State Pedagogical Institute.
10. Ivantsova, N.F. (1993) *Zapadnosibirskoe krest'yanstvo v 1917 – pervoy polovine 1918 gg.* [West Siberian peasantry in 1917 – early 1918]. Moscow: Prometei.
11. Ilinykh, V.A. (1999) *Krest'yanskoe khozyaystvo Sibiri (konets 1980-kh – nachalo 1940-kh godov): tendentsiya i etapy razvitiya* [The Siberian farm (the late 1980s – early 1940s): The trend and stages of development]. In: Ilinykh, V.A. (ed.) *Krest'yanskaya sem'ya i dvor v Sibiri v XX veke: problemy izucheniya* [The peasant family and household in Siberia in the twentieth century: the problem of study]. Novosibirsk: RAS. pp. 33–76.
12. Nikulin, P.F. (2009) *Ekonomicheskiy stroy krest'yanskogo khozyaystva Zapadnoy Sibiri nachala XX v.* [The economic structure of the peasant economy of Western Siberia in the early twentieth century]. Tomsk: TML-Press.
13. Razgon, V.N., Khramkov, A.A. & Pozharskaya, K.A. (2010) *Stolypinskaya agrarnaya reforma i Altay* [The Stolypin agrarian reform and Altai]. Barnaul: Altai State University.
14. Kovalchenko, I.D. (2004) *Agrarnyy stroy Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.* [The agrarian system of Russia in the late 19th – early 20th centuries]. Moscow: ROSSPEN.
15. Churkin, M.K. (2006) *Pereseleniya krest'yan Chernozemnogo tsentra Evropeyskoy Rossii v Zapadnuyu Sibir' vo vtoroy polovine XIX – nachala XX v.: determiniruyushchie faktory migratsionnoy mobil'nosti i adaptatsii* [Resettlement of peasants from the Black Earth center of European Russia to Western Siberia in the late 19th – early 20th centuries: Determining factors of migration mobility and adaptation]. Omsk: Omsk State University.
16. Kovalchenko, I.D. (1987) *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of historical research]. Moscow: Nauka. pp. 159–168.
17. Kovalchenko, I.D. (ed.) (1984) *Kolichestvennye metody v istoricheskom issledovanii* [Quantitative methods in historical research]. Moscow: Vysshaya shkola.
18. The State Archives Tomsk region (GATO). Fund 239. List 16. File 1–211.
19. Russia. (1916) *Predvaritel'nye itogi Vserossiyskoy sel'skokhozyaystvennoy perepisi 1916 goda* [Preliminary results of the 1916 All-Russia agricultural census]. Vol. 3. Petrograd [s.n.].
20. Nagnibeda, V.Ya. (ed.) (1927) *Altaysko-Tomskaya chast' Sibiri po dannym sel'skokhozyaystvennoy perepisi 1916 goda. Materialy s.-kh. perepisi* [Altai, Siberia and Tomsk according to the 1916 agricultural census. Agricultural Census]. Tomsk [s.n.].
21. Siberian Regional Resettlement Department. (1916) *Protokoly Sibirskogo oblastnogo soveshchaniya statistikov pereselencheskogo upravleniya, sostoyavshegosya 13–21 maya 1916 g. v Irkutske* [Minutes of the meeting of statisticians of the Siberian Regional Resettlement Department held on 13–21 May 1916 in Irkutsk]. Tomsk [s.n.].
22. Kuznetsov, V.K. (ed.) (1913) *Sbornik statisticheskikh svedeniy ob ekonomicheskom polozhenii pereselentsev v Sibiri: Materialy po obsledovaniyu tipichnykh pereselencheskikh poselkov* [Collection of statistical information on the economic situation of immigrants in Siberia: Materials on the survey of typical resettlement villages]. Issue 5. St. Petersburg [s.n.].
23. Nagnibeda, V.Ya. (ed.) (1913) *Sbornik statisticheskikh svedeniy ob ekonomicheskom polozhenii pereselentsev v Tomskoy gubernii. Uezdy Barnaul'skiy, Kainskiy, Tomskiy i Mariinskiy: Materialy po issledovaniyu pereselencheskikh khozyaystv* [Collection of statistical information about the economic situation of displaced persons in provinces of Tomsk. Districts of Barnaul, Kainsk, Tomsk and Mariinsk: Materials of research of resettlement farms]. Issue 1. Tomsk [s.n.].

УДК 93/94 +327.5
DOI 10.17223/19988613/40/5

М.М. Стельмак

ГАЗЕТА «ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ВЕСТНИК» И ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ФРАНЦИИ КАК СОЮЗНИКОВ СИБИРСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ (КОНЕЦ 1918 г. – НАЧАЛО 1919 г.)

Рассматривается образ союзников антибольшевистского движения на примере Великобритании и Франции на страницах «Правительственного вестника» – официального органа печати Российского правительства А.В. Колчака с ноября 1918 г. по начало января 1919 г. В начале этого периода происходит смена власти в антибольшевистском лагере – к власти путём военного переворота, приходит адмирал А.В. Колчак. Испытывая острую необходимость в военных поставках, Российское правительство А.В. Колчака делает попытку продемонстрировать уважение и благодарность к союзникам, всячески подчёркивая на страницах «Правительственного вестника» их бескорыстность и готовность в любой момент оказать помощь.

Ключевые слова: Гражданская война в России; антибольшевистское движение; Великобритания; Франция; союзники; пресса; международные отношения; Сибирь.

18 ноября 1918 г. в Омске, благодаря военному перевороту, было свергнуто Временное Всероссийское правительство (Директория). Вместо него было образовано Российское правительство А.В. Колчака. Новый политический режим испытывал острую необходимость в поддержке со стороны иностранных союзников. Изначально новость о смене власти в Омске за границей была встречена крайне настороженно. Были серьёзные опасения, что приход к власти адмирала А.В. Колчака может вызвать военный конфликт уже внутри антибольшевистского движения. В связи с этим управляющий министерством иностранных дел Ю.В. Ключников направил в Лондон, Париж, Вашингтон и Токио срочную депешу с уведомлением о событиях в Омске. В депеше также излагались причины переворота, якобы спровоцированного бездействием Директории [1. С. 560].

19 ноября 1918 г. на заседании Совета министров Российского правительства адмирал А.В. Колчак сообщил об уже имевших место переговорах с представителями Великобритании и Франции относительно произошедших в ночь на 18 ноября событий [2. С. 90]. В это же время отношение к данной акции среди иностранных представителей в Омске было более взвешенным. На следующий день после переворота начальник британского экспедиционного отряда полковник Д. Уорд высказывает своё мнение о перевороте в правительственной официозной газете «Русская Армия»: «Несомненно, Россия может быть спасена только установлением единой верховной власти, цель которой – создание национального правительства» [3. С. 88]. Дружественную позицию занял и глава британской военной миссии генерал А. Нокс, который ещё летом 1917 г. сочувствовал корниловскому выступлению, считая желательным установление диктатуры [4. С. 127]. В секретной телеграмме советника министерства иностранных дел от 19 ноября 1918 на имя управляющего министерством иностранных дел Ю.В. Ключникова и председателя Совета министров П.В. Вологодского указано, что верховные комиссары Великобритании Ч. Эллиот и Франции Ф. Мартель от-

несли к перевороту вполне спокойно, добавив, что признание Директории должно было состояться уже скоро и теперь вновь потребуется время, чтобы признать новое правительство [5. Л. 25].

Однако новой власти было необходимо искать помощи от иностранных союзников, продолжая, таким образом, политику своих предшественников – Временного Сибирского правительства (ВСП) и Временного Всероссийского правительства (ВВП). Правда, имелось и существенное отличие: за неделю до переворота, 11 ноября 1918 г., было подписано Компьенское перемирие, закончившее Первую мировую войну. Исчезла необходимость в восстановлении Восточного фронта, что вызвало сильное беспокойство в политических кругах белого Омска. Но для оказания помощи Российскому правительству А.В. Колчака требовалось грамотно освещать свою внешнюю политику, донося до публики информацию о действиях союзников.

В отечественной историографии в последние два десятилетия возник интерес к истории формирования образа иностранных союзников в различные периоды истории. Непосредственно внешняя политика Российского правительства А.В. Колчака изучена в работе А.В. Шмелева [6]. К настоящему моменту уже имеются исследования, посвящённые теме возникновения и эволюции представлений о союзниках [7, 8]. При этом вопрос формирования антибольшевистской прессой образа союзников в Сибири практически не изучен. Из работ, поднимающих данную проблематику, важно выделить диссертацию П.Л. Нестеренко, где автор выявил информационные возможности сибирской и дальневосточной прессы для изучения взаимоотношений Российского правительства А.В. Колчака и стран-участниц союзной интервенции [9]. В исследовании Н.А. Глушенко рассматриваются вопросы освещения Гражданской войны и интервенции в Сибири со стороны союзников на примере американской периодической печати [10]. Тем не менее процесс эволюции образа союзников на страницах сибирской антибольшевистской прессы в ходе Гражданской войны в России должным образом освещён ещё не был.

В связи с этим целью данной работы является изучение образа двух ключевых иностранных союзников антибольшевистского движения, а именно Великобритании и Франции, на страницах «Правительственного вестника» в период от возникновения Российского правительства до появления в прессе сообщений о совещании на Принцевых островах. «Правительственный вестник» был главным официальным органом печати Российского правительства А.В. Колчака, выходившим с 22 ноября 1918 г. по начало ноября 1919 г. в Омске и затем до 4 января 1920 г. — в Иркутске. Главным редактором вестника являлся В.А. Кудрявцев — секретарь Восточного отделения кадетской партии, его помощником по официальной части был П.Ф. Пономарев [11. С. 45].

Содержание «Правительственного вестника» состояло из двух основных разделов: официального и неофициального. В официальной части публиковались основополагающие законодательно-нормативные акты Российского производства (указы, приказы и грамоты Верховного правителя *А.В. Колчака*), приказы Верховного правителя и *Верховного главнокомандующего*; постановления Совмина, утвержденные Верховным правителем. Неофициальная часть, занимавшая большую часть газетных полос, состояла из нескольких постоянных разделов. Первое место в ней занимали телеграммы Российского телеграфного агентства, Парижского агентства В.Л. Бурцева. В них сообщалось о событиях за границей, в РСФСР, о борьбе с большевиками, о местной жизни. В этой же части постоянно выходила рубрика «Россия и союзники», описывающая последние новости, касающиеся взаимоотношений с зарубежными силами, дружественными Белому движению. «Правительственный вестник» как рупор «омского режима» был достаточно авторитетен, многие печатные издания Сибири и Дальнего Востока ссылались на него, а зачастую и перепечатывали из него публикации [9. С. 13].

Выписка «Правительственного вестника» была обязательна для всех губернских (областных), уездных (окружных) и участковых правительственных учреждений, должностных лиц и всех самоуправлений. По запросам номера газеты высылались также в распоряжения военных сил, училища и больницы [12. Л. 22]. В то же время данная газета отправлялась и на юг России, в армию генерала А.И. Деникина, а также за границу для снабжения ими консульств, о чём свидетельствует переписка министерства иностранных дел с редакцией вестника [13. Л. 24–25].

В первых же номерах читатель мог прочесть о совпадении интересов союзников и антибольшевистских сил. В публикации от 22 ноября 1918 г. говорится, как даже социалисты из союзных стран выступают против большевиков из-за их враждебности всеобщему избирательному праву и демократии: «Члены перманентной комиссии французской социалистической партии, принадлежавшей бывшей фракции большинства, высказались решительно против действий большевиков» [14.

С. 1]. Здесь можно увидеть попытку показать полное единение французского общества в отношении к общему противнику. Подобным образом освещается и положение среди британских рабочих. Согласно заявлениям лидеров британских профсоюзов, политических деятелей (секретаря лейбористской партии А. Гендерсона), рабочие Великобритании не одобряют политику большевиков, выступают за разрешение экономических вопросов путём голосования [15. С. 2].

Вскоре в «Правительственном вестнике» было размещено интервью со специальным корреспондентом лондонской газеты «Дэйли Мэйл» Б. Фальком, опубликованное 19 октября 1918 г. в токийском издании «Джапан Адвертайзер», дающим критическую оценку уже свергнутой на тот момент Директории и поддерживающим идею диктаторской власти. «Беседа, касаясь главным образом о спасении России, очень определённо высказывается в пользу сильной центральной власти, опирающейся на сильную армию. Уфимская Директория, говорит Фальк, явилась попыткой создания центрального правительственного органа, но, к сожалению, я не в силах предсказать ей долгое существование» [16. С. 2].

Здесь можно увидеть послыл, что представители союзников якобы изначально скептически относились к Директории, предпочитая всё же диктаторскую форму правления, установленную в Омске. Для подтверждения данной точки зрения «Правительственный вестник» даёт пересказ принадлежащей Великобритании газеты «Пекин Таймс», призывающей не только ускорить интервенцию, но и осуждающей междоусобицу в антибольшевистском лагере, надеясь, что новое правительство положит этому конец. В публикации, в частности, говорилось: «Если адмирал Колчак признается способным организатором и беспристрастным правителем, то ему должна быть оказана самая широкая поддержка, пока не наступят условия, необходимые для выборов в Учредительное собрание и передачи власти им избранному правительству» [17. С. 2].

Вопрос завершения Первой мировой войны был одним из ключевых и поэтому требовал отдельного освещения. Необходимо было развеять сомнения перед общественностью, что помощь союзников может прекратиться в связи с окончанием боевых действий в Европе. «Перемирие не касается противобольшевистских фронтов, ибо союзники твёрдо решили ликвидировать советскую власть в России. Об этом есть официальное заявление английского правительства. В России, значит, война пока что продолжается» [18. С. 2].

Кроме этого, уделено внимание деятельности союзных войск на Западном фронте. Их благожелательное отношение вызывает даже симпатии немецких солдат, что позволяет предположить, что и в России их поведение будет не хуже [19. С. 1]. При этом в ноябрьских номерах издания уточняется, что союзники не собираются присваивать себе все плоды этой победы, признавая и заслуги России. «Мы, русские, повторяем, слыш-

ком скромны, не верим в себя и не смеем заявить о том, что Россия для победы сделала очень многое, и говорят нам об этом сами же союзники» [20. С. 2]. Далее в статье приводится торжественная речь верховного комиссара Великобритании в Омске Ч. Эллиота о помощи, оказанной Антантой в период войны. Однако интересен последний аргумент автора статьи: «Наши союзники помогут нам, гражданам возрождающейся России, выйти победителями из Гражданской войны, как в этом Россия некогда помогла западно-европейским соседям, точно так же союзники восстановят и разовьют и нашу экономическую жизнь, потому что они в этом заинтересованы, дабы погасить нашу им задолженность» [Там же]. Демонстрировалось, что кроме благодарности за вклад в общее дело имеет место и экономический аспект, правда, играющий не первую роль.

29 ноября 1918 г. в «Правительственном вестнике» публикуется речь члена Российского правительства А.В. Колчака – Г.К. Гинса. Выступление прошло на торжественном заседании, посвященном окончанию Первой мировой войны. Г.К. Гинсом особо подчеркивалось, что данная победа является общей для всех, но именно на Россию были возложены основные трудности: «Россия заставила оттянуть немецкие войска на восток и тяжёлыми жертвами в Пруссии спасла положение на западе. Гений союзного командования, проявившийся в историческом бою на Марне и блестящие победы русского оружия в Галиции отняли у Германии её главную надежду, надежду победить своей подготовленностью» [21. С. 2]. Некоторые высказывания были напечатаны жирным шрифтом: «Россия дала возможность сделать Западный фронт непреодолимым», «Россия ни разу не позволила германцам сосредоточить все свои силы на западе» [Там же].

На первый взгляд, создаётся ощущение, что Г.К. Гинс был намерен возложить все заслуги исключительно на боевые действия, происходившие на Восточном фронте. Но автор переходит и к союзникам, показывая, что действия русской армии были использованы в полной мере союзными войсками. «Победа союзников – это победа тех идей, которым поклоняется возрождающаяся Россия» [Там же].

Тема окончания войны с Германией занимала в публикациях «Правительственного вестника» ведущее место. «Союзники, покончив с главным врагом – Германией, самой действительностью будут вынуждены направить свои силы для борьбы с русской анархией, в поощрении которой так усиленно старалась сама Германия, дабы вывести Россию из строя своих врагов. Союзникам необходимо видеть в России не очаг государственного разврата – представляющего вообще большой соблазн, а полезного сотрудника в преуспевании мировой, а следовательно, и собственной культуры – поэтому первая задача наших друзей – помочь нам свергнуть антигосударственный советский строй, а затем, за нашу услугу в войне, оказать нам экономическую помощь, тем более Россия богата, кредитоспо-

собна и за временное одолжение сумеет с благодарностью расквитаться» [22. С. 3]. Здесь вновь видна мысль, что союзники – сила, которой нужна здоровая Россия, в дальнейшем с ней будет налажено активное сотрудничество во всех сферах.

Предполагалось, что у стран Антанты в будущем можно будет перенять опыт не только в экономике, но и в культурной сфере, что положительно скажется и на национальном самосознании. «Наши культурные западные друзья не покинули нас в тяжкие моменты национального горя, и мы должны ещё более укрепить союз наш с народами Согласия и быть союзниками не только по оружию, но и по культуре, а к этому первый наш шаг – возлюбить Россию, смыть с неё позор бесчестия, наложенный врагами нации, и когда мы почувствуем себя нацией, из нас каждый открыто и гордо скажет: “Я – русский!”» [23. С. 2]. Уделялось внимание и демократическим преобразованиям, таким как борьба женщин за избирательные права в Великобритании [24. С. 3].

Согласно заверениям иностранных дипломатов, уже принимаются меры, призванные вознаградить Россию за жертвы войны. Так, на первой странице публикуется речь французского дипломата Ж. Нуланса: «Россия должна воспользоваться плодами победы не только во имя справедливости, но как друг и помощник, которого нельзя покинуть в несчастье. Ей будут возвращены губернии, занятые Австрией и Германией. Союзники готовы защитить Россию от анархии, внесённой в страну максималистами до того времени, пока она не окрепнет достаточно, чтобы поддерживать порядок своими силами» [25. С. 1]. Усилия России не останутся забытыми и на мирной конференции. По поступающим из Лондона и Парижа сведениям, Россия будет приглашена для обсуждения итогов войны [19. С. 1]. Хотя позднее заключение Версальского мирного договора 1919 г. прошло без её участия.

28 ноября 1918 г. в газете подробно описываются похороны простого французского солдата Жана Годри, умершего от болезни в Красноярске. Желая продемонстрировать уважение к каждому союзному солдату, местные военные власти устраивают торжественные похороны. Ввиду отсутствия французских войск в церемонии участвовали британские солдаты, произведшие троекратные ружейные залпы. Присутствовал и британский вице-консул [26. С. 4]. Подобная заметка, по нашему мнению, была призвана продемонстрировать уважение к любому участнику интервенции, единение между британскими, французскими и русскими силами, показать готовность иностранцев идти на жертву.

Большое внимание уделялось газетой характеристике не только политики Великобритании и Франции, высказываниям их лидеров, но и подробному анализу действий союзных военачальников. В этом плане особенно выделялась фигура французского генерала М. Жанена. Для того чтобы показать читателям не только цифры иностранных поставок, газета подробно расписывает его био-

графию, особенно подчёркивая стратегические и полководческие способности. Более того, несмотря на всю ценность М. Жанена, Франция, как истинный союзник, ещё до революции отправляет его для помощи России. «Несмотря на первенствующую роль генерала Жанена во французской армии, маршал Жоффри согласился лишиться этого ценного сотрудника, чтобы исполнить просьбу русского штаба, и в мае 1916 г. он был назначен начальником чрезвычайной французской военной миссии и пробыл два года при ставке верховного главнокомандующего. Владея русским языком и соприкасаясь ежедневно с русскими войсками, он вынес то уважение к русскому солдату и любовь к России, которая его воодушевляет в предстоящей трудной задаче» [27. С. 2]. Далее подчёркивается, что помощь генерала М. Жанена в организации русской армии отличается полной бескорыстностью. «Задача генерала облегчается полной незаинтересованностью Франции в каких-либо приобретениях в России, её живым стремлением вновь увидеть Россию могущественной и сильной» [Там же].

В данной публикации образ Франции предстаёт в виде бескорыстного союзника, готового давать лучших своих людей для поддержания мира в России, зачастую и в ущерб себе. Предпринимались попытки показать в лучшем свете французского генерала ещё и оттого, что изначально он претендовал на должность командующего всеми антибольшевистскими силами в Сибири. Ему оказывались пышные встречи на станциях, по случаю прибытия в Омск состоялся парад местного гарнизона [28. С. 3]. По-прежнему при встрече как французских, так и британских войск устраивались торжественные обеды [29. Л. 35]. Однако А.В. Колчак выступил категорически против подобного назначения, вследствие чего М. Жанен стал командующим всеми иностранными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке [30. С. 109]. Правительственный вестник продолжал торжественно освещать его деятельность [31. С. 1].

Ещё одна публикация, освещавшая позицию Антанты по вопросу золота, уплаченного Германии по Брестскому миру и оказавшемуся после её разгрома у союзников, должна была продемонстрировать отсутствие корысти у союзников. Эта мера преподносится как временная, без каких-либо посягательств: «С общего согласия союзников были приняты меры как для получения, так и для хранения этого золота. Русские миллионы принадлежат государству Российскому. Эти миллионы будут возвращены с момента образования правомочного правительства и отправлены, когда будет установлен порядок» [32. С. 1].

Стараясь оперативно реагировать на настроения в обществе, газета уделяла внимание и недоверию к союзникам, возникавшему среди обывателей. «Особенно странным обществу кажутся противоречивые заявления французского посла в Архангельске Нуланса и генерала Жанена, заявивших о твёрдой линии союзников оказать возрождающейся России помощь в борьбе с большевиками и заявления в английской палате депу-

татов Гонсоби и Сесилия, что Англия в ближайшем будущем не предполагает посылать в Россию войска для широких операций против большевиков» [33. С. 2]. При этом в статье по порядку разъясняется, что подобные заявления иностранных политиков являются вовсе не окончательными, тем более что помощь союзников не прекратится, а также, даже если это и случится, то будет хорошим уроком искать опору в собственных силах. «Ознакомившись с заявлениями Гонсоби и лорда Сесилия, русское общество быстро учло это обстоятельство и, будучи к этому несколько подготовлено, вошло в самое серьёзное обсуждение и решение вопроса, что нам, гражданам возрождающейся России, уже достаточно окрепшим, надо стремиться к тому, чтобы решить свой внутренний спор самостоятельно, собственными силами...» [Там же].

Интересным примером служат попытки «Правительственного вестника» опровергнуть информацию о созыве совещания на Принцевых островах. В начале 1919 г. в правительственных кругах Антанты возникла идея о созыве специальной конференции на Принцевых островах, куда планировалось созвать представителей всех противоборствующих группировок Гражданской войны. Данная идея была неприемлемой для всех антибольшевистских правительств. Тем не менее изначально «Правительственный вестник» пытался всячески закамouflировать это предложение. 18 января 1919 г. выходит статья о заявлении министра иностранных дел Франции С. Пишона, где говорилось, что союзниками одобряется идея конференции, но без включения большевиков. «Французская печать горячо откликнулась на эту ноту. На совещании союзных министров по вопросу мирной конференции Пишон заявил о решении не иметь дела с большевиками, которые провозглашены врагами союзников всех существующих правительств» [34. С. 1].

На следующий день выходит ещё одно подобное опровержение. «По поводу заявления о том, что английское правительство намерено послать послание всем возникшим в России правительствам, пригласить их примириться на временной мирной конференции и послать своего представителя в Лондон, получено из авторитетного источника сообщение, что такого предложения в действительности не было. Британское правительство сносилось лишь с французским по этому вопросу, но дальше этого запроса дело не пошло» [35. С. 1]. Данные статьи ставили целью показать, что дальше гипотетических предположений заявления союзников не будут реализованы, в крайнем случае, даже если подобная конференция и состоится, то без участия большевиков, являвшихся для союзников непримиримыми врагами.

В конце января 1919 г. А.В. Колчаком был даже отдан специальный приказ, где подробно излагалось отношение к мирным переговорам, правда, без ссылки на предложение союзников: «В последнее время большевиками и другими противогосударственными элементами распространяются слухи, что якобы между ними

и нами установится перемирие, и все дела будут решены по обоюдному согласию. Объявляю всем войнам, что указанные слухи распространяют изменники с провокационной целью, чтобы ослабить дух и храбрость наших войск, чтобы ослабить наши силы» [36. С. 371].

Российское правительство А.В. Колчака испытывало сильную потребность в оказании помощи со стороны союзников по Антанте, как и предыдущие антибольшевистские политические режимы Сибири. Сам А.В. Колчак неуклонно придерживался внешнеполитического курса на продолжение сотрудничества с союзниками России по Первой мировой войне [37. С. 91]. С одной стороны, требовалось через главный орган печати донести до всех читателей мысль, что Великобритания и Франция настроены и в дальнейшем продолжать оказывать существенную помощь антибольшевистским силам Сибири и Дальнего Востока. Вследствие этого действия союзников подава-

лись исключительно в положительном ключе, любые намёки на корыстные цели немедленно опровергались. С другой стороны, подобные публикации были рассчитаны и на представителей Великобритании и Франции (составы консульств, дипломатических и военных миссий), которые должны были убедиться в благожелательном отношении к омскому правительству. Политические деятели понимали, что, несмотря на положительное отношение к смене власти, предстоит ещё заслужить доверие в западных столицах, чтобы получить официальное признание. Поэтому многие нежелательные темы (претензии М. Жанена, конференция на Принцевых островах) либо не освещались, либо до последнего момента замалчивались. С другой стороны было необходимо показать, что помощь союзников продолжает уже сложившиеся в период Первой мировой войны отношения, и поэтому не является угрозой для российского суверенитета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Переверзев А.Я. Комуч. Директория. Колчак: Антисоветский лагерь в Гражданской войне на Востоке России. Воронеж, 2003. 703 с.
2. Шишкин В.И. К истории государственного переворота в Омске (18–19 ноября 1918 г.) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. Т. 1, вып. 3 : История. Новосибирск, 2002. С. 88–97.
3. Уорд Д. Союзная интервенция в Сибири. 1918–1919. Записки начальника английского экспедиционного отряда полковника Джона Уорда. М. ; Пг., 1923. 172 с.
4. Ланцев С.Н. А.Ф. Керенский, Л.Г. Корнилов и британское политическое сообщество: ориентация на военную диктатуру // Вестник Брянского государственного университета : История. Литературоведение. Языкознание. 2012. № 2. С. 123–128.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 27.
6. Шмелев А.В. Внешняя политика правительства адмирала Колчака (1918–1919 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. 28 с.
7. Колдомасов И.П. Образ союзников по антигитлеровской коалиции в представлениях советского общества в 1941–1945 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000. 25 с.
8. Сергеев Е.Ю. Образ Запада в представлениях военной элиты России, 1900–1914 гг. : автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. М., 2001. 34 с.
9. Нестеренко П.Л. Сибирская периодическая печать о взаимоотношениях правительства А.В. Колчака с союзниками: источниковедческий аспект. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2000. 171 с.
10. Глущенко Н.А. Гражданская война и интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке в оценках американской периодической печати (конец 1917 – апрель 1920 гг.): по материалам газеты «The New York Times» : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2014. 22 с.
11. Луков Е.В., Шевелев Д.Н. Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918 – январь 1920 г.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. 184 с.
12. ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 3. Д. 56.
13. ГАРФ. Ф. Р-4856. Оп. 1. Д. 8.
14. За границей // Правительственный вестник (Омск). 1918. 22 нояб.
15. За границей // Правительственный вестник (Омск). 1918. 29 нояб.
16. Иностранная печать о России // Правительственный вестник (Омск). 1918. 22 нояб.
17. За границей // Правительственный вестник (Омск). 1918. 17 дек.
18. Россия и союзники // Правительственный вестник (Омск). 1918. 22 нояб.
19. Перемирие // Правительственный вестник (Омск). 1918. 29 нояб.
20. Победа и возрождающаяся Россия // Правительственный вестник (Омск). 1918. 28 нояб.
21. Гинс Г.К. Россия во время и после войны // Правительственный вестник (Омск). 1918. 29 нояб.
22. На путях к возрождению России // Правительственный вестник (Омск). 1918. 30 нояб.
23. О русском человеке // Правительственный вестник (Омск). 1918. 22 нояб.
24. Новая эпоха в жизни английской женщины // Правительственный вестник (Омск). 1918. 27 нояб.
25. Россия и союзники // Правительственный вестник (Омск). 1918. 1 дек.
26. Похороны французского солдата // Правительственный вестник (Омск). 1918. 28 нояб.
27. Генерал Жанен // Правительственный вестник (Омск). 1918. 1 дек.
28. Приезд генерала Жанена // Правительственный вестник (Омск). 1918. 15 дек.
29. Исторический архив Омской области. Ф. Р-1710. Оп. 1. Д. 28.
30. Жанен М. Отрывки из моего сибирского дневника // Сибирские огни. 1927. №. 4.
31. Заявление русских общественно-политических объединений генералу французской армии Морису Жанену // Правительственный вестник (Омск). 1918. 22 дек.
32. Разные известия // Правительственный вестник (Омск). 1918. 11 дек.
33. На путях к возрождению России // Правительственный вестник (Омск). 1918. 11 дек.
34. Россия и союзники // Правительственный вестник (Омск). 1919. 18 янв.
35. За границей // Правительственный вестник (Омск). 1919. 19 янв.
36. Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М. : ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2002. 702 с.
37. Хандорин В.Г. Адмирал Колчак: правда и мифы. Томск : Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2006. 269 с.

Stelmak Maksim M. Omsk State Technical University (Omsk, Russia). E-mail: stelmakmm@mail.ru

THE GAZETTE «GOVERNMENT HERALD» AND CREATING AN IMAGE OF GREAT BRITAIN AND FRANCE AS ALLIES OF SIBIRIAN COUNTER-REVOLUTION (END OF 1918 – BEGINNING OF 1919).

Keywords: Russian Civil War; anti-bolshevik movement; Great Britain; France; allies; the press; foreign affairs; Siberia.

This article aims to reveal the image of the main allies of anti-bolshevik movement. In November 1918, after the change of the government in Omsk, the question of providing assistance from the Allies continued to be very important. The Russian government of A.V. Kolchak felt a strong need in military supplies from Entente. Despite the fact that the military coup in Omsk has not changed the relationship between the anti-Bolshevik Russia and Allies, political leaders of the new government did everything possible to strengthen the alliance agreements. In the future, the Russian government of A.V. Kolchak expected to get international recognition from the Allied countries. Therefore, it was making every effort to positive coverage of the Allied actions. Studying the history of the foreign policy of the anti-Bolshevik regimes began almost immediately after the Civil War in Russia. The relations with the Allies through the press at this time did not get complete coverage. The image of the Allies, constructed actively in the anti-Bolshevik press, was given secondary importance. It is important to note in this regard the work of P.L. Nesterenko "Siberian periodicals about the relationship between the government of A.V. Kolchak and the Allies: source study aspect". "Government Herald" as the main organ of the press throughout the existence of the Russian government of A.V. Kolchak always paid attention to the international politics. Thanks to this source it is possible to identify the features of the image of the Allies, as well as to analyze the reasons that have had an influence on that image. The newspaper described the details of the meetings with representatives of foreign allies, published their interview where diplomats spoke about the nature of the new anti-Bolshevik government. In addition, much attention was paid to the biographies of senior foreign consuls and their deep knowledge of Russian. Controversial issues in relations with the Allies newspaper did not publish at all or tried to soften. This was due to the reluctance to show not only the enemy but also the local population the disagreements with the Allies. The main theme of the publications in the "Government Herald" was a demonstration of unity between the Russian anti-Bolshevik movement and its foreign allies. It was noted that the Allies were also interested in a strong anti-Bolshevik Russia. As a result, this unity had to ensure a victory over a common enemy. Thus, the "Government Herald" is one of the main and most important sources for the study the international politics during the Civil War in Russia.

REFERENCES

1. Pereverzev, A.Ya. (2003) *Komuch. Direktoriya. Kolchak: Antisovetskii lager' v Grazhdanskoy voyne na Vostoke Rossii* [Komuch. Directory. Kolchak: The anti-Soviet camp in the Civil War in the East of Russia]. Voronezh: Voronezh State University.
2. Shishkin, V.I. (2002) K istorii gosudarstvennogo perevora v Omske (18–19 noyabrya 1918 g.) [On the history of the coup in Omsk (18-19 November 1918)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 1(3). pp. 88-97.
3. Ward, D. (1923) *Soyuznaya interentsiya v Sibiri. 1918–1919. Zapiski nachal'nika angliyskogo ekspeditsionnogo otryada polkovnika Dzhona Uorda* [The allied intervention in Siberia. 1918–1919. Notes of the Chief of the British Expeditionary Detachment Colonel John Ward]. Translated from English. Moscow, Petrograd: GIZ.
4. Lantsev, S.N. (2012) A.F.Kerensky, L.G. Kornilov and the British political community: Orientation to military dictatorship. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta: Istoriya. Literaturoveden'e. Yazykoznanie – The Bryansk State University Herald*. 2. pp. 123-128. (In Russian).
5. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-200. List 1. File 27.
6. Shmelev, A.V. (1995) *Vneshnyaya politika pravitel'stva admirala Kolchaka (1918–1919 gg.)* [Foreign policy of Admiral Kolchak's Government (1918–1919)]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
7. Koldomasov, I.P. (2000) *Obraz soyuznikov po antigitlerovskoy koalitsii v predstavleniyakh sovetskogo obshchestva v 1941–1945 gg.* [The image of the allies in the views of Soviet society in 1941–1945]. Abstract of History Cand. Diss. Ekaterinburg.
8. Sergeev, E.Yu. (2004) *Obraz Zapada v predstavleniyakh voennoy elity Rossii, 1900–1914 gg.* [The image of the West in views of Russian the military elite, 1900–1914]. Abstract of History Doc. Diss.. Moscow.
9. Nesterenko, P.L. (2000) *Sibirskaya periodicheskaya pechat' o vzaimootnosheniyakh pravitel'stva A.V. Kolchaka s soyuznikami: istochnikovedcheskiy aspekt* [Siberian periodicals on the relations of A.V. Kolchak's government with the allies: The source study aspect]. History Cand. Diss. Tomsk.
10. Glushchenko, N.A. (2014) *Grazhdanskaya vojna interentsiya v Sibiri i na Dal'nem Vostoke v otsenkakh amerikanskoy periodicheskoy pechati (konets 1917 – aprel' 1920 gg.): po materialam gazety "The New York Times"* [The Civil War and intervention in Siberia and the Far East in the American periodicals (the late 1917 – April 1920): as reviewed by The New York Times]. Abstract of History Cand. Diss. Tomsk.
11. Lukov, E.V. & Shevelev, D.N. (2007) *Osvedomitel'nyy apparat beloy Sibiri: struktura, funktsii, deyatel'nost' (iyun' 1918 – yanvar' 1920 g.)* [Informants of the White Siberia: Structure, functions, activities (June 1918 – January 1920)]. Tomsk: Tomsk State University.
12. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-176. List 3. File 56.
13. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-4856. List 1. File 8.
14. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1918a) Za granitsey [Abroad]. 22nd November.
15. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1918b) Za granitsey [Abroad]. 29th November.
16. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1918c) Inostrannaya pechat' o Rossii [Foreign press about Russia]. 22nd November.
17. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1918d) Za granitsey [Abroad]. 17th December.
18. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1918e) Rossiya i soyuzniki [Russia and its allies]. 22nd November.
19. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1918f) Peremirie [Armistice]. 29th November.
20. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1918g) Pobeda i vrozhdaiushchayasya Rossiya [Victory and the resurgent Russia]. 28th November.
21. Gins, G.K. (1918) Rossiya vo vremya i posle voyny [Russia during and after the war]. *Pravitel'stvennyy vestnik*. 29th November.
22. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1918h) Na putyakh k vrozhdaiushcheyu Rossii [On the road to the revival of Russia]. 30th November.
23. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1918i) O russkom cheloveke [About the Russian man]. 22nd November.
24. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1918j) Novaya epokha v zhizni angliyskoy zhenshchiny [A new era in the life of an English woman]. 27th November.
25. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1918k) Rossiya i soyuzniki [Russia and its allies]. 1st December.
26. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1918m) Pokhorony frantsuzskogo soldata [The funeral of a French soldier]. 28th November.
27. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1918n) General Zhanen [General Janin]. 1st December.
28. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1918o) Priezd generala Zhanena [The arrival of General Janin]. 15th December.
29. The Historical Archive of Omsk region. Fund R-1710. List 1. File 28.
30. Janin, M. (1927) Otryvki iz moego sibirskogo dnevnika [Excerpts from my Siberian diary]. *Sibirskie ogni*. 4.
31. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1918p) Zayavlenie russkikh obshchestvenno-politicheskikh ob"edineniy generalu frantsuzskoy armii Morisu Zhanenu [Statement by the Russian socio-political organizations of the French army, General Maurice Janin]. 22nd December.
32. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1918q) Raznye izvestiya [Various news]. 11th December.
33. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1918r) Na putyakh k vrozhdaiushcheyu Rossii [On the road to the revival of Russia]. 11th December.
34. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1918s) Rossiya i soyuzniki [Russia and its allies]. 18th January.
35. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1919) Za granitsey [Abroad]. 19th January.
36. Plotnikov, I.F. (2002) *Aleksandr Vasil'evich Kolchak: issledovatel', admiral, Verkhovnyy pravitel' Rossii* [Alexander Kolchak: Explorer, Admiral, Supreme ruler of Russia]. Moscow: Tsentrpoligraf.
37. Khandorin, V.G. (2006) *Admiral Kolchak: pravda i mify* [Admiral Kolchak: Truth and myths]. Tomsk: Tomsk state University of Architecture and Building.

УДК 930.85+355.40
DOI 10.17223/19988613/40/6

Н.П. Бучко, Ю.Н. Ципкин

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ВОСТОКЕ РОССИИ: ПРОТИВОСТОЯНИЕ РАЗВЕДОК

Рассматриваются различные аспекты противостояния разведок противоборствующих сторон в годы Гражданской войны в России на Востоке страны. Анализируется характер разведывательной и контрразведывательной деятельности спецслужб. Особое внимание уделено характеру проводимых мероприятий, специфике проводимой работы, направленной на получение необходимой информации о планах противника.

Ключевые слова: Гражданская война; разведка; контрразведка; разведывательные органы.

Гражданская война в России не только включала военное противоборство сражавшихся лагерей, но и нашла свое отражение в противостоянии разведывательных структур. В этом противодействии особое место занимала деятельность разведок и контрразведок, направленная на выявление планов противника и устранение его агентуры.

После падения советской власти и образования эсеров-меньшевистских правительств на Востоке России летом – осенью 1918 г. дальневосточные организации РКП(б) стали создавать свои подпольные ячейки и группы. Наиболее активной стала эта деятельность после установления белых режимов. В качестве задач подпольных структур были подготовка забастовок и демонстраций, организация помощи партизанам и создание самих партизанских отрядов, пропаганда среди населения и войск противника. Противодействие проводимой большевистским подпольем работе стало для белогвардейской разведки и контрразведки делом особой важности.

С приходом к власти А.В. Колчака были реформированы спецслужбы, действовавшие в пределах России. Руководство прифронтовой разведкой было возложено на Штаб Верховного главнокомандующего, а агентурной – на Главный штаб. Контрразведка армии и тыла были объединены под руководством 2-го генерал-квартирмейстера штаба ВГК. Агентурная разведка в военных округах подчинялась военно-статистическим отделениям (ВСО), которые одновременно занимались и контрразведывательной деятельностью. При подборе кадров и вербовке агентуры предпочтение отдавалось бывшим офицерам контрразведки царской армии и жандармам как наиболее опытным и надежным. Свои контрразведки на местах имели казацкие атаманы Г.М. Семенов, И.М. Гамов, И.П. Калмыков и воинские начальники. Гражданские органы внутренних дел также занимались политическим сыском. 7 марта 1919 г. при Департаменте милиции МВД был создан «Особый отдел государственной охраны» и соответствовавшие отделы на местах.

В конце августа 1918 г. большевики в условиях перелома сил интервентов и белогвардейцев приняли решение распустить отряды Красной армии и Красной гвардии и перейти к партизанской и подпольной дея-

тельности. В ноябре 1918 г. в ЦК РКП(б) состоялось совещание представителей большевистских организаций восточных районов, захваченных интервентами и белогвардейцами. На совещании было создано Центральное бюро коммунистических организаций оккупированных районов, которое возглавило подпольную работу в восточных районах России. Для руководства большевистскими подпольными организациями Сибири ЦК РКП(б) создал 17 декабря 1918 г. Сибирское бюро ЦК в Уфе [1. С. 95]. Только в 1919 г. Сибирское бюро РКП(б) направило за линию фронта более 200 чел. для проведения работы по разложению белого тыла [2. С. 70, 71]. Так, по заданию ЦК и Сиббюро на Дальнем Востоке в феврале – марте 1919 г. побывал связной ЦК Д.Д. Киселев, который установил связь с подпольщиками Владивостока, Благовещенска, Хабаровска и Харбина [3. С. 200]. Для работы в калмыковской милиции в Хабаровске большевики оставили группу из 5 чел. Правда, о работе этой группы из открытых источников мало что известно [4. Л. 87]. Большевистские подпольные организации издавали газеты и листовки, в том числе для солдат интервенционистских войск, собирали информацию (подпольщики работали на телеграфе) и передавали ее партизанам, совершали диверсии [5. Л. 1–3]. Однако из-за организационных сложностей, нехватки средств, преследований белой контрразведки им приходилось действовать с огромными трудностями. Большая работа велась и через рабочий Красный Крест, который помогал арестованным большевистским активистам бежать из тюрьмы, снабжал их одеждой и паспортами, укрывал бежавших. Так, в Амурской области с помощью Красного Креста, который направил в тюремную больницу медсестру М.Я. Мельникову и трех санитаров, был организован побег ряда большевиков, среди которых был и будущий секретарь Амурского обкома РКП(б), а затем руководитель Иностранного отдела ОГПУ (ИНО ОГПУ), т.е. внешней разведки ОГПУ в 1922–1929 гг., М.А. Трилиссер [6. С. 44, 199–201].

В особо сложных условиях действовали подпольщики в полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги (КВЖД). Сюда бежало множество противников Советской власти, на дороге активно работали спецслужбы белых режимов и иностранных госу-

дарств, в том числе Англии, США, Франции, Китая и Японии. На КВЖД большевистская организация наиболее активно использовала профсоюзы и кооперативные организации.

Сегодня достаточно открытым остается вопрос о деятельности разведки Красной армии в белогвардейском тылу и ее связи с коммунистическим подпольем Дальнего Востока. Так, в июне – июле 1919 г. по Транссибу и КВЖД с целью сбора разведывательной информации на Дальний Восток прибыл с поддельными документами один из сотрудников разведорганов 5-й Красной Армии. Он установил численность иностранных войск во Владивостоке. В сообщении была информация о расправах белогвардейцев с бастовавшими железнодорожниками, наличии противоречий между США и Японией [7. Л. 122–124].

В интересах большевистской разведки действовали и представители других социалистических партий. Эсеры Кондаков и Семенов внедрились в колчаковскую разведку, а затем явились в разведотдел 5-й Красной армии и вместе с чекистами повели оперативную игру с целью дезинформации белогвардейского командования. С их помощью были обезврежены 130 белых диверсантов [8. С. 258, 259]. Весной 1919 г. П.Я. Михайлов возглавил сформированный им Сибирский союз социалистов-революционеров. Союз проводил работу в частях белогвардейских и интервенционистских войск. В своем обращении к чехословацким частям в октябре 1919 г. Союз призвал их бороться против колчаковского режима и не противодействовать восстановлению свободы в России. В августе 1919 г. Сибкрайком партии социалистов-революционеров создал «Военно-социалистический союз защиты народовластия». Эта структура занималась агитацией в белой армии, и прежде всего в 1-й Сибирской армии А.Н. Пепеляева, который и сам был не чужд правозсеровских и областнических взглядов [9. С. 497–501, 517–520]. Бюро союза имело два центра – в Иркутске и Владивостоке [10. Л. 1, 13]. В конце декабря 1919 г. Михайлов был арестован в Иркутске колчаковской контрразведкой и 7 января 1919 г. зверски убит на пароходе «Ангара».

Для борьбы с оппозиционными силами белая контрразведка использовала целый арсенал средств и методов. В приемы оперативно-разыскной деятельности белогвардейских спецслужб входили наружное наблюдение, расстановка секретных постов, внедрение агентов в подпольные группы и партизанские отряды, а также провокации. Зачастую контрразведка и отряды колчаковской милиции проводили массовые облавы и аресты, чтобы затем путем «фильтрации» арестованных выявить партизан и подпольщиков. В марте 1919 г. белогвардейцы раскрыли подпольную организацию в Благовещенске и предотвратили восстание под руководством большевиков, возглавить которое должен был руководитель Благовещенского подпольного комитета РКП(б) Ф.Н. Мухин [11. С. 152]. Разоблачение восстания стало возможным благодаря введению белой

контрразведкой в состав партизанского отряда прапорщика В.Г. Задерновского и легализации последнего в партизанской среде как участника хабаровского и благовещенского подполья большевиков. В состав подпольщиков был внедрен и провокатор Сизов. Слабая конспирация среди партизан позволила Задерновскому остаться неразоблаченным. Он же завербовал арестованного соратника Ф.Н. Мухина П.И. Гриднева, спас его от расстрела и поддерживал с ним связь и после Гражданской войны, впоследствии обеспечивая себе алиби [12. С. 40, 48, 49]. В своей провокации белогвардейская контрразведка использовала агента Розенблата. Он считался членом Благовещенской парторганизации и якобы был направлен для связи в Хабаровск. Большевики знали Розенблата как члена партии с 1914 г. Именно он в мае 1919 г. провалил Хабаровскую подпольную организацию РКП(б). Ее руководители были арестованы. Попытка ликвидировать белогвардейского агента не удалась [13. С. 163, 164]. При освобождении хабаровских подпольщиков в мае 1919 г. белогвардейцами были схвачены и убиты большевики Г.Н. Аксенов, А.М. Криворучко и др. [14. Л. 11, 12].

В начале 1919 г. белогвардейская контрразведка нанесла удар по подпольным организациям Урала, Сибири и Дальнего Востока. Были раскрыты организации в Благовещенске, Екатеринбурге, Новониколаевске (Новосибирске), Омске, Перми, Челябинске и Чите. Был сорван план большевиков – провести всеобщее восстание в тылу Колчака. Провал подпольщиков обеспечил агент контрразведки Струкова, который прибыл из Благовещенска и выявил конспиративные квартиры подпольщиков [15. С. 65]. Это объяснялось опытностью кадров контрразведки, часть которых имела опыт старой жандармской службы, и ошибками в конспирации подпольщиков [1. С. 101, 103]. Колчаковские офицеры разведорганов, многие из которых были добровольцами, под обликом беженцев находили для себя возможность вести разведывательную деятельность в качестве рабочих или советских служащих.

В конце октября 1919 г. провокаторы Заварзина и Лапты, работавшие на калмыковскую контрразведку, еще раз провалили большевистскую организацию в Хабаровске [16. Л. 1–31]. Были раскрыты подпольщики, работавшие в белой милиции. Таким образом, Хабаровская подпольная организация РКП(б) три раза терпела серьезные провалы из-за деятельности белой контрразведки. Заварзин и Лапта позже были разоблачены в партизанском отряде Я.И. Тряпицына, который действовал на Нижнем Амуре.

Диким произволом отличались контрразведки казачьих атаманов Г.М. Семенова и И.П. Калмыкова. Бессудные расправы, обыски, разбои и грабежи обывателей и пассажиров поездов, следовавших через Хабаровск, которые записывались в «большевики» и «немецкие агенты», достигли невероятных размеров. Стремясь хоть как-то придать законный характер творимому произволу, Калмыков, осознав негативную

реакцию зажиточного населения и американских интервентов, придерживавшихся «либеральных ценностей», а также, что часть добычи уходила от него, расстрелял в октябре 1918 г. свой «Юридический отдел» во главе с хорунжим Кандауровым [17. Л. 106].

В конце 1919 г., когда колчаковский режим трещал по всем швам, в контрразведке белых стало известно о подготовке выступлений против власти в Иркутске, Красноярске, Новониколаевске. Однако она не могла предотвратить их, так как режим не имел достаточно надежных сил в тылу [18. С. 41, 42, 49, 50]. Колчаковская контрразведка имела данные и о подготовке восстания во Владивостоке под руководством чешского генерала Р. Гайды. Отчасти благодаря этому 17–18 ноября 1919 г. восстание было подавлено правительственными войсками и интервентами [19. Л. 4].

В условиях отступления колчаковцев от Омска до Байкала организация разведки белыми фактически отсутствовала. В начале 1920 г. колчаковский режим пал окончательно, но бои против интервентов и белогвардейцев в Забайкалье продолжались еще до ноября 1920 г., а в Приморье – до октября 1922 г. Правда, в рядах победителей оставалось еще много неразоблаченных агентов белой и иностранных разведок и контрразведок. Именно они составили основу сети белогвардейского шпионажа на территории Дальневосточной республики (ДВР) в 1920–1922 гг., а возможно, и в более поздние времена.

Государственная политическая охрана (ГПО) ДВР раскрыла в Чите и Хабаровске несколько подпольных белогвардейских групп. В Хабаровске была ликвидирована шпионская группа Полозина, подчинявшаяся разведке атамана Семенова. Была раскрыта и другая группа во главе с владельцем ресторана Феофановым [20. Л. 70, 74]. В апреле 1921 г. ГПО предотвратила белогвардейский мятеж в Благовещенске, который готовила Амурская военная организация (АВО) генерала Е.Г. Сычева, которая базировалась на правом берегу Амура в китайском городке Сахалин (ныне – г. Хейхэ). Начальник штаба АВО семеновский генерал Сербинович руководил разведкой и контрразведкой белых и осуществлял связь с атаманом Семеновым, а после белогвардейского переворота в Приморье и с правительством Меркуловых. Общую координацию действий заговорщиков осуществляло через японские военные миссии в Китае командование японской армии [12. С. 25, 26]. Разведуправление (РУ) штаба Народно-революционной армии (НРА) в тесном сотрудничестве с РУ РККА внимательно отслеживало численность, состав, дислокацию японских войск в Приморье, Маньчжурии и Корее, а также белогвардейских формирований на дальневосточной окраине России. Большое внимание уделялось выявлению белоэмигрантских группировок в Китае и их планов. Были созданы резидентура во Владивостоке, Харбине и др. [21. Л. 97, 99–102, 150–154, 221–229], а также сорваны планы белого подполья в столице ДВР Чите и многие рейды бело-

партизанских групп по республике. С помощью иностранной агентуры и подполья Коминтерна были разоблачены белогвардейские агенты в Шанхае и Тяньцзине, которые готовились к заброске в Советскую Россию и Дальневосточную республику [22. Л. 6–7, 21]. Однако всю белогвардейскую сеть в ДВР ГПО раскрыть не удалось.

26 мая 1921 г. остатки белых армий при прямой поддержке японских войск совершили в Приморье переворот и образовали Временное Приамурское правительство во главе с предпринимателями братьями Меркуловыми. В сложившихся условиях большевистская организация Приморья ушла в подполье и создала новый руководящий орган коммунистов – Областной революционный комитет РКП(б). 18 июня 1921 г. левые партии области для ликвидации белого режима создали Межпартийное социалистическое бюро, которое сформировало Военно-технический центр для разложения белой армии. В одном из первых своих обращений к населению Бюро призвало бойкотировать выборы в создаваемое меркуловским правительством Приамурское Народное собрание и бороться против антисоветского режима [23. Л. 200]. Фактически была реализована идея создания единого фронта левых сил. 27 июля 1921 г. Дальбюро ЦК РКП(б) постановило начать подготовку к восстанию с целью свержения белого режима [24. Л. 133]. Активизировали операции партизаны. Они взрывали мосты, рвали связь, обстреливали посты и казармы японцев и белых.

В агитационно-пропагандистской работе в белой армии, отступавшей на дальневосточную окраину страны, большевики учитывали особенности ее личного состава. Большинство солдат и офицеров белогвардейских воинских формирований состояло из уроженцев Поволжья, Урала и Сибири. В состав каппелевских войск, названных так по имени последнего командующего Восточным фронтом генерала В.О. Каппеля, входили части, состоявшие из ижевских и воткинских рабочих, которые сражались против Советов в 1918 г. под красными эсеровскими знаменами самарского Комуча, а затем вошли в колчаковскую армию. Кроме того, в белых войсках служили много татар и башкир. С учетом этого коммунисты вели агитацию и пропаганду в белой армии не только с классовых, но и с национальных, религиозных и «территориальных» позиций, учитывая естественную тягу солдат и офицеров домой. В каппелевские войска под видом безработных вступили несколько десятков коммунистов и комсомольцев. В Приморье и на КВЖД действовали разведчики ВЧК – ГПУ, Красной армии и спецслужб Дальневосточной республики – Осведомительного (разведывательного) отдела НРА и ГПО Дальневосточной республики.

В 1921 г. советский военный разведчик Л.Я. Бурлаков («Аркадий») стал резидентом военной разведки ДВР во Владивостоке и создал свою агентурную сеть. Он привлек к работе на разведку армии ДВР бывшего переводчика Заамурского военного округа и

Разведотдела Приамурского военного округа В.С. Ощепкова. Последний еще в 1917 г. оставил военную службу и открыл частное бюро переводов. Прекрасно знавший японский язык, В.С. Ощепков согласился работать на большевиков, и ему был присвоен псевдоним «Японец», а затем «Д.Д.». Он устроился в Управление военно-полевых сообщений японских войск в Приморье и сообщал «Аркадию» сведения о дислокации частей интервентов и планах их командования [25. С. 8–10, 61]. Скорее всего, именно о нем сообщал в июне 1921 г. в Дальневосточное бюро ЦК РКП(б) председатель Облпартревкома В.П. Шишкин («Володя маленький»), что большевистские агенты, работающие в японском штабе, сфотографировали 50 документов [26. Л. 2].

Для борьбы с коммунистическим подпольем и спецслужбами Советской России и ДВР новый белый режим стал создавать аппарат разведки и контрразведки. Временное Приамурское правительство имело свою контрразведку – Информационное отделение (милиейско-инспекторское) Административного отдела МВД во главе с жандармским полковником Булаховым. Он в 1918 г. руководил военной контрразведкой (военным контролем) Иркутского военного округа. Его помощником стал Н.П. Злобин, при Колчаке служивший начальником Центрального органа военного контроля, т.е. контрразведки. На местах действовали филиалы Отдела – информационные пункты [27. Л. 4, 7, 11, 12]. Военную контрразведку возглавил полковник Богословский. Ему подчинялись контрразведки белогвардейских корпусов и бригад, в том числе начальник контрразведки 3-го корпуса полковник Гиацинтов. До Февраля 1917 г. он служил в Охранном отделении Петрограда, а при Колчаке был начальником Челябинской контрразведки [28. Л. 229, 234]. Спецслужбы Гродековской группы войск, состоявшей из бывших казачьих частей атаманов Семенова и Калмыкова, включали политический розыск, военный контроль и милицию [29. Л. 89, 90].

В области скопились и кадры белых спецслужб, опиравшихся на опыт борьбы с левыми силами до 1917 г. и в годы Гражданской войны 1918–1920 гг. Значительную поддержку белой контрразведке оказывали японские спецслужбы. Для белогвардейцев и интервентов главными противниками оставались коммунисты. В Советской России и Дальневосточной республике остались неразоблаченные агенты белогвардейцев. Не случайно уже после ликвидации колчаковского режима Полномочное представительство ВЧК по Сибири отмечало профессионализм работников белогвардейской контрразведки, их организаторские способности и таланты, в особенности в деле вербовки и обучения агенты [8. С. 185, 186].

К осени 1921 г. в каппелевских соединениях и частях были созданы подпольные ячейки. Бывший член Облпартревкома Я.К. Кокушкин вспоминал, что коммунисты стремились распространить влияние на рядовых солдат каппелевских частей, которые к семеновцам бы-

ли настроены недружелюбно и тяготились своей ролью прислужников японской военщины [30. С. 106].

«Партийная разведка» Приморья действовала в тесном сотрудничестве со спецслужбами Дальневосточной республики – Осведомительным (разведывательным) отделом НРА ДВР и ГПО [31. С. 64, 65]. В Приморье с декабря 1920 г. работал военный разведчик Х.И. Салнынь («Осип») [25. С. 90–94]. В сентябре 1921 г. Разведывательное управление при Военном совете НРА приняло Владивостокскую резидентуру от разведотдела 2-й Амурской армии. Резидентом военной разведки стал А.В. Одинцов («Михаил»). Его помощником был «Осип». Такое сотрудничество «партийной разведки» и военной разведки ДВР было обусловлено нехваткой финансовых средств и квалифицированных кадров, а также задачей сбора информации о планах и деятельности японских интервентов, штабов белых частей, буржуазного правительства, иностранных консульств и иностранных спецслужб [32. С. 372–375].

На «войсковой конференции» 4 октября 1921 г., на которой присутствовали представители подпольных ячеек белой армии, члены Исполнительного бюро профсоюзов и Союза грузчиков, обсуждался вопрос об участии в восстании грузчиков и прибытии из Анучино во Владивосток 150 партизан для помощи восставшим [33. С. 113, 125]. Однако контрразведка Временного Приамурского правительства с помощью японской разведки раскрыла заговор. Погибли около двухсот подпольщиков.

Белогвардейская контрразведка внедрила в ряд государственных организаций ДВР в Хабаровске своего агента Н. Антоненко (она же – Виноградская, она же – Бутенко). Она сумела завоевать доверие, и ей поручили осуществлять связь из Хабаровска с коммунистическим подпольем во Владивостоке. Так были провалены подпольные партийные и комсомольские организации, явки. Да и сами подпольщики во Владивостоке проявили в ряде случаев непростительную беспечность [34. С. 179, 180].

13 октября 1921 г. меркуловское правительство после раскрытия планов большевиков ввело «Особое положение об охране государственного порядка», согласно которому для предотвращения восстания большевиков войска размещались в стратегических пунктах области, а на Военно-морское ведомство возлагались функции по охране государственного порядка. Уже сточались законы, вводилась смертная казнь. Была усилена охрана правительственных чиновников и государственных учреждений, вводилась обязательная прописка, без особого на то разрешения запрещались все собрания. Ряд офицеров за косвенное причастие к заговору был уволен из армии в запас. Они лишились орденов и воинских званий [35]. Однако принимаемые властью меры не улучшали условия работы белых разведчиков, ощущалась нехватка средств, имели место интриги среди различных спецслужб, командования белой армии и гражданской администрации [36. Л. 11, 12, 14].

Рискуя жизнью, разведчики НРА и подпольщики добывали ценную информацию для руководства ДВР. Однако Дальбюро ЦК РКП(б), правительство ДВР и командование НРА не учли разведывательной информации из Приморья и ожидали удар белогвардейцев из Монголии в районе Забайкалья, где летом 1921 г. был разгромлен барон Унгерн. Там были сосредоточены наиболее боеспособные части НРА и почти все бронепоезда.

Кроме того, руководство ДВР переоценило дипломатические средства борьбы и надеялось на ликвидацию интервенции путём переговоров в Дайрене. 30 ноября 1921 г. белоповстанцы (так стали называться белые части) выступили из Южного Приморья (японские войска в походе не участвовали) и, легко сбивая слабые заслоны НРА, 21 декабря захватили Хабаровск. Лишь 10–12 февраля 1922 г. в боях под Волочаевкой наступил перелом. Белогвардейцы оставили 13 февраля Хабаровск и откатились к Спасску.

В мае – августе 1922 г. приморский режим поразил острейший кризис, в результате которого правительство ушло в отставку. В августе 1922 г. был созван Земский собор, где Верховным правителем Земского Приамурского края был избран монархист, мистик и крайний реакционер генерал М.К. Дитерихс. Он реформировал аппарат разведки и контрразведки. Аппарат военной контрразведки был объединен с МВД [8. С. 132, 175].

6–9 октября 1922 г. под Спасском силами НРА были разгромлены последние боеспособные белые части. 25 октября 1922 г. НРА торжественно вошла во Владивосток, а население с энтузиазмом приветствовало ее. 14 ноября 1922 г. Дальневосточная республика постановлением ее Народного собрания II созыва была ликвидирована и Дальний Восток воссоединился с Советской Россией. Закончилась Гражданская война. Теперь органам ОГПУ – НКВД пришлось бороться с белоэмигрантскими группами в Китае, которые действовали под руководством японских спецслужб.

ЛИТЕРАТУРА

1. Героические годы борьбы и побед. Дальний Восток в огне Гражданской войны. М., 1968.
2. Катков Н.Ф. Агитационно-пропагандистская работа большевиков в войсках и тылу белогвардейцев в период 1918–1920 гг. Л., 1977.
3. Сибирское бюро ЦК РКП(б) 1918–1920 гг. : сб. док. Новосибирск, 1978. Ч. 1.
4. Государственный архив Хабаровского края (далее – ГАХК). Ф. 442. Оп. 2. Д. 94.
5. ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 45.
6. Вечно живое пламя : сб. воспоминаний участниц Гражданской войны на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1965.
7. ГАХК. Ф. 1736. Оп. 1. Д. 33 а.
8. Кирмель Н.С. Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне. 1918–1922 гг. М., 2008.
9. Партия социалистов-революционеров. М., 2000. Т. 3. Ч. 2 : Октябрь 1917–1925 г.
10. ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 172.
11. Малышев В.П. Борьба за власть Советов на Амуре. Благовещенск, 1961.
12. Показаньев А.Д. На крутых поворотах. Благовещенск, 2007.
13. Постоловская К. Большевистское подполье в Хабаровске // Таёжные походы. Хабаровск, 1972.
14. ГАХК. Ф. 442. Оп. 2. Д. 23.
15. Бойко-Павлов Д.И. Как зарождалось партизанское движение в Приамурье // Этим дней не смолкнет слава : сб. воспоминаний участников Гражданской войны на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1957.
16. ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 206.
17. ГАХК. Ф. Р-401. Оп. 1. Д. 9.
18. Иванов Вс.Н. Исход // Дальний Восток. 1994. № 12.
19. ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 172.
20. Российский Государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 372. Оп. 1. Д. 1176.
21. ГАХК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 57.
22. ГАХК. Ф. 963. Оп. 1. Д. 2.
23. РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 99.
24. РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 182.
25. Лота В.И. За гранью возможного. Военная разведка России на Дальнем Востоке 1918–1945 гг. М., 2008.
26. ГАХК. Ф. 1024. Оп. 1. Д. 2.
27. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 944. Оп. 1. Д. 591.
28. РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 113.
29. ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 356.
30. Кокушкин Я.К. Давнее, да не минувшее // Вопросы истории КПСС. 1986. № 7.
31. Зданович А.А. Организация и деятельность органов военной контрразведки в Народно-революционной армии Дальневосточной республики (1920–1922 гг.) // Труды общества изучения истории отечественных спецслужб. М., 2006. Т. 1.
32. Шинин О.В. Большевистская «партийная» разведка в период существования в Приморской области буржуазных правительств (май 1921 г. – октябрь 1922 г.) // Гражданская война и военная интервенция на российском Дальнем Востоке: уроки истории. Программа и тез. док. и науч. сообщений Второй междунар. науч. конф. Владивосток, 2012.
33. Ципкин Ю.Н. Белое движение на Дальнем Востоке (1920–1922 гг.). Хабаровск, 1996.
34. Авдеева Н.А. Военно-политическая обстановка на Дальнем Востоке в 1921 г. и ее влияние на действия Народно-революционной армии Дальневосточной республики // Вопросы истории Дальнего Востока (ХГПИ). Хабаровск, 1975. Вып. V.
35. Вестник Временного Приамурского правительства. 1922. 29 июля.
36. ГАРФ. Ф. 944. Оп. 1. Д. 591.

Buchko Nikolay P. Far East State Humanitarian University (Khabarovsk, Russia). E-mail: buchko65@mail.ru ; *Tsipkin Yury N.* Far East State Humanitarian University (Khabarovsk, Russia). E-mail: buchko65@mail.ru

CIVIL WAR IN THE EAST OF RUSSIA: OPPOSITION OF INVESTIGATIONS.

Keywords: Civil war; investigation; counterespionage; prospecting bodies.

During the Civil War that lasted almost five years in the Far East (1918–1922), not only the fighting of the armies, but also the stand-off of the Bolsheviks and the White Guard special services were severe. The latter was supported by the Japanese Intelligence service. When the Soviet power fell and the combined socialist revolutionary-Mensheviks' and White governments were set up, the Far Eastern organizations of the Russia's Communist Party (of the Bolsheviks) started to build its underground cells and groups. The underground units were engaged in intelligence collection, preparation of strikes and demonstrations, organizing help to guerrillas, and sometimes creation of guerrilla units, as well as propagation efforts among the population and interventionists' and White Guard troops. The Red Army intelligence officers who worked deep inside the Kolchak regime were in close contact with the communist underground forces of Siberia and the Far East. That is why it was a primary mission of the White Guard intelligence and counterintelligence services to break down the communist underground organization. During staffing and recruiting agents, the army officers and former gendarmes were preferable due to their experience and reliability. Civil law enforcement bodies were also engaged in political investigation work. The methods of the White Guard special services' field activities included surveillance, placing of secret patrols and planting of agents into the underground groups and guerrilla units, as well as provocative actions. Counterintelligence and Kolchak militia units carried out frequent round-ups and arrests of large numbers of people so as to identify guerrillas and underground fighters through "filtering" the arrested men. In the winter and spring of 1919 the White Guard counterintelligence struck a blow on the underground organizations of the Urals, Siberia and the Far East. The Chita, Khabarovsk and Blagoveshchensk organizations were disclosed and plans of the Bolsheviks broken to arrange an overall revolt inside the Kolchak's rear. The Red Army victories, guerrilla and underground movements resulted in breakdown of the Kolchak regime. After the establishment of the Far Eastern republic in 1920 the Bolsheviks set up their special services in the region – the State political guard and the Intelligence headquarters of the People's Revolutionary Army. After the White Guard coup in the Primorsk Region on May 26, 1921 the fight between the hostile special services was sharply aggravated. The Primorsk Bolsheviks set up their "party" intelligence and planted their people into the headquarters and establishments. The "party" intelligence maintained close cooperation with the residency of the military intelligence of the People's Revolutionary Army in Vladivostok. A revolt against the White regime was being prepared. However, the net of the Bolsheviks underground was disclosed and defeated by way of multi-step action of the White Guard counterintelligence supported by the Japanese. After the failure of the "Khabarovsk campaign" and defeat of the White Army near Volochayevka in February 1922 the Merkulov regime in Primoriye was hit by the crisis. The decision of Japan to evacuate its troops and the defeat of the White Guard near Spassk put an end to the white regimes in the Russian Far East. Local successes of the White Guard special services could not ensure the most important thing – people's support of the white regimes. No doubt, the communist underground intelligence and the Soviet special services, that increased their experience, played a great role in the defeat of counterrevolutionary movement during the time of the Civil War.

REFERENCES

- Petrov, F.N. (ed.) (1968) *Geroicheskie gody bor'by i pobed. Dal'niy Vostok v ogne grazhdanskoy voyny* [The heroic years of struggle and victories. The Far East in the fire of the Civil War]. Moscow: Nauka.
- Katkov, N.F. (1977) *Agitatsionno-propagandistskaya rabota bol'shevikov v voyskakh i tylu belogvardeytssev v period 1918–1920 g.* [Advocacy work of the Bolsheviks in the army and the rear of the White Guards in 1918–1920]. Leningrad: Leningrad State University.
- Shindin, A.M. (1978) *Sibirskoe byuro TsK RKP(b) 1918 – 1920 gg.* [The Central Committee of the RCP Siberian Bureau (b) 1918–1920]. Novosibirsk: West Siberian Book Publ.
- The State Archives of Khabarovsk Territory (GAKhK). Fund 442. List 2. File 94.
- The State Archives of Khabarovsk Territory (GAKhK). Fund P – 44. List 1. File 45.
- Shestakov, Yu.A. (ed.) (1965) *Vечно живое пламя: sb. vospominaniy uchastnits Grazhdanskoy voyny na Dal'nem Vostoke* [The ever-living flame: Collection of memories of the participants of the Civil War in the Far East]. Khabarovsk: Book Publ.
- The State Archives of Khabarovsk Territory (GAKhK). Fund 1736. List 1. File 33 a.
- Kirmel, N.S. (2008) *Belogvardeyskie spetssluzhby v Grazhdanskoy voyne. 1918–1922 gg.* [The White Guard security services in the Civil War. 1918–1922]. Moscow: Kuchkovo pole.
- Shelokhaev, V.V. & Erofeev, N.D. (2000) *Partiya sotsialistov-revolutsionerov* [The Socialist-Revolutionary Party]. Vol. 3. Moscow: ROSSPEN.
- The State Archives of Khabarovsk Territory (GAKhK). Fund P – 44. List 1. File 172.
- Malyshev, V.P. (1961) *Bor'ba za vlast' Sovetov na Amure* [The struggle for Soviet power in the Amur]. Blagoveshchensk: Amur Book Publ.
- Pokazanyev, A.D. (2007) *Na krutykh povorotakh* [On tight corners]. Blagoveshchensk: Priamur'e.
- Postolovskaya, K. (1972) *Bol'shevistskoe podpol'e v Khabarovske* [The Bolshevik underground in Khabarovsk]. In: Chechulina, G.S. (ed.) *Taizhnye pokhody* [Taiga campaigns]. Khabarovsk: Khabarovsk Book Publ.
- The State Archives of Khabarovsk Territory (GAKhK). Fund 442. List 2. File 23.
- Boyko-Pavlov, D.I. (1957) *Kak zarozhdalos' partizanskoe dvizhenie v Priamur'e* [How the guerrilla movement started in the Amur]. In: *Etikh dney ne smolknet slava: sb. vospominaniy uchastnikov grazhdanskoy voyny na Dal'nem Vostoke* [The fame of these days will never fade: Coll. of memories of the participants of the Civil War in the Far East]. Khabarovsk: Khabarovsk Book Publ.
- The State Archives of Khabarovsk Territory (GAKhK). Fund P – 44. List 1. File 206.
- The State Archives of Khabarovsk Territory (GAKhK). Fund R – 401. List 1. File 9.
- Ivanov, Vs.N. (1994) *Iskhod* [Exodus]. *Dal'niy Vostok*. 12.
- The State Archives of Khabarovsk Territory (GAKhK). Fund P–44. List 1. File 172.
- The Russian State Archives of Socio-Political History (RGASPI). Fund 372. List 1. File 1176.
- The State Archives of Khabarovsk Territory (GAKhK). Fund 19. List 1. File 57.
- The State Archives of Khabarovsk Territory (GAKhK). Fund 963. List 1. File 2.
- The Russian State Archives of Socio-Political History (RGASPI). Fund 372. List 1. File 99.
- The Russian State Archives of Socio-Political History (RGASPI). Fund 372. List 1. File 182.
- Lota, V.I. (2008) *Za gran'yu vozmozhnogo. Voennaya razvedka Rossii na Dal'nem Vostoke 1918–1945 gg.* [Beyond the possible. Russian military intelligence in the Far East, 1918–1945]. Moscow: Kuchkovo pole.
- The State Archives of Khabarovsk Territory (GAKhK). Fund 1024. List 1. File 2.
- The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 944. List 1. File 591.
- The Russian State Archives of Socio-Political History (RGASPI). Fund 372. List 1. File 113.
- The State Archives of Khabarovsk Territory (GAKhK). Fund P – 44. List 1. File 356.
- Kokushkin, Ya.K. (1986) *Davnee, da ne minuvshee* [Long ago, but not past]. *Voprosy istorii KPSS*. 7.

31. Zdanovich, A.A. (2006) Organizatsiya i deyatelnost' organov voennoy kontrrazvedki v Narodno-revolyutsionnoy armii Dal'nevostochnoy respublik (1920–1922 gg.) [The organization and activities of the military counter-intelligence in the People's Revolutionary Army of the Far Eastern Republic (1920–1922)]. In: Bylinin, V. (ed.) *Trudy obshchestva izucheniya istorii otechestvennykh spetssluzhb* [Proceedings of the Society for the Study of history of domestic intelligence services]. Vol. 1. Moscow: Kuchkovo pole.
32. Shinin, O.V. (2012) [The Bolsheviks during the period of the bourgeois governments in Primorsk Region (May 1921 – October 1922)]. *Grazhdanskaya vojna i voennaya interentsiya na rossiyskom Dal'nem Vostoke: uroki istorii* [The Civil War and military intervention in the Russian Far East: the lessons of history]. Proc. of the 2nd International Conference. Vladivostok (In Russian).
33. Tsipkin, Yu.N. (1996) *Beloe dvizhenie na Dal'nem Vostoke (1920–1922 gg.)* [The White movement in the Far East (1920–1922)]. Khabarovsk: Khabarovsk state Pedagogical University.
34. Avdeeva, N.A. (1975) Voennopoliticheskaya obstanovka na Dal'nem Vostoke v 1921 g. i ee vliyanie na deystviya Narodno-revolyutsionnoy armii Dal'nevostochnoy respublik [The military-political situation in the Far East in 1921, and its impact on the actions of the People's Revolutionary Army of the Far Eastern Republic]. *Voprosy istorii Dal'nego Vostoka*. V.
35. *Vestnik Vremennogo Priamurskogo pravitel'stva*. (1922) 29th July.
36. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 944. List 1. File 591.

УДК 343.814(571.15)
DOI 10.17223/19988613/40/7

Р.А. Карпов

ФОРМИРОВАНИЕ КАДРОВОГО КОРПУСА СОВЕТСКОЙ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ В АЛТАЙСКОЙ ГУБЕРНИИ (1919–1925 гг.)

После освобождения Алтая от белогвардейской власти в конце 1919 г. началось строительство советской пенитенциарной системы. В губернии создавалась структура мест заключения. Немаловажную роль при этом играл кадровый потенциал. Однако однобокий, зачастую нерациональный классовый подход не только лишил пенитенциарную систему Алтайской губернии высококлассных специалистов старой школы, но и привлекал на службу неподготовленных новобранцев из беднейших слоев населения. Не улучшал качественный состав непрестижность службы, низкая зарплата, отсутствие налаженной служебно-профессиональной подготовки. Нерешенность кадрового вопроса, в свою очередь, негативно сказалась на деятельности пенитенциарной системы в 1919–1925 гг. в Алтайской губернии.

Ключевые слова: пенитенциарная система; места заключения; дом предварительного заключения; арестные дома; классовый подход.

В конце 1919 г. начинается постепенный процесс восстановления и развития советской системы мест заключения, прерванный во время белогвардейского переворота в Алтайской губернии в 1918 г. Порядок и условия организации лагерей, содержания в них заключенных детально регламентировался апрельским 1919 г. Постановлением ВЦИК «О лагерях принудительных работ», где предусматривалась обязательность физического труда заключенных и ставилась задача полной самокупаемости лагерей.

Основным документом, регулирующим деятельность пенитенциарной системы в начале 1920-х гг. на Алтае, стало «Положение об общих местах заключения РСФСР от 15 ноября 1920 г.» [1. С. 54–94].

В 1921–1922 гг. в системе советских мест заключения функционировали дома заключения, исправительно-трудовые дома, сельскохозяйственные и ремесленные колонии; переходные исправительные дома. Существовали изоляционные тюрьмы двух видов: одни – для содержания лиц, осужденных со строгой изоляцией, которые по характеру совершенного преступления нуждаются в особом режиме, другие – для содержания заключенных, которые, отбывая наказание в общих местах заключения, упорно не подчиняются требованиям режима [2]. В стране также действовали трудовые дома для несовершеннолетних правонарушителей; трудовые дома для правонарушителей из рабоче-крестьянской молодежи, а также колонии для психически неуравновешенных, туберкулезных и других больных заключенных, институты психиатрической экспертизы, больницы и т.д.

К местам лишения свободы относились и арестные дома, которые имелись в каждом отделе уездной милиции, где содержались лица, подозреваемые, обвиняемые и осужденные за различные преступления.

В рассматриваемый период в Алтайской губернии располагались Алтайский губернский дом предварительного заключения, Бийский дом предварительного заключения, Рубцовский дом предварительного заключения, дом предварительного заключения Ойротской

области [3]. Дом предварительного заключения в городе Змеиногорске просуществовал до 1922 г., когда и был расформирован. Лагеря принудительных работ существовали в городах Барнауле, Бийске, Славгороде. В 1921 г. Славгородский лагерь принудительных работ вошел в систему мест заключения Омской губернии. Существовал в Барнауле и концлагерь, где размещались в основном политические преступники – враги Советской власти.

Недостаточное финансирование пенитенциарной системы приводило к тяжелейшим условиям службы надзирательского состава, повсеместным нарушениям дисциплины и, как следствие, большим оттокам из системы сотрудников.

В Бийске в июне 1922 г. во время проверки арестного дома (ардома) было выявлено, что помещение, где расположился ардом, ветхое, хотя и просторное. В камерах стояло зловоние в связи с тем, что арестованные неаккуратно относились к отправлению естественных надобностей. Начальник арестного дома во время посещения комиссии был одет не по форме [4].

Достаточно сильно усложнял процесс комплектования подразделений сотрудниками мест лишения свободы в Алтайской губернии жесткий классовый подход. Многие профессионалы были вынуждены оставить службу из-за «неправильной» графы социального происхождения. Их место занимали нередко малообразованные, слабо представляющие специфику службы граждане из беднейших слоев общества.

Непрофессионализм ряда сотрудников приводил к тому, что некоторые заключенные незаконно удерживались в местах лишения свободы больше срока, чем им полагалось. В Рубцовском арестном доме содержались люди, не допрошенные в течение двух и более месяцев [5. С. 24].

Усугублял кадровый голод в формирующейся советской пенитенциарной системе конфликт интересов между различными наркоматами. В 1922 г. между Народным комиссариатом юстиции и Народным комиссариатом внутренних дел велась ожесточенная

борьба за право руководить всей советской пенитенциарной системой.

На момент передачи мест заключения из Наркомата юстиции в НКВД в составе Главного управления мест заключения (Главмзака) НКВД РСФСР (1922 г.) находилось: исправительно-трудовых домов – 159; домов предварительного заключения – 54; мест заключения без точно установленного наименования – 17; пересыльных, карантинных и тому подобных специального назначения мест заключения – 3; изоляционных тюрем – 2; сельскохозяйственных колоний – 29; трудовых домов для несовершеннолетних – 4; трудовых колоний – 1; концентрационных лагерей – 56; тюремных больниц – 5. Итого – 330 мест заключения, где содержались 80 559 чел. [6. С. 7].

Постепенно происходил рост числа мест лишения свободы. По данным прокуратуры, только с июня по ноябрь 1923 г. количество мест заключения в России вновь увеличилось с 303 до 375 [7. С. 1216]. В 1924 г. в РСФСР имелось уже 400 мест заключения (включая исправительные дома, сельскохозяйственные колонии, трудовые дома и т.п.) [8. Л. 2]. Рост численности заключенных, соответственно, предполагал расширение штатов надзирательского состава и увеличение финансовых потоков в пенитенциарную систему. Однако из-за многочисленных трудностей молодое советское государство было не способно полностью удовлетворить все возрастающие потребности советской пенитенциарной системы.

В местах лишения свободы Алтайской губернии с первых дней ее создания продолжал остро стоять кадровый вопрос. В отчете ГУМЗ «Пенитенциарное дело в 1922 г.» указывалось, что «обеспечение тюремной стражи не лучше заключенных, а, пожалуй, даже и хуже» [6. С. 43]. В 1923 г. некомплект личного состава в среднем по РСФСР составлял 50% и выше [9. С. 64]. На дефицит штатов указывалось в сводке о положении исправительно-трудового дела в Сибирском крае за первое полугодие 1924/25 гг. [10].

Для сотрудников пенитенциарной системы хронически не хватало служебного жилья. В 1923 г. большинство сибирских сотрудников надзора мест заключения своих квартир не имели [11. Л. 121]. Проблема жилья была характерна для всех без исключения мест заключения Алтайской губернии.

Советом народных комиссаров СССР было издано постановление от 23 ноября 1923 г., которое предписывало администрации мест заключения право освобождать дома, помещения и общежития, предназначенные для проживания лиц административного персонала и надзора мест заключения и находящиеся на территории их и непосредственно прилегающие к ним, от проживающих в них посторонних лиц, не связанных службой с местами заключения, путем выселения их в административном порядке.

Лица, уволенные со службы в местах заключения, а также их семейства должны были в течение месячного

срока выселиться в административном порядке из занимаемых ими помещений при местах заключения [12. С. 29]. Однако это так и не смогло решить острейшую жилищную проблему.

Инспектор мест заключения Алтайской губернии в декабре 1923 г. указывал на невозможность укомплектовать полностью штаты из-за низкой зарплаты и отсутствия общежитий. Ситуацию с кадрами удавалось несколько улучшать командированием на службу в места лишения свободы коммунистов. В начале 1920-х гг. ситуация обострялась из-за общей дороговизны и инфляции в стране. Низкая зарплата «съедалась» продолжающим падением курса рубля и несвоевременным финансированием. У сотрудников мест заключения удерживались различные выплаты в Профсовет, Губком, Воздухофлот, на приобретение облигаций и т.д. Иногда различные поборы достигали 25% от полученной зарплаты. Сотруднику оставалось на руках 1 500 рублей при цене на муку в 700–800 руб. за пуд. Инспектор мест заключения Алтайской губернии в заключение своего доклада весьма красноречиво описывал состояние надзирателей: «Многие из надзора, имея 5–8 человек в семье, обречены на голодное существование, продороженные под осенним дождем на посту, вынуждены были идти на незаконные сделки с заключенными, занимаясь спекуляцией среди арестантов» [11. Л. 112].

Ситуацию ухудшало то, что иногда сотрудники арестных домов и лагерей не получали вовремя положенные им продуктовые пайки и обмундирование, как это произошло в 1924 г. со служащими и надзирателями Рубцовского арестного дома [13. Л. 197].

При выборочной ведомственной проверке в ряде домзаков страны в сентябре 1924 г. была выявлена непригодность к службе 50 человек младшего надзора. В августе этого же года было уволено 27 младших надзирателей. Во время проверок многие сотрудники показали свое низкое политическое сознание, малограмотность и слабую дисциплину. Привлечению на службу лучших кандидатов мешала маленькая зарплата [Там же. Л. 111].

Вступивший в июле 1924 г. на пост начальника Алтайского губернского дома заключенных Иван Николаевич Кутанов с горечью отмечал сложившуюся тяжелейшую морально-психологическую ситуацию в коллективе: «Среди надзирателей склоки. В результате чего образовалось два враждующих лагеря. У многих сотрудников наблюдается низкая дисциплина, распушенность и расхлябанность» [Там же. Л. 123].

В результате постоянного недостатка профессиональных сотрудников в уголовно-исполнительной системе губернии нередко были чрезвычайные ситуации, связанные с так называемым человеческим фактором.

12 июля 1924 г. в бийском доме заключения младший надзиратель Байканов, стоя на посту, увидел, что заключенные в расположенной на 2-м этаже камере № 40 производили у окна неприличные жесты, на замечания милиционера не реагировали. Рассерженный Байкалов без преду-

преждения выстрелил в оконный проем, где маячили провозящие его арестанты. Пуля, ударившись в оконную решетку, скользнула по потолку, при этом легко ранив трех человек, находившихся в этой камере [13. Л. 197].

Двадцатитрехлетний надзиратель Барнаульского домзаклочения Василий Шенов дважды выпустил через калитку в октябре 1924 г. домой в город заключенного Аксенова и последственного Сидоренко за взятку в 10 рублей. В ходе разбирательств выяснилось, что Шенов был уже ранее судим [14].

Руководство губернского ГУМЗ, мест заключений, местные органы власти пытались с помощью выдачи дополнительного количества продуктов питания удерживать сотрудников на службе.

Проводились массовые мобилизации для заполнения штатов мест лишения свободы. Предпочтение отдавалось демобилизованным красноармейцам.

Постановление ЦИК и СНК СССР от 29 мая 1925 г. «О льготах в области труда для демобилизованных военнослужащих» предписывало обязательное замещение вакантных должностей по местам заключения демобилизованными красноармейцами, в первую очередь для конвойных команд.

Значительное внимание при приеме на службу уделялось классовому происхождению, здоровью и отсутствию связей с преступным миром. При поступлении на службу кандидаты заполняли специальную анкету, где указывались все сведения о ближайших родственниках, о службе в царской, Белой, Красной армиях и о своих занятиях до и после Революции 1917 г. Ряд вопросов был связан с социальным происхождением, партийной принадлежностью, судимостью, отношением к Советской власти. Кандидат должен был быть физически развит и желателен грамотен.

Пытаясь изменить низкий профессиональный уровень сотрудников пенитенциарной системы, в решении коллегии НКВД от 16 декабря 1924 г. Главному управлению мест заключения предлагалось безотлагательно приступить к разработке мер по закреплению работников на службе в местах заключения, организации их обучения, повышению их профессионального уровня. На совещании работников ГУМЗ РСФСР 6 января 1925 г. было принято решение об организации при Главном управлении местами заключения специальных занятий (трехмесячных курсов подготовки командного состава мест заключения) по политико-образовательным и пенитенциарным вопросам, а также вопросам уголовного права [15. С. 36].

Таким образом, формирование кадрового корпуса советской пенитенциарной системы в Алтайской губернии (1919–1925 гг.) столкнулось с рядом серьезных проблем: конкуренцией различных советских ведомств на право руководить всей системой мест заключения, классовым подходом в комплектовании, слабой материальной базой, дефицитом служебных помещений, высоким риском профессии, низкой зарплатой, непрестижностью службы «тюремщиком», что все вместе значительно снижало эффективность работы уголовно-исполнительной системы. Наложила свой отпечаток и практически разрушенная, страдавшая фактически теми же проблемами доставшаяся в наследство пенитенциарная система колчаковского режима [16. С. 149]. Процесс создания профессиональной подготовки среди сотрудников мест лишения свободы находился в зачаточном состоянии и практически не оказал влияния на улучшение кадровой базы пенитенциарной системы Алтайской губернии (1919–1925 гг.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Положение об общих местах заключения РСФСР: постановление НКЮ от 15 ноября 1920 г. // Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917–1957). М., 1957. С. 54–94.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7420. Оп. 2. Д. 8. Л. 65.
3. Отдел архивной информации Информационного центра Главного управления МВД России по Новосибирской области (ОАИ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области). Ф. 4. Оп. 1. Д. 60. Л. 1.
4. ОАИ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 140. Л. 14.
5. Гриценко И.Ф. Рубцовская милиция: образование и этапы развития. Барнаул, 1998. 181 с.
6. Пенитенциарное дело в 1922 г. Отчет НКВД по ГУМЗ X съезду Советов. М., 1923. 66 с.
7. Еженедельник советской юстиции. 1923. № 51–52.
8. ГАРФ. Ф. 4042. Он. 2. Д. 85. Л. 2.
9. Пенитенциарное дело в 1923 г. Отчет НКВД по ГУМЗ XI Съезду Советов. М., 1924. 68 с.
10. ГАРФ. Ф. 4042. Оп. 2. Д. 226. Л. 11.
11. Государственный архив Новосибирской области. Ф. 288. Оп. 1. Д. 128.
12. Быков А.В. Становление и развитие пенитенциарной системы Западной Сибири в 1920-е гг. : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004. 276 с.
13. Государственный архив Алтайского края. Ф. 531. Оп. 1. Д. 5.
14. ОАИ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 139. Л. 94.
15. Гуцев О.В. Историко-педагогический анализ становления профессиональной подготовки сотрудников пенитенциарной системы России // История государства и права. 2012. № 5. С. 15–18.
16. Суверов Е.В. Тюремная система колчаковского режима на Алтае (1918–1919 гг.) // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. Барнаул : Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2013. Ч. 2. С. 148–149.

Karpov Ruslan A. Barnaul Law Institute of the Russian Interior Ministry (Barnaul, Russia). E-mail: karpovruslan71@mail.ru

FORMATION OF PERSONNEL CORPS OF THE SOVIET PENAL SYSTEM IN THE ALTAI PROVINCE (1919–1925).

Keywords: penal system; jails; house of a pre-trial detention; class approach.

After liberation of Altai from the White Guard authorities at the end of 1919, construction of the Soviet penal system has begun. In the province the structure of jails was created. The important role was played thus by personnel potential. However, one-sided, often irrational class approach not only deprived penal system of the Altai province of high quality old school specialists, but also attracted to

service unprepared recruits from the poorest segments of the population. Service of no prestige, a low wage, lack of the adjusted office vocational training did not improve qualitative structure. A suspense of a personnel question in turn negatively affected activity of penal system in the Altai province in 1919–1925. At the end of 1919 began the gradual process of restoration and development of the Soviet system of jails which was interrupted during White Guard coup in the Altai province in 1918. The form and conditions of the organization of camps, the maintenance of prisoners in them was in details regulated by the April, 1919 resolution of ACEC (All-Russian Central Executive Committee) “About forced-labor camps” where obligation of physical work of prisoners was provided and a task of full self-sufficiency of camps was set. In 1921–1922 in system of the Soviet jails functioned: custodies, corrective-labor houses, agricultural and craft colonies; transitional penitentiaries. There were insulating prisons of two types: one – for the maintenance of persons condemned with strict isolation who on character of the committed crime needed a particular treatment, others – for the maintenance of prisoners who serving sentence in general prisons don’t submit to the rules. In Biysk in June, 1922 during the check of the lockup house it was revealed that the structure where the lockup house was situated was spacious but shabby. Thus, formation of the staff of the Soviet penal system in the Altai province (1919–1925) faced some serious problems: the competition of various Soviet departments on the right to direct all system of jails, class approach in completing, weak material resources, deficiency of service premises, high risk of a profession, a symbolical salary. Unpopularity of being a “jailer” considerably reduced the overall performance of criminal and executive system. The penal system of the Kolchak’s regime, almost destroyed, suffered actually from the same problems, also left its own mark. Creation of vocational training among employees of places of imprisonment was in embryo and had practically no impact on improvements of personnel staff of penal system of the Altai province in 1919–1925.

REFERENCES

1. RSFSR. (1957) Polozhenie ob obshchikh mestakh zaklyucheniya RSFSR: postanovlenie NKYu ot 15 noyabrya 1920 g. [Regulation on the places of confinement in the RSFSR: Resolution of the People’s Commissariat of Justice of November 15, 1920]. In: Losev, P.M. & Ragulin, G.I. (eds) *Sbornik normativnykh aktov po sovetskomu ispravitel'no-trudovomu pravu (1917–1957)* [Collection of normative acts on the Soviet corrective labor law (1917–1957)]. Moscow, pp. 54–94.
2. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 7420. List 2. File 8.
3. The Archives of the Information Centre of the Chief Administration of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for Novosibirsk Region. Fund 4. List 1. File 60.
4. The Archives of the Information Centre of the Chief Administration of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for Novosibirsk Region. Fund 4. List 1. File 140.
5. Gritsenko, I.F. (1998) *Rubtsovskaya militsiya: obrazovanie i etapy razvitiya* [The Militia of Rubtsovsk city: Formation and development]. Barnaul: Altai Book Publ.
6. People’s Commissariat for Internal Affairs (NKVD). (1923) *Penitentsiarnoe delo v 1922 g. Otchet NKVD po GUMZ X s'ezdu Sovetov* [Penitentiary system in 1922. The NKVD report on the General Department of the Places of Confinement to the 10th Congress of the Soviets]. Moscow [s.n.].
7. *Ezhenedel'nik sovetskoy yustitsii*. (1923) 51–52.
8. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 4042. List 2. File 85.
9. People’s Commissariat for Internal Affairs (NKVD). (1924) *Penitentsiarnoe delo v 1922 g. Otchet NKVD po GUMZ X s'ezdu Sovetov* [Penitentiary system in 1923. The NKVD report on the General Department of the Places of Confinement to the 11th Congress of the Soviets]. Moscow [s.n.].
10. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 4042. List 2. File 226.
11. The State Archives of Novosibirsk Region. Fund 288. List 1. File 128.
12. Bykov, A.V. (2004) *Stanovlenie i razvitie penitentsiarnoy sistemy Zapadnoy Sibiri v 1920-e gg.* [The formation and development of Western Siberia the prison system in the 1920s]. History Cand. Diss. Omsk.
13. State Archives of the Altai Territory. Fund 531. List 1. File 5.
14. The Archives of the Information Centre of the Chief Administration of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for Novosibirsk Region. Fund 4. List 1. File 139.
15. Gutsev, O.V. (2012) The historical and pedagogical analysis of formation of professional training of workers of the Russian penitentiary system. *Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law*. 5. pp. 15–18. (In Russian).
16. Suverov, E.V. (2013) [The penitentiary system in the Altai during the Kolchak regime]. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami* [Topical problems of struggle against crimes and other offenses (1918–1919)]. Proc. of the International Research Conference. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Russian Interior Ministry. pp. 148–149. (In Russian).

УДК: 913.1:338.4(571.17)
DOI 10.17223/19988613/40/8

Е.А. Шерин

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ УГОЛЬНОГО КОМПЛЕКСА КУЗБАССА

Исследуются историко-географические особенности формирования угольного комплекса, сложившегося на основе использования ресурсов Кузнецкого каменноугольного бассейна (Кузбасса). Выделяются основные экономические вехи, оказавшие значительное влияние на развитие угольной промышленности Кузбасса. Всего было выделено пять таких вех, а именно: открытие углей Кузнецкого бассейна, ввод в эксплуатацию участка Транссибирской железнодорожной магистрали, прошедшего по территории Кузбасса, учреждение акционерного общества Копикуз, экономический кризис в России и последующее возрождение экономики России и угольной отрасли Кузбасса в том числе.

Ключевые слова: историческая география; угольная промышленность; Кузнецкий бассейн; Копикуз.

Современный промышленный комплекс Кемеровской области сформировался в относительно короткий промежуток времени, главным образом в течение XX в. Его ускоренному развитию и углепромышленной специализации способствовали прежде всего колоссальные запасы угля и их благоприятное территориальное сочетание с другими природными ресурсами: минеральными, водными, земельными и лесными.

Вслед за Б.М. Ишмуратовым [1. С. 11–18] и В.А. Рябовым [2. С. 5] мы считаем, что выделение историко-географических этапов должно определяться определёнными экономическими «вехами», например ввод Транссибирской железнодорожной магистрали в эксплуатацию, начало экономического кризиса в отрасли и т.д. Такой подход позволил выделить пять вех в историческом процессе формирования угольного комплекса Кузбасса.

История угольной промышленности Кузбасса насчитывает почти три столетия. Первые кузнецкие угли были открыты в 1721 г. одновременно Д.Г. Мессершмидтом на юге Кузбасса в районе г. Кузнецка (он принял горящие угли за вулкан) и М. Волковым на севере Кузбасса. Это можно считать первой вехой развития угольной промышленности Кузбасса. В 1842 г. геолог П.А. Чихачев оценил запасы угля Кузнецкой котловины и ввёл термин «Кузнецкий угольный бассейн». Первые попытки добычи каменного угля для промышленных целей относятся к концу XVIII в. Начало регулярной добычи угля в бассейне датируется лишь серединой XIX в. Однако вплоть до конца XIX в. использование уникальных угольных ресурсов Кузбасса оказалось значительно ниже его возможностей. В 1860 г. удельный вес Кузбасса в общероссийском объёме добычи угля составлял всего 0,3%, в 1890 г. – 0,28%.

Второй вехой можно считать ввод в эксплуатацию участка Транссибирской железнодорожной магистрали (1897 г.), прошедшего по северной части Кузнецкого бассейна. В связи со строительством и эксплуатацией железной дороги потребность в угле резко возросла, что сразу сказалось на темпах угледобычи. С 1900 по

1913 г. добыча угля в Кузбассе увеличилась более чем в 10 раз – с 75,7 до 773,7 тыс. т в год [3. С. 9]. По объёмам угледобычи Кузбасс занял первое место в Сибири. Однако доля Кузбасса в общероссийской добыче оставалась низкой (около 3%). Угольные предприятия сосредоточились на северной окраине бассейна, вблизи от Транссиба. В то же время колоссальные месторождения коксующихся и энергетических углей юга и центра бассейна почти не разрабатывались. Северный Анжеро-Судженский район давал 99% всего добытого в Кузбассе угля. В 1900 г. на Судженских коях работали 600, на Анжерских коях – 1 500 человек, работы велись в 3 смены по 8 часов. Добычу угля на шахтах вели артели по 50–200 человек, которые работали по принципу самоокупаемости и продавали уголь посредникам. Уже в то время Кузбасс отличался высокой производительностью труда: выработка на одного рабочего в Кузбассе в те годы была почти в полтора раза выше, чем в среднем по России. Добытый уголь использовался главным образом железнодорожным транспортом, особого применения в Кузбассе не имел из-за отсутствия здесь крупной промышленности.

Третьей вехой в развитии угольной промышленности Кузбасса можно, по нашему мнению, считать учреждение в ноябре 1912 г. акционерного общества «Копикуз» (Кузнецкие каменноугольные копи), получившего право на монопольную разработку угольных месторождений Кузнецкого уезда Томской губернии. Учредителями общества были бывший туркестанский генерал-губернатор В.Ф. Трепов и председатель правления Петербургского международного банка С.С. Хрулёв. Основной капитал – 6 млн руб. – по состоянию на 3 января 1913 г. распределялся между французскими инвесторами (48,8%), Петербургским международным коммерческим банком (24,4%), Русско-Азиатским банком (24,4%) и лично В.Ф. Треповым (2,4%). За время своей деятельности Копикуз осуществил строительство Кольчугинской железной дороги (от станции Юрга до пос. Кольчугино с веткой Топки – Щеглово), геологические исследования центральных и южных районов Кузнецкого бассейна (под руковод-

ством профессора Петербургского горного института Л.И. Лутугина) и Тельбесского железорудного месторождения (под руководством профессора Томского политехнического института П.П. Гудкова), восстановил деятельность Гурьевского металлургического завода, начал строительство Кемеровского коксохимического завода и металлургического завода в районе Кузнецка (будущего КМК). В этот период добыча угля в центральных и южных районах Кузнецкого бассейна выросла в 15 раз: с 1,2 млн пудов в 1913 г. до 18,1 млн пудов в 1917 г. [4. С. 123–133]. Управляющий директор Копикуза добился снижения тарифа на перевозку кузнецких углей в Европейскую Россию. Вследствие чего кузнецкие угли пошли на Урал, что, в свою очередь, оживило развитие рудников до неслыханных темпов. За 1913 г., по сравнению с 1912 г., добыча угля выросла на 44% [5. С. 41]. Далее за период 1913–1918 гг. добыча угля в Кузбассе выросла почти в два раза, превысив уровень в 1 млн т угля в год.

К началу 1917 г. Кузбасс являлся одним из наиболее развитых промышленных районов Сибири. Но с первых же дней Февральской революции 1917 г. сложилась сложная обстановка: права Копикуза начали оспариваться другими промышленниками. Однако правление Копикуза в апреле 1917 г. заключило договор с

Министерством торговли и промышленности Временного правительства и обязалось с 1918 г. ежегодно наращивать добычу на 20 млн пудов (0,3 млн т) за право разработки Ерунаковского месторождения. Нуждающаяся в кузнецком угле новая власть не стала национализировать Копикуз. 1917 г. был годом всеобщего потрясения и развала, однако в Копикузе добыча угля за год возросла на 46%. Работа предприятий не прекращалась ни после Октябрьской революции, ни во время Гражданской войны – Кузбасс в те времена управлялся А.В. Колчаком. Шла работа по реконструкции созданных ранее шахт и строительству ряда новых в Анжеро-Судженском, Кемеровском и Ленинск-Кузнецком угленосных районах, продолжались работы по освоению Прокопьевско-Киселёвского. Однако в декабре 1919 г. – январе 1920 г. власть Колчака рухнула – в Щеглово и Кольчугино была установлена советская власть. Копикуз (вместе со всеми угольными предприятиями Советской России) был национализирован (февраль 1920 г.). Добыча угля в Кузбассе снизилась до 820,7 тыс. т в год (рис.1). Председатели правления уже бывшего Копикуза стали самыми первыми сторонниками создания на основе предприятий Копикуза новой металлургической базы страны – Урало-Кузнецкой [6. С. 62–63].

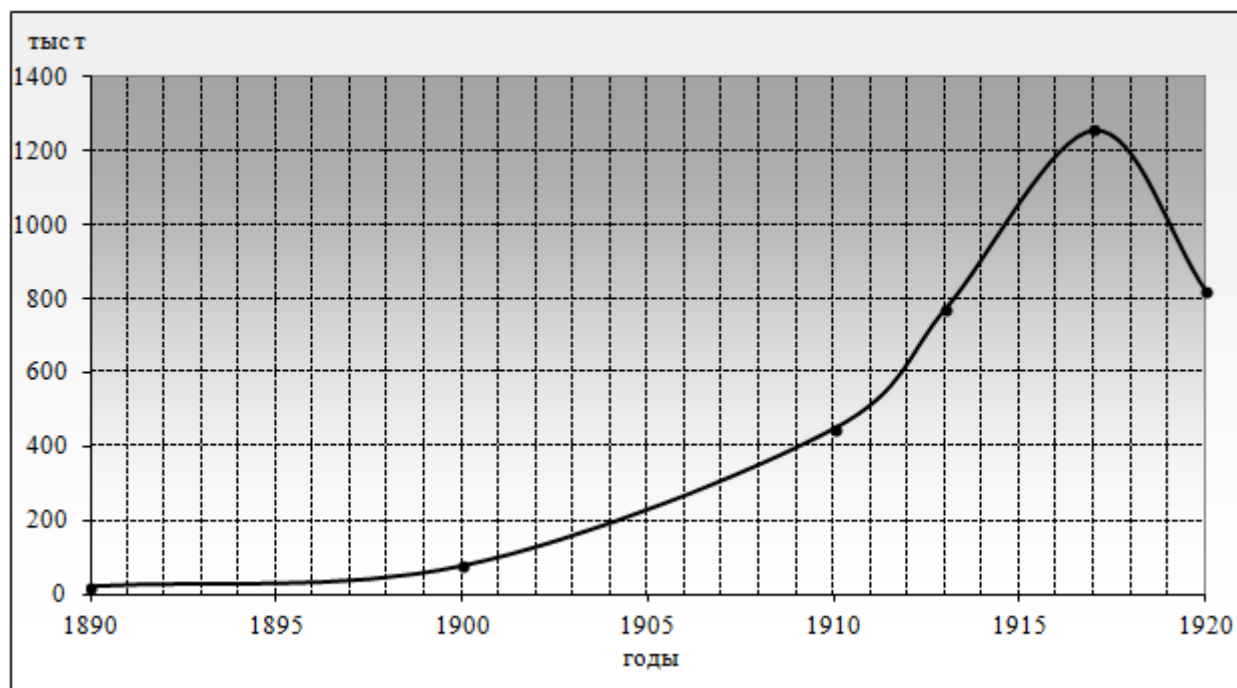

Рис. 1. Динамика добычи угля в Кузбассе за период 1890–1920 гг. [3, 5]

В 1920-х гг. правительственными органами государства было принято решение о создании в стране новой Урало-Кузнецкой металлургической базы. К этому времени в регионе функционировало 11 шахт и штолен. В техническом отношении все шахты были несовершенны и по уровню механизации значительно уступали шахтам Донбасса. Основным районом угледобычи оставался Анжеро-Судженский. В 1922 г. была

организована автономная индустриальная колония иностранных рабочих – АИК «Кузбасс», существовавшая по 1927 г. В её ведении находилась значительная часть угольных предприятий Кузбасса, обеспечивающих около половины добычи угля. В этот период в Кузбассе были построены многие угольные предприятия. В результате чего добыча угля в регионе достигла 2,4 млн т в 1928 г. Удельный вес региона в общерос-

сийской добыче угля составил 6,7%. [7. С. 76–81]. В результате мероприятий по механизации и рационализации труда шахтеров выработка на одного рабочего с 1921 по 1928 г. увеличилась вдвое. Создание и ввод в строй крупных угледобывающих предприятий сопровождалось ликвидацией мелких малопроизводительных шахт.

В 1924 г. в селе Щеглово был пущен Щегловский (позже Кемеровский) коксохимический завод, строившийся Копикузом с перерывами с 1915 г. В 1930 г. им производилось 160 тыс. т кокса. Сегодня на его базе создан ОАО «Кокс», выпускающий металлургический кокс и продукты коксохимии. К 1926 г. была построена железная дорога от Кольчугино через Белово до станции Новокузнецк, от которой проложена ветка Белово – Гурьевск. В дополнение к ранее существовавшим городам – Кузнецку, Мариинску, Тайге – сформировались новые – Кемерово и Ленинск-Кузнецкий. Их появление связано с началом разработки угля на прилегающих территориях. В конце 1920-х гг. на долю угольной промышленности приходилось около 50% всей численности рабочих, занятых в промышленном производстве региона. В эти годы шёл трудный и сложный процесс превращения вчерашних крестьян в промышленных рабочих. Социальные условия жизни рабочих оставались крайне неблагоприятными.

В 1928–1940 гг. в Кузнецком бассейне развернулось интенсивное строительство новых шахт. Одновременно проводились работы по разведке и подготовке новых шахтных полей в Кемеровском, Прокопьевском, Ленинск-Кузнецком, Киселёвском и других угленосных районах. Уже к 1940 г. в Кузбассе работало 44 шахты, добыча угля возросла до 21,1 млн т. Наиболее крупным районом по добыче угля стал Прокопьевский, немаловажную роль играли Осинниковский, Киселёвский и Араличевский, обладавшие огромными запасами высококачественных необходимых металлургии коксующихся углей. Изменилась и технология угледобывающих работ: лошадей заменили электровозы, кайлу – отбойные молотки и врубовки, корытки – конвейеры. Удельный вес механизированной добычи в 1937 г. составил в среднем по бассейну 77%, в том числе на шахтах Анжеро-Судженского района и на угледобывающих предприятиях южной части бассейна – 100%. Удельный вес коксующихся углей составил 40%. Доля Кузбасса в общем объёме добычи угля по стране в 1932 г. составила 11% [8. С. 18].

В 1939 г. в ходе решения острой проблемы того времени – обеспечения восточных районов страны горючесмазочными материалами (нефть в Западной Сибири тогда ещё не была открыта) – в Кемерово открылся опытно-промышленный завод по получению синтетического бензина из угля методом гидрогенизации. В 1940 г. на нём впервые в СССР была осуществлена гидрогенизация углей и смол в большом масштабе. В дальнейшем на его базе создан завод органического синтеза, основным сырьём для которого стал природ-

ный газ [9. С. 98–99]. В период с 1930 по 1940 г. производство валовой продукции в Кузбассе возросло в 42 раза, в том числе средств производства – в 49 раз. Индустриально-хозяйственный комплекс стал сложным. Основу его составили шесть взаимосвязанных отраслей: угольная, черная и цветная металлургия, химическая промышленность, электроэнергетика, машиностроение и металлообработка. В 1937 г. на систему угольно-металлургических производств, химическую промышленность, выпуск производственного оборудования приходилось свыше 80% всей промышленной продукции Кузбасса. По производственной мощности регион стал занимать пятое место в бывшем СССР.

Рост промышленного производства потребовал и дополнительных трудовых ресурсов. Обеспечение рабочими кадрами решалось, с одной стороны, за счет их привлечения из деревень, сел, других районов страны, с другой стороны – путём создания системы лагерей. В результате численность населения Кузбасса резко возросла с 718 тыс. чел. в 1926 г. до 1654 тыс. чел. в 1939 г. К существовавшим ранее пяти городам и 7 рабочим поселкам прибавилось соответственно 8 и 18 единиц. Доля городского населения увеличилась с 21 до 56%. Возникновение и развитие городов Прокопьевск, Ленинск-Кузнецкий, Анжеро-Судженск, Киселёвск, Осинники напрямую связано с угольной промышленностью, Сталинска (ныне г. Новокузнецк) – с угольной промышленностью и чёрной металлургией.

В годы Второй мировой войны Кузбасс не только не снизил, а наоборот, увеличил выпуск продукции угольной промышленности, что обусловлено, в том числе, увеличением потребности в военной продукции. За счёт строительства новых угольных шахт и более полного освоения имеющихся мощностей добыча угля возросла на 35%. Основные объёмы добычи пришлось на районы городов Прокопьевск и Киселёвск, где условия залегания и мощность пластов позволяли с меньшей затратой трудовых средств и времени получать качественные коксующиеся марки углей. В 1943 г. в г. Ленинск-Кузнецкий строится завод для организации производства жидкого топлива из угля. С 1946 г. на нём используется трофейное оборудование заводов из Германии. С открытием месторождений нефти в Поволжье и Башкирии (1948 г.) работы по получению жидкого топлива из угля были прекращены как экономически нецелесообразные. Впоследствии в 1993 г. на базе Ленинск-Кузнецкого завода создаётся завод полукоксования с целью выпуска полукокса и каменноугольной смолы.

В послевоенное время в угольной промышленности практически не меняется технология производства, но благодаря отказу от выборочной выемки снижаются потери угля. За период с 1945 по 1988 г. происходит неуклонный рост объёмов добычи (с 29 до 159,2 млн т). Строятся новые крупные шахты и разрезы, обогатительные фабрики, началось освоение нового Томь-

Усинского угленосного района на юге области. В 1955 г. в г. Киселёвск открывается Южно-Абинская станция «Подземгаз». На ней использовался метод подземной газификации углей, который совмещает добычу и переработку угля, обеспечивая при этом получение горючего газа на месте осуществления процесса. Станция бесперебойно снабжала горючим газом до 14 малых котельных городов Киселевск и Прокопьевск и была закрыта в 1996 г. по причине физического износа оборудования. В лучшие годы станция давала 488 млн м³ газа в год [10. С. 10].

В целом к середине 1980-х гг. была сформирована современная функциональная и территориальная структура промышленности региона. Базовой стала система угольно-металлургических производств, на основе которой возникли химическая промышленность, машиностроение, энергетика, а также работающие на их нужды строительная индустрия и направленные на обеспечение внутренних потребностей и трудоустройства женского населения – лёгкая и пищевая промышленность. Продукция первых пяти отраслей стала занимать основное место в валовом объёме производства.

Однако развитие промышленных отраслей не сопровождалось столь же значительным улучшением условий жизни населения. В промышленных центрах и на прилегающих к ним территориях остались на невысоком уровне социально-экономические показатели, обострились экологические проблемы. Причинами этого являлись, во-первых, несоответствие темпов развития производственной и социальной инфраструктуры и широкое распространение жилищного строительства по принципу «шахта – посёлок», способствовавшее возникновению в промышленных узлах нерациональных мелких систем расселения. Размещение мелких поселений на угленосных территориях привело к ежегодным потерям жилого фонда и необходимости переселения населения в связи с просадками земли или подтоплениями и как следствие этого – затрате огромных средств. Экологическая обстановка в городах и поселках вследствие близости крупных загрязнителей весьма тяжёлая.

Шахты и заводы стремились сооружать поселки с локальными системами водоснабжения, собственными ТЭЦ и котельными. Эти посёлки размещались череполосно с промышленными территориями, вблизи терриконов шахт, оказывались разделенными пустырями, подъездными железнодорожными ветками и складскими территориями. Города складывались как обширные конгломераты жилых поселков, пришахтных и заводских территорий, пустырей, среди которых лишь отдельные жилые районы приобретали завершённый архитектурно-планировочный облик [11. С. 39]. Такая структура поселений, естественно, влекла за собой низкое качество их застройки, низкий уровень культурно-бытового обслуживания населения. Нереализованными оказались планы развития транспортной ин-

фраструктуры городов (например, строительство городского монорельсового транспорта в г. Новокузнецке).

К 1989 г. было закончено строительство проекта углепровода Белово – Новосибирск. В рамках проекта были построены комплекс углеподачи, отделение приготовления водоугольного топлива (смеси измельченного угля с водой и пластификатором), головная насосная станция в городе Белово вблизи шахты «Инская» и углепровод протяжённостью 262 км для транспортировки водоугольного топлива (ВУТ). Сжигание ВУТ производилось на Новосибирской ТЭЦ-5. Основными задачами проекта были отработка возможности транспортировки ВУТ по углепроводу, а также отработка режимов горения ВУТ в энергетических котлах Новосибирской ТЭЦ-5. Мощность углепровода составляла 1,2 млн т угля, или 2,1 млн т водоугольного топлива в год. Эксплуатация углепровода началась в 1989 г. Далее планировалось создание крупных углепроводов большой протяженности и пропускной способности для транспортировки кузнецких углей на Урал и в европейскую часть страны [12. С. 54–55]. Однако из-за отсутствия финансирования с 1993 г. все работы по углепроводу Белово – Новосибирск фактически прекратились.

С конца 1980-х гг. начинаются первые экспортные поставки кузнецкого угля, идущие исключительно в западном направлении. В 1988 г. добыча угля в Кузбассе достигла своего пика – 160 млн т. После чего начался экономический кризис в стране, со всей остротой проявившийся и в Кузбассе. С 1989 г. отмечено падение объёмов добычи угля. Экономический кризис в России, начавшийся в 1989 г., мы примем за четвёртую веху развития угольного комплекса рассматриваемого региона. Основные причины падения добычи угля в 1991–1997 гг. – сокращение внутрироссийского рынка его потребления в связи с общей дестабилизацией экономики страны, чрезвычайно быстрым ростом железнодорожных тарифов, кризисным состоянием самой отрасли, первые признаки которого начали проявляться ещё во второй половине 1970-х гг. и стали очевидными к началу претворения в жизнь экономических реформ. Так, срок службы более 70% шахт Кузбасса к этому периоду превысили 40 лет, и только 15% их общего количества по технико-экономическим показателям соответствовали лучшим зарубежным аналогам.

В связи с этим остро встал вопрос о реструктуризации угольной отрасли с целью превращения её в самокупаемую, высокоэффективную. Для этого планировалось закрытие нерентабельных предприятий, модернизация производственных процессов – на рентабельных, а также тех, которые имеют благоприятные предпосылки ими стать, на основе новейших достижений науки и техники. Реструктуризацию планировалось осуществить в три этапа: на первом – прекратить добычу на особо убыточных шахтах, на втором – сформировать высокоэффективные угольные и вертикаль-

но-интегрированные энергоугольные компании, на третьем – сделать эти компании независимыми от государственных субсидий. За Уралом процесс реструктуризации отрасли, начавшийся в 1994 г., наиболее полно и наглядно протекал именно на предприятиях Кузбасса. К началу 2000 г. здесь было закрыто или находилось на стадии ликвидации 35 особо убыточных и особо опасных для жизни человека шахт. Этот процесс вызвал негативные социальные последствия, например только одной компанией «СевероКузбассуголь» было уволено около 27 тыс. человек, а проблема их трудоустройства, предусмотренного планами реструктуризации угольного производства, зачастую своевременно не решалась [13. С. 43–44]. Социальные условия ухудшались, качество жизни населения области снижалось. Уменьшилась продолжительность жизни. Численность населения стала снижаться за счёт сокращения рождаемости, увеличения смертности, а также активной миграции населения области в западные регионы страны.

Параллельно с закрытием шахт интенсивно протекали процессы приватизации оставшихся предприятий (к 2000 г. около 95% их общего количества принадлежало частным лицам), технической и технологической модернизации добывающих и обогащательных производств, строительства новых по-современному оснащенных предприятий, привлечения крупных инвестиций, в структуре которых доля государственных еже-

годно снижалась (в 2000 г. всего 4,2% при общей сумме инвестиций 5,2 млрд руб.) [14]. В период реструктуризации отрасли в бассейне введено в эксплуатацию 15 современных шахт и 16 разрезов. Их общая проектная производительность составила 44 млн т угля в год.

С 1998 г. в связи с возрождением экономики области и России в целом уровень добычи угля снова начал расти, причём небывалыми темпами. Возрождение угольной промышленности Кузбасса можно считать пятой вехой в развитии рассматриваемого комплекса. В 1998 г. Кузбасс – единственный из угледобывающих районов страны – не только не приостановил падение добычи угля, но и стал развивать её такими темпами, каких не знал за всю историю своего существования. За шесть последующих лет прирост добычи угля составил 57,2 млн т, или в среднем за год 9,5 млн т, в то время как максимальный её рост ранее не превышал 4–5 млн т в год (рис. 2). Начала стремительно расти доля экспорта, начинаются поставки в страны Восточной Азии. В 2005 г. был достигнут максимальный уровень добычи советских лет (1988 г.). В 2012 г. впервые за всю историю бассейна было добыто рекордное количество угля – 200 млн т (Россия в целом – 353 млн т), из них каменных – 199 млн т, из которых коксующихся – 50,6 млн т [15]. С этого года Кузбасс стал добывать угля больше, чем потребляет весь российский рынок.

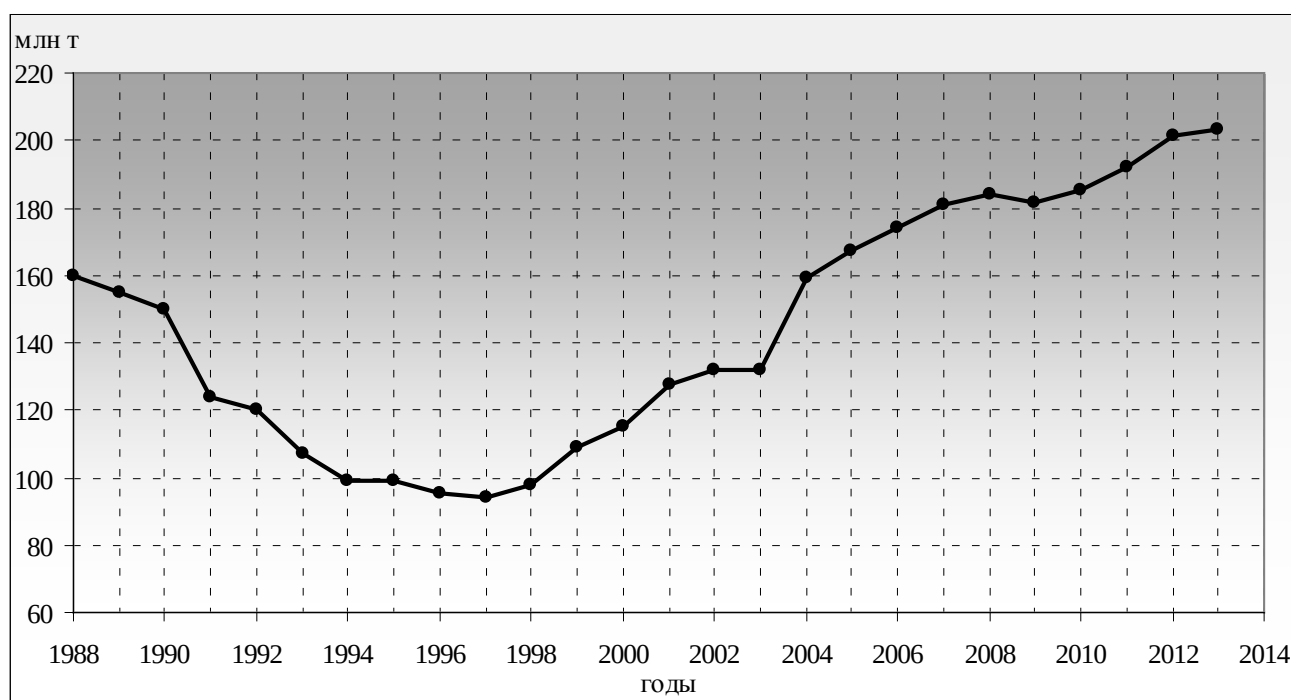

Рис. 2. Динамика добычи угля в Кузбассе за период 1988–2013 гг. [15]

В наши дни продолжается увеличение темпов добычи угля, кроме того, происходит уменьшение доли внутрироссийского потребления кузнецких углей и продолжается увеличение доли экспорта. Сейчас в Кемеровской области потребляется более 35% от всего объёма добываемого угля,

менее 15% вывозится на внутрироссийский рынок и более 50% уходит на экспорт (109 млн т в 2013 г.), что составляет 85–88% общероссийского экспорта угля.

Таким образом, история эксплуатации Кузнецкого бассейна насчитывает почти триста лет, однако уско-

ренное его развитие началось в связи с прохождением Транссибирской магистрали по его территории и учреждением акционерного общества Копикуз. Современная функциональная и территориальная структура угольного комплекса Кузбасса была сформирована к середине 1980-х гг. После чего в отрасли в те-

чение десятилетия наблюдался кризисный период. К конца 1990-х гг. в угольном комплексе региона наступила эпоха возрождения и нового развития. К сегодняшнему моменту использование ресурсов бассейна подошло к наиболее высокому уровню, чем когда-либо.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ишмуратов Б.М. Сибирь в российской и мировой перспективе (очерки социально-экономической и политической географии). Иркутск : Отгис, 2003. 170 с.
2. Рябов В.А. Промышленный комплекс Кузбасса / под ред. В.П. Удодова // Кемеровская область. Новокузнецк, 2009. Ч. 2. Социально-экономическая характеристика и экология. 129 с.
3. Адам А.М. Природные ресурсы и экологическая безопасность Западной Сибири / А.М. Адам, Р.Г. Мамин. М. : НИИ-Природа, 2001. 172 с.
4. Баев О.В. Иностранный капитал в промышленности Кузнецкого бассейна (конец XIX – начало XX в.). Кемерово, 2004. 174 с.
5. Заболотская К.А. Угольная промышленность Кузбасса: 1721–1996 / К.А. Заболотская, А.А. Халиулина, З.Г. Карпенко. Кемерово : Кемеров. книжн. изд-во, 1997. 301 с.
6. Кладчихин В. Первым был КОПИКУЗ // Уголь Кузбасса. 2010. № 1. С. 61–63.
7. Колобков М.Н. Кемеровская область. Природные и экономические ресурсы и перспективы хозяйственного освоения. Новосибирск : АН СССР, Западносибирский филиал, сектор экономических исследований, 1950. 205 с.
8. История Кузбасса / под ред. В.В. Банникова. Кемерово : Кемеров. книжн. изд-во, 1970. Ч. III. 224 с.
9. Фридман Ю.А. Химическая промышленность в хозяйственном комплексе Сибири. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1984. 128 с.
10. Корнилов Д. Есть ли будущее у подземной газификации углей? // Наука в Сибири. 2004. № 31–32 (2467–2468).
11. Глотов Г.А. Будущее городов Кузбасса / Г.А. Глотов, Е.Н. Пердик. Кемерово : Кемеров. книжн. изд-во, 1972. 164 с.
12. Шерин Е.А. Экономико-географическая оценка роли и перспектив Кузнецкого бассейна // Вестник Кузбасской государственной педагогической академии. 2013. № 4 (29). С. 49–56.
13. Савельева И.Л. Минерально-сырьевые циклы производств Азиатской России: региональные черты становления и развития. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2007. 274 с.
14. Рыбин И. Инвестиции на гора // Известия. 2001. 23 авг. URL: <http://izvestia.ru/news/250771>, свободный (дата обращения: 20.03.2015).
15. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области: офиц. сайт. URL: <http://www.kemerovostat.gks.ru>, свободный (дата обращения: 20.03.2015).

Sherin Egor A. The V.B. Sochava Institute of Geography Siberian Branch of RAS (Irkutsk, Russia). E-mail: vampire_256@mail.ru
HISTORICAL AND GEOGRAPHICAL FEATURES OF BUILDING THE KUZBAS'S COAL-MINING INDUSTRY SYSTEM.

Keywords: historical geography; the coal industry; the Kuznetsk coalfield's assets; Kopikuz.

This study observes historical and geographical particular features of building the coal-mining industry system, based on the use of the Kuznetsk coalfield's assets (the Kuzbas). The author dwells on the differentiation of several economical milestones, which impacted on raising the Kuzbas's coal industry. There are 5 certain landmarks. The first one refers to the discovery of coal deposits in 1721, by D.G. Messerschmidt in the south of the Kuzbas (in the area of town Kuznetsk), simultaneously with M. Volkov, in the north. The second landmark is considered to be the start of exploiting the nearest section of the Trans-Siberian Railway (in 1897), heading northward to the Kuznetsk coalfield. The third landmark, influenced on the development of the Kuzbas's coal-mining industry, is the foundation of the cooperative association named “Kopikuz” (as known as “Kuznetsk's coal-mines”) in 1912. It had exclusive rights for excavation coal deposits within the Kuznetsk district of the Tomsk province. As the fourth landmark, it is the economic crisis in Russia in 1989 that showed up its power in the Kuzbas's industry especially tough. The fifth landmark in the history of the pointed region's development is meant to be the revival of the Kuzbas's coal-mining industry, begun in 1997. Thus, it has been defined that the history of exploiting the Kuznetsk coalfield is spanning almost three hundred years, although its accelerated development origins from the Trans-Siberian Railway having passed through it (in 1897) and the Kopikuz cooperative association having been founded (in 1912). Current industry system of Kemerovo region has been generally built up in a quite a short period of time (generally during the twentieth century). The accelerated development of it, as well as its obvious coal-mining specialization, is caused by the huge deposit of coal, in conjunction with its beneficial spatial location next to common shared natural resources: water supply, forests, mineral and land resources. Modern territorial and functional structure of the coal-mining industry system of the Kuzbas region was finally formed by the middle of 1980s. After that, a crisis period had been occurred in this branch of industry for the next decade. Since late 1990s, a new phase of revival and a new development has happened to the coal-mining industry of the region. Up to this moment, the use of coal assets in the coalfield has reached the peak point ever. Nowadays the pace of mining is still increasing, the measure of output recently got to the point of more than 200 million tons per year. The modern pattern of coal assets' consumption includes following flows: 35% of mined coal rests in Kemerovo region, less than 15% stays inside Russia as for domestic consumption, and more than 50% of mined coal is being exported.

REFERENCES

1. Ishmuratov, B.M. (2003) *Sibir' v rossiyskoy i mirovoy perspektive (ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy i politicheskoy geografii)* [Siberia in the Russian and global perspective (Descriptions of the socio-economic and political geography)]. Irkutsk: Ottisk.
2. Ryabov, V.A. (2009) *Promyshlennyy kompleks Kuzbassa* [The industrial complex of Kuzbass]. In: Udodov, V.P. (ed.) *Kemerovskaya oblast'* [Kemerovo Region]. Novokuznetsk: KuzGPA.
3. Adam, A.M. & Mamin, R.G. (2001) *Prirodnye resursy i ekologicheskaya bezopasnost' Zapadnoy Sibiri* [Natural resources and environmental safety of Western Siberia]. Moscow: NIA-Priroda.
4. Baev, O.V. (2004) *Inostranny kapital v promyshlennosti Kuznetskogo basseyna (konets XIX – nachalo XX v.)* [The foreign capital in the industry of the Kuznetsk Basin (the late 19th – early 20th centuries)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.

5. Zabolotskaya, K.A., Khaliulina, A.A. & Karpenko, Z.G. (1997) *Ugol'naya promyshlennost' Kuzbassa: 1721–1996* [The coal industry of Kuzbass: 1721–1996]. Kemerovo: Kemerovo Book Publ.
6. Kladchikhin, V. (2010) Pervym byl KOPIKUZ [The first was KOPIKUZ]. *Ugol' Kuzbassa*. 1. pp. 61-63.
7. Kolobkov, M.N. (1950) *Kemerovskaya oblast'. Prirodnye i ekonomicheskie resursy i perspektivy khozyaystvennogo osvoeniya* [Kemerovo Region. Natural and economic resources and prospects for economic development]. Novosibirsk: USSR AS.
8. Bannikov, V.V. (ed.) *Istoriya Kuzbassa* [The History of Kuzbass]. Kemerovo: Kemerovo Book Publ.
9. Fridman, Yu.A. (1984) *Khimicheskaya promyshlennost' v khozyaystvennom komplekse Sibiri* [The chemical industry in the economic complex of Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
10. Kornilov, D. (2004) Est' li budushchee u podzemnoy gazifikatsii ugley? [Is there a future for underground coal gasification?]. *Nauka v Sibiri*. 31–32 (2467–2468).
11. Glotov, G.A. & Pertsik, E.N. (1972) *Budushchee gorodov Kuzbassa* [The future of the Kuzbass cities]. Kemerovo: Kemerovo Book Publ.
12. Sherin, E.A. (2013) Economic-geographical assessment of the role and prospects of the Kuznetsk Basin. *Vestnik Kuzbasskoy gosudarstvennoy pedagogicheskoy akademii*. 4(29). pp. 49-56. (In Russian).
13. Savelyeva, I.L. (2007) *Mineral'no-syr'evye tsikly proizvodstv Aziatskoy Rossii: regional'nye cherty stanovleniya i razvitiya* [Mineral production cycles of Asiatic Russia: Regional features of formation and development]. Novosibirsk: SB RAS.
14. Rybin, I. (2001) Investitsii na gora [Investments to the surface]. *Izvestiya*. 23rd August. [Online] Available from: <http://izvestia.ru/news/250771>. (Accessed: 20th March 2015).
15. Federal State Statistics Service of the Kemerovo region. (n.d.) *Federal State Statistics Service of the Kemerovo region: Official Website*. [Online] Available from: <http://www.kemerovostat.gks.ru>. (Accessed: 20th March 2015).

М.В. Балахнина

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СИБИРИ СРЕДИ ЖЕНЩИН-РАБОТНИЦ В 1920-е гг.

Рассматривается проблема деятельности общественных организаций Сибири среди женщин в 1920-е гг., направленная на усиление их общественной активности. Для работы среди женщин во всех звеньях государственной политической системы создавались специальные органы: женотделы в партии, уполномоченные от профсоюзов, комиссии по жентруд. Их задачей было как можно активнее привлекать женщин к участию в работе по охране труда, социальному страхованию, в кассах взаимопомощи, культпросвет организациях, профсоюзах. Работниц целенаправленно выдвигали в месткомы и фабкомы, правления союзов, на конференции, в делегатские собрания, а также в Советы. Вовлечение женщин в производственную и общественную деятельность значительно меняло их психологию, создавало новые стереотипы в определении своего места в обществе, перестраивало систему традиционных ценностей, рассматривавших женщину прежде всего как жену и мать. Работа в общественных организациях была для многих способом самоутверждения, возможностью выйти из-под власти мужа, внести свой вклад в построение нового социума, неизвестного еще в мире.

Ключевые слова: Сибирь; 1920-е гг.; женщины; женщины-работницы; коммунистическая партия; профсоюзы; общественная деятельность.

Процесс перехода от аграрного к индустриальному обществу в нашей стране осуществлялся как в русле общецивилизационных тенденций, так и имел свои особенности, связанные с победой Великой Октябрьской социалистической революции, построением социализма в СССР. В частности, по-особенному у нас решался и женский вопрос. Провозглашение впервые в мире равенства полов как в социальном, так и в экономическом и политическом плане ставило перед руководством страны серьезные задачи по вовлечению женщин в производственную и общественную деятельность.

Для работы среди женщин во всех звеньях государственной политической системы создавались специальные органы: женотделы в партии, уполномоченные от профсоюзов. 9 февраля 1924 г. вышел циркуляр ЦИК СССР об организации Народным Комиссариатом Труда Комиссии по всемерному улучшению и изучению женского труда в производстве [1. С. 75]. Комиссии по жентруд были созданы и на местах. В их задачи входили вопросы расширения производственной и общественной деятельности работниц.

По мнению их членов, следовало как можно активнее привлекать женщин к участию в работе по охране труда, социальному страхованию, в кассах взаимопомощи, культпросветорганизациях, профсоюзах. Их кандидатуры целенаправленно выдвигали на выборах в месткомы и фабкомы, правления союзов, на конференции, в делегатские собрания [2. Л. 23]. В журнале «Красная сибирячка» в статье «Нужны ли женотделы и кому в них работать» автор А. Комарова констатировала: «Слишком далеко стоит еще масса пролетарок от партии и вообще от общественной жизни, слишком погружены в свою семейную жизнь (муж, дети, хозяйство) после работ в мастерской или на фабрике. А благодаря делегатской работе у них откроются глаза» [3. С. 65].

Женотделы партийных организаций использовали такие методы агитации и пропаганды среди женщин, как политические суды, конференции, вечера пролетарки, революционные праздники. Например, предлагалась следующая тематика политических судов: «Суд над проституткой, суд над хозяйкой, эксплуатирующей прислугу, и т.д. Суд над коммунисткой, порвавшей с семьей. Суд над сифилитиком-отцом. Суд детей, получивших дурную наследственность» [4. Л. 41 об., Л. 42].

Женские комиссии и женотделы способствовали выдвижению работниц на выборную работу, в том числе не только в общественные, но и в государственные организации, т.е. в Советы. «Мы видим, что Советская власть о нас заботится. Мы должны доказать, что мы способны, кроме горшков, справляться и с руководящей работой в советском аппарате», – говорили участницы Сибирских краевых курсов женщин – членов исполкомов [5. С. 19].

Или, как заметила одна из делегаток I краевого съезда Советов Сибири (1925): «Наша Коммунистическая партия, насколько я сумела понять, намечает такой путь, чтобы женщина, как работница и крестьянка, жила не как баба, а как человек» [6. С. 100].

В 1928 г. в СССР женщины составляли 26% всех депутатов горсоветов [7. С. 12]. В Сибири в 1922 г. в городские органы власти были избраны 152 работницы, в 1923–1924 гг. – 190, в 1924–1925 гг. – 236 [8. Л. 42]. В 1927 г. женщины составляли 19,3% депутатов горсоветов, 9,1% окрисполкомов, 7% крайисполкомов, 3 человека были избраны кандидатами ВЦИК РСФСР и 5 – ЦИК СССР [9. С. 78].

На первом сибирском съезде Советов отмечалось: «За последнее время в значительной степени повысился процент участия женщин в Советах. И на самых активных, ответственных должностях процент женщин растет <...> в этом отношении в Сибири дело обстоит гораздо лучше, чем в других частях Союза» [6. С. 50].

Основной формой работы коммунистической партии среди женщин считались делегатские собрания. Они избирались представителями наиболее отсталых слоев, и через них женотделы партийных организаций оказывали влияние на остальных женщин: «Делегатские собрания – основная форма работы среди женщин, способствующая трудящимся женщинам получить минимум теоретических и практических знаний, необходимых для участия в строительстве страны» [10. С. 2].

Работницы имели в составе делегатских собраний больший удельный вес по сравнению с представителями других социальных слоев с целью оказания на последних пролетарского влияния. За 1922–1924 гг. число делегатов-работниц в Сибири увеличилось с 2 239 до 5 156 человек [8. Л. 42]. В 1925 г. в городских делегатских собраниях было работниц до 45%, служащих – до 25%, жен рабочих, учителей и т.д. – до 30% [11. С. 43]. С 1925 по 1928 г. сеть делегатских собраний в городах и рабочих поселках возросла со 115 до 240, а количество делегатов – с 7 748 до 11 024 [12. С. 94].

На втором краевом съезде Советов в прениях по докладу Р.И. Эйхе делегатка Сучкова, отмечая необходимость активизации женщин, говорила: «Я думаю, товарищи, что если женщина выдвинута на ту или иную работу, нужно ее поддерживать, тогда женщина пойдет вперед и за ней все остальные массы. Тогда мы пойдем верным, неодолимым, прямым путем к социализму!» [13. С. 69].

Коммунистическая партия одной из первоочередных задач ставила расширение своих рядов за счет работниц. В 1924–1926 гг. по всему Советскому Союзу численность женщин в партийных организациях возросла с 8,6 до 12,8% от общего числа членов. В Сибири этот рост также был замечен: с 4,8 до 6,9% [14. С. 15; 15. С. 87–88, 97, 295]. На 1 октября 1928 г. в Новосибирской окружной партийной организации женщины составляли 11,4%, а на 1 октября 1929 г. – 12,6% к общему числу коммунистов. По социальному положению процент работниц за этот же период увеличился с 38,6 до 45,5%, а по роду занятий – с 19,3 до 35% [16. Л. 208; 17. С. 22].

В сибирской комсомольской организации число девушек за 1924–1927 гг. возросло с 11 до 28,7% [18. Л. 6; 19. Л. 28]. Сибирские женщины входили также в различные общественные организации. Так, все работницы Лесозаводов № 1 и 2 г. Новосибирска состояли членами Воздухофлота, кооперативов, касс взаимопомощи [20. С. 20].

Главной задачей института уполномоченных от профсоюзов среди женщин, существовавшего в Сибири с 1922 г. [21. Л. 1], было вовлечение последних в профсоюзное движение. В 1927 г. в целом по стране работницы в профсоюзных организациях составляли 28,5% [22. С. 207], в выборных профсоюзных органах (ФЗМК) – 19,2% [23. С. 57]. В Сибири на 1 апреля 1926 г. 25,3% членов профсоюзов были женщины [24.

С. 4], среди членов фабзавместкомов – 19,6% (1927) [25. С. 18]. Практически все работницы (90,5%) являлись членами профессиональных организаций [26. С. 41].

В отчете Томского губернского совета профсоюзов за 1923 г. отмечалось, что основным методом работы среди женщин было «проведение общих собраний на предприятиях по установленной программе, общегородских собраний и бесед. Выдвижение работниц на союзные посты стало неременной задачей губотделов». При этом указывалось, что «результатом работы, несомненно, является повышение активности работниц и их интереса к окружающей обстановке» [21. Л. 1].

С целью привлечения большего числа женщин к участию в профсоюзной работе женотдел Сибкрайкома обращал внимание профорганов на необходимость широкого обсуждения на собраниях вопросов, связанных «с бытовыми особенностями, условиями труда женщин» [27. Л. 13]. Профсоюзы в своей деятельности касались вопросов социально-бытового положения женщин. В их функции входило развертывание сети детских учреждений, общественных столовых при фабриках и заводах, деятельность органов социального страхования, культурно-просветительская работа и т.д.

Профсоюзные органы обращали внимание низовых организаций на преодоление некоторых крайностей в работе среди женщин. Так, на Сибирском совещании межсоюзных организаторов по работе среди работниц при Сиббюро ВЦСПС в сентябре 1924 г. отмечалось две из них. Представитель Омского женотдела Яковлева заявила: «Губпрофсовет и губженотдел считают, что работу среди работниц выделять особо не следует, чтобы не развивать феминизм, и потому мы отказались от метода созывов отдельных женских собраний, отказались от создания отдельных женских кружков, а также ликвидировали институт губорганизаторов по работе среди работниц при губотделах союзов» [21. Л. 23].

Другую крайность выразили делегаты Сибирского совещания межсоюзных организаторов от Алтайского губернского совета профсоюзов: «В ряде ГСПС (губернские советы профсоюзов. – М.Б.) имеется другая крайность в виде женского уклона в работе, как организация отдельных женских кружков, женкоров и прочих, которые развивают половой антагонизм и ведут к противопоставлению одной части союзной массы против другой... Вряд ли у нас хватит сил на обслуживание созданных женских кружков» [Там же].

В этих выступлениях интересен аспект, связанный с развитием феминизма, который воспринимался как чуждая буржуазная идеология.

Именно эта мысль была изложена в резолюции XII съезда РКП(б) «О работе среди работниц и крестьянок»: сложные условия работы среди женщин «при замедленном строительстве учреждений, облегчающих положение работницы, создают некоторую почву для феминистических уклонов. Эти уклоны могут способствовать созданию таких специальных обществ, кото-

рые под флагом улучшения бытового положения женщин на самом деле привели бы к отрыву женской части трудящихся от общеклассовой борьбы» [28. Л. 23].

Рост феминистических настроений был закономерным следствием эмансипации, утверждения женского самосознания. Однако замыкание на чисто феминистической проблематике вместо саморазвития женщины могло привести к односторонности, ограниченности данного процесса.

В дальнейшем профсоюзные руководители пришли к выводу о том, что женские вопросы надо как можно шире выносить на обсуждение не только женских, но и общесоюзных собраний. В 1926 г. институт уполномоченных по работе среди женщин был упразднен, а его функции переданы фабрично-заводским комитетам [27. Л. 145; 29. С. 110]. Таким образом, начала осуществляться линия на постоянную ликвидацию специализированных женских подразделений в различных организациях.

Вовлечение женщин в производственную и общественную деятельность значительно меняло их психологию, создавало новые стереотипы в определении своего места в обществе, перестраивало систему традиционных ценностей, рассматривавших женщину прежде всего как жену и мать. Работа в общественных организациях была для многих способом самоутверждения, возможностью выйти из-под власти мужа, внести свой вклад в построение нового социума, неизвестного еще в мире, тем более что в 1920-е гг. патриархальные устои семьи, особенно в деревне, были очень крепки.

Многие делегатки, рассказывая свою биографию, подчеркивали, что семья для них являлась адом, где ничего хорошего не было. Одна из женщин вспоминала: отец у нее был пьяницей, бил и ее, и сестру, и мать. Мать без побоев никогда не ходила. И дочери он подыскал в женихи такого же пьяницу, продал ее за 50 рублей и полведра водки. Муж все, что зарабатывал, пропивал и проигрывал, бил ее нещадно, редко без синяков ходила [30. С. 63–64].

Или вот такое свидетельство: «Бесправие и произвол главы дома в семье искалечили мою жизнь. Пятнадцати лет и пяти месяцев, мой отец, избивая меня до полусмерти, заставил меня выйти замуж за кулака исключительно из-за материальных выгод. Жизнь с нелюбимым мужем была мучением, несколько раз я искала даже способов покончить с собой» [31. С. 15]. И такие воспоминания не единичны: «У нас, баб, три беды: беднота, темнота и муж» [Там же. С. 19].

В общественной работе, производственной деятельности они видели средство своего самоутверждения, пробуждения как личности, как человека. («Теперь я и последней беды не боюсь, потому я партийная» [Там же]).

Участие женщин в производственной и общественной жизни, партийность коренным образом изменяли их социальный статус. Женщина активно включалась в

сферу общественных отношений, выходила из-под власти мужа. Членство в коммунистической партии, возможно, являлось для некоторых гарантией их личной безопасности. Далеко не всякий мужчина посмел бы в то время поднять руку на члена партии, даже если это — его жена. Эти мотивы, порой, являлись важными в определении привлекательности общественной работы для многих женщин.

На Пятой сибирской партийной конференции в марте 1922 г. отмечалось: «Сорвав с себя цепи рабства, гордо поднимается новая женщина — пролетарка. Она осознает свое человеческое достоинство, свою личность, свои классовые интересы, становится полезным, активным соратником рабочего класса. Она равноправна, независима материально от мужа или отца, обладает своим внутренним миром и через свой класс связана со всем внешним миром, живет его интересами. Главное содержание жизни — это труд, общественная деятельность, борьба. В любви она ищет отдыха, красоты, удовлетворения духовных и физических запросов, но не цели жизни, не моральной и материальной опоры» [32. С. 3].

Изменение социального статуса женщины находило отражение и в культуре 1920-х гг. Примером может служить стихотворение В. Куканова «Работница», опубликованное в журнале «Красная сибирячка» [33. С. 11]:

«Вот она сильная, смелая,
Вот она с кучей детей,
Дело строительства медленно делая
Ради идей.
Сколько насмешек, проклятья, презренья
Вынесла стойко она.
Сердце к врагам полно омерзенья —
Вот и победа видна.
Вот она член совета районного,
Вот она член губчека,
Вот за станком челнока беспокойного
К массам рабочим близка».

Или «Гимн работницы» Андрея Кручины [34. С. 17]:

«Мы отныне не рабыни,
Мы подвластны лишь труду.
Труд — основа, труд — твердыня,
С ним я новый путь найду».

Таким образом, процесс вовлечения женщин в производственную и общественную деятельность коренным образом менял как взгляды на социальное предназначение женщины, так и восприятие самой женщиной своего места и роли в обществе. Отходя от непосредственно семейных обязанностей, она активно включалась в производственную и общественную деятельность, что влекло за собой изменение ее психологии, социально-нравственных ориентиров, ценностных установок и мотиваций поведения. И, разумеется, огромную роль в этом процессе играли различные общественные организации, прежде всего коммунистическая партия, комсомол, профсоюзы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Охрана женского труда (Сборник действующего законодательства и руководящих указаний ВЦСПС по профработе среди женщин). М., 1926.
2. Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. р-512. Оп. 1. Д. 411.
3. Красная сибирячка (Новониколаевск). 1922. № 1.
4. Томский областной центр документации новейшей истории. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1656.
5. На советском посту (Новониколаевск). 1928. № 7.
6. Первый краевой съезд Советов Сибири. (3–9 декабря 1925 г.): Стенографический отчет. Новосибирск, 1993. Ч. 1.
7. Работница (Москва). 1929. № 12.
8. Государственный архив Томской области. Ф. р-182. Оп. 1. Д. 928.
9. Агитатор. 1928 (Москва). № 3.
10. Советская Сибирь (Новосибирск). 1926. 7 марта.
11. Известия Сибирского краевого комитета РКП(б). Новониколаевск. 1925. № 3.
12. Агитатор (Москва). 1929. № 1–2.
13. Второй краевой съезд Советов Сибири (1–6 апреля 1927 г.). Газетные репортажи и документы. Новосибирск, 1991.
14. Коммунистка. 1923 (Москва). № 3–4.
15. Молотков И.А. Сибкрайком. Партийное строительство в Сибири в 1924–1930 гг. Новосибирск, 1978.
16. ГАНО. Ф. п-2. Оп. 1. Д. 4033.
17. Новосибирская организация КПСС в цифрах. 1920–1980 гг. Новосибирск, 1981.
18. ГАНО. Ф. п-188. Оп. 1. Д. 3.
19. ГАНО. Ф. п-188. Оп. 1. Д. 559.
20. Красная сибирячка (Новониколаевск). 1924. № 5–6.
21. ГАНО. Ф. р-512. Оп. 1. Д. 479.
22. Миловидова Э. Женский вопрос и женское движение. Хрестоматия. М.; Л., 1929.
23. Рашин А.Г. Женский труд в СССР. Вып. 1. М., 1928.
24. Просвещение Сибири (Новосибирск). 1927. № 3.
25. Итоги работы профсоюзов Сибкрая. 1927–1929 годы. Новосибирск, 1929.
26. Известия Сибирского краевого комитета РКП(б). Новосибирск. 1927. № 2.
27. ГАНО. Ф. п-2. Оп. 4. Д. 12.
28. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 3.
29. Профессиональные союзы СССР. 1924–1926. Отчет ВЦСПС к VII съезду профессиональных союзов. М., 1926.
30. Красная сибирячка (Новониколаевск). 1923. № 6–7.
31. Красная сибирячка (Новониколаевск). 1925. № 8.
32. Советская Сибирь (Новониколаевск). 1922. 8 марта.
33. Красная сибирячка (Новониколаевск). 1923. № 9–10.
34. Красная сибирячка (Новониколаевск). 1925. № 2–3.

Balakhnina Marina V. Siberian State Transport University (Novosibirsk, Russia). E-mail: marinab460@yandex.ru

THE ACTIVITY OF SOCIAL ORGANIZATIONS OF SIBERIA AMONG THE WOMEN-WORKERS IN 1920s.

Keywords: Siberia; 1920s; women; women-workers; communist party; trade unions; social activity.

The subject of the article is the activity of public organizations of Siberia among the women in 1920s to increase their public work. There were special organs in different structures of the state's political system to work among women: women's departments in the party, representatives from the trade unions, the commissions on the woman's labour. Their task was as much as possible to involve women in the work on labor protection, social insurance, in mutual aid funds, in culture-instructive organizations, in trade unions. Women-workers were purposefully put forward in the local committees of trade unions, administration of unions, at the conferences, at the delegate meetings, as well as in the Soviets. Women's departments of the party organizations used such methods of agitation and propaganda among women, as political courts, conferences, the revolutionary holidays, etc. The delegate meetings were the basic form of the communist party work among women. They were elected by the representatives of the most backward layers, and the women's departments of the party organizations had an impact on other women through them. One of the priority tasks of the communist party was to involve women-workers into its ranks. The main task of the institute of the trade union's representatives among women was the involvement of the latter in the trade union movement. The trade unions in their activities touched upon the questions of the social conditions of women's life. Their functions included the development of a network of child care institutions, public canteens in the factories, the activities of the social insurance institutions, cultural-educational work. The involvement of women in industrial and social activities significantly changed their mentality, created the new patterns in determining of their place in society, reformed the system of traditional values, which considered women as a wife and a mother above all. The work in the public organizations was for many of them a way of self-affirmation, the ability to get out from under the authority of her husband, to contribute to the building of a new society, which was unknown yet in the world. In social work, industrial activity, the women saw a means of their self-awakening as a personality, as an individual. The women's activity in industrial and social life, the party membership radically changed their social status. The woman was actively involved in the field of public relations, was out of the husband's authority. Thus, the process of integrating women into the industrial and social activity has radically changed the views on social purpose of women and the perception by the woman of their place and role in society. And, of course, a huge role in this process played a variety of social organizations, primarily the communist party, the young communist league, and the trade unions.

REFERENCES

1. Soviet Union. (1926) *Okhrana zhenskogo truda (Sbornik deystvuyushchego zakonodatel'stva i rukovodyashchikh ukazaniy VTsSPS po profrabote sredi zhenshchin)* [The protection of women's labour (The current legislation and Guidelines of the VTsSPS on the Union's work among women)]. Moscow.
2. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-512. List 1. File 411.
3. *Krasnaya sibir'yachka*. (1922) 1.

4. Tomsk Regional Center of the Modern History of the Documentation. Fund 1. List 1. File 1656.
5. *Na sovetskom postu*. (1928). 7.
6. Moletotov, I.A. (ed.) (1993) *Pervyy kraevoy s"ezd Sovetov Sibiri. (3-9 dekabrya 1925 g.): Stenograficheskiy otchet* [The First Regional Congress of Soviets in Siberia. (3-9 December 1925): Transcript]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
7. *Rabotnitsa*. (1929) 12.
8. The State Archives of Tomsk Region. Fund R-182. List 1. File 928.
9. *Agitator*. (1928) 3.
10. *Sovetskaya Sibir'*. (1926) 7th March.
11. *Izvestiya Sibirskogo kraevogo komiteta RKP(b)*. (1925) 3.
12. *Agitator*. (1929) 1–2.
13. Moletotov, I.A. (ed.) (1991) *Vtoroy kraevoy s"ezd Sovetov Sibiri (1–6 aprelya 1927 g.). Gazetnye reportazhi i dokumenty* [The Second Regional Congress of Soviets in Siberia (April 1–6, 1927). Newspaper reports and documents]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
14. *Kommunistka*. (1923) 3–4.
15. Moletotov, I.A. (1978) *Sibkraykom. Partiynoe stroitel'stvo v Sibiri v 1924–1930 gg.* [Sibkraykom. The Party formation in Siberia in 1924–1930]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
16. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund P-2. List 1. File 4033.
17. The CPSU. (1981) *Novosibirskaya organizatsiya KPSS v tsifrah. 1920–1980 gg.* [The organization of the Communist Party in Novosibirsk in figures. 1920–1980]. Novosibirsk: West-Siberian Book Publ.
18. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund P-188. List 1. File 3.
19. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund P-188. List 1. File 559.
20. *Krasnaya sibiryachka*. (1924) 5–6.
21. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-512. List 1. File 479.
22. Milovidova, E. (1929) *Zhenskiy vopros i zhenskoe dvizhenie* [The women's issue and women's movement]. Moscow; Leningrad: Gosizdat.
23. Rashin, A.G. (1928) *Zhenskiy trud v SSSR* [Women's labour in the USSR]. Moscow: Voprosy Truda.
24. *Prosveshchenie Sibiri*. (1927) 3.
25. Soviet Union. (1929) *Itogi raboty profsoyuzov Sibkraya. 1927–1929 gody* [The results of the work of Siberian Unions. 1927–1929]. Novosibirsk: [s.n.].
26. *Izvestiya Sibirskogo kraevogo komiteta RKP(b)*. (1927) 2.
27. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund p-2. List 4. File 12.
28. Egorov, A.G. & Bogolyubov, K.M. (eds). (1984) *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TsK* [The CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Central Committee plenums]. Vol. 3. Moscow: Political Literature Publ.
29. Soviet Union. (1926) *Professional'nye soyuzy SSSR. 1924–1926. Otchet VTsSPS k VII s"ezdu professional'nykh soyuzov* [The trade unions of the USSR. 1924–1926. Report to the VII Congress of Trade Unions]. Moscow: [s.n.].
30. *Krasnaya sibiryachka*. (1923). 6–7.
31. *Krasnaya sibiryachka* (1925) 8.
32. *Sovetskaya Sibir'*. (1922) 8th March.
33. *Krasnaya sibiryachka*. (1923) 9–10.
34. *Krasnaya sibiryachka* (1925) 2–3.

УДК 321:94(470 + 571)
DOI 10.17223/19988613/40/10

В.И. Постол

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РУССКОЙ ВЛАСТИ: РЕЛИГИОЗНЫЕ ИДЕАЛЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

Прослеживается дискуссия о социальной природе российской власти. В условиях формирования новой государственности России особое значение приобретает выявление факторов ее устойчивости. Исследован евразийский контекст идейно-политической борьбы в Московской Руси. Проведен анализ идеологического дискурса самодержавной власти, выявлен базовый миф православного государства, показан симбиоз православных и исламских универсальных идей. Автор разделяет мнение о восточном пути России к цивилизации.

Ключевые слова: евразийский контекст; византийские корни; идейный симбиоз.

В современных условиях, когда идет формирование новой национальной идентичности России, особое значение приобретает выявление факторов ее устойчивости и прежде всего такой ключевой скрепы, как самодержавная власть. Несмотря на периодические крушения государственности, после великих смут в России неизменно возрождался авторитаризм. Западные исследователи ортодоксом российской истории считают формулу *хаос/порядок* (Р. Пайпс). «Хаос» – это периоды смуты и радикальных реформ, «порядок» – периоды устойчивого существования государства. Очевидно, что если цикл «жуткий хаос – жестокий порядок» периодически повторяется, то это уже не исключительное, а закономерное явление, имеющее четкие воспроизводящиеся черты. Пытаясь объяснить феномен воспроизводства самодержавной власти, российские исследователи обратились к изучению ее истоков. Семантическое пространство заполнили разнообразные метафоры власти: «Российская колея» (А.А. Аузан), «Русский ген» (В.Б. Пастухов), «Тень Грозного царя» (А.Л. Янов) и др. По оценке В.А. Дубовцева и Н.С. Розова, имеется «множество вдохновенных текстов разных жанров и идейной направленности, но четких образов и идей предлагается существенно меньше. Что же до строгих концепций и эмпирически подкрепленных объяснительных теорий, то их и вовсе нет» [1].

Известно, что присутствие метафоры в сформулированном знании считается недостатком, однако они эвристически полезны при производстве знания, поскольку являются неотъемлемыми элементами каждого агрегатного состояния, в котором пребывает та или иная научная теория [2. С. 219]. Эвристически полезной при производстве знания оказалась концептуальная метафора «русская власть» (в интерпретации В.П. Макаренко, Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова). В. Макаренко видит в России типичную для Востока цивилизацию. В основе его понимания русской власти лежит идея *власти-собственности*. Ю. Пивоваров и А. Фурсов рассматривают Россию как особую цивилизацию, не имеющую аналогов ни на Востоке, ни на Западе. В основе их трактовки русской власти лежит идея *власти-насилия*. «Идеалтипически самодержавие – это

власть-насилие, власть как насилие, безо всяких там ограничений, “сдержек и противовесов”» [3]. Авторы определили и форму реализации самодержавной власти: опричнина «стала эмбрионом русской власти, средством превращения ордынско-московской власти в русскую» [4].

Нам уже приходилось включаться в дискуссию о социальной природе самодержавной власти. Мы разделяем мнение о восточном пути России к цивилизации. Преобладание государственной собственности – «квинтэссенция всех неевропейских (незападных по происхождению) обществ в истории» (Л.С. Васильев), и Россия здесь не исключение. Однако тезис о насилии как повивальной бабки русской власти вызвал у нас некоторые возражения [5. С. 22–23]. Конечно, опричнина сыграла важную роль в борьбе с боярской оппозицией, однако не следует преувеличивать роль насилия в деле преобразования страны. Понять особенности «русской власти» невозможно без рассмотрения великих вопросов о Праве, Правде и Справедливости. Аналитической конструкцией послужит нам модель дискурса-анализа Норманна Фэркло. Основные понятия данной модели – текст, дискурсивная практика и социальная практика. Благодаря интертекстуальности, задаваемой данной моделью, социальные последствия становятся более очевидными: «Когда два или более дискурсов в одной и той же области представляют различный взгляд на мир, исследователь может задать вопрос: каковы последствия того, что один взгляд будет принят вместо другого» [6. С. 237]. Далее мы обратимся к анализу той социальной практики, которой принадлежал идеологический дискурс царской власти.

Евразийский контекст. Контекст – это «собирательный термин для всех тех событий, которые говорят организму, из какого набора альтернатив он должен выбрать» (Г. Бейтсон). После освобождения Руси от ордынской зависимости на повестку дня был поставлен вопрос реформирования страны. Следование культурным образцам – один из главных законов истории. За образец обычно берется наиболее могущественная «мировая» держава своего времени. После падения Константинополя новой «мировой» державой стала

османская империя. Нельзя не сказать, что в Московской Руси на тему подражания османским султанам в управлении государством был наложен запрет. Османская империя была ее великим врагом, поэтому «признать какие-то связи с османами было равносильно признанию в преступлении» [7]. Тем не менее в конце XV в. в России началось частичное заимствование османских порядков. Московские князья воспринимали прогрессивные идеи и были готовы им следовать.

Исламская государственная идея провозглашала господство государственной собственности. Завоеванные земли считались принадлежащими государству, поэтому прежние собственники этих земель теряли все права. Знать и многие горожане выселялись с завоеванных земель в коренные османские области. Поместная система стала основой и российского государства. Историки отмечают, что «поместная система появилась на Руси внезапно, в конце XV в., и сразу же получила широкое распространение» (С.Б. Веселовский). Идею введения поместной системы Ивану III мог подсказать дьяк Федор Курицын, которого считают одним из руководителей московского правительства того времени. В 1482–1484 гг. Ф. Курицын возглавлял посольство в Молдавию и Венгрию. Из этой поездки он привез «Повесть о Дракуле» – переработанное и переведенное им на русский язык сказание о волошском господре Владе Цепеше. Напомним читателю, что в тот период Молдавия (последнее православное княжество на Юге Европы) вела отчаянную борьбу с Османской империей. Сражаясь с турками, господарь Стефан III заимствовал их тимарную систему. «Повесть» говорит о порядках, установленных Владом Цепешем. Знаменитый правитель был известен тем, что отнимал вотчины у своих бояр и раздавал их в поместья служилым людям. В 1485 г. дьяк Курицын вернулся в Москву, а зимой 1487–1488 гг. произошла небывалая для тех времен акция – вывод «житых людей» из Новгорода и наделение воинов поместьями. Иван III отправил в Москву семь тысяч зажиточных новгородцев. Эта акция точно соответствовала турецким обычаям: из завоеванного города выселяется вся знать, ее земли конфискуются и раздаются в тимары. Детальные совпадения в организации русской поместной и турецкой тимарной систем не оставляют сомнения в том, что поместная система была перенята у Османской империи.

«Повесть о Дракуле» позволяла понять и другой принцип управления восточным государством: впервые в русской литературе появляется традиционный образ восточного монарха, поддерживающего справедливость посредством жестоких расправ. Османская империя была наследницей древних цивилизаций Востока. В трудах мусульманских государственных деятелей (в том числе в знаменитой «Книге правления» Низам ал-Мулька) основным принципом государственного управления выступает идея справедливости. Великий визирь Рашид ад-дин приводит в пример Хосрова Ануширвана: «Я благоустрою мир правдой, справедли-

востью и спокойствием, ибо призван для этой задачи». Но справедливость не должна быть кроткой. Опыт тысячелетий привел восточных мудрецов к выводу, что за нее надо бороться: «нужно стереть с лица земли зачинщиков разрухи», «погубить беззаконных и злых». Ануширван – традиционный образ грозного восточного монарха, охраняющего справедливость с помощью суровых расправ [Там же].

Афанасий Никитин, одним из первых открывший Восток для Руси, писал на тюркском языке, что на Руси нет справедливости: «Бояре Русской земли несправедливы. Да станет Русская земля благоустроенной, и да будет в ней справедливость!» [Там же]. С принятием Судебника 1497 г. идея защиты справедливости нашла прописку и на русской земле. Судебник был обнародован во время коронации наследника престола Дмитрия Ивановича. На коронации было провозглашено введение законов, направленных на охранение справедливости. Митрополит и великий князь внушали наследнику: «Люби правду и милость и суд правой и имей попечение от всего сердца о всем православном христианстве». Иван III хорошо усвоил принцип восточной монархии: защита справедливости требует суровых наказаний. «Русская правда» Киевской Руси не знала таких жестоких казней и телесных наказаний, которые вводил Судебник 1497 г. Эта практика была заимствована с Востока [Там же].

После смерти Василия III реформы на время остановились – начался период боярского правления. Преобразование страны «по османскому образцу» возобновилось в 50-х гг. XVI в. – это были уже знаменитые реформы Ивана Грозного. В своих нововведениях внук Ивана III следовал проекту Ивана Пересветова. 8 сентября 1549 г. в церкви Рождества Богородицы Пересветов вручил Ивану IV челобитную, содержащую «Сказание о Магмете-салтане», который «великую правду в царстве своем ввел» (А.А. Зимин). Автор челобитной хорошо знал османские порядки и предлагал брать с них пример. Среди наиболее его настоятельных советов – утверждение самодержавия, установление «великой правды», возвышение воинов по заслугам и создание приближенного к царю стрелецкого корпуса, подобного корпусу янычар. Судя по тому, что сочинение Пересветова было внесено в Никоновскую летопись и в Хронограф второй редакции, оно пришлось Ивану IV по душе. Но по-прежнему негоже было подражать *безбожным туркам* – за это могли и казнить. Во второй челобитной те же самые мысли высказывались уже не от имени автора, а от имени молдавского «воеводы» Петра. Вновь перед нами предстает светлый образ правителя («служителя бедняков»), который отнимает богатства у знати, наделяет землей крестьян и снижает им налоги.

В Московской Руси после взятия Казани произошло то же, что и после овладения Новгородом: местная знать была выселена из завоеванных земель в центральные районы государства, и ее земли были розда-

ны в поместья русским воинам. Создание сильной армии являлось решающим условием существования государства, поэтому главной составляющей преобразований были военные реформы. Помимо стрелецкого войска, Иван Грозный хотел создать и конную гвардию. Он выбрал тысячу лучших воинов, однако из-за нехватки земель не удалось дать им поместья под Москвой. Этот проект был реализован позже – знаменитой «опричной» тысячей. Опричная политика Ивана Грозного является типичным проявлением восточного деспотизма. Говоря об инициаторах опричнины, источники указывают на черкесскую родню царя. Московские летописи переводят слово «опричина» как «особый двор». Черкесы хорошо знали, что такое двор османских султанов – это было государство в государстве, со своей казной и гвардией. В Османской империи государство делилось на две части: «хассе» и «дивани». «Хассе» – это земли, выделенные в обеспечение двора. Аналогично была разделена и Московская Русь – на «опричину» и «земщину». На Руси «дворцовые земли», находящиеся под особым управлением, появились уже при Иване III, поэтому Иван Грозный не был создателем опричнины, он лишь придал *опричнине-хассе* завершённые формы. Реализация принципа «нет земли без службы» (вместе с поместной системой) позволила России создать мощную русскую армию и стать великой державой.

Одновременно с военными осуществлялись и гражданские реформы. По свидетельству современников, Иван IV искренне стремился к утверждению на Руси правосудия и справедливости. В июне 1550 г. появился новый Судебник. Основной целью нового свода законов было установление провозглашённой царем «великой правды». Крестьяне больше всего страдали от произвола богатых и сильных, поэтому губным старостам особо предписывалось, чтобы у них «насильства от сильных» (здесь и далее орфография сохранена) людей не было. Псковская летопись отмечает, что в результате проведенных реформ была «крестьянам радость и льгота велика». Что касается чиновников, то среди них «не было ни одного, которого ни разу бы не высекли» [7]. Итак, великие князья восприняли не только идею справедливости, но восточные методы ее защиты. Подобно восточным монархам, они стремились предстать в образе защитника справедливости, однако они не были самодержцами. В этом статусе им еще предстояло утвердиться.

Православные корни. Волею судеб история России тесно переплелась с историей Византии. С принятием восточного толка христианства началось заимствование византийских государственно-правовых порядков. Православная Византия была для Древней Руси образцом для подражания. По некоторым оценкам, «все византийские институты пользовались на Руси колоссальным авторитетом. Значительная, и даже большая, часть византийских текстов, в том числе связанных с государственным устройством, сферой зако-

нодательства, была переведена на древнерусский язык и стала доступна русским книжникам. Это был образец, которому Русь, Россия подражала» (А.М. Лидов) [8].

Наиболее последовательно культурное копирование осуществлялось русской православной церковью. Служители церкви прочно усвоили идею солидарности светской и духовной власти как основы институциональной структуры православного государства. Напомним читателю, что принцип солидарности властей был утвержден решениями Пятого Вселенского собора в середине VI в. В «Своде гражданского права» Юстиниана он получил название «симфонии двух властей». VI Новелла гласила: «Величайшие дары Бога – священство и царство. Первое служит делам божеским, второе заботится о делах человеческих. Оба происходят от одного источника (Бога)» [9]. Православная церковь являлась центральной структурой русских княжеств. Ее монополией была интронизация русских князей. Божественный мандат на правление передавался в ходе специального обряда – *венчания и возведения на престол*. В дальнейшем данный принцип лёг в основу одного из главных юридических сборников Московской Руси – «Кормчей книги».

Христианизация древнерусского права привела к тому, что оно перестало быть *воплощенным в обычаях природным началом*, а превратилось в *волю и дело теократии*. Однако заимствование элементов византийской культуры осуществлялось стихийным образом, как правило, путем следования рутине обрядов. В силу неадекватной передачи информации терминология византийского христианства (изложенная Кириллом и Мефодием на славянско-болгарском языке) нередко обретала русское «лицо». Широкое распространение получил прием транспозиции – «перенесение лексической единицы из бытового языка на терминологический уровень» (М.В. Черников). В силу этого мировоззренческие понятия *дикайосюнэ* и *алетейя*, глубоко разработанные в античной традиции, были заменены понятиями *правда* и *истина*. Алетейя-истина – «то, что несмываемо водами Леты» (действительность, подлинность). В христианской мировоззренческой парадигме *истина*, по сути, есть одно из наименований Бога.

Понятие *дикайосюнэ* в античной культуре имело иную семантическую определенность – *судопроизводство, законность, правосудие, праведность, справедливость, благодеяние*. Лат. *dico* и гр. *dice* – это прежде всего юридическая формула, которая со временем стала обозначением и самого права [10]. В целом слова «правда» и «истина» имплицировали ту смысловую нагрузку, которую несли в себе их греческие аналоги. Однако пересечение смысловых сфер *правды* и *истины* в русской традиции истолковывалось в пользу правды: «дискурс Бога всегда есть Правда <...>. Правда... выступает представителем Истины и в этом своем качестве является истинной *правдой*» [11. С. 169]. По некоторым оценкам, «правда – это чисто русское понятие,

включающее в себя элемент более высокого, чем объективная истина, порядка. Правда – истина, возведенная в разряд идеи и этимологически связанная с правом и правосудием. Русский, который стоит за правду, стоит за такую истину, которой следует еще добиться... » [11. С. 165]. Еще одним примером вольной интерпретации христианской традиции стало *помазание на царство*. Трактующее в Византии в русле *ветхозаветной традиции* (как проявление богоизбранности монархов), в Московской Руси оно было истолковано в *новозаветном смысле*: «как таинство миропомазания, уподобляющее русского царя Христу». В результате функции главы государства воспринимались «как проявления особой харизмы – личного внеобыденного дара суверена», а право – «как то, что устанавливает власть» [12]. Тем самым было заложено основание для главенства монарха.

Известно, что идея самодержавной власти была заимствована русскими книжниками у византийских императоров. Однако при даннических отношениях с ханами почва для восприятия этой идеи была крайне неблагоприятна. Монгольское нашествие воспринималось русскими людьми как *наказание Божие*. Власть ханов представлялась вполне законной, и о сопротивлении ордынцам не могло быть и речи. Куликовская битва изменила отношение к завоевателям. Книжники стали говорить о них как о «безбожных разорителях христианства». На авансцену русской истории выходит новый герой – борец за христианскую веру против *нечестивых* [13. С. 67]. После освобождения от ордынской зависимости и падения Константинополя самодержавная идея вновь актуализируется в общественном сознании.

Следует сказать, что в эпоху *диктата эсхатологического сознания* самодержавная власть воспринималась как последняя истинная, данная от Бога и связывающая человека с Богом. В преддверии наступления царства Антихриста на нее «возлагалась задача не только спасти душу человека, но и задержать движение к страшному будущему» [9]. И вот уже в новой пасхалии 1492 г. первым самодержцем Московской Руси называется Иван III. Впоследствии, после венчания на царство, официальное звание «царя всея Руси» получает Иван IV. Московские правители внесли существенный вклад в формирование идеологии новой власти. Иван III был против любых ограничений своей власти во внутренней сфере. Он категорически возражал против того, чтобы ему *чинили урок*. Новгородцам, в частности, свое видение власти он объяснил так: «Вечево-

му колоколу не быть, посаднику не быть, а государство все ему держать». Иван IV толковал самодержавие как самовластие: «государь не может называться самодержцем, если не сам строит» [14. С. 498]. Свое завершение самодержавный идеал нашел в теории теократического абсолютизма Иосифа Волоцкого. В теорию Волоцкого вошли известные христианские темы о богоустановленности власти и об обязанности повиновения ей. Под властью подразумевался исключительно Государь. Иосиф учил, что московских государей Бог избрал вместо себя на земле самодержцами: властью царь подобен Богу, и высота этой власти не имеет границ. Новая теория власти обрела многочисленных последователей и стала официальной доктриной. Самодержавие стало той *ценностью-точкой*, в которую сместилась *вечная истина* российской монархии. В любой своей форме царский и императорский титул российских монархов неизменно определял божественную природу царской власти и ее самодержавный характер.

Доктрина самодержавной власти возникла на русской почве в процессе симбиоза православных и исламских идейных элементов. Заимствуя внешнюю форму культурных образцов, Русское государство формировало собственную конструкцию власти. Великие князья стремились предстать в образе грозного восточного монарха, охраняющего справедливость с помощью суровых расправ. Приняв статус «Третьего Рима», Московская Русь продолжала усваивать те фрагменты культурных ценностей, которые необходимы для вновь создаваемых социальных порядков. В результате московского прочтения христианской парадигмы в России не осталось места дуализму Церкви и Государства: «Истина (то, что соответствует божественному порядку) сообщается представителем Бога на земле, и в первую очередь монархом. Право есть правда от царя» [12]. Базовый миф о богоизбранности русской власти, на котором до конца XVII в. держалось русское мировоззрение, стал «кодирующей программой архаического типа для российской политической культуры... » [15. С. 26]. Переходя из глубин памяти в текст, он уходил в будущее, повторяясь в новых культурных контекстах, – оживал в них «как зерно, попавшее в новую почву» [16]. Таким образом, изначально русская власть зиждется на идее правды (справедливости). С прекращением защиты справедливости власть неизбежно утрачивала и легитимность, но неизбывная вера народа в «Правду от царя» всякий раз становилась залогом ее воспроизводства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубовцев В.А., Розов Н.С. Природа «Русской власти»: от метафор к концепции. URL: <http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ/ruspower.htm>, свободный (дата обращения: 16.09.2014).
2. Даннеберг Л. Смысл и бессмысленность истории метафор // История понятий, история дискурса, история менталитета / пер. с нем. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 189–297.
3. Пивоваров Ю.С. Русская власть и публичная политика. Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита. URL: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2006/1/2.htm>, свободный, (дата обращения: 17.09.2014).
4. Фурсов А. Русская власть, история Евразии и мировая система: *mobilis in mobile* (социальная философия русской власти). URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1212912480>, свободный (дата обращения: 23.09.2014).

5. Постол В.И. «Русская власть»: materia prima // Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Томск : Изд-во «Кит», 2015. С. 22–25.
6. Марианне В. Йоргенсен, Луиза Дж. Филлипс. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. 2-е изд., испр. X. : Гуманитарный центр, 2008. 352 с.
7. Неведов С.А. Реформы Ивана III и Ивана IV: османское влияние. URL: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Nefedov_00.pdf, свободный (дата обращения: 28.06.2015).
8. Всплывающая Византия. URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/1817898>, свободный (дата обращения: 9.07.2015).
9. Асонов Н. Философско-религиозные основы российских доктрин самодержавной власти. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-religioznye-osnovy-rossiyskih-doktrin-samoderzhavnoy-vlasti>, свободный (дата обращения: 14.09.2014).
10. Черников М.В. Концепты «правда» и «истина» в русской культуре: проблема корреляции // Полис. 1999. № 5. С. 43–61.
11. Черников М.В. Концепты «правда» и «истина» в русской культурной традиции // Общественные науки и современность. 1999. № 2. С. 164–175.
12. Княгинин В. Рецепция зарубежного права как способ модернизации российской правовой системы. URL: <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/kapital/system/modernization>, свободный (дата обращения: 14.09.2014).
13. Звонарев Ю. Рецензия на книгу: Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М. : Квадрига, 2009 // Эксперт. 2010. № 3 (689). С. 67.
14. Энциклопедия российской монархии. М. : Изд-во Эксмо, 2003. 512 с.
15. Щербинина Н.Г. Символическое конструирование мифо-героической политической реальности России // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2008. № 2 (3). С. 18–37.
16. Лотман Ю.М. Символ в системе культуры. URL: <http://www.philology.ru/literature1/lotman-92e.htm>, свободный (дата обращения: 11.07.2015).

Postol Vladimir I. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: vipostol@mail.ru

ON THE QUESTION OF THE RUSSIAN POWER DISTINCTIONS: RELIGIOUS IDEAL PRINCIPLES AND POLITICAL PRACTICES.

Keywords: Eurasian context; Byzantine background; ideological symbiosis.

The article continues the discussion about the social nature of the Russian power. Under the conditions of formation of the new statehood of Russia, the revelation of factors of its stability is getting special importance. Conceptual metaphor “Russian power” appeared to be heuristically useful (in the interpretation of V.P. Makarenko, Y.S. Pivovarov and A.I. Fursov). Victor Makarenko sees in Russia the civilization typical for the East. In the basis of his understanding of the Russian power lies the idea of the “power-property”. Yuri Pivovarov and Andrei Fursov consider Russia as a special civilization, which has no analogues neither in the East, nor in the West. In the basis of their interpretation of the Russian power lies the idea of the “power-coercion”. The author shares the opinion about the Eastern path of Russia to civilization. Predominance of the state property is the quintessence of all the non-European societies, and Russia is not an exception in this regard. But the thesis that coercion as the way to transform the Horde-Muscovy power into the Russian one caused some objections. Oprichnina had played the important role in the struggle with the boyar opposition. However, the role of coercion in the matter of the country reformation should not be exaggerated. In order to understand the peculiar properties of the Russian power, it is necessary to come back to the consideration of great questions about Law, Truth and Justice. In this work there was given the substantiation of partial borrowing of the Ottoman and Byzantine state-legal order. Grand dukes tried to appear in the image of the redoubtable Eastern monarch, keeping justice by means of harsh treatment. The borrowing of the Orthodox cultural values started with acceptance of the Eastern trend of Christianity. Churchmen have firmly assimilated the idea of solidarity of secular and ecclesiastical powers as the foundation of the institutional structure of the Orthodox State. However, as a result of the Moscow interpretation of the Christian paradigm in Russia there was no place left for the dualism of Church and State. So, there was made the foundation for the supremacy of monarch. The main thesis of this article comes down to that the doctrine of the tsarist autocracy appeared on the Russian ground in the process of symbiosis of the Orthodox Christian and Muslim ideological elements. Borrowing the outside form of cultural patterns, the Russian State assimilated those fragments of cultural values that were necessary for the newly creating social order. In the basis of the Russian construction of power was put the myth “justice is the truth from the tsar”. This is the key-point of the ontological status of power: initially “Russian power” was founded on the idea of truth, with the cessation of justice vindication the power was losing its legitimacy, but the enduring faith of people into “the truth from the tsar” each time had become the guarantee of its reproduction.

REFERENCES

1. Dubovtsev, V.A. & Rozov, N.S. (2007) *Priroda “Russkoy vlasti”: ot metafor k kontseptsii* [The nature of “Russian Power”: from metaphors to the concept]. [Online] Available from: <http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ/ruspower.htm>. (Accessed: 16th September 2014).
2. Danneberg, L. (2010) *Smysl i bessmyslennost' istorii metafor* [The meaning and meaninglessness of the history of metaphors]. In: Baedeker, H.E. (ed.) *Istoriya ponyatiy, istoriya diskursa, istoriya mentaliteta* [The history of concepts, discourse, and mentality]. Translated from German. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 189–297.
3. Pivovarov, Yu.S. (2006) *Russkaya vlast' i publichnaya politika. Zametki istorika o prichinakh neudachi demokraticeskogo tranzita* [Russian government and public policy. Notes of a historian on the causes of the democratic transition failure]. [Online] Available from: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2006/1/2.htm>. (Accessed: 17th September 2014).
4. Fursov, A. (2008) *Russkaya vlast', istoriya Evrazii i mirovaya sistema: mobilis in mobile (sotsial'naya filosofiya russkoy vlasti)* [Russian power, the history of Eurasia and the world system: Mobilis in mobile (Social Philosophy Russian authorities)]. [Online] Available from: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1212912480>. (Accessed: 23rd September 2014).
5. Postol, V.I. (2015) “Russkaya vlast'”: materia prima [The “Russian power”: Materia prima]. In: Shutov, V.S. (ed.) *Totalitarizm i totalitarnoe soznanie* [Totalitarianism and totalitarian mentality]. Tomsk: Kit. pp. 22–25.
6. Yorgensen, M.V. & Phillips, L.J. (2008) *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse analysis. The theory and method]. Translated from English by A.A. Kiseleva. 2nd ed. Kharkiv: Gumanitarnyy tsentr.
7. Nefedov, S.A. (n.d.) *Reformy Ivana III i Ivana IV: osmanskoe vliyanie* [Reforms of Ivan III and Ivan IV: The Ottoman influence]. [Online] Available from: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Nefedov_00.pdf. (Accessed: 28th June 2015).

8. Lidov, A.M. (2014) *Vsplyvayushchaya Vizantiya. Intervyu s A.M. Lidovym* [The emerging Byzantium. An interview with A.M. Lidov]. [Online] Available from: <http://worldcrisis.ru/crisis/1817898>. (Accessed: 9th July 2015).
9. Asonov, N.V. (2008) The Philosophical and Religious Basics of the Russian Doctrine of the Sovereign Power. *Vlast'*. 12. [Online] Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-religioznye-osnovy-rossiyskih-doktrin-samoderzhavnoy-vlasti>. (Accessed: 14th September 2014).
10. Chernikov, M.V. (1999a) Kontsepty "pravda" i "istina" v russkoy kul'ture: problema korrelyatsii [The concepts of "pravda" and "istina" in Russian culture: the problem of correlation]. *Polis*. 5. pp. 43-61.
11. Chernikov, M.V. (1999b) Kontsepty "pravda" i "istina" v russkoy kul'turnoy traditsii [The concepts of "pravda" and "istina" in Russian cultural tradition]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2. pp. 164-175.
12. Knyaginina, V. (2002) *Retseptsiya zarubezhnogo prava kak sposob modernizatsii rossiyskoy pravovoy sistemy* [Reception of the foreign law as a way of Russian legal system modernization]. [Online] Available from: <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/kapital/system/modernization> (Accessed: 14th September 2014).
13. Zvonarev, Yu. (2009) Retsenziya na knigu: Rudakov V.N. *Mongolo-tatarsy glazami drevnerusskikh knizhnikov serediny XIII–XV vv.* Moscow: Quadriga, 2009 [Book Review: Rudakov, V.N. (2009) *Mongol-Tatars eyes of ancient scribes in the middle of the 13th – 15th centuries.* Moscow: Quadriga]. *Ekspert*. 3(689). p. 67.
14. Butromeev, V. (ed.) (2003) *Entsiklopediya rossiyskoy monarkhii* [The Encyclopedia of the Russian monarchy]. Moscow: Eksmo.
15. Shcherbinina, N.G. (2008) The symbolic construction of mythoheroic reality of Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2(3). pp. 18-37. (In Russian).
16. Lotman, Yu.M. (1992) *Simvol v sisteme kul'tury* [The symbol in the cultural system]. [Online] Available from: <http://www.philology.ru/literature1/lotman-92e.htm>. (Accessed: 11th of July 2015).

ПРОБЛЕМЫ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(510)

DOI 10.17223/19988613/40/11

Т.А. Шеметова

ИЗ ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АНГЛИЙСКОГО КОНСУЛЬСТВА В КИТАЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ СИНЬЦЗЯН В 1918–1919 гг.

Основное внимание акцентируется на деятельности английского консульства в китайской провинции Синьцзян в 1918–1919 гг. (на примере Кашгарского округа). В годы Революции и Гражданской войны Россия утратила в Синьцзяне свое почти монопольное политическое и торгово-экономическое влияние в китайской провинции Синьцзян. Этой ситуацией воспользовалась Англия, по существу захватившая в рассматриваемый период Кашгарский рынок и усилившая влияние на местного даоиня (гражданского губернатора округа). Отмечается, что позиция Великобритании и ее консульства в Синьцзяне менялась исходя из политической и экономической конъюнктуры. Были заметны его колебания между большевиками и белогвардейцами.

Ключевые слова: Консульство; Синьцзян; Кашгар; большевики.

Борьба между Англией и Россией за китайскую провинцию Синьцзян началась еще с 70-х гг. XIX в. Особенно остро это соперничество обозначилось за влияние в Восточном Туркестане (Кашгарский округ Синьцзяна. – *Т. III*). Все дело в том, что после захвата Великобританией Кашмира и Ладдака Синьцзян стал граничить с колониальными территориями двух крупнейших государств. С одной стороны, индийскими владениями британской короны, с другой – российской Средней Азией. Именно с этого момента правительство Британии стало проявлять пристальное внимание к этой китайской провинции. Однако здесь уже прочно заняла свои позиции Российская империя.

Деятельность Англии, направленную на проникновение в Синьцзян, можно условно разделить на два этапа. Первый этап – довоенный, а второй – постреволюционный, когда в регионе вместо царской России Англии противостояла уже Советская Россия.

В 1873 г. Британское королевское правительство впервые направило в Восточный Туркестан посольство Форсайта с целью «установить дружеские взаимоотношения с тогдашним правителем Кашгарии – Якуб-беком», которое завершилось успешно [1. Л. 21].

После подавления китайцами уйгурско-дунганского повстанческого движения и ликвидации государства Йеттишар (Семиградье) Якуб-бека и вновь подчинения себе этих территорий сюда прибыла новая миссия англичан во главе с Юнгхесбендом, перед которой была поставлена задача – открыть консульство в Кашгаре. Следует отметить, что вплоть до 1914 г. Великобритания тщательно изучала Кашгар. Сюда направлялись многочисленные топографические экспедиции, разрабатывались пути, ведущие из Индии в эту часть Синьцзяна, и т.д. Прикрываясь девизом «защиты Индии», Соединенное Королевство все более проникало на север провинции, в то время как с другой стороны границы на юг стремилась Россия. При этом до начала

Первой мировой войны в соперничестве за Синьцзян выигрывала Российская империя. Она имела сильные экономические позиции в провинции, в частности в Кашгаре действовали российская таможня, почта, отделение Русско-Китайского (с 1910 г. – Русско-Азиатского) банка, хлопкоочистительные заводы и т.д., а ее консульство в Кашгарском округе приобрело статус генерального в 1895 г., опередив английское представительство на 12 лет.

В годы Революции и Гражданской войны Россия утратила в Синьцзяне свое почти монопольное политическое и торгово-экономическое влияние. Этой ситуацией воспользовалась Англия, по существу захватившая в рассматриваемый период Кашгарский рынок и усилившая влияние на местного даоиня (гражданского губернатора округа). Пытаясь ослабить позиции своего основного конкурента в провинции, Великобритания первоначально даже пыталась наладить контакты с большевиками. В 1918 г. в Ташкент была направлена миссия во главе с бывшим генеральным консулом в Кашгаре Маккартнеем с целью «...связать английское правительство с Советской властью» [Там же. Л. 30]. Однако истинными мотивами действий англичан было окончательное вытеснение из провинции своей соперницы, уже бывшей царской России и ее преемников и недопущение усиления влияния в этом регионе советской власти. Этим первоначально и была обусловлена политика английского консульства в Синьцзяне относительно выстраивания взаимоотношений с большевиками и их оппонентами – белогвардейцами. Антиросийская деятельность английского консульства в Синьцзяне не являлась предметом специального изучения. Она рассматривалась лишь в контексте торгово-экономических отношений, как одна из причин медленного роста объемов советско-синьцзянского товарооборота и политического сближения в период с 1918 г. до весны 1919 г. [2. Т. 1. С. 104].

Действительно, иностранные консулы в провинции неоднократно через дипломатический корпус в Пекине оказывали давление на центральное правительство в Китае с целью добиться от провинциальных властей сокращения или прекращения торговли с Советским Туркестаном. Однако можно скорректировать и дополнить это сложившееся мнение в исторической науке. Во-первых, позиция английской дипломатии в Пекине в отношении деятельности китайских властей Синьцзяна, на протяжении особенно первой половины 1919 г., была неоднозначной и менялась исходя из сложившейся ситуации в регионе. И только со второй половины 1919 г. приобрела четко просматриваемый антибольшевистский характер.

Например, когда посланник в Китае И.А. Кудашев попытался привлечь посольства стран союзниц царской России по Первой мировой войне и особенно посольство Англии (она больше других укрепила свои позиции в китайском Восточном Туркестане после революционных событий в России) к борьбе против торговли большевиков в Синьцзянской провинции, то первоначально, несмотря на неоднократные просьбы о помощи в этом деле, положительного ответа со стороны английского дипломатического корпуса не получил. В секретной телеграмме от 17 мая 1919 г., № 349 на имя министра иностранных дел он писал: «Даже мои (т.е. И.А. Кудашева. — *Т.Ш.*) ссылки на опасность для Афганистана и Индии от питания (имеется в виду возможность закупок и вывоза в Россию продовольствия из Синьцзяна. — *Т.Ш.*) китайцами большевиков не имели должного действия» [3. Л. 50]. Первоначально не оказало влияния на позицию Великобритании и наметившееся «среди мусульман, организующихся в Кашгаре, определенное движение против англичан» [4]. Сказалось желание этих стран воспользоваться ослаблением влияния России в Синьцзяне для усиления своих позиций. Поэтому они не хотели своими протестами по поводу торговли с большевиками испортить отношения с администрацией провинции, объясняя свою позицию «бессильем Центрального правительства на окраинах» [3. Л. 50].

Позиция Соединенного Королевства по этому вопросу изменилась только после обострения войны в Афганистане, начавшейся 3 мая 1919 г., когда возникла реальная угроза снижения объемов торговли Кашгара с Индией. Об этом писал в своем дневнике Российский консул в этом округе А.И. Успенский. Он, в частности, отмечал, что «судя по письмам», полученным кашгарскими купцами из этой страны, «положение там тревожное», поэтому торговцам рекомендовалось «ни самим не ездить пока в Индию, ни отправлять туда и не заказывать товаров» [5. Л. 25].

Вызывало опасение и желание афганцев вывести своих подданных в Кашгарском округе из-под юрисдикции английского консульства. Ими в Синьцзян была направлена официальная бумага, в которой го-

ворилось о том, что «отныне все афганцы, находящиеся в Кашгарии, подлежат юрисдикции китайских властей» [6. Л. 93].

Оказала влияние на изменение позиции Великобритании и угроза возможного проникновения в Афганистан большевиков, через территорию Синьцзянской провинции. Англичанам стало известно о направлении туда советской миссии Н.З. Бравина, в которую входил «и один из красных индийских революционеров» (речь идет о миссии, которую было поручено возглавить одному из лучших знатоков этого региона бывшему царскому дипломату в Персии Н.З. Бравину. Инструкции ему были выданы наркомом по иностранным делам Г. Чичериным. — *Т.Ш.*) [7. Л. 15].

Британское посольство в Пекине было «весьма озабочено» этим обстоятельством, тем более что еще в марте 1919 г. Советская Россия признала независимость этого Центральноазиатского государства. Подобное развитие событий не могло не обеспокоить правящие круги Великобритании. Опасение за Индию сначала подтолкнуло их пойти на снижение напряженности в сопредельном с ней Афганистане, с которым 8 августа 1919 г. в Равалпинди был подписан мир. Затем англичане, несколько изменив свою позицию относительно деятельности большевиков в Синьцзяне, стали более активно поддерживать белогвардейцев в борьбе против них. По данным источников, особенно «антисоветски» был настроен английский посол в Кашгаре, поскольку этот округ стал, в силу известных причин, английской зоной влияния [8. Л. 1].

Таким образом, Англия с последней трети XIX в. пыталась проникнуть и закрепиться в Кашгарском округе. Однако в этом ей противодействовала царская Россия, имевшая в данном регионе сильные позиции благодаря ранее заключенным с Китаем договорам. Только после ослабления российского влияния в Синьцзяне англичане смогли добиться определенного успеха в провинции. Тем не менее, чтобы окончательно закрепиться в Кашгаре, они были вынуждены лавировать между всеми заинтересованными силами в Синьцзяне, что и предопределило их политику в период с 1918–1919 гг. в провинции. Позиция Великобритании и ее консульства в Синьцзяне менялась исходя из политической и экономической конъюнктуры. Были заметны его колебания между большевиками и белогвардейцами. Конечно, больших «симпатий» и «иллюзий» относительно взаимодействия с Советами в провинции они не имели, но их руками хотели ослабить своих основных конкурентов уже бывшей царской России и ее преемников и при этом не «испортить» отношений с местными властями, которые также колебались в своей «приверженности» между Советской Россией и ее оппонентами в ходе Гражданской войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 532. Оп. 4. Д. 327.
2. Галенович Ю.М. «Белые пятна» и «Болевые точки» в истории советско-китайских отношений. М., 1992.
3. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 200. Оп. 1. Д. 450.
4. Агитация большевиков // Русский Восток. 1919. 4 фев. (№ 23).
5. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 39504. Оп. 1. Д. 27.
6. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 383.
7. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 385.
8. РГВА. Ф. 110. Оп. 3. Д. 1091.

Shemetova Tamara A. Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia). E-mail: ist-vi@uni-altai.ru

FROM THE HISTORY OF THE BRITISH CONSULATE IN THE CHINESE PROVINCE OF XINJIANG IN 1918–1919.

Keywords: consulate; Xinjiang; Kashgar; Bolsheviks.

The author of the article focuses on the activities of the British consulate in the Chinese province of Xinjiang in 1918–1919 (the case of Kashgar District). The struggle between Britain and Russia over the Chinese province of Xinjiang began in the 70-ies of 19th century. Especially sharply this rivalry became apparent for influence in East Turkestan (Xinjiang Kashgar District. – *T.Sh*). The fact is that after the capture of Laddaka and Kashmir by the United Kingdom, Xinjiang became a border with the colonial territories of the two largest states. On the one hand, Indian possessions of the British Crown, on the other – the Russian Central Asia. From that moment on, the British government began to show a close attention to the Chinese province. However, the Russian Empire has positioned there firmly. Activities of England aimed at penetration in Xinjiang can be divided into two stages. The first stage – before the war, and the second one – post-revolution, when the Soviet Russia (instead of Tsarist Russia) opposed Britain in the region. During the years of revolution and civil war Russia had lost its almost monopoly political and trade-economic influence in the Chinese province of Xinjiang. England took advantage of this situation, seized the Kashgar market and enhanced influence on the local daoин (civil governor of the district). Trying to weaken the position of its main competitor in the province, the United Kingdom initially even tried to establish contacts with the Bolsheviks. However, the true motive of the British was to push out from the province its rivals, already former Tsarist Russia and its successors, and to prevent gaining influence in the region by the Soviets. This originally was the aim of the policy of the British consulate in Xinjiang in respect with building the relationships with the Bolsheviks and their opponents – the Whites. As a result, it was concluded that the position of the United Kingdom and its consulate in Xinjiang changed on the basis of political and economic conditions. Its swings between the Bolsheviks and the Whites were noticeable. Of course, they did not have big “sympathy” and “illusions” about the interaction with the Soviets in the province, but by their hands they wanted to weaken its major competitors, already former Tsarist Russia and its successors, and at the same time did not “spoil” the relations with the local authorities, which were also swinging in their “commitment” between Soviet Russia and its opponents during the civil war.

REFERENCES

1. The Russian State Archives of Socio-Political History (RGASPI). Fund 532. List 4. File 327.
2. Galenovich, Yu.M. (1992) *“Belye pyatna” i “Bolevye tochki” v istorii sovetsko-kitayskikh otnosheniy* [The “white spots” and “pressure points” in the history of Sino-Soviet relations]. Moscow: RAS.
3. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 200. List 1. File 450.
4. *Russkiy Vostok*. (1919) *Agitatsiya bol'shevikov* [The Bolsheviks propaganda]. 4th February.
5. The Russian State Military Archives (RGVA). Fund 39504. List 1. File 27.
6. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 200. List 1. File 383.
7. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 200. List 1. File 385.
8. The Russian State Military Archives (RGVA). Fund 110. List 3. File 1091.

УДК 94(100) «1924/1939»
DOI 10.17223/19988613/40/12

А.А. Микуленок

ДЕНЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЛИМИТРОФНЫХ ГОСУДАРСТВАХ В 1924–1939 гг.

Рассматривается вопрос возникновения и проведения Дня русской культуры в лимитрофных государствах¹. Проводится сравнительный анализ специфики с выделением общих и особенных черт организации праздника не только в самих лимитрофных государствах, но и в европейских странах. Кроме того, показано отношение не только русскоязычного населения ко Дню Русской Культуры, но и местных правительств в лимитрофных государствах. Автор приходит к выводу, что праздник играл важную роль в жизни эмигрантов, в первую очередь, помогая бороться с прогрессирующей денационализацией, и являлся объединяющим фактором среди самой эмиграции.

Ключевые слова: День русской культуры; российская эмиграция; денационализация; беженцы; лимитрофные государства.

После распада СССР в 1991 г. на карте мира появилось 15 новых государств. Русскоязычное население, проживавшее на этих территориях, оказалось в достаточно неоднозначном положении. С одной стороны, они были полноправными гражданами, с другой – оказались в положении национальных меньшинств, проживавших в стране с чуждым языком и культурой. В подобной ситуации оказалось и русскоязычное население после Октябрьской революции в 1917 г. Поэтому изучение истории российской эмиграции поможет увидеть с исторической ретроспективы условия, способствующие развитию денационализации и способы борьбы с ней, проанализировав которые, можно выявить наиболее эффективные методы предотвращения утраты национальных особенностей, а полученный опыт использовать в целях сохранения национальных особенностей русскоязычных детей, проживающих за границей, а также для предотвращения денационализации меньшинств, проживающих не только в России, но и во всем мире.

Отечественные исследователи не смогли пройти мимо Дня русской культуры (ДРК) [1–4], кроме того, отдельные работы были посвящены этому дню в отдельных странах [5, 6], однако комплексного исследования до сих пор проведено не было. Поэтому целью данной работы является изучение возникновения и становления ДРК в лимитрофных государствах и его значения в жизни эмигрантов.

После Гражданской войны миллионы русских людей были вынуждены покинуть Родину, они воспринимали свое пребывание за границей как временное явление и считали своим долгом сохранить русский язык и русские обычаи в условиях эмиграции. Однако в середине 1920-х гг. российская эмиграция столкнулась с такой проблемой, как массовая денационализация – уже первое поколение детей с трудом говорило на русском языке, часть из них вообще не знала родного языка и культуры [7. С. 3]. Поэтому на съезде Педагогического Бюро по делам Средней и Низшей русской школы за границей в 1923 г. был поставлен вопрос о массовой денационализации подрастающего поколения и необходимости борьбы с ней. Эмигранты считали, что

культура и язык – наиболее существенные признаки национальной идентичности и именно на этой «платформе» необходимо проводить борьбу с денационализацией. Однако найти в прошлом России праздник, который объединил бы всех русских за границей, эмигранты не смогли, поэтому таким праздником стал День русской культуры. За его основу было решено взять День русского просвещения, проведенный 31 мая 1924 г. в Печерах (Эстония) [3. С. 46] и приуроченный к 125-й годовщине со дня рождения А.С. Пушкина. Инициатором организации праздника в Эстонии выступил русский национальный секретарь А.К. Янсон [8. Л. 15, 40]. В этот день состоялись торжественное богослужение с крестным шествием, праздничное представление в театре, танцы на площади и игры для детей [4]. Само мероприятие прошло весьма успешно, поэтому в ноябре 1924 г. на съезде в Праге по проблеме денационализации представитель Педагогического бюро в Эстонии высказал предложение об организации подобного праздника в других странах.

В феврале 1925 г. был утвержден состав исполнительной комиссии по организации ДРК, в которую вошли Е.В. Спекторский, В.С. Грабовый, В.А. Лазаревский, П.Д. Долгоруков, по совместительству избранный председателем комиссии [5. С. 272–273].

Дата проведения была выбрана не случайно, по мнению организаторов, именно А.С. Пушкин оказал наибольшее влияние на развитие русского языка и культуры в целом, оставив значимый след в их развитии. Поэтому Педагогическое бюро в Праге разослало 1 000 обращений с призывом ко всем русским организовать в 1925 г. День русской культуры в разных странах. Оно также было напечатано почти во всех русскоязычных газетах. Кроме того, проводилась значительная агитационная и подготовительная работа по организации и проведению праздника, значительную роль в которой сыграли А.Л. Бем, П.Д. Долгоруков, Е.В. Спекторский, П.Б. Струве и Н.А. Цуриков [3. С. 46–47].

В 1925 г. ДРК отметили в 13 странах – Болгарии, Бельгии, Германии, Латвии, Литве, Польше, Турции, Финляндии, Франции, Чехословакии, Швейцарии, Эстонии, Югославии. Однако первоначально встречались

и случаи отказа в проведении ДРК, например так было в Великобритании и США [9. С. 12]. Однако к началу 1930-х гг. ДРК отмечался практически во всех странах проживания эмигрантов [1. С. 232; 10. Л. 192].

К этому времени уже сформировались общие и особенные черты проведения праздника, которые, как и его программа и размах, зависели только от желания и финансовых возможностей организаторов мероприятия. Обязательно в ДРК проводились коллективное богослужение о благополучии России и тарелочный, или кружечный, сбор на нужды эмигрантов. Затем следовала развлекательная программа, которую открывали национальный гимн страны-реципиента и национальный гимн Российской империи и всех эмигрантов «Коль славен наш Господь в Сионе...», вступительное слово организаторов и только после этого начинались культурно-развлекательные мероприятия. Однако, как замечали сами эмигранты, довольно часто программа праздника практически полностью дублировалась на следующий год.

Специально к этому дню выпускались различные однодневные газеты («День русского просвещения», «Русская культура», «Русский день» и др.), брошюры с программой праздника. Например, в Праге была разработана подробная программа праздника с декламацией стихов, пением романсов и танцами, завершался день благотворительными лотереями. Вход на мероприятие, как правило, был бесплатный, но каждый мог внести пожертвование, за которое получал значок. Однако в Польше стоимость входного билета варьировалась от 50 грошей до 4 злотых [11. С. 1].

Несмотря на то что День русской культуры, как правило, отмечался в день рождения А.С. Пушкина [12. Л. 40], он всегда был приурочен к какому-либо событию: памятной дате (годовщине смерти или дню рождения писателя – А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Н.А. Некрасова) или посвящен старинному русскому городу (Москве, Новгороду или Пскову). Например, доклад о Москве был настолько популярен, что был прочитан около 20 раз в разных европейских государствах [5. С. 276; 13. Л. 4]. По словам М. Раева, «в русском зарубежье развился настоящий культ Пушкина» [14].

Практически сразу, а именно с 1926 г., стала наблюдаться тенденция к «растягиванию» праздника. Выразилась она в том, что даты проведения варьировались от 16 мая до 24 июня и зависели, как правило, только от организаторов. Неоднократно отмечалась необходимость празднования ДРК одновременно во всех странах проживания эмигрантов. Причины заключались в том, что, по мнению Комитета по организации ДРК, это оказывало бы дополнительное положительное влияние на эмигрантов и способствовало их большему сплочению. Поэтому вопрос о дате проведения ДРК был включен в программу Съезда Педагогического бюро 1–3 июля 1928 г. [15. Л. 77]. Однако, несмотря на все прилагаемые усилия, Бюро так и не удалось до-

биться единения в проведении ДРК. Например, в Германии его проводили 6 июня, в Дании – 8 июня, в Данциге – в начале июля, в Бельгии – осенью [16. Л. 10]. Кроме того, не было единства и внутри самих стран, например в Эстонии, в сельской местности, праздник проходил в первое воскресенье июня, согласно постановлению одного из делегатских съездов Союза, а в Юрьеве и Ревеле – осенью. В Польше ДРК в 1930 г. прошел в Вильно – 9 июня, во Львове – 14 июня, а в Варшаве – 15, хотя парижские газеты писали о том, что ДРК проходил единовременно. В Белграде ДРК отмечали дважды: первая дата была приурочена ко дню рождения А.С. Пушкина, а вторая – ко дню Крещения Руси. Связано это было с тем, что, по мнению некоторых эмигрантов, религиозная составляющая праздника окажет более весомый вклад в борьбе с денационализацией [17. Л. 80–95]. В Лондоне и Нью-Йорке праздник устраивался разными организациями, которые не координировали действия между собой и, следовательно, проводили мероприятия в разное время, а иногда и в разные дни [9. С. 12].

К этому дню специально выпускались открытки с изображением детей или одного из великих русских писателей, которыми было принято обмениваться между комитетами ДРК, русскими культурно-просветительскими организациями и учащимися в разных странах. Например, в 1934 г. открытки, приуроченные к ДРК, выпускали с изображением Н.В. Гоголя [13. Л. 2, 23]. А с 1927 г. по заказу Педагогического бюро выпускались специальные открытки с эмблемой воскресения России. Исполнителем всех «эмигрантских» открыток неизменно выступал И. Вилибин [18. Л. 145].

По инициативе Педагогического бюро ежегодно составлялись отчеты о проведении праздника, выпускались календари с указанием юбилейных дат для координации действий Комитетов ДРК и обмена опытом относительно его организации. Поэтому для составления максимально точных и объективных отчетов Педагогическое бюро просило высылать программы, плакаты, афиши, фотографии, однодневные газеты, приуроченные ко ДРК, газетные статьи и другие источники с упоминанием о нем. Однако нельзя с точностью утверждать, что эти отчеты пользовались большим спросом и были интересны непосредственно самим эмигрантам. Например, в Шанхае в 1928 г. никто не заинтересовался брошюрами с отчетом о празднике и не было продано ни одного экземпляра, несмотря на то что каталоги издательства были распространены по всем школам и поданы объявления в газеты [15. Л. 70].

Кроме того, сама манера проведения праздника в европейских государствах, как правило, носила строгий академический характер, в то время как в странах с коренным русскоязычным населением, в том числе и в лимитрофных государствах, праздник – более народный, был одним из самых любимых праздников и проходил с большим размахом. Несмотря на его широкое

распространение, среди русскоязычного населения в Эстонии вплоть до начала Второй мировой войны он сохранил свое первоначальное название – День русско-го просвещения [17. Л. 80].

В 1925 г. в Латвии ДРК отмечался дважды – 8 июня и 20 сентября. Связано это было с тем, что в июне только одна эмигрантская организация – Молодое эмигрантское общество – организовало праздничные мероприятия. Поэтому по инициативе секретаря комитета ДРК в Чехословакии И.Н. Заволоко было организовано второе празднование. Следует подчеркнуть, что именно в Риге происходили самые масштабные празднования ДРК. Начались празднования вечером 19 сентября с богослужения в главной эмигрантской церкви – Ивановской на Московском форштадте, однако все желающие не смогли там поместиться. После окончания богослужения у ворот кладбища раздавали листовки с программой ДРК. На следующий день празднество продолжилось с литургии на латышском языке. В час дня начиналась торжественная программа. Все билеты были распроданы за несколько дней до начала мероприятия. В это же самое время в Риге функционировали 5 разных развлекательных площадок, работавших до 8 часов вечера. В Русском Доме организовывался спектакль-концерт, который заканчивался в час ночи. Интересен тот факт, что репертуар состоял не только из произведений общепризнанных классиков, таких как А.С. Пушкин, И.А. Крылов, М.Ю. Лермонтов, но и советского писателя – М. Горького. Специально ко Дню русской культуры в Латвии выпускалась однодневная газета «Русский День» (в Эстонии – «Новь») [19. Кадр 0860; 20. Л. 56].

В 1930 г. ко ДРК в Риге была приурочена выставка картин, в которой наряду с известными русскими художниками принимали участие и молодые таланты, из которых были выбраны 53 человека для участия в экспозиции [16. Л. 87].

В Румынии (в Бухаресте) ДРК впервые прошел 21 июня 1931 г. вместо запланированного 8 июня. Организаторами выступили Комитет по устройству ДРК и Лига румынской культуры при условии, что празднование будет проходить на двух языках: русском и румынском. Однако в отличие от других стран-реципиентов праздничная программа состояла из произведений как русских, так и румынских авторов, кроме того, зал был украшен в цвета румынского и русского флагов. Мероприятие прошло в амфитеатре St. Petrusi Pavel. Стоимость входного билета варьировалась от 20 до 100 лей [21. Л. 1–3].

В Финляндии в 1925 г. праздник состоялся 7 июня, проходил только в Гельсингфорсе вплоть до начала Второй мировой войны и имел большой успех среди русскоязычного населения. Мероприятие было рассчитано на 1 500 человек, однако гостей оказалось намного больше, так как приехали русские со всех окрестностей. Празднество открывал инициатор организации ДРК в Финляндии – А.Н. Фен (председатель особого комитета

по делам русских в Финляндии. – А.М.). Сама программа мероприятия состояла из выступления русского хора, докладов о значении русской культуры и роли А.С. Пушкина в ее развитии, декламации стихов, исполнения народной музыки и пения романсов и оперных арий. Плата за вход не взималась. Кроме того, все присутствовавшие на празднике дети получили подарки в виде коробки шоколадных конфет с изображением поэта. В фойе зала была устроена благотворительная продажа программ мероприятия и открыток с изображением А.С. Пушкина в пользу внука поэта, проживавшего в Нарве (Эстонии) и находившегося в трудном материальном положении [5. С. 278–279; 22. Л. 6].

В Польше празднование в 1925 г. проходило во многих местах. Например, в Варшаве организаторами выступили Русское благотворительное общество в Польше, Русская академическая группа и Русская гимназия в Варшаве. Празднование началось 8 июня с торжественного молебна. В Русском Доме для учащихся русских школ было организовано «Детское утро», с подарками в виде книг и сладостей. Вечером состоялся литературно-музыкальный концерт, на котором присутствовали около 1 000 человек. Среди них было много поляков. По мнению самих эмигрантов, вечер носил обособленный характер и был скучным, музыкальные номера были плохими, за исключением некоторых выступлений. Причины такого неудовлетворительного проведения ДРК в Варшаве эмигранты видели в том, что организаторами выступили польские граждане русской национальности [23. С. 3]. Однако Русское благотворительное общество было не согласно с данным мнением, аргументировав это тем, что в мае все беженские организации были проинформированы о предстоящем праздновании ДРК и необходимости его организации. Но ни одна беженская организация не проявила инициативу в этом вопросе, поэтому Русское благотворительное общество и взяло на себя эту роль. Кроме того, регулярно проводились собрания по организации праздника, однако за исключением некоторых организаций никто на них не приходил [18. Л. 3–7].

В Бресте в ДРК поставили «Горе от ума», и стоимость билета варьировалась от 50 грошей до 3 злотых, однако для детей и членов Русского благотворительного общества предусматривались скидки в размере 50%. А в 1927 г. ДРК отмечался с 8 по 13 июня и проходил под знаком русской культуры.

Во Львове праздник прошел более удачно, чем в Варшаве. Торжественная часть состояла из речи Л.Б. Мандельштама о значении ДРК и роли русской культуры в жизни России. Сама праздничная программа состояла из декламирования произведений русских писателей, исполнения музыкальных произведений. После официальной части устраивались танцы до утра.

В Остроге ситуация была несколько иной: местные власти выразили недовольство по поводу устройства праздника и за три дня до мероприятия запретили его проведение. Аргументировано это было тем, что про-

грамма торжеств не понравилась местному старосте. Первоначально планировалось провести празднества в течение двух дней – 7 и 8 июня. Соответственно в первый день должен был быть организован детский праздник с концертами, спектаклями и различными развлечениями, и 8 июня – основные мероприятия с массовыми развлечениями и минимальной платой за вход и традиционной организацией кружечного сбора и продаж однойдневной газеты «Русская Культура» с перечислением всех собранных средств в пользу культурно-просветительного фонда. Точная причина запрета на проведение праздника не известна, возможно, она заключалась в личной неприязни старосты к организаторам мероприятия, его шовинистских взглядах или из-за того, что праздник планировалось провести на «восточных креслах». Русские общественные организации приняли все меры для снятия запрета: были извещены все представители русскоязычного населения Сейма и Сената, Центральная русская организация в Варшаве, сделаны соответствующие заявления в эмигрантской и польской прессе, отправлены протесты в Министерство внутренних дел. Однако, несмотря на все усилия, разрешено было провести только молебен и кружечный сбор. Поэтому детский праздник был перенесен на 14 июня, а в кинотеатре, в котором планировалось провести праздничный концерт, 7–8 июня показывали русские художественные фильмы по максимально низким ценам в знак солидарности с русскоязычным населением. Кружечный сбор проводился в течение всего дня, всем жертвовавшим деньги давали значки и розетки с национальными цветами. В час дня в Русском Доме состоялся торжественный молебен, после которого были организованы «чашки чая». Только к двум часам дня пришло распоряжение Министерства внутренних дел о разрешении проведении концерта, но без чтения доклада о единстве русской культуры [18. Л. 17–27]. Однако, несмотря на трудности при организации ДРК, праздничный зал был переполнен и не мог вместить всех желающих. Концертная программа состояла из выступления хора, симфонического оркестра, театральных постановок. Любопытен тот факт, что отказ украинской труппы А.И. Улыханова выступить на ДРК послужил поводом для ее бойкотирования со стороны русской, польской и еврейской общественности, что привело к роспуску труппы.

В 1926 г. в Польше также наблюдался повышенный интерес к ДРК, однако прецедентов с «открытым» запретом на его проведение уже не было. В Вильно была выпущена однодневная газета с критикой в адрес пра-

вославия, поэтому член польского сената В.В. Богданович выступил с ответной речью на эту статью, что вызвало огромный успех. Выступление М.П. Арцыбашева было посвящено проблеме распространения денационализации и необходимости борьбы с большевизмом.

С 1926 г. ДРК отмечали не только в городах, но и в провинции, однако в Галиции в сельской местности его проведению препятствовали украинцы и белорусы, а в 1927 г. ДРК проходил только во Львове [Там же. Л. 47–48, 127].

К 1930 г. ДРК отмечался в Печерском крае (Эстония), где празднества принимали характер общенародного и национального торжества. В Литве ДРК отмечался во многих городах, а в Финляндии празднества проходили только в Гельсингфорсе.

Однако, несмотря на то что ДРК был аполитичным праздником, он все-таки зависел от политических событий, происходивших внутри страны. Например, в Польше в 1935 г. ДРК был перенесен на конец октября в связи с трауром по скончавшемуся маршалу Ю. Пилсудскому [24. Л. 17].

Таким образом, ДРК играл важную роль в жизни эмигрантов вплоть до начала Второй мировой войны. С одной стороны, он был призван бороться с денационализацией подрастающего поколения, с другой – являлся звеном, связывающим воедино все русскоязычное население в эмиграции. И именно лимитрофные государства одни из первых откликнулись на призыв Педагогического бюро по организации ДРК. Кроме того, именно в Эстонии возникла идея проведения этого праздника, который за очень короткое время стал весьма популярным и любимым и отмечался на всех континентах расселения эмигрантов первой волны. Однако отношение местных правительств в лимитрофных государствах к ДРК было неодинаковым. Например, в Польше, особенно на «восточных креслах», местные власти были настроены негативно по отношению к нему, но после решительных действий русскоязычного населения по отстаиванию своих национальных прав им пришлось уступить. В целом уже к 1926 г. сложились общие черты проведения праздника: коллективное богослужение о благе России, праздничная программа, состоящая из танцев, развлечений и игр и сбор средств для нуждающихся эмигрантов. ДРК играл важную роль в жизни эмигрантов и был призван сплотить их воедино, однако добиться единства хотя бы в дате проведения праздника так и не смогли.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Под «лимитрофными государствами» подразумеваются страны, образовавшиеся после Октябрьской революции на окраине бывшей Российской Империи: Латвия, Литва, Эстония, Финляндия и частично Польша. Однако в данной работе автор рассматривает и День русской культуры в Румынии, хотя она и не являлась лимитрофным государством. Связано это с тем, что в состав Румынии с 1918 г. de jure входила Бессарабия, и румынское правительство с этого момента стало проводить политику, направленную на ущемление прав русскоязычного населения. Подобная политика проводилась и в Польше, и с середины 1920-х гг. в Прибалтике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волошина В.Ю. Вырванные из родной почвы: социальная адаптация российских ученых-эмигрантов в 1920–1930-е годы. М. : Форум, 2013. 437 с.
2. Бочарова З.С. Русский мир 1930-х годов: от расцвета к увяданию зарубежной России. М. : АИРО-XXI, 2014. 334 с.
3. Кузина Г.А. Значение «Дней Русской Культуры» в жизни российской эмиграции первой волны // Культура российского зарубежья. М. : Рос. ин-т культурологии, 1995. С. 46–57.
4. Кудряшова С.К., Дерюга В.Е. Национальные праздники как источник сохранения русской культуры в условиях эмиграции. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-prazdniki-kak-istochnik-sohraneniya-russkoy-kultury-v-usloviyah-emigratsii>, свободный (дата обращения: 03.01.2016).
5. Петрушева Л.И. А.Л. Бем и День русской культуры // А.Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья : междунар. науч. конф., 16–18 ноября 2006 г. / сост. и науч. ред. М.А. Васильева. М. : Русский путь, 2008. С. 270–281.
6. Журавлев С. О русских топонимах, Ништадтском мире, Дне русской культуры в Латвии и «сокольском духе» : сб. ст. и материалов. Рига : Улей, 2004. 33 с.
7. За Свободу! (Варшава). 1925. № 98 (11 апр.).
8. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-5850. Оп. 1. Д. 39.
9. Цуриков Н.А. День русской культуры: краткий отчет о праздновании в 1926 году. Прага : Издание Педагогического бюро, 1927. 36 с.
10. ГАРФ. Ф. Р-5850. Оп. 1. Д. 37.
11. За Свободу! (Варшава). 1925. № 147 (7 июня).
12. ГАРФ. Ф. Р-5850. Оп. 1. Д. 27.
13. ГАРФ. Ф. Р-5850. Оп. 1. Д. 40.
14. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции, 1919–1939. М. : Прогресс-Академия, 1994. 295 с.
15. ГАРФ. Ф. Р-5785. Оп. 1. Д. 20.
16. ГАРФ. Ф. Р-5850. Оп. 1. Д. 26.
17. ГАРФ. Ф. Р-5850. Оп. 1. Д. 31.
18. ГАРФ. Ф. Р-5850. Оп. 1. Д. 30.
19. ГАРФ. Ф. Р-10243. Оп. 1. Катюшка 23.
20. ГАРФ. Ф. Р-5850. Оп. 1. Д. 4.
21. ГАРФ. Ф. Р-5850. Оп. 1. Д. 32.
22. ГАРФ. Ф. Р-5850. Оп. 1. Д. 35.
23. За Свободу! (Варшава). 1925. № 150 (10 июня).
24. ГАРФ. Ф. Р-5850. Оп. 1. Д. 60.

Mikulenok Aleksandra A. Kuban State University (Krasnodar, Russia). E-mail: klio-alex@yandex.ru

RUSSIAN CULTURE DAY IN THE LIMITROPHE STATES IN 1924–1939.

Keywords: Russian Culture Day; the Russian emigration; denationalization; refugees; the limitrophe states.

The article looks into the issue of the necessity for the emergence and the further holding of the so-called Russian Culture Day not only in the limitrophe states, but also in the European countries, which used to be one of the most beloved celebrations for the Russian migrants and was top three most important ones along with The Russian Child's Day and Intransigence Day. The article analyses the establishment and geographical expansion of the celebration in the recipient countries, including the residences of the Russian-speaking native-born populace; points out the general and particular features of its establishment, specific not only to the limitrophe states, but also to the European countries in general. The author registers the increase in significance of the celebration in a relatively short period of time. However, she also points out the problems the facilitators faced at the stage of its planning in some country or another, be it the disagreements while fixing a date (considering the one officially fixed by the Executive Board of the Russian Culture Day) or the venues. Besides, the author looks into the attitude towards the Russian Culture Day not only of the Russian-speaking population, but also of the local governments in the limitrophe states, as well as their attitude towards the provision of assistance during the celebration events management and in the event of disagreements between the celebration facilitators and the local administration or representatives of the other nationalities. Moreover, the author analyses the festive programs commemorating the Russian Culture Day, points out the general and particular features of their facilitating. The author comes to the conclusion that the celebration played an important part in the lives of the Russian-speaking population. First of all, it helped to fight against growing denationalization of the younger generation, enculturating them. Secondly, it united the emigration. Besides, this day the most part of the proceeds was sent to the disposal of the Migrants' Charity Organizations collected from the various charitable lotteries and sales. However, the celebration lacked unity not only among the recipient countries, but also within the states. For instance, in Poland the Russian Culture Day was celebrated on different days in various areas, and very often it had isolated nature, and the event program wasn't coordinated with the Central organizations. The author based the present treatise on the documents of the so-called Prague City archives housed in the State Archive of the Russian Federation as well as the periodicals published by the migrants in the Inter-War period.

REFERENCES

1. Voloshina, V.Yu. (2013) *Vyrvannye iz rodnoy pochvy: sotsial'naya adaptatsiya rossiyskikh uchenykh-emigrantov v 1920–1930-e gody* [Torn from their native soil: Social adaptation of Russian scientists-emigrants in 1920–1930-ies]. Moscow: Forum.
2. Bocharova, Z.S. (2014) *Russkiy mir 1930-kh godov: ot rastsveta k uvyadaniyu zarubezhnoy Rossii* [The Russian World in 1930-s: From flowering to wilting of the foreign Russia]. Moscow: AIRO-XXI.
3. Kuzina, G.A. (1995) Znachenie "Dney Russkoy Kul'tury" v zhizni rossiyskoy emigratsii pervoy volny [The value of the "Days of Russian Culture" in the Russian emigration of the first wave]. In: Kvakin, A.V. & Shulepova, E.A. (eds) *Kul'tura Rossiyskogo Zarubezh'ya* [Russian Culture abroad]. Moscow: Russia. Institute of Cultural Studies. pp. 46–57.
4. Kudryashova, S.K. & Deryuga, V.E. (2012) National holidays as a source of preservation of Russian culture in emigration. *Innovatsii v nauke*. 12(2). [Online] Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-prazdniki-kak-istochnik-sohraneniya-russkoy-kultury-v-usloviyah-emigratsii>. (Accessed: 3rd January 2016).
5. Petrusheva, L.I. (2008) [A.L. Boehm and the Day of Russian Culture]. *A.L. Bem i humanitarnye proekty russkogo zarubezh'ya* [A.L. Bohm and Russian humanitarian projects abroad]. Proc. of the International Research Conference. 16–18 November, 2006. Moscow: Russkiy put'. pp. 270–281. (In Russian).

6. Zhuravlev, S. (2004) *O russkikh toponimakh, Nishtadtskom mire, Dne russkoy kul'tury v Latvii i "sokol'skom dukhe"* [On Russian toponyms, The Treaty of Nystad, the Day of Russian culture in Latvia and the "Sokol spirit"]. Riga: Uley.
7. *Za Svobodu!* (Varshava) (1925a) 11th April.
8. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-5850. List 1. File 39.
9. Tsurikov, N.A. (1927) *Den' russkoy kul'tury: kratkiy otchet o prazdnovanii v 1926 godu* [The Day of Russian culture: a brief report about the celebration in 1926]. Prague: Pedagogical Bureau.
10. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-5850. List 1. File 37.
11. *Za Svobodu!* (Varshava) (1925b) 7th June.
12. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-5850. List 1. File 27.
13. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-5850. List 1. File 40.
14. Raev, M. (1994) *Rossiia za rubezhom: Istoriya kul'tury russkoy emigratsii, 1919–1939* [Russia abroad: The history of culture of the Russian emigration in 1919–1939]. Moscow: Progress-Akademiya.
15. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-5785. List 1. File 20.
16. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-5850. List 1. File 26.
17. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-5850. List 1. File 31.
18. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-5850. List 1. File 30.
19. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-10243. List 1. Roll 23.
20. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-5850. List 1. File 4.
21. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-5850. List 1. File 32.
22. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-5850. List 1. File 35.
23. *Za Svobodu!* (Varshava) (1925c) 10th June.
24. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-5850. List 1. File 60.

И.М. Баулина

ГРАЖДАНСКАЯ РЕЛИГИЯ В ИЗРАИЛЕ: ОТ БЕГИНА К НЕТАНЬЯХУ

Сложная система взаимодействия государства и религии в Израиле породила целый ряд исследований израильского опыта, который сочетает в себе европейские демократические ценности и ближневосточный подход к сохранению традиций, в том числе религиозных. Неизменность действующего статус-кво религии обеспечивается ортодоксальными и ультраортодоксальными религиозными силами, которые сосуществуют, а иногда входят в конфликт с системой ценностей, формируемых государственной властью для сплочения общества. Рассматриваются особенности формирования «гражданской религии» как одной из форм религиозного влияния в Израиле. И хотя так называемая новая гражданская религия была принята на вооружение ещё социалистической партией во главе с Давидом Бен Гурионом, упор в статье делается на её развитие при консервативных правительствах Менахема Бегина и её положение при премьер-министре от правой партии Ликуд – Беньямине Нетаньяху.

Ключевые слова: Израиль; религия; гражданская религия; «еврейское государство».

Проблемы взаимодействия государства и религии и роль последней в современной политической культуре остаются неотъемлемыми факторами современной жизни. Исследователи отмечают, что религия по-прежнему в значительной мере определяет подоплеку политической жизни в большинстве стран мира. Что более интересно: «Религиозный фактор играет значительную роль в политической жизни тех стран, где большая часть населения нерелигиозна» [1. С. 366]. Относительно Государства Израиль религиозный вопрос остаётся в центре общественно-политического дискурса, поскольку затрагивает практически все аспекты жизни страны и ее граждан, включая различные стороны частной жизни.

Когда речь заходит о взаимодействии религии и государства в Израиле, прежде всего, ссылаются на письмо представителей Еврейского агентства Бен Гуриона, раввина Иегуды-Лейб Фишмана и Ицхака Гринбойма, направленного на адрес Всемирного совета организации «Агудат-Исраэль» 19 июля 1947 г. Письмо закрепляет определённый статус-кво религии и охватывает четыре основных положения: шаббат – как выходной день, соблюдение кашрута в государственных организациях, сохранение приоритета религиозных институтов по вопросу личного статуса (в письме речь о браке) и автономия всех направлений образования. Формирование религиозного влияния, однако, не ограничивается ни данным документом, ни указанным кругом вопросов. Данное письмо является скорее реперной точкой для исследователей.

Так, израильский исследователь Даниэль Дж. Элазар выделяет пять форм религиозного влияния в Государстве Израиль.

Первая форма – власть ортодоксального иудаизма и его институтов, в том числе на государственном уровне. Сюда он относит включение раввинских судов в судебную систему и систему образования, а также религиозные партии, которые на протяжении долгого времени являлись неизменными коалиционными партнёрами партии Мапай, а затем и правого блока Ликуд. В этой роли религиозные партии получали значитель-

ное влияние на выражение интересов религиозного сектора [2. Р. 103]. Отметим, что, в этой связи отдельные государственные посты, такие как должность министра образования и культуры, министра по делам религий и, конечно, министра внутренних дел, были наиболее привлекательны для религиозных партий при заключении коалиционных соглашений.

Вторую форму Элазар назвал «народной религией» (popular religion), которая касается «остаточных традиций народа», под которыми он понимал принятое в израильском обществе превалирование комбинации традиционных элементов с элементами гражданской, неортодоксальной религии перед откровенной секулярностью. Здесь исследователь приводит данные, согласно которым лишь 25% населения определяют себя как «светские», остальные же причисляют себя к религиозным («харедим») и традиционалистами («масоратим») [Ibid.]. В подтверждение этого отметим, что и сегодня соотношение тех, кто идентифицирует себя как секулярных граждан, соотносимо с приведёнными показателями.

Третья форма – гражданская религия (civil religion), переход к неотрадиционализму, основанному на традиционном иудаизме, который, тем не менее, таковым не является [Ibid.]. Эта форма находится на пересечении интересов власти и «народной религии». Элазар проводит параллель с течениями фарисейства и саддукейства в Израиле I в. н.э. Новую форму он определяет как «неосаддукейство», которое основано на еврейской общественной жизни с уклоном в иудаизм. Происходит сращение национальных (государственных) ценностей и ценностей религиозных. Например, участие в религиозных службах государственных деятелей в День Независимости [2. Р. 104].

Четвертая форма религиозного проявления в Израиле – деятельность представителей ультраортодоксальных кругов. Это наиболее закрытая группа со сформировавшимся истеблишментом, религиозными партиями (Агудат Исраэль), школами. Отметим, что это «проявление», в силу неоднозначного отношения к интересам государства (речь идёт об отношении к обязанности

служить в армии, например), способствовало развитию одного из внутренних конфликтов Израиля, а именно раскола населения на «религиозных» и «светских» и комплекса связанных с этим проблем [3. С. 212–214; 4. Р. 105].

Наконец, пятая форма – неортодоксальный иудаизм, т.е. консервативное и реформаторское течение [2. Р. 105]. Реформаторское течение появилось в конце XVIII в. в богатых еврейских общинах Германии и требовала пересмотра и реформы иудаизма, прежде всего в его «ритуальной части». Развивая свои идеи, по мнению многих, реформаторы ушли слишком далеко, превратившись в своеобразный клуб [3. С. 208]. Несогласие с таким радикальным уходом от ортодоксальных традиций родило консервативное направление, которое основал Соломон Шехтер в 1913 г. в США. В отличие от реформистов, консерваторы не отвергают религиозный закон «галаху», однако его трактовки более вольные, чем в ортодоксальном иудаизме [Там же. С. 207–211].

Элазар резюмирует свою классификацию тем, что государство не стремится управлять религиозными учреждениями в стране. Скорее религиозные сообщества и группы используют государственную поддержку.

Рассмотрим ту форму религиозного воздействия, где именно государство имеет реальную власть на формирование ценностей и внедрение их в повседневную жизнь израильтян. Речь идёт о гражданской религии в Государстве Израиль.

Термин «гражданская религия» был введён Жан-Жаком Руссо в его трактате «Об общественном договоре» (1762). Впоследствии это понятие было расширено другими исследователями. Так, социологи отмечают фундаментальную потребность любого общества в определённой совокупности ценностей, более или менее общепринятых, составляющих ядро социальной системы и носящих, в известной мере, сакральный характер для индивидов в данном обществе¹.

Наиболее подробные исследования «гражданской религии», как объединяющего фактора общественной жизни вне зависимости от вероисповедания и конфессиональной принадлежности, на примере американского общества принадлежат Роберту Белла. Гражданскую религию составляют утверждения, символы, ритуалы и институты, легитимизирующие, создающие то или иное общество на достижение общих политических целей [5. Р. 1–21]. Американская гражданская религия, по его мнению, это не форма национального самолубования, но субординация национального к этническим принципам [6. Р. 168].

Американская гражданская религия, согласно мнению исследователя, состоит из элементов иудео-христианской традиции, подчёркивающих мотивацию на достижение успеха, а также индивидуализм; ссылок на события, представляющие собой национальную драму, такие как смерть Линкольна и гражданская вой-

на; светских ценностей Конституции; светских символов и ритуалов (национальный флаг, церемонии, характерные для Дня Поминовения и праздника Четвёртого июля). Белла утверждал, что в современной Америке с ее этническим разнообразием и культурным плюрализмом, создающими проблему социальной интеграции, гражданская религия порождает сильные чувства национальной солидарности и цели. Национальные символы и ритуалы, таким образом, выполняют ту же функцию обеспечения социальной солидарности, что и религия [5].

Ввиду естественно возникающих параллелей, которые просматриваются при изучении американского и израильского общества со всем многообразием субэтнических групп и широкой географией «стран исхода», исследователи, которые рассматривали израильский вариант, нередко ссылались на американский опыт, однако выводы у них были различны. Американские исследователи предполагали, что Израиль пойдёт по американской модели разделения церкви и государства. Израильский исследователь Элазар отмечает противоположную тенденцию: «...в Израиле же, напротив, поскольку первое (секулярное) поколение уходит, следующее стремится сохранить объединяющие всех израильтян еврейские основы и ищет способы приспособить формы еврейского религиозного выражения, которые бы подтвердили и усилили подлинность еврейского государства» [2. Р. 119].

Исследователи развития гражданской религии в Израиле Чарльз Либман и Элиезер Йихья определяют гражданскую религию как церемонии, мифы и символы, которые легитимируют социальные власти, объединяют народ и мобилизуют членов общества преследовать доминирующие ценности. Таким образом, они выделяют три задачи формирования гражданской религии в Израиле: интеграция (объединение общества посредством включения его членов в общие церемонии, мифы, общее прошлое), легитимация (современного государства и его властей) и мобилизация (стимуляция усилий членов общества и направление их энергии для решения социально значимых задач) [7. Р. 6].

Исследователи отмечают, что гражданская религия является одним из механизмов взаимодействия в условиях разрозненного общества [Ibid. Р. 22]. Для лидера еврейской общины Палестины и первого премьер-министра страны Давида Бен Гуриона объединяющим фактором должен был стать этатизм [Ibid. Р. 23]. Этот период продолжался с начала периода ишува² до конца 1950-х гг. (период этатизма – политика активного вмешательства государства во все области общественной, экономической жизни), и далее происходит формирование так называемой новой гражданской религии.

Новая гражданская религия была уникальна тем, что включила в себя особое уважение к евреям Диаспоры, их достижениям, культуре, и отсюда стала особо выделяться роль религии в сохранении народа в условиях рассеяния и гонений [Ibid. Р. 132–133].

Символы традиционного иудаизма не только проникали в новую гражданскую религию, но и стали инструментами передачи её ценностей. Между тем «Бог» вошёл в риторику сионистов, но лишь как имя, а не как активный элемент, который даёт законное право, помогает, здесь очевидное отличие от американского образа развития гражданской религии, где обращение к богу регулярно и неотъемлемо. Центральной фигурой для Израиля выступает «народ», и в частности «еврейский народ». В отличие от западных стран использование термина «бог» ассоциируется с религиозным сектором.

Примечательно, что наибольшего развития «новая гражданская религия» достигает после войны 1967 г., когда усиливаются тенденции исключения нееврейского меньшинства, и на место «израильскому государству» все больше приходит концепция «еврейского государства».

С точки зрения Даниэля Элазара, приход к власти партии Ликуд в 1977 г. открыл большие возможности перед религиозным сектором в плане укрепления религиозного статус-кво и поддержки религиозного поселенческого движения. Он определял стиль политики Бегина по религиозным вопросам как укрепляющий «гражданскую религию». Он полагал, что Ликуд явился выражением «новой гражданской религии». Это было подкреплено поддержкой концепции сохранения власти над территориями, занятыми в результате Шестидневной войны 1967 г., и усилением всего «еврейского» в Еврейском государстве. Бегин стал воплощением официального выражения гражданской религии и её трансформации в более традиционной форме. Бегин культивировал сращение национальной политики с иудаизмом, развивая гражданскую религию, в значительной степени опираясь при этом на традиционный иудаизм [2. Р. 115]. Ревизионисты включили религиозных членов в свои ряды и организовали специальные организации в рамках своей партии [7. Р. 67].

Подобный подход шёл вразрез с мнением многих представителей блока Ликуд. Так, сефарды были настроены более протрадиционалистски, тогда как партнёры из Либеральной партии представляли более секулярный подход. Однако подход Бегина открывал новые возможности для коалиции и расширял эlectorальную базу за счёт традиционно настроенных избирателей, не принадлежащих к ультраортодоксальному течению. Так, по мнению израильского исследователя, многие избиратели национально-религиозной партии МАФДАЛ проголосовали на выборах 1981 г. за Ликуд, ощущая позитивное отношение Бегина к религии и религиозной традиции [2. Р. 116].

Партия Ликуд, таким образом, представляет гражданскую религию в противоположность партии Мапай, которая периодически пыталась освободиться от религиозных партий как от вынужденных партнёров (например, правительственный кризис 1951 г.) и сделать ставку на поддержку реформаторского и консер-

вативного течений иудаизма (например, компания 1981 г.). В итоге, когда социалисты убедились в неэффективности ярко выраженной антиклерикальной политики, они уже воспринимались как ярые атеисты [Ibid. Р. 117].

Автор отмечает, что период 1969–1981 гг. был периодом шаткого баланса между двумя крупнейшими политическими блоками и наиболее гибкий в плане границ между политическими лагерями и их электоратами [Ibid. Р. 119].

По утверждению израильского исследователя Беньямина Нойбергера, «...гражданская религия призвана подчеркнуть, что в среде евреев Израиля достигнут (или почти достигнут) консенсус, согласно которому он является еврейским государством» [8. С. 17]. Существенна также оговорка, что в стране существуют глубокие разногласия относительно того, в чем именно выражается его еврейский характер, и тем более по вопросу о желательных проявлениях этого характера [Там же]. Например, опросы, проводившиеся на заре развития гражданской религии, в середине 1970-х гг., показали, что подавляющее большинство респондентов выступают за «еврейский характер» государства. Для 83% еврейским государством может считаться то, где доминируют евреи, 64% полагали, что население должно жить по законам иудаизма, 62% высказались за то, что имидж еврейского государства должен соответствовать иудейской традиции, а 77% отметили необходимость взаимодействия религии и государства [7. Р. 13].

Однако ситуация резко изменилась с приездом в Израиль так называемой «большой алии» – репатриантов из стран бывшего СССР в 1990-х гг. Массовый приток новых граждан, которых было необходимо не только обустроить на новом месте (обеспечить работой, школами, жильём), но и включить в существующую в Израиле систему ценностей, порождал необходимость пересмотреть существующие парадигмы «гражданской религии».

Приехавших русскоязычных новых граждан страны называют в Израиле «русскими» без разбора, откуда они приехали, к какой группе принадлежат (среди выходцев из советских республик есть различные субэтнические группы: ашкеназы, сефарды, бухарские, горские евреи). Немаловажен также тот факт, что многие из «русской волны репатриации» – представители смешанных семей, негалахические евреи и попросту неевреи (а, например, прибывшие как супруги по «закону о гражданстве»).

По проблеме адаптации «русских евреев» написано за последние два десятка лет немало работ, проведено множество опросов и специальных исследований, так же как и на тему самоидентификации выходцев из Советского Союза³. Основными проблемами стали: проблема реформирования системы гиуров [9. С. 223–233], гражданских браков, отметок о национальности в документах. Таким образом, в стране очередной раз обострилось столкновение национального и религиоз-

ного, что требовало внесения серьезных изменений подхода к реформированию системы традиционных ценностей, объединяющих нацию.

После возвращения в 2009 г. к власти партии Ликуд во главе с Беньямином Нетаньяху страна пережила ряд серьезных социальных кризисов (социальные протесты 2011, 2012 гг.). Наряду с дороговизной жилья, снижением общего уровня жизни и социальной стабильностью был поднят вопрос о призыве в армию религиозных граждан страны. Люди вышли на улицы с лозунгами «Мы не фразеры», протестуя против того, что религиозная община самоустраивается от несения гражданских обязанностей (службы в армии), между тем всячески «торпедует» законопроекты о реформировании системы перехода в иудаизм (гиюров) и гражданских браков [9. С. 223–233]. В связи с этим в Израиле была создана правительственная комиссия по равному распределению общественного бремени (комиссия Шакед). В результате правительство премьер-министра Нетаньяху (которое впервые за долгие годы не содержало представителей ультраортодоксальных религиозных партий) приняло закон, обязывающий проходить службу в том числе учащиеся религиозных учебных заведений (ешив), который включал, кроме всего

прочего, уголовные санкции за уклонение от несения военных обязанностей [Там же].

Описанные процессы продемонстрировали необходимость пересмотра подходов к взаимодействию религии и государства в Израиле. С этой целью, кроме попыток реформирования системы гиюров и гражданских браков, в конце 2014 г. был поднят вопрос о необходимости принятия Основного закона страны, определявшего и регулирующего его «еврейский характер». Законопроект опубликован на сайте Министерства юстиции Израиля и содержит все основные параметры израильской гражданской религии: ценность таких постоянных, как «земля Израиля» и «еврейский народ»; еврейские символы государства (гимн, флаг, эмблема), связь с диаспорой, еврейское наследие и современные нерелигиозные еврейские праздники (такие как День независимости и День памяти павших). Закон, который мог бы поставить точки над «и» по многим вопросам, между тем вызвал серьезные разногласия и критику как со стороны левых партий, усмотревших в нем угрозу демократических принципов, так и со стороны религиозных кругов, отстаивающих сохранение статус-кво в его неизменном варианте.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Обобщение принадлежит А.Б. Гофману. См.: Социология и гражданская религия в России. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Gofman_Soc_GraghdReligiya.pdf. Далее автор приводит цитаты из работ Э. Дюркгейма о разделении общественного труда. См.: Метод социологии. М.: Наука, 1991. С. 199 и Парсона Т. Понятие общества и их взаимоотношения // Теоретическая социология. Антология / под ред. С.П. Баньковской. Ч. 2. М.: Книжный дом «Университет», 2002. С. 12 для иллюстрации данной идеи.

² Под «периодом ишува» здесь понимается период государственного формирования институтов еврейского самоуправления в Палестине в период действия британского мандата (1920–1948 гг.).

³ Достаточно подробный обзор представляет в своей книге российский исследователь Е.Э. Носенко: Носенко Е. «Быть или чувствовать?» Основные аспекты формирования еврейской самоидентификации у потомков смешанных браков в современной России. М.: ИВРАН; Крафт+, 2004.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теория политики : учеб. пособие / под ред. Б.А. Исаева. СПб.: Питер, 2008.
2. Elazar D.J. Religious Parties and Politics in the Begin Era // *Israel in the Begin era* / ed. by Robert O. Freedman. New York : Praeger, 1982.
3. Гейзель З. Политические структуры Государства Израиль. Москва ; Иерусалим : Мосты культуры ; Гешарим, 2013.
4. Фельдман Э. «Русский» Израиль: между двух полюсов. М.: Маркет ДС, 2003.
5. Bellah R.N. Civil Religion in America // *Daedalus, Journal of the American Academy of Art and Sciences*. Winter 1967. Vol. 96, No. 1.
6. Bellah R.N. *Beyond Belief: Essays on Religion in a Post-Traditionalist World*. Berkeley : University of California Press, 1991.
7. Liebman C.S., Don-Yehiya E. *Civil Religion in Israel: Traditional Judaism and Political Culture in the Jewish State*. University of California Press, 1983.
8. Власть и политика в Государстве Израиль. Израиль : Открытый университет Израиля, 1997. Ч. 6.
9. Баулина И.М. Проблема самоидентификации в израильском обществе // «Помнить о прошлом ради будущего»: еврейская идентичность и коллективная память : сб. ст. / Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2014.

Baulina Irina M. Maimonides State Classical Academy (Moscow, Russia). E-mail: ibaulina@gmail.com

CIVIL RELIGION IN ISRAEL: FROM BEGIN TO NETANYAHU.

Keywords: Israel; civil religion; Jewish State; religion.

This article is dedicated to a certain phenomenon of Israel political life – civil religion. Too much complicated system of relations between state and religion in this country encouraged lots of researchers, who tried to understand its unique nature combining European democratic values and Middle East attitude to traditions, religious as well. Present status-quo is backed by Orthodox and ultra-Orthodox, it coexists but sometimes conflicts with the value system, introduced by government. Israeli researcher Daniel J. Elazar in his article “Religious Parties and Politics in the Begin Era” marked out five forms of the religious influences of religion in Israel: system of Orthodox Judaism and its institutions; “popular religion”; civil religion; activity of ultra-Orthodox sector and non-Orthodox sector. This article deals with the peculiarities of “civil religion” issue as one of the instruments of religious influence in Israel. American researcher Robert Bellah wrote that civil religion includes statements, symbols, rituals and institutions which legitimate and build up a society to achieve common political goals. And our research of Israeli case is based on that. The civil religion in Israel was influenced by left-wing socialist camp, which was represented by the first Prime Minister David Ben-Gurion. It was based on “statism”. In time it became necessary to revise the basic principles, thus a “new civil religion” came to life. Despite of the fact that the new approach was also proposed by Ben-Gurion, the main progress of this new concept was gained when conservative right-wing of the Israeli political spectrum came to

power under the government of the Likud Party leader Menachem Begin. There are three main targets of the civil religion in Israel: integration, legitimization and mobilization. The greatest development of the “new civil religion” had been reached after the 1967 war, when instead the concept of “Jewish state” almost replaced the concept of “State of Israel”. However the situation changed dramatically with the arrival of one million citizens from former Soviet Union. New Israelis not only forced the country’s leadership to review the existing system of absorption, but also the question of determining the correlation between the religious Jews and status quo with the democratic principles of the state once again became burning. The actuality of the topic is proved by the whole situation in Israel exposing the problems that require the revision of many aspects of the status quo in general, and particularly the approach to the formation of civil religion. To somehow resolve the problem the law of civil status was changed and also an attempt was made to put on the agenda the Basic Law: “Jewish State”.

REFERENCES

1. Isaev, B.A. (2008) *Teoriya politiki* [Theory of Policy]. St. Petersburg: Piter.
2. Elazar, D.J. (1982) Religious Parties and Politics in the Begin Era. In: Freedman, R.O. (ed.) *Israel in the Begin era*. New York: Praeger.
3. Geisel, Z. (2013) *Politicheskie struktury Gosudarstva Izrail'* [The political structure of the State of Israel]. Moscow; Ierusalim: Mosty kul'tury, Geshtarim.
4. Feldman, E. (2003) “*Russkiy*” *Izrail'*: *mezhdv dvukh polyusov* [The “Russian” Israel: Between the two poles]. Moscow: Market DS.
5. Bellah, R.N. (1967) Civil Religion in America. *Daedalus, Journal of the American Academy of Art and Sciences*. 96(1). pp. 1-21.
6. Bellah, R.N. (1991) *Beyond Belief: Essays on Religion in a Post-Traditionalist World*. Berkeley: University of California Press.
7. Liebman, C.S., Don-Yehiya, E. (1983) *Civil Religion in Israel: Traditional Judaism and Political Culture in the Jewish State*. University of California Press.
8. Israel. (1997) *Vlast' i politika v Gosudarstve Izrail'* [Power and Politics in the State of Israel]. Israel: Open University of Israel.
9. Baulina, I.M. (2014) Problema samoidentifikatsii v izrail'skom obshchestve [The problem of identity in Israeli society]. In: Karasova, T.A. & Nosenko-Stein, E.E. (eds) “*Pomnit' o proshlom radi budushchego*”: *evreyskaya identichnost' i kollektivnaya pamyat'* [“Remember the past for the future”: Jewish identity and collective memory]. Moscow: RAS.

УДК 327.7(061.1ЕС)
DOI 10.17223/19988613/40/14

Е.Ф. Троицкий

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОМИССИИ О РЕФОРМЕ ПОЛИТИКИ СПЛОЧЕНИЯ ЕС: РЕАКЦИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВ И РЕГИОНОВ ВЕДУЩИХ СТРАН ЕВРОСОЮЗА (2010–2011 гг.)

*Статья подготовлена в рамках гранта имени Жана Монне № 561105-EPP-1-2015-1-RU-EPPJMO-CHAIR
«Европейский регионализм и политика сплочения ЕС».*

Статья посвящена анализу дискуссии, развернувшейся в Европейском Союзе в связи с подготовкой реформы политики сплочения 2013 г. Анализируются ключевые предложения Европейской Комиссии и реакция на них правительств и региональных властей Великобритании, Германии, Испании, Италии и Франции. Обсуждение проекта Еврокомиссии выявило неготовность центральных и региональных элит к расширению полномочий наднациональных органов ЕС в сфере политики сплочения. Дискуссия выявила широкие расхождения в позициях региональных властей. Последние, будучи важными участниками реализации политики сплочения, не смогли оказать существенного воздействия на разработку реформы.

Ключевые слова: политика сплочения; Европейская Комиссия; ведущие страны ЕС; регионы ЕС.

Политика сплочения, направленная на выравнивание диспропорций в экономическом, социальном и территориальном развитии регионов ЕС, – одна из основных сфер деятельности Евросоюза, на которую в текущем программном периоде (2014–2020) приходится около трети союзного бюджета. При переходе от одного семилетнего программного периода к другому проводится реформа политики сплочения, призванная обеспечить ее адаптацию к меняющимся условиям. Такие реформы, предвараемые широкими дискуссиями с участием правительств, регионов, местных органов власти стран ЕС, политических партий, бизнеса, профсоюзов, неправительственных организаций, проводились в 1988, 1993, 1999, 2006 и 2013 гг. В настоящей статье рассматривается подготовка к последней реформе, определившей конфигурацию политики сплочения на 2014–2020 гг. В частности, рассматриваются позиции правительств и региональных властей Великобритании, Германии, Испании, Италии и Франции.

В ноябре 2010 г. Европейская Комиссия сформулировала предложения об очередной реформе политики сплочения [1. Р. XXIII–XXXIII]. Их стержневой идеей стало обеспечение тесной связи политики сплочения со стратегией «Европа-2020» – концепцией экономического развития ЕС на 2010–2020 гг., принятой в июне 2010 г. Стратегия «Европа-2020», пришедшая на смену потерпевшей неудачу Лиссабонской стратегии, направлена на обеспечение «разумного, устойчивого и всеобъемлющего роста» экономики ЕС [2. Р. 10], сочетающего инновационное, экологическое, социальное и территориальное измерения. Ее задачами являются повышение уровня занятости, сокращение бедности, повышение доступности образования, увеличение инвестиций в науку и технологическое развитие, повышение энергоэффективности и содействие применению технологий, обеспечивающих сокращение выбросов углекислого газа. Европейская Комиссия предложила, чтобы страны и регионы ЕС сосредоточили ресурсы

политики сплочения на нескольких приоритетах, вписывающихся в цели стратегии «Европа-2020».

Комиссия предложила, чтобы на финансовую перспективу 2014–2020 гг. была введена практика заключения между странами-членами и Комиссией контрактов о партнерстве. Контракты должны были бы соответствовать национальным программам реформ, разработанным странами ЕС в рамках стратегии «Европа 2020», и фиксировать обязательства центральных правительств и региональных властей по использованию средств структурных фондов, цели, которые должны быть достигнуты, и конкретные показатели, свидетельствующие о выполнении поставленных задач. В контрактах должны были бы оговариваться условия получения выплат, причем как условия *ex ante*, выполняемые до начала выплат, так и условия *ex post*, увязывающие предоставление дополнительных средств с достижением заранее оговоренных результатов. Выплаты могли быть увязаны и с обязательствами стран-членов осуществлять административные преобразования или вносить изменения в национальное законодательство. Кроме того, Комиссия предложила прекращать или приостанавливать выплаты странам, нарушающим условия Пакта стабильности и роста [1. Р. XXVI].

Еще одной новацией стало предложение Комиссии ввести «резерв эффективности»: зарезервировать 5% бюджета политики сплочения для того, чтобы в середине программного периода использовать эти средства для премиальных выплат странам и регионам, продемонстрировавшим наибольшие успехи в достижении поставленных целей. Кроме того, Комиссия предложила использовать для финансирования в рамках политики сплочения проектов, обещающих значительную финансовую отдачу, не только гранты, но и так называемые «новые финансовые инструменты» [Ibid. Р. XXVII], предполагающие синтез грантовой поддержки с займами и ссудами и разделение рисков с финансовыми институтами – Европейским инвестици-

онным банком и Европейским банком реконструкции и развития.

Комиссия предложила, чтобы основной объем ресурсов политики сплочения был по-прежнему сосредоточен на достижении цели «Конвергенция» – поддержке регионов, где ВВП на душу населения составляет менее 75% от среднего для ЕС. Однако было предусмотрено выделение особой категории реципиентов помощи – «переходных регионов», где подушевой ВВП составлял бы от 75 до 90% среднего для ЕС. Остальные регионы ЕС должны были бы получать поддержку в рамках цели «Конкурентоспособность», а общим для всех регионов ЕС направлением политики сплочения осталась бы цель «Территориальное сотрудничество».

Предложения Комиссии вызвали неоднозначную реакцию региональных властей и национальных правительств. Прежде всего, многие регионы с настороженностью восприняли предложение о тесной увязке стратегии «Европа-2020» с политикой сплочения, подчеркнув, что главной задачей последней должно остаться выравнивание экономических диспропорций, и высказались против того, чтобы решения о направлениях расходования средств, выделенных регионам, принимались в Брюсселе и национальных столицах и «спускались» регионам сверху в качестве указаний. Такую позицию, в частности, выразило правительство Шотландии, ассоциация мэров крупных городов Франции, представительство Эльзаса при ЕС, мэрия Рима [3. Р. 3; 4. Р. 4; 5. Р. 3; 6. Р. 2]. Земли Германии, как наиболее экономически успешные, напротив, сочли нужным подчеркнуть, что политика сплочения «не ограничивается снятием диспропорций, но является также стратегией содействия инновациям, конкурентоспособности и устойчивому росту», сделав оговорку, что «тематическая концентрация» средств не должна привести к «чрезмерному ограничению» выбора приоритетов для «наиболее развитых регионов» [7. Р. 3, 5].

Большинство регионов настороженно восприняло идею заключения контрактов между Комиссией и национальными правительствами, увидев в этом предложении риски централизации политики сплочения. Многие регионы потребовали, чтобы контракты заключались на трехсторонней основе, при равном участии региональных властей. Группа «Реглег», объединяющая регионы, наделенные собственной законодательной властью (австрийские и немецкие земли, регионы Бельгии и Италии, автономные сообщества Испании, Шотландию, Уэльс, Северную Ирландию, португальские Азоры и Мадейру и финские Аландские острова), предложила передать подобным регионам всю полноту ответственности за реализацию проектов региональной политики [8. Р. 5].

Абсолютное большинство регионов категорически воспротивилось предложению увязать политику сплочения с Пактом стабильности и роста или институциональными и административными реформами. Региональные власти отметили, что они не должны отвечать

за просчеты и ошибки, допущенные национальными правительствами, и что подобная практика стала бы нарушением Лиссабонского договора [7. Р. 7; 9. Р. 9]. Против предложения обусловить оказание помощи в рамках политики сплочения макроэкономическими показателями выступили правительства Великобритании, Испании, Италии и Франции. Единственного сильного союзника Комиссия нашла в лице федерального правительства Германии, неизменно выступающего за жесткую финансовую дисциплину [10. Р. 7].

Мнения региональных властей по вопросу о введении «резерва эффективности» разделились. Ряд успешных регионов – Эльзас, немецкие земли, Каталония, Ломбардия – выразил осторожную поддержку этой идее с оговоркой о необходимости применения четких критериев эффективности [5. Р. 5; 7. Р. 7; 11. Р. 3; 12. Р. 4]. Большинство регионов высказалось против, ссылаясь на то, что появление этого механизма будет означать усиление конкуренции среди регионов и, таким образом, подорвет значение политики сплочения как инструмента обеспечения общеевропейской солидарности. Регионы, имеющие противоречия с национальными властями, в частности Страна Басков и Венето, заявили о поддержке «резерва эффективности», но потребовали, чтобы им распоряжалась Европейская Комиссия, а не правительства стран ЕС [13. Р. 3; 14. Р. 6]. Земли Германии, напротив, высказались за то, чтобы средства «резерва» распределялись на национальном, а не на наднациональном уровне [7. Р. 7].

Правительства ведущих стран ЕС также выступили против введения общеевропейского «резерва эффективности», которое фактически означало бы расширение прерогатив Комиссии. Германия, Франция, Испания, Италия высказались за то, чтобы «резервом эффективности» распоряжались сами национальные правительства, а Великобритания – против этой идеи в принципе.

Предложение Комиссии об использовании негрантовых источников финансирования проектов, реализуемых в рамках «политики сплочения», было в целом поддержано и регионами, и правительствами ведущих стран ЕС, но с оговорками о том, что эти источники должны дополнять, а не замещать гранты, а выбор тех или иных финансовых инструментов должен оставаться за самими регионами. Наиболее энергичную поддержку интенсивному использованию негрантовых средств выразили правительства Германии и Великобритании [10. Р. 9; 15. Р. 4].

По вопросу о введении новой категории получателей помощи – «переходных регионов» – мнения разделились. Французское правительство и семь регионов Франции, попадающих в новую категорию, безоговорочно ее поддержали, потребовав, чтобы появилась «простая, справедливая и эффективная система... охватывающая все европейские регионы с ВВП на душу населения от 75 до 90% среднего для ЕС показателя» [16. Р. 2]. Испания, где в новую категорию вошли бы три

региона, в том числе два крупных, также одобрила эту инициативу. Напротив, правительство Италии, где на «переходный» статус могли рассчитывать лишь два небольших континентальных региона и остров Сардиния, высказалось против создания новой категории, полагая, что в подобных случаях каждое государство само может наилучшим образом распределить ресурсы в рамках выделенных ему ассигнований [17. Р. 10].

Правительство Великобритании, где новая категория охватила бы значительную часть территории, в целом поддержало данную инициативу, но при условии, что это не привело бы к общему увеличению расходов ЕС на политику сплочения [15. Р. 12]. И земли, и правительство Германии, «уставшие» от финансового донорства, сочли, что новая категория должна охватывать только регионы, которые ранее получали помощь в рамках цели «Конвергенция» (т.е. применительно к Германии, на все восточные земли, кроме Берлина), но не распространяться на «относительно богатые» регионы, которые ранее получали помощь в рамках других целей [10. Р. 17] (например, на континентальные регионы Франции и значительную часть британских регионов).

Ведущие страны-доноры, Германия, Франция и Великобритания, поддержанные Нидерландами и Финляндией, выступили за то, чтобы бюджет ЕС на 2014–2020 гг. был увеличен по сравнению с 2007–2013 гг. не более, чем на ежегодный показатель инфляции, и был ограничен 1% ВВП ЕС, что на практике означало бы сокращение расходов Союза, в том числе и на политику сплочения [18]. В этой связи неудивительно, что страны-доноры поддержали предложенное Комиссией снижение «предела абсорбции». Не выступила против Испания, которая, хотя и является в ЕС нетто-реципиентом, обладает слишком масштабной экономикой, чтобы ее затронуло снижение «предела абсорбции». Резкие возражения против этой меры последовали от стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

В итоге основные предложения Европейской Комиссии были одобрены и легли в основу проведенной в

2013 г. реформы политики сплочения. Предложения о введении «резерва эффективности» и увязке политики сплочения с соблюдением Пакта стабильности и роста поддержаны не были, а для определения «пределов абсорбции» была принята компромиссная, «плавающая» система, позволившая в итоге несколько сократить ассигнования на политику сплочения на 2014–2020 гг. по сравнению с предшествующим программным периодом. Региональные власти не получили прямого доступа к заключению контрактов с Еврокомиссией: сторонами «Соглашений о партнерстве» (такое название получил этот документ) стали Еврокомиссия и правительства стран-членов.

В целом реакция национальных правительств и региональных властей ведущих стран ЕС на предложения Еврокомиссии продемонстрировала неготовность центральных и региональных элит к расширению полномочий наднациональных институтов в сфере политики сплочения. Не только Лондон проявил традиционный евроскептицизм. Евроскептические (или, точнее, еврокритические) нотки, пусть и приглушенно, зазвучали и в позициях официального Берлина и земель Германии, французского и итальянского правительств. Показательно, что в ходе дискуссии была выдвинута идея создания специальной формации Совета министров ЕС, в которой рассматривалась бы проблематика политики сплочения, т.е. усиления контроля стран-членов над этой сферой деятельности ЕС [13. Р. 2; 17. Р. 2].

Обсуждение предложений Еврокомиссии выявило широкие расхождения в позициях региональных властей по проблемам политики сплочения; фактически универсальным для регионов оказалось только стремление стать полноправными сторонами новой контрактной системы и неприятие увязки финансирования программ регионального развития с макроэкономическими показателями. Региональные власти, являясь, безусловно, важными участниками реализации политики сплочения, не смогли оказать существенного воздействия на разработку реформы 2013 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. European Commission. Investing in Europe's Future. Fifth Report on Economic, Social and Territorial Cohesion. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docoffic/official/reports/cohesion5/pdf/5cr_part1_en.pdf, free.
2. European Commission. Europe 2020. A Strategy for Smart, Sustainable and Inclusive Growth. URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2010:2020:FIN:EN:PDF>, free.
3. Scottish Government. European Commission's Consultation on the Reform of Cohesion Policy: Scottish Government Response. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/archive/consultation/5cr/pdf/answers/local_authorities/scottish_government_2011_02_01.pdf, free.
4. Association des Maires de Grandes Villes de France, Association des Communes Urbaines de France. Réponse à la consultation ouverte par la Commission européenne. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/archive/consultation/5cr/pdf/answers/local_authorities/association_maires_france.pdf, free.
5. Bureau Alsace. Contribution du Bureau Alsace à la Consultation de la Commission européenne sur les conclusions du Ve rapport sur la cohésion économique et sociale. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/archive/consultation/5cr/pdf/answers/local_authorities/bureau_alsace_2011_01_31.pdf, free.
6. Capital City of Rome. Response to the Consultation procedure on the conclusions of the V Report on Economic and Social Cohesion. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/archive/consultation/5cr/pdf/answers/local_authorities/roma_capitale_2011_01_31_en.pdf, free.
7. German Länder. Comments on the Communication by the Commission. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/archive/consultation/5cr/pdf/answers/national/germany_lander_contribution_2011_02_11_en.pdf, free.
8. RegLeg. Contribution to the Public Consultation of the European Commission about the 5th Cohesion Report. URL: http://www.gencat.cat/presidencia/butsue/htdocs/110128_Regleg20Response.pdf, free.
9. Highlands and Islands European Partnership. Response to the Future of Cohesion Policy Consultation Paper. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/archive/consultation/5cr/pdf/answers/local_authorities/highlands_islands_european_partnership_2011_01_28.pdf, free.

10. Federal Government of Germany. Comments on Conclusions of the European Commission's Fifth Report on Economic, Social and Territorial Cohesion: the Future of Cohesion Policy. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/archive/consultation/5cr/pdf/answers/national/germany_bundesregierung_contribution_2011_01_11_en.pdf, free.
11. Catalan Government. Contribution on the Future of Cohesion Policy. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/archive/consultation/5cr/pdf/answers/local_authorities/generalitat_cataluna_2011_01_25_en.pdf, free.
12. Lombardy Regional Administration. Position on the Post-2013 Future of Cohesion Policy. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/archive/consultation/5cr/pdf/answers/local_authorities/lombardia_region_contribution_2011_01_26_en.pdf, free.
13. Basque Government. Replies to the Questionnaire of the Fifth Report on Economic, Social and Territorial Cohesion: the Future of Cohesion Policy. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/archive/consultation/5cr/pdf/answers/local_authorities/basque_government_2011_01_17_en.pdf, free.
14. Unioncamere del Veneto. Conclusions of the Fifth Report on Economic, Social and Territorial Cohesion: the Future of Cohesion Policy. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/archive/consultation/5cr/pdf/answers/local_authorities/unioncamere_del_veneto_en_2011_01_31.pdf, free.
15. UK Government. Response to the European Commission's Consultation on the Conclusions of the Fifth report on Economic and Social Cohesion. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/archive/consultation/5cr/pdf/answers/national/uk_government_contribution_2011_02_08.pdf, free.
16. Contribution of French Regions: Lower Normandy, Corsica, Languedoc-Roussillon, Limousin, Lorraine, Nord-Pas de Calais and Picardy. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/archive/consultation/5cr/pdf/answers/local_authorities/regions_intermediaires_francaises_2011_01_28_en.pdf, free.
17. Italy's Contribution to the Public Consultation. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/archive/consultation/5cr/pdf/answers/national/italy_2011_02_04_en.pdf, free.
18. A Letter from Prime Minister David Cameron and Other European Leaders to the President of the European Commission on 18 December 2010. URL: <https://www.gov.uk/government/news/letter-to-president-of-european-commission>, free.

Troitskiy Evgeny F. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: eft@rambler.ru

EUROPEAN COMMISSION'S PROPOSAL FOR THE REFORM OF COHESION POLICY: REACTIONS OF GOVERNMENTS AND REGIONS OF EU'S MAJOR MEMBER STATES.

Keywords: cohesion policy; the European Commission; EU's major member states; EU regions.

Cohesion policy aimed at reducing disparities in the development of EU regions is one of the major EU policy areas which in the current financial perspective (2014 to 2020) accounts for about a third of the Union's budget. This paper focuses on the preparations for the cohesion policy reform of 2013 which determined the substance and shape of the policy for 2014–2020. In particular, the positions of governments and regional authorities of France, Germany, Italy, Spain and the UK are analyzed. In November 2010 the European Commission put forward its suggestions concerning the reform of the cohesion policy. The key idea was a close link between the cohesion policy and "Europe 2020" strategy, the concept of EU's economic development for 2010–2020 aimed at ensuring a "smart, sustainable and inclusive" growth of EU's economy. It was suggested that a practice of signing partnership contracts between the Commission and member states should be introduced. The Commission put forward idea of earmarking a "performance reserve": 5% of cohesion policy's budget was to be reserved as a reward to the countries and regions demonstrating the most progress in reaching the policy objectives. A new category of funding recipients was envisaged, that of "intermediate regions" with the per capita GDP from 75% to 90% of the EU average. The Commission's suggestions were met with mixed responses of regional authorities and national governments. Many regions reacted with caution to the idea of making a close link between the cohesion policy and the "Europe 2020" strategy, underlining that the former's main objective should remain the reduction of economic disparities. Most of the regions were wary about making contracts between the Commission and national governments, perceiving the risks of centralizing the cohesion policy. Many regions insisted on signing trilateral contracts, with regional governments participating on an equal footing. Most of the regions did not endorse the idea of the "performance reserve". The governments of the EU's major member states voiced opposition to the EU-wide "performance reserve" which would in fact be tantamount to the expansion of the Commission's prerogatives. Opinions divided on the introduction of a new category of funding recipients, "intermediate regions". Eventually, the European Commission's major suggestions were approved and laid the foundation for the 2013 reform of the cohesion policy. The idea of the "performance reserve" was rejected. Regional authorities did not obtain a direct access to concluding contracts with the Commission. On the whole, the reactions of the national governments and regional authorities of the EU's major states to the Commission's suggestions demonstrated that central and regional elites were not ready for the expansion of EU supranational institutions' competences in the domain of cohesion policy.

REFERENCES

1. European Commission. (2010a) *Investing in Europe's Future. Fifth Report on Economic, Social and Territorial Cohesion*. [Online] Available from: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docoffic/official/reports/cohesion5/pdf/5cr_part1_en.pdf.
2. European Commission. (2010b) *Europe 2020. A Strategy for Smart, Sustainable and Inclusive Growth*. [Online] Available from: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2010:2020:FIN:EN:PDF>.
3. Scottish Government. (2011) *European Commission's Consultation on the Reform of Cohesion Policy: Scottish Government Response*. [Online] Available from: http://ec.europa.eu/regional_policy/archive/consultation/5cr/pdf/answers/local_authorities/scottish_government_2011_02_01.pdf.
4. Association des Maires de Grandes Villes de France, Association des Communes Urbaines de France. (2011) *Reponse a la consultation ouverte par la Commission europeenne*. [Online] Available from: http://ec.europa.eu/regional_policy/archive/consultation/5cr/pdf/answers/local_authorities/association_maires_france.pdf.
5. Bureau Alsace. (2011) *Contribution du Bureau Alsace a la Consultation de la Commission europeenne sur les conclusions du Ve rapport sur la cohesion economique et sociale*. [Online] Available from: http://ec.europa.eu/regional_policy/archive/consultation/5cr/pdf/answers/local_authorities/bureau_alsace_2011_01_31.pdf.
6. Capital City of Rome. (2011) *Response to the Consultation procedure on the conclusions of the V Report on Economic and Social Cohesion*. [Online] Available from: http://ec.europa.eu/regional_policy/archive/consultation/5cr/pdf/answers/local_authorities/roma_capitale_2011_01_31_en.pdf.
7. German Laender. (2011) *Comments on the Communication by the Commission*. [Online] Available from: http://ec.europa.eu/regional_policy/archive/consultation/5cr/pdf/answers/national/germany_lander_contribution_2011_02_11_en.pdf.
8. RegLeg. (n.d.) *Contribution to the Public Consultation of the European Commission about the 5th Cohesion Report*. [Online] Available from: http://www.gencat.cat/presidencia/butsue/htdocs/110128_Regleg20Response.pdf.
9. Highlands and Islands European Partnership. (2011) *Response to the Future of Cohesion Policy Consultation Paper*. [Online] Available from: http://ec.europa.eu/regional_policy/archive/consultation/5cr/pdf/answers/local_authorities/highlands_islands_european_partnership_2011_01_28.pdf.
10. Federal Government of Germany. (2011) *Comments on Conclusions of the European Commission's Fifth Report on Economic, Social and Territorial Cohesion: the Future of Cohesion Policy*. [Online] Available from: http://ec.europa.eu/regional_policy/archive/consultation/5cr/pdf/answers/national/germany_bundesregierung_contribution_2011_01_11_en.pdf.

11. Catalan Government. (2011) *Contribution on the Future of Cohesion Policy*. [Online] Available from: http://ec.europa.eu/regional_policy/archive/consultation/5cr/pdf/answers/local_authorities/generalitat_cataluna_2011_01_25_en.pdf.
12. Lombardy Regional Administration. (2011) *Position on the Post-2013 Future of Cohesion Policy*. [Online] Available from: http://ec.europa.eu/regional_policy/archive/consultation/5cr/pdf/answers/local_authorities/lombardia_region_contribution_2011_01_26_en.pdf.
13. Basque Government. (2011) *Replies to the Questionnaire of the Fifth Report on Economic, Social and Territorial Cohesion: the Future of Cohesion Policy*. [Online] Available from: http://ec.europa.eu/regional_policy/archive/consultation/5cr/pdf/answers/local_authorities/basque_government_2011_01_17_en.pdf.
14. Unioncamere del Veneto. (2011) *Conclusions of the Fifth Report on Economic, Social and Territorial Cohesion: the Future of Cohesion Policy*. [Online] Available from: http://ec.europa.eu/regional_policy/archive/consultation/5cr/pdf/answers/local_authorities/unioncamere_del_veneto_en_2011_01_31.pdf.
15. UK Government. (2011) *Response to the European Commission's Consultation on the Conclusions of the Fifth report on Economic and Social Cohesion*. [Online] Available from: http://ec.europa.eu/regional_policy/archive/consultation/5cr/pdf/answers/national/uk_government_contribution_2011_02_08.pdf.
16. Regions Intermediaires Francaises. (2011) *Contribution of French Regions: Lower Normandy, Corsica, Languedoc-Roussillon, Limousin, Loraine, Nord-Pas de Calais and Picardy*. [Online] Available from: http://ec.europa.eu/regional_policy/archive/consultation/5cr/pdf/answers/local_authorities/regions_intermediaires_francaises_2011_01_28_en.pdf.
17. Italy. (2011) *Italy's Contribution to the Public Consultation*. [Online] Available from: http://ec.europa.eu/regional_policy/archive/consultation/5cr/pdf/answers/national/italy_2011_02_04_en.pdf.
18. European Union. (2010) *A Letter from Prime Minister David Cameron and Other European Leaders to the President of the European Commission on 18 December 2010*. [Online] Available from: <https://www.gov.uk/government/news/letter-to-president-of-european-commission>.

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

УДК 904/908

DOI 10.17223/19988613/40/15

Е.В. Водясов, О.В. Зайцева

ХРОНОГРАФ «ТОЯНОВА ГОРОДКА»: К ИСТОРИИ ЭУШТИНСКИХ ТАТАР В XVII–XVIII вв.

*Исследование осуществлено в рамках научного проекта, выполненного при поддержке Программы
«Научный фонд Томского государственного университета им. Д.И. Менделеева» в 2015–2016 гг.*

*Статья написана при поддержке гранта РГНФ № 15-11-70601 е/р «Комплексные полевые исследования городища
«Тоянов городок» – ключевого археологического памятника для изучения истории основания г. Томска».*

Статья посвящена истории Тоянова городка и эуштинских татар в XVII–XVIII вв. Несмотря на тот вклад, который внес князь Тоян в появление на карте Сибири нового русского города Томска, история княжеской ставки, в отличие от Томского города, долгое время оставалась не изученной. Рассмотрены основные моменты исторической судьбы князя Тояна и его подданных и их взаимоотношения с русским населением. Также обсуждаются дискуссионные вопросы, связанные с происхождением томских татар и вхождением их территорий в состав Сибирского ханства.

Ключевые слова: Князь Тоян; эуштинские татары; Тоянов городок; колонизация Сибири.

Память о князе Тояне следует положить во главу угла возводимого нами здания под именем «Томской Старины». Приглашаю всех, любящих свой край и знающих его, носить кирпичи, бревна и известь и помогать в постройке.

А.В. Адрианов (Томская старина. 1912)

Для изучения истории основания города Томска ключевое значение имеют два археологических памятника: Томский город и Тоянов городок. При этом первый систематически и планомерно изучался, здесь проводились многолетние археологические исследования, давшие богатейшие коллекции, представленные в музеях города [1, 2]. На южном мысу Воскресенской горы установлен памятный камень в честь основания г. Томска и реконструирована часть Томского кремля второй половины XVII в. Можно спорить о достоверности этой реконструкции и о правомерности установки памятного знака именно на южном мысу, но это место уже прочно вписано в «сакральную топографию» нашего города и стало значимым «местом памяти» для горожан.

Второй археологический памятник – Тоянов городок – зимняя ставка эуштинского князя Тояна, расположенный на левом берегу Томи, прямо напротив Томского города, к сожалению, таким местом памяти не стал и надолго был предан забвению, разрушался и застраивался. Если «место памяти» выпадает из поля самоидентичности городского социума, оно обрекается на забвение и уничтожение. Важный для жизни коллектива опыт должен получить пространственно-временную фиксацию в «местах памяти», связанных со значимыми для самоидентификации группы лицами или событиями. Именно выпадение этого объекта наследия из коллективной памяти привело к тому, что «Тоянов городок» даже не стоял до 2015 г. на государ-

ственной охране и получил статус только после наших полевых исследований, доказавших наличие сохранившихся участков культурного слоя.

Впрочем, не многим больше «повезло» и неординарной исторической личности самого князя Тояна – историки не посвятили ему ни одного монографического исследования, да и отдельных научных статей, посвященных его биографии, нам не удалось обнаружить. При этом, как совершенно справедливо отмечает Л.И. Шерстова, особые отношения между местным князем Тояном и русскими властями стали важным фактором жизнеспособности и значимости Томского города [3. С. 71]. Именно князь Тоян возглавил посольство к царю Борису Годунову, в результате чего земли эуштинских татар вошли в состав Русского государства, а на правом берегу Томи в 1604 г. возник новый русский форпост. Тоян также выразил желание помочь русским строить город на удобном месте в своей земле. В награду за свои труды Тоян получил для себя и своих подданных освобождение от ясака. В истории сибирской колонизации было не так уж много примеров подобного мирного взаимовыгодного присоединения земель.

Тоянов городок – это ещё и один из редчайших археологических памятников Сибири, известный по историческим источникам и нанесенный на карту в самом конце XVII – начале XVIII в. Однако планомерных научных раскопок на нём никогда не проводилось. В XIX–XX вв. археологов больше интересовал располо-

женный рядом с городищем одноименный курганный могильник [4. С. 10]. Нами до сих пор так и не обнаружен подробный чертёж городища. Возможно, он никогда так и не был сделан. О необходимости снять детальный план Тоянова городка писал еще в 1938 г. археолог Н.А. Чернышев [5. С. 14], однако сам он этого не сделал. Более того, когда большая часть памятника уничтожалась в 1920–1930-х гг. в ходе строительства на его территории туберкулезной больницы, археологи не предпринимали попыток исследовать городище, продолжая при этом (!) копать прилегающий могильник [6], и лишь некоторые краеведы отважились выступить против застройки [4. С. 16].

После обнаружения нами в 2015 г. неразрушенных участков культурного слоя Тоянова городка есть надежда, что от истории разрушения и забвения мы, наконец, перейдем к научному изучению этого столь значимого для истории нашего города археологического памятника. В этой связи мы попытались создать своего рода хронограф важнейших событий в истории Тоянова городка. Для воссоздания ключевых моментов в истории татар Нижнего Притомья мы использовали исторические источники XVII–XVIII вв. (грамоты, указы, отписки, челобитные и т.д.), содержащие информацию о князе Тояне и его подданных, а также труды различных ученых по истории Сибири.

Тоянов городок и его обитатели в XVII в. Как известно, Томск основан в 1604 г. Однако он не является начальной датой знакомства русских с эштинцами. В 1788 г. вышел в свет сборник исторических документов и записок о сибирских служилых людях. В этом документе мы находим следующую интересную информацию: «В 1601 г. проведен и поставлен Томский город острогом на Томи реке, вверх от Оби реке, на горе, над Ушайкою речкой; а проводывал и острог ставил посланный из Тобольска, тобольский сын боярский, Василий Фомин сын Тырков, с Тобольскими, Тарскими, Березовскими и иных городов служивыми людьми. В 1602 г. в Томском городе первые воеводы, Василий Васильевич Волынский, да Михайло Игнатьев сын Новосильцев; они первый город Томский поставили рубленный» [7. С. 118].

Из этого документа следует, что отряд Василия Тыркова еще в 1601 г. разведывал земли, находящиеся во владении князя Тояна. Более подробно о первой экспедиции русских в земли эштинцев сказано в челобитной внука Василия Тыркова к царю Алексею Михайловичу: «...Да в прошлых же, государь, годех окольных и воевода Семен Сабуров посылал деда моего ис Тобольска в Томь через Тару ко князем и к мурзам с вашим государским жалованьем с милостивым словом и с ковши и с платьем из грамотами за вашею государскою красною печатью. Да в прошлом же году во 111 году посылай был дед мой с служивыми людьми ставить *вновь* (курсив наш) Томский город и дед мой Василий Тырков Томский город поставил и которые были немирные земли, Томь и Чаты и Тулу-

маны и Кузнецы и Мелесцы и тех под высокую вашу государеву руку привел и ясак с них взял» [8. С. 58]. Скорее всего, именно в 1601 г. состоялась первая дипломатическая встреча русских служилых людей с князем Тояном. При этом важно, что поход Василия Тыркова в татарские волости не был военным, поскольку русские люди плыли к эштинским татарам с дарами и «милостивым словом».

В 1938 г. Н.А. Чернышев также упоминал, что еще до постройки Томского острога существовало русское укрепленное поселение на левом берегу Томи рядом с городищем князя Тояна [5. С. 14]. К сожалению, никаких ссылок Н.А. Чернышев не приводит. Почему, по его мнению, русские построили укрепленное поселение именно на левом берегу Томи, остается непонятным. Главное для нас, что в 1601 г. городок князя Тояна уже существовал, и в его землях состоялась важная историческая встреча.

На момент прихода русских по письменным источникам было известно 4 эштинских городка, население которых являлось подданными князя Тояна. Ими являлись собственно Тоянов городок напротив г. Томска, Евагин городок, находящийся ниже по течению р. Томи, Ашкенеев городок в устье р. Томи и городок в так называемой Кривой Луке на р. Оби [9. С. 106].

Отдельная проблема связана со временем появления городка Тояна. Разрозненные археологические материалы, полученные в ходе сборов, а не планомерных раскопок, говорят о том, что люди на этом мысу появились уже в раннем железном веке. Есть также керамические комплексы развитого и позднего Средневековья. Однако сказать, когда именно на мысу появились предки эштинцев на основе анализа этих археологических материалов, пока не представляется возможным. Тем не менее в письменном обращении к томским властям самих эштинцев в начале XIX в. сказано: «Бывший наш князец Тоян Ермаштеев с прадеды, деды и отцы их до поселения еще города Томска жили в Сибири, где ныне существует Томская губерния, за Томью рекой по течению оной на левой стороне своим городком...» [3. С. 71–72]. Если в городке Тояна жил его прадед, значит, эштинцы обитали на этой территории как минимум за 50 лет до прихода русских.

В начале XVII в. эштинские татары оказывали всяческую помощь русским в освоении Обь-Томского междуречья. Татары помогали строить Томский острог в 1604 г., перевоза бревна и пригоняя туда своих лошадей [10. С. 92], они несли военную службу, участвовали во многих военных и разведывательных походах, часто выступали в роли переводчиков.

В 1627 г. численность татар Томского Приобья, находящихся на государственной службе в Томске, составила 120 человек, а через десять лет – уже 172 человека [11. С. 56–57]. Каждый третий представитель служилого населения Томска в первой половине XVII в. был выходцем из местных татар.

В феврале 1609 г. князь Тоян вместе с русскими служилыми людьми отправился к телеутскому князю Абаку предлагать ему присягнуть русскому царю взамен на государственное жалование и определенные льготы. В результате этих переговоров телеуты получили право кочевать близ Томска, а между Тояновым городком и Томском появился «колмацкий торг», где русские и татары могли покупать лошадей и коров, а также различные вещи [12. С. 416]. Несмотря на успех этого похода, в этом же 1609 г. томским татарам не повезло дважды. Летом 1609 г. отряд из 300 человек, состоящий из русских служилых людей и томских татар, отправился воевать с киргизами [9. С. 419–420]. Сначала русским и татарам удалось обратить киргизов в бегство на Енисей и увести у них скот в 3 000 голов. Однако на обратном пути в Томск отряд был неожиданно атакован теми же киргизами, которые вернули свои стада и ранили более 20 человек, среди которых были и русские, и татары. Раненые татары вернулись в свои дома 4 июля 1609 г., и в эту же ночь на их караулы напали черные калмыки, которые убили многих сторожей и увели скот эуштинцев [Там же]. Следующий 1610 г. был для эуштинцев не легче. Отряд русских и татар численностью 40 человек отправился в Кузнецкие волости собирать ясак с местного населения. Кузнецкие татары ясак выплатили не весь, но проблема заключалась в другом: время в пути от Томска до ближайших кузнецких волостей занимало 7 недель по глухим труднопроходимым местам, поэтому многие томские татары умирали в пути от голода [12. С. 424–425].

В 1611 г. русские официально привели к присяге подданных Тояна на территории его городка, а также всех остальных татар в Нижнем Притомье. Сам же князь Тоян шертовал со своими товарищами ранее в самом Томске [9. С. 257]. В 1611 г. томские служилые люди вместе с эуштинцами отправились в Кузнецкие земли предлагать местным татарам подчиниться и платить ясак. По пути они остановились в городке князя Базаяка и узнали от него, что киргизы пытаются склонить кузнецких татар воевать против русских [12. С. 426–427]. Через несколько лет, в 1614 г., киргизы напали на Томский город и разорили земли томских татар. В ответ эуштинцы с русскими отправились войной против киргизов и на их территории убили киргизского князя Наяна [Там же. С. 433].

В условиях постоянной опасности русские помогали томским татарам оборонять их городки. В 1616–1617 гг. томская администрация постоянно, и зимой и летом, посылала отряды численностью в 20 и 30 человек нести караульную службу в эуштинских городках [Там же. С. 439].

В 1621 г. по государственному указу князь Тоян вновь отправился к телеутскому князю Абаку. Целью экспедиции являлось получение сведений о черных калмыках, их численности и расселении на реке Оби [9. С. 318]. В этом же году эуштинцы напали на киргизов,

а добытые трофеи тут же продали казакам и бухарцам [3. С. 71]. Всего через год состоялся новый поход против киргизов – на этот раз воевать отправился совместный отряд из русских, чатов, телеутов и эуштинцев [9. С. 377]. Естественно, киргизы собирались идти ответной войной на томские земли, поэтому летом – осенью 1622 г. воеводы велели всем эуштинцам не покидать своих городков и усилить караулы из-за нависшей опасности [Там же. С. 334–335]. В октябре 1624 г. томский служилый татарин Иссечка со своими людьми отправился в киргизские земли разведывать, где кочуют киргизы, в каком количестве и насколько мощна оборона их городков [Там же. С. 369].

Во время походов против киргизов томские отряды постоянно брали в плен либо местных князей, либо их ближайших родственников и просили за них выкуп [13. С. 53–56]. Так, в 1624 г. у князя Тояна находилась в плену жена киргизского князя Кошка [Там же. С. 56]. Эуштинец Аргуй удерживал в Томске племянника князя Ишея. В это же время томский подгорный татарин Сентура держал у себя Русака – сына убитого киргизского князя Наяна. Пленника выкупил его брат Бектен за соболиную и волчью шубу, два сорока соболей и 26 бобров [Там же]. Однако алчность некоторых сибирских первопроходцев не знала границ – пока князь Бектен выкупал у эуштинца брата, русские служилые люди взяли в плен его жену с сыном. Бектен заплатил за возврат своей семьи 18 рублей (больше, чем годовое жалование казачьей головы того времени) и семь сороков соболей [Там же].

В декабре 1629 г. на эуштинцев в устье реки Томи напали черные калмыки. Многих татар они ранили, некоторых взяли в плен, а также угнали лошадей. На помощь были срочно посланы из Томска служилые люди. Отряду удалось догнать калмыков на р. Шегарке, разбить их и вернуть живыми взятых в плен эуштинцев вместе с их лошадьми. Выжившие калмыки бежали в степь, но многие умерли от ран, не преодолев и 10–20 верст от места сражения. После битвы жители р. Шегарки сообщали, что видели множество трупов и более 100 умерших от ран лошадей [9. С. 420–421].

Исторические события первой трети XVII в. позволяют нам в полной мере представить масштабы военной опасности и постоянной смертельной угрозы. За 20 лет томские татары приняли участие как минимум в 14 походах и сражениях. К тому же некоторые военные конфликты могли и не попасть на страницы исторических документов.

Военные походы и командировки эуштинцев, а также переезд многих из них в Томск должны были сказаться на постепенном опустении Тоянова городка. Этому также способствовала исходившая военная опасность со стороны телеутов и киргизов. Известно, например, что в 1630 г. телеуты пошли войной на Тоянов городок и на Томск, но передумали нападать на ставку Тояна, узнав от разведчиков, что русские служилые люди (по

всей видимости, вместе со своей артиллерией) находятся в Тояновом городке и помогают эуштинцам обороняться [9. С. 429–430]. Уже через год томский воевода Петр Пронский решил переселить часть татар с Тоянова городка, а также эуштинцев с Юрточной горы на новое место близ Томска, которое позже станет известно как Татарская слобода [3. С. 72]. Сам князь Тоян в конце 1620-х гг. уже жил в Томском городе со своей семьей и многими эуштинцами [13. С. 56, 75].

Учитывая это, а также то, что на территорию Тоянова городка частично заходили курганы XVII в. [14. С. 140], мы склонны предположить, что к середине XVII столетия татары в большинстве своем ушли из Тоянова городка, устроив на нем родовое кладбище.

Другая причина, во многом изменившая культурный облик томских татар и географию их расселения, связана с проникновением ислама в среду эуштинцев на протяжении XVII–XVIII вв. Известно, что в 1646 г. эуштинцы приносили присягу царю Алексею Михайловичу еще по «языческому» обряду [15. С. 74]. Однако культурное влияние диаспор мусульман в лице бухарцев, поволжских татар и чатов, исповадовавших ислам до эуштинцев [16. С. 174–175], привело к смене конфессиональной принадлежности большинства томских татар. В результате этого многие эуштинцы стали селиться по религиозному признаку вместе с приезжими мусульманами в окрестностях Томска [17. С. 127].

Тоянов городок и его обитатели в XVIII в. Важную информацию о Тояновом городке мы находим на карте С.У. Ремезова 1699–1701 гг. [18]. С.У. Ремезов изобразил эуштинские юрты в двух местах: примерно там, где находится Тоянов городок, и на месте современной деревни Эушта. Такая ситуация была характерна для хозяйства сибирских татар в целом. Главная «зимняя» укрепленная ставка находилась на мысу, а заливные острова и пойма использовались как сезонные летние поселения, чрезвычайно удобные для выпаса скота. Все известные эуштинские юрты Нижнего Притомья, нанесенные на карту С.У. Ремезовым, имели подобную организацию сезонных поселений. В дальнейшем это внесло путаницу в вопрос о локализации Тоянова городка. Так, еще Г.Ф. Миллер указывал на нахождение Тоянова городка то на левом берегу Томи [19. С. 172], то на острове [9. С. 106]. Однако данная проблема решается просто – те же самые эуштинцы жили в двух местах в зависимости от сезона. Причем со временем Тоянов городок оказался совсем заброшенным, и томские татары полностью переселились на пойменные луга Томи. По указанию Г.Ф. Миллера, в 1740 г. городок состоял «...из 20 зимних жилищ эуштинских татар, повелителем которых ко времени, когда был построен город Томск, являлся бий, или князь, по имени Тоян, живший здесь. Из-за частых нападений киргизов и телеутов он укрепил это место валом и рвом (по-татарски *Karim*)» [19. С. 172]. Через полвека, в 1791 г., татар-эуштинцев в Тояновом городке осталось всего 4–5 дворов, поскольку остальные съехали на ост-

ров вниз по Томи на три версты от прежнего места жительства. Жителями же Тоянова городка в большинстве своем стали прибывшие с Чулыма татары, занявшие заброшенные дома эуштинцев [20. С. 78–79]. В 1734 г. Г.Ф. Миллер встречался с эуштинским князем и получил от него выписку из наказа Писемскому и Тыркову об освоении г. Томска в 1604 г. [12. С. 501]. Эта выписка содержала сведения о князе Тояне и его подданных. Но не менее важно, что выписка более 100 лет передавалась по наследству, начиная с Тояна, и использовалась татарами в 1728 г. в ходе их притязаний на некоторые земли около Томска. В итоге этот документ оказался в руках немецкого ученого, в результате чего и был опубликован.

Тоянов городок в XIX–XX вв. В XIX в. Тоянов городок превратился в археологический памятник. В 1889 г. здесь проводил раскопки могильника С.К. Кузнецов, который описал местность бывшей ставки татарского князя: «Тоянов городок расположен на левом берегу р. Томи, почти против середины г. Томска. Дорога к городку протекает через нижний перевоз на р. Томи и проходит через паровую мельницу купца Пастухова. Занимаемая городком местность находится на покрытом сосновым лесом мысу, омываемом с юга речкой Кисловкой, и довольно высоко (от 20 до 25 саженей) поднимается над заливной долиной Томи. Вся юго-восточная сторона этого огромного мыса покрыта на громадном пространстве курганами, от трех аршин до трех саженей в поперечнике... Название “Тоянов городок” осталось за этим громадным кладбищем не случайно: на юго-западной стороне его до сих пор прекрасно сохранились вал и ров, идущие по направлению с Востока на Запад. Площадь городища покрыта в изобилие ямами, быть может, следами землянок, или зимних юрт, а обращенные к реке крутые склоны городища богаты черепками битой посуды, вместе с которой попадают и другие предметы, как, например, шиферное напрясло» [14. С. 139].

Примерно то же написал через несколько лет и С.М. Чугунов: «Тояновым городком называется местность на левом берегу р. Томи, возвышающаяся над заливной долиной Томи. Эта местность, ограниченная с юга речкой Кисловкой покрыта сосновым лесом, за исключением небольшого участка, вдающегося наподобие мыса в заливную долину Томи. Последний, представляет поверхность, изрытую ямами, ограниченными на юго-западной стороне валом и рвом» [21. С. 2].

В 1920–1930-е гг. Тоянов городок почти полностью был застроен корпусами больницы и в течение всего XX в. раскопкам не подвергался. Только в 2015 г. археологи Томского государственного университета провели разведочные работы на территории Тоянова городка, в результате чего стало ясно, что культурный слой местами всё же сохранился и его мощность составляет до 1,5 м. В шурфах найдено несколько сотен артефактов, время существования которых относится к XVII в.

Обсуждение. В данном разделе мы озвучим некоторые спорные вопросы, затрагивающие историю томских татар. До сих пор актуальными остаются проблемы происхождения томских татар и вхождения их территории в Сибирское ханство.

Вопрос происхождения томских татар напрямую связан со взглядами ученых на процессы тюркизации Томского Приобья в эпоху Средневековья.

Некоторые ученые полагают, что на протяжении II тыс. н.э. до момента прихода русских на рассматриваемой территории смены населения не происходило. Так, Л.М. Плетнева считает, что к XV в. культура томских татар уже сложилась, и она напрямую генетически связана с предшествующим тюркоязычным населением [22. С. 127]. По ее мнению, «местные тюрки – это именно те тюркские группы, которые сформировались на протяжении конца I – первой половины II тыс. на территории лесостепи Западной Сибири, в том числе и в Томском Приобье» [Там же. С. 130]. А.А. Адамов полагает, что в X в. в Томское Приобье проникли большие группы тюркского населения, и на их основе в дальнейшем сформировались томские татары [23. С. 84]. З.Я. Бояршинова считала томских татар аборигенным самодийским населением, которые были тюркизированы пришлыми группами [24. С. 84]. Н.А. Томилов, используя сведения Ф.И. Страленберга, а также данные этнографии и лингвистики, предлагает иную концепцию – эуштинские татары для территории Нижнего Притомья аборигенами не являются. Ранее они жили в Прииртышье и представляли собой самодийское в своей основе население, но были ассимилированы тюрками, а позже изгнаны ханом Кучумом со своих родных мест. Часть эуштинцев осела в Притомье, и впоследствии пришлые группы стали основой сложения культуры томских татар [25. С. 54–55].

На наш взгляд, вопрос происхождения томских татар усложняется условностью самого термина «томские татары», который был придуман для обозначения в определенный момент отдельной группы населения, проживавшей в Нижнем Притомье. Понятие «томские татары» является сконструированным собирательным термином, объединяющим различные этнические группы (чаты, эуштинцы, калмаки), каждая из которых имеет свою неповторимую и долгую судьбу. К тому же в сложении культуры татарского населения Притомья на протяжении XVII–XIX вв. участвовали казанские татары, а также выходцы из Средней Азии, именуемые в источниках «сибирскими бухарцами». Учитывая этническую и культурную многокомпонентность населения, названного в литературе «томскими татарами», проследить его общую судьбу и происхождение не представляется возможным. Мы считаем, что необходимо рассматривать каждый из его этнических компонентов в отдельности. Хотя и это усложняется чередой проблем. При скудности письменных источников, посвященных населению Сибири до прихода русских, эта задача во многом

падает на плечи археологии, требуя от нее разобраться в этнических корнях разных групп, оставивших после себя поселения и могильники. Но по силам ли это археологической науке, и этим ли она вообще занимается? Эта проблема методологического уровня, и мы убеждены, что археологические материалы (в первую очередь керамика) не могут в полной мере являться маркерами этнической или языковой принадлежности населения, оставившего памятник.

Например, по письменным источникам XVII в. [9, 12] мы знаем, что на реке Оби располагался Чатский городок – одна из главных ставок чатских мурз. Однако эти же источники сообщают, что в разные годы первой половины XVII в. в этом городке жили чаты, бухарцы, телеуты, черные калмыки, русские, т.е. представители трех различных языковых групп и разных культурных миров. Однако вряд ли к такому же выводу пришел бы археолог, имея археологические находки с этого городка и не располагая письменными данными.

Другой не менее интересный вопрос звучит так: входили ли земли эуштинцев Томского Приобья в состав Сибирского ханства накануне русской колонизации? В недавнее время в ряде статей А.В. Матвеев и С.Ф. Татауров называют владения князя Тояна восточными рубежами Сибирского ханства и полагают, что эуштинцы были зависимы от хана Кучума [26, 27]. Они пишут, что «керамика по праву является основным археологическим маркером культурного единства населения Сибирского ханства» [27. С. 81]. Столь серьезный вывод они делают на основании проведенного ими «широкого анализа музейных коллекций, полевых материалов, опубликованных комплексов керамики позднесредневековых памятников Приобья, Барабы и Прииртышья, Приишимья и Притоболья» [Там же].

Однако ни конкретные результаты, ни статистические выводы, ни методологические основы проведенного анализа керамики в работах ни разу не приведены. Создаётся впечатление, что все выводы основаны на простом визуальном сходстве керамических комплексов некоторых позднесредневековых памятников. Даже если после методологически строгого исследования, которого пока никто не предпринимал, подтвердится типологическое единство позднесредневековой керамики для этой территории, то и это никоим образом не означает, что границы керамического ареала обязательно должны совпадать с политическими границами. Самые разные варианты совпадения и несовпадения керамических ареалов и этнических и культурных границ давно подробно рассмотрены [28].

Не менее удивляет и то, где А.В. Матвеев и С.Ф. Татауров отметили городки эуштинцев на карте, по которым они провели восточную границу Сибирского ханства [27, рис. 1]. Они, к сожалению, не имеют представления об их местоположении – погрешности достигают более сотни километров и иногда доходят до двухсот! Например, Тоянов городок оказался на левом берегу Оби, намного севернее устья Томи!

Таким образом, существующее мнение о вхождении Нижнего Притома в Сибирское ханство требует отдельного серьезного рассмотрения и конкретных доказательств.

К тому же по письменным источникам хорошо известно, что на рубеже XVI–XVII вв. эуштинцы были зависимы от киргизских князей, которые еще в 1628 г. называли князя Тояна своим лучшим холопом до прихода русских на р. Томь [13. С. 75]. Более того, практически все население бассейна Томи являлось западными кыштымами киргизов [29. С. 135–136]. Решение князя Тояна принять русское подданство во многом было вызвано стремлением обрести независимость именно от киргизов. Живший по соседству с Тояном князь Басандай, наоборот, остался в сговоре с киргизским князем Номчей, выступал против русских, за что попал в томскую тюрьму в 1608 г. [30. С. 162, 181].

История укрепленной ставки князя Тояна насчитывает как минимум 300 лет: от «прадеда» Тояна, обитавшего здесь еще до появления русских, до самого конца XVIII в., когда в силу озвученных выше причин городок был уже почти полностью заброшен. Собранные из разных источников сведения об эуштинских татарах демонстрируют крайнюю напряженность в регионе в XVII в., вызванную постоянной военной опасностью, исходившей от киргизов и телеутов. Эта угроза во многом способствовала консолидации русского и татарского населения, приводя к постоянной взаимопомощи, тесным культурным контактам и совместному проживанию уже через несколько лет после освоения Томска.

Обнаружение в 2015 г. участков хорошо сохранившегося культурного слоя Тоянова городка вселяют надежду и делают чрезвычайно актуальным проведение полноценных раскопок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черная М.П. Томский кремль середины XVII–XVIII вв.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. 187 с.
2. Черная М.П. Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760-е гг.: историко-археологическая реконструкция. Томск : Издательский дом «Д'Принт», 2015. 276 с.
3. Шерстова Л.И. Тояновы эуштинцы в этнокультурном пространстве города Томска (XVII – XIX вв.) // Судьба регионального центра в России (к 400-летию г. Томска). Труды Томского государственного университета. Т. 267. Сер. Историческая. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 70–74.
4. Яковлев Я.А. Могильник Тоянов Городок: Каталог коллекции Ф.Р. Мартина 1891 г. из фондов Государственного исторического музея (г. Стокгольм). Томск – Сургут : Изд-во Том. ун-та, 2009. 348 с.
5. Чернышев Н.А. Отчет об археологических работах летом 1938 г. в окрестностях Томска // Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. Д. 126.
6. Грязнов М.П. Дневник раскопок Тоянова городка, произведенных в 1924 г. // Из истории Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1976. Вып. 19. С. 73–89.
7. Древняя Российская вивлиофика. Изд. 2-е. М., 1788. Ч. III. 476 с.
8. Полевой Б.П. Новое о Василии Тыркове, основателе Томска // Сибирские города XVII – начала XIX века. Новосибирск : Наука, 1981. С. 57–63.
9. Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. М. : Восточная литература РАН, 2000. Т. 2. 796 с.
10. Шерстова Л.И. Трансформация абортингенного населения Южной Сибири в XVII–XIX вв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 1 (9). С. 92–103.
11. Люцидарская А.А. Старожилы Сибири. Историко-этнографические очерки. XVII – начало XVIII в. Новосибирск : Наука, 1992. 197 с.
12. Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. Т. 1. 630 с.
13. Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии XVII – нач. XVIII вв. Абакан, 1995. 258 с.
14. Кузнецов С.К. Отчет об археологических разысканиях в окрестностях Томска, произведенных летом 1889 г. // Известия Томского университета. Томск, 1890. Кн. 2. С. 123–200.
15. Бояришинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского государственного университета. Томск, 1950. Т. 112. С. 23–210.
16. Элерт А.Х. Г.Ф. Миллер о коренном населении Томского уезда // Традиционные верования и быт народов Сибири. Новосибирск : Наука, 1987. С. 171–178.
17. Водясов Е.В., Зайцева О.В. Мусульманские некрополи XVII–XIX вв. в окрестностях Томска // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 1 (33). С. 125–131.
18. Чертежная книга Сибири 1701 г., составленная 1699–1700 гг. С.У. Ремезовым и его сыновьями. Собр. Н.П. Румянцева. Ф. 256. №. 346.
19. Миллер Г.Ф. Путешествие по воде вниз по Томи и Оби от Томска до Нарыма. 1740 г. // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера / отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1996. С. 172–186.
20. Емельянов Н.Ф. Татары Томского края в феодальную эпоху // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1978. С. 73–87.
21. Чугунов С.М. Древнее кладбище близ города Томска «Тоянов городок» // Материалы для антропологии Сибири. Томск : Тип. Макушина, 1901. Вып. 13. 34 с.
22. Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1997. 350 с.
23. Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск ; Омск : ОмГПУ, 2000. 256 с.
24. Бояришинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1960. 151 с.
25. Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. 271 с.
26. Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Восточные границы Сибирского ханства // Культуры и народы Северной и Центральной Азии в контексте междисциплинарного изучения : сб. Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. Томск : Томский государственный университет, 2013. Вып. 3. С. 467–473.
27. Матвеев А.В., Татауров С.Ф. К вопросу о восточных границах Сибирского ханства // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 4 (24). С. 78–82.
28. Шнирельман В.А. Археологическая культура и социальная реальность (проблема интерпретации керамических ареалов) : Препринт. Екатеринбург : Уральское отделение РАН, 1993. 40 с.

29. История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. М.: Наука, 1993. 528 с.

30. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб., 1875. Т. 2. 1228 с.

Vodyasov Eugenie V. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: vodiasov_ev@mail.ru; Zaitceva Olga V. Tomsk State University (Tomsk, Russia) E-mail: snori76@mail.ru

CHRONICLES OF TOYAN'S TOWN: ON THE HISTORY OF EUSHTA TATARS IN THE 17TH–18TH CENTURIES.

Keywords: Knyaz Toyan; Eushta Tatars; Toyan's Town; colonization of Siberia.

The article is devoted to the most important events in the history of Eushta knyaz Toyan and his subjects in the 17th–18th centuries. Although Tomsk emerged on the map of Siberia largely due to knyaz Toyan's policies, Toyan's Town never became a "place of memory" for citizens. It was severely damaged when the tuberculosis hospital was built on the spot. All of this makes it relevant to reconstruct the milestones of the history of Eushta Tatars. The history of knyaz Toyan's stavka counts at least 300 years: from Toyan's great-grandfather, who lived there even before the Russians came, until the very end of the 18th century, when the Town was almost abandoned due to various reasons named in the article. Information on Eushta Tatars collected from different sources demonstrates an extremely high level of stress in the region in the 17th century caused by permanent military threat coming from Kyrgyz people and Teleuts. This threat prompted consolidation of the Russians and Tatars very much, producing the ongoing mutual support, close cultural contacts and sharing the same territories as early as a few years after Tomsk was founded. Tatars and Russians participated jointly in at least 14 campaigns and battles during the first third of the 17th century. We also discuss the vital issues associated with origins of Tomsk Tatars and including their territories into the Khanate of Sibir. Considering the fact that "Tomsk Tatars" is constructed as an umbrella term covering various ethnicities (Chat, Eushta, Kalmak) and that the Pritomye Tatar culture developed with participation of Kazan Tatars and people of Central Asian descent in the 17th–19th centuries, we believe it to be impossible to trace the general origins of Tomsk Tatars. Each ethnic subgroup should be investigated individually. Another question discussed in the article is whether territories of Eushta Tatars were included into the Khanate of Sibir. The issue is challenging in that there is no evidence of Kuchum Khan having control over the territories. Besides, the article cites materials proving the subordinacy of Eushta Tatars to Kyrgyz people who said knyaz Toyan had been their best kholop (serf) before Russians came to the river Tom. Finally, the archaeological surveys carried out on Toyan's Town in 2015 proved there is a preserved cultural layer, which brings back to light a lot of issues associated with preserving and studying one of the key monuments in the history of Tomsk.

REFERENCES

- Chernaya, M.P. (2002) *Tomskiy kreml' serediny XVII-XVIII vv.: Problemy rekonstruktsii i istoricheskoy interpretatsii* [The Tomsk Kremlin in the middle of the 17th–18th centuries: The problems of reconstruction and historical interpretation]. Tomsk: Tomsk State University.
- Chernaya, M.P. (2015) *Voevodskaya usad'ba v Tomske. 1660–1760-e gg.: istoriko-arkheologicheskaya rekonstruktsiya* [The Vaivode's manor in Tomsk. 1660–1760-ies : The historical and archaeological reconstruction]. Tomsk: D'Print.
- Sherstova, L.I. (2005) *Toyanovy eushtintsy v etnokul'turnom prostranstve goroda Tomska (XVII – XIX vv.)* [The Toyan Eushta in the ethnocultural space of Tomsk (the 17th–19th centuries)]. In: Zinovyev, V.P., Fominykh, S.F. & Chernyak, E.I. (eds) *Sud'ba regional'nogo tsentra v Rossii (k 400-letiyu g. Tomska)* [The fate of the regional center in Russia (for the 400th anniversary of Tomsk)]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 70–74.
- Yakovlev, Ya.A. (2009) *Mogil'nik Toyanov Gorodok: Katalog kollektsii F.R. Martina 1891 g. iz fondov Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya (g. Stokgol'm)* [The Toyan Town Burial: F.R. Martin's Collection Catalogue in 1891, from the collections of the State Historical Museum (Stockholm)]. Tomsk – Surgut: Tomsk State University.
- Chernyshev, N.A. (1938) *Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh letom 1938 g. v okrestnostyakh Tomska* [Report on archaeological work in the summer of 1938 near Tomsk]. The Archives of the Museum of Archaeology and Ethnography of Tomsk State University. File 126.
- Gryaznov, M.P. (1976) *Dnevnik raskopok Toyanova gorodka, proizvedennykh v 1924 g.* [The Diary of excavation of the Toyan Town in 1924]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 73–89.
- Novikov, N.I. (1788) *Drevnyaya Rossiyskaya vivliofika* [The Ancient Russian Library]. 2nd ed. Moscow.
- Polevoy, B.P. (1981) *Novoe o Vasilii Tyrkove, osnovatele Tomska* [New about Vasily Tyrkov, the founder of the Siberian city of Tomsk]. In: *Sibirskie goroda XVII – nachala XIX veka* [Siberian cities in the 17th – early 19th centuries]. Novosibirsk: Nauka. pp. 57–63.
- Miller, G.F. (2000) *Istoriya Sibiri* [The History of Siberia]. 2nd ed. Vol. 2. Moscow: Vostochnaya literature.
- Sherstova, L.I. (2010) The transformation of native economy in the South Siberia in the 17th–20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1(9). pp. 92–103. (In Russian).
- Lyutsidarskaya, A.A. (1992) *Starozhily Sibiri. Istoriko-etnograficheskie ocherki. XVII – nachalo XVIII v.* [The old-timers of Siberia. Historical and ethnographic essays. The 17th – early 18th centuries]. Novosibirsk: Nauka.
- Miller, G.F. (1999) *Istoriya Sibiri* [The History of Siberia]. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Vostochnaya literature.
- Butanaev, V.Ya. & Abdykalykov, A. (1995) *Materialy po istorii Khakasii XVII – nach. XVIII vv.* [Materials on the history of Khakassia of the 17th – early 18th centuries]. Abakan: UPP Khakasiya.
- Kuznetsov, S.K. (1890) *Otchet ob arkheologicheskikh razyskaniyakh v okrestnostyakh Tomska, proizvedennykh letom 1889 g.* [Report on archaeological researches near Tomsk in the summer of 1889]. *Izvestiya Tomskogo universiteta*. 2. pp. 123–200.
- Boyarshinova, Z.Ya. (1950) *Naselenie Tomskogo uезда v pervoy polovine XVII veka* [The population of Tomsk district in the early 17th century]. *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 112. pp. 23–210.
- Elert, A.Kh. (1987) G.F. Miller o korennom naselenii Tomskogo uезда [G.F. Miller on the indigenous population of the Tomsk district]. In: Gemuev, I.N. & Sagalaev, A.M. (eds) *Traditsionnye verovaniya i byt narodov Sibiri* [Traditional beliefs and way of life of the peoples of Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 171–178.
- Vodyasov, E.V. & Zaytseva, O.V. (2015) Muslim necropolis of XVII–XIX centuries near Tomsk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1(33). pp. 125–131. (In Russian).
- Remezov, S.U. et al. *Chertezhnaya kniga Sibiri 1701 g., sostavlyennaya 1699–1700 gg. i ego synov'yami* [The Drawing Book of Siberia in 1701, compiled in 1699–1700 by S.U. Remezov and his sons]. Coll. of N.P. Rumyantsev. Fund 256. №. 346.
- Miller, G.F. (1996) *Puteshestvie po vode vniz po Tomi i Obi ot Tomska do Naryma. 1740 g.* [Travel by water down the Ob and Tom from Tomsk to Narym. 1740]. In: Pokrovskiy, N.N. (ed.) *Sibir' XVIII veka v putevykh opisaniyakh G.F. Millera* [Siberia in the 18th century in the travelogues by G.F. Miller]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf. pp. 172–186.
- Emelyanov, N.F. (1978) *Tatary Tomskogo kraya v feodal'nyy epokhu* [The Tatars of Tomsk region in the feudal era]. In: Matyushchenko, V.I. & Tomilov, N.A. (eds) *Etnokul'turnaya istoriya naseleniya Zapadnoy Sibiri* [Ethnocultural history of the population of Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 73–87.

21. Chugunov, S.M. (1901) *Drevnee kladbishche bliz' goroda Tomska "Toyanov gorodok"* [The ancient cemetery near the city of Tomsk "The Toyan Town"]. Tomsk: Makushin.
22. Pletneva, L.M. (1997) *Tomskoe Priob'e v nachale II tys. n.e. (po arkheologicheskim istochnikam)* [The Tomsk Ob in the early II millennium AD (According to archaeological sources)]. Tomsk: Tomsk State University.
23. Adamov, A.A. (2000) *Novosibirskoe Priob'e v X–XIV vv.* [Novosibirsk Ob in the 10th – 14th centuries]. Tobolsk; Omsk: Omsk State Pedagogical University.
24. Boyarshinova, Z.Ya. (1960) *Naselenie Zapadnoy Sibiri do nachala russkoy kolonizatsii* [The population of Western Siberia to the beginning of Russian colonization]. Tomsk: Tomsk State University.
25. Tomilov, N.A. (1992) *Eticheskaya istoriya tyurkoyazychnogo naseleniya Zapadno-Sibirskoy ravniny kontsa XVI – nachala XX v.* [Ethnic History of Turkic-speaking population of the West Siberian Plain in the late 16th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
26. Matveev, A.V. & Tataurov, S.F. (2013) Vostochnye granitsy Sibirskogo khanstva [The eastern boundary of the Siberian Khanate]. Ozheredov, Yu.I., Pankratova, L.V., Rykun, M.P., Cheremisina, K.P., Mironenko, N.V. (eds) *Kul'tury i narody Severnoy i Tsentral'noy Azii v kontekste mezhdistsiplinarnogo izucheniya* [Cultures and peoples of North and Central Asia in the context of interdisciplinary studies]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 467–473.
27. Matveev, A.V. & Tataurov, S.F. (2013) To a question of eastern frontiers of the Siberian khanate. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4(24). pp. 78–82. (In Russian).
28. Shnirelman, V.A. (1993) *Arkheologicheskaya kul'tura i sotsial'naya real'nost' (problema interpretatsii keramicheskikh arealov)* [Archaeological culture and social reality (the problem of interpretation of ceramic ranges)]. Ekaterinburg: RAS.
29. Kyzlasov, L.R. (ed.) *Istoriya Khakasii s drevneyshikh vremen do 1917 goda* [History of Khakassia from Ancient times until 1917]. Moscow: Nauka.
30. Russian Archeological Commission. (1875) *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoy komissiey* [The Russian Historical Library, published by the Archeological Commission]. Vol. 2. St. Petersburg: [s.n.].

УДК 316.74
DOI 10.17223/19988613/40/16

И.Г. Поправко

ЛОКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ДЕРЕВНИ ЭУШТА И ЕЕ РОЛЬ В КОНСТРУИРОВАНИИ И ПОДДЕРЖАНИИ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МЕСТНОГО ТАТАРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 15-11-70601 е/р «Комплексные полевые исследования городища “Тоянов городок”» – ключевого археологического памятника для изучения истории г. Томска».

Исследование выполнено при поддержке Программы «Научный фонд Томского государственного университета им. Д.И. Менделеева» в 2015–2016 гг.

Рассматривается современная репрезентация локального прошлого в татарском поселении Эушта (относится к г. Томску). Центральной фигурой выступает историческая личность князя Тояна. По материалам полевого исследования выявлены «места памяти Тояна» в Эуште (улица, клуб, школьный музей), а также на основании опроса школьников поселка представлены источники исторической информации и индивидуальные представления детей о значимости тех или иных исторических событий и личностей в национальном и локальном разрезе.

Ключевые слова: идентичность; локальная история; татары; Томск; Эушта; Тоян.

Город Томск был основан в 1604 г. Упоминание этой даты можно встретить во всех путеводителях, научно-популярных статьях, на фасадах зданий, останочных комплексах и сувенирной продукции – открытках, брелоках и сувенирных магнитиках. Другим известным и растиражированным фактом томской истории является признание за татарами неофициального статуса коренных жителей. По данным моих исследований, проводившихся с 2005 по 2009 г. среди татар Томской области, актуализация локальной и региональной идентичности местных татар носит ситуативный характер и практически не связана с историческими этнонимами. Живущие в Томске и Томской области татары называют себя «сибирскими», потому что живут на территории Сибири, «чернореченскими», потому что живут в деревне Черная речка, и «эуштинцами», поскольку живут в деревне Эушта, при этом они давно перемешались как с пришлыми казанскими и поволжскими татарами, между собой, так и с русским населением (особенно в городе). Впрочем, некоторые языковые отличия казанских и местных татар, а также особенности локальной татарской кухни до сих пор остаются значимыми маркерами в процессе идентификации «своих» и дифференциаций от «других» [1–3].

Настоящее исследование своим фокусом имеет *прошлое и коллективную память*, локализованные в одном из татарских поселений Томского района (а с 2005 г. входящее в состав города) – деревне Эушта. Сегодня здесь проживают 470 человек [4], большинство из которых относят себя к татарам (по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.). Близость к городу (22 км по трассе и 6 км по прямой) и относительно развитая транспортная инфраструктура (через Эушту проходят маршруты регулярных рейсовых автобусов № 37 и 101) обуславливают тот факт, что основная масса жителей ездит на работу в Томск. Бывший в советское время совхоз распался. Сегодня

очень мало кто из жителей держит скот и большие огороды: два фермера, и несколько «частников», продающих молочные продукты на рынке Томска или распространяющих их через сложившиеся клиентские сети. Есть в поселке также небольшая лесопилка. Строятся гостиница и развлекательный комплекс на берегу Томи. Основными рабочими местами в самой Эуште являются 9-летняя школа № 66 (объединенная под один номер со школой в пос. Нижний склад), сельский клуб и магазин.

В вышедшей недавно статье Владимира Ильина «История как социальный ресурс развития глубинки» [5] дается определение ключевых и для нашего исследования понятий – *прошлое* и *коллективная память*. «Прошлое – это последовательность уже произошедших событий, локализованных в пространстве и во времени» [Там же. С. 147]. «Коллективная память – это совокупность памяти индивидов... результат не только общего коллективного опыта, но и его институционализированной структуры. С помощью системы образования, СМИ, массовой культуры, городской архитектуры и скульптуры одни эпизоды прошлого акцентируются в памяти, а другие стираются» [Там же. С. 148]. Указанное определение в целом не противоречит определению коллективной памяти, данному «основателем» дискурса памяти М. Хальбваксом: это память об общем прошлом, которая сохраняется членами той или иной группы, социального класса или нации [6] и может быть взято как инструментальное для данной работы.

Наше исследование носило разведывательный и прикладной характер и инициировано было тем, что в августе 2015 г. в пригородном поселке Тимирязево, где, предположительно, в XVII в. располагалась зимняя ставка князя Тояна, археологи ТГУ проводили раскопки (о чем было рассказано в томских СМИ). Тоян был татарским князем, поэтому сообщество татар, проживающих в соседней Эуште, заинтересовало нас в первую очередь. И особенно

нас занимал вопрос: какое место в коллективной памяти жителей Эушты занимает князь Тоян? Фигурирует ли эта историческая фигура в репрезентациях коллективной идентичности эуштинцев? Наше исследование строилось на качественной методологии: наблюдениях в самом поселке (несколько поездок, включая присутствие на праздновании 50-летнего юбилея школы), полуструктурированных интервью со старожилами села (они же являются основными носителями историй об Эуште и Тояне), директором школы, учителем истории, музейными работниками, а также сплошном опросе школьников с 6-го по 9-й классы с целью выявить источники получения ими исторической информации, а также их индивидуальные представления о значимости тех или иных исторических событий и личностей в национальном и локальном разрезе. Стоит, однако, ввести еще одно понятие, снова ссылаясь на статью В. Ильина, а именно *историческая топология* – «это разметка географического пространства путем привязки конкретных мест к событиям, выделенным исторической наукой, мифологией или идеологией... это культурное пространство населенных пунктов как текст, повествующий о прошлом. Историческая топология – это социальная топология (в терминах Пьера Бурдьё), обращенная в прошлое» [5. С. 150].

Историческая топология деревни Эушта, связанная с именем Тояна, вела нас сразу по нескольким местам. **Во-первых, это улица имени Тояна** (рис. 1, 2).

Рис. 1. Улица Тояна

Рис. 2. Улица Тояна, дом 13

По словам старожил, эта улица появилась недавно, в начале 2000-х гг.: «Там просто было поле, потом парень Ахмед построил дом, потом возле него построили и еще за совхозом построили. Помаленьку так целая улица и появилась. И назвали улицу Тояна» (Ф. муж., 1957 г.р., пенсионер). «...это новая улица, там многие дома не оформлены, не дают оформлять, они нелегальные застройщики. <...> Почему так называется? – Потому что тут жил Тоян. Сначала хотели назвать улицу именем Мусы Джалиля, я подсказывала тем домам, чтобы не русскими называли, а вот, в честь нашего татарского поэта, а потом кто-то надумил их Тояном назвать. У нас есть Тояново озеро» (Ф. жен., 1952 г.р., хранитель школьного музея в Эуште).

В результате архивных и этнографических изысканий появилась еще одна версия: изначально по инициативе жительницы этой улицы З. Сулеймановой и ее подруги Н. Кумаровой улице хотели дать название «Лесная». Однако «по совету старожил» (Сулейманова) решили дать улице имя князя Тояна. С этим запросом женщины обратились в администрацию, и 18 сентября 2002 г. согласно Приказу № 156, администрация с. Зоркальцево на основании обращения жителей деревни Эушта распорядилась дать новой улице название «Тояна». Краткий опрос в стиле «наивного этнографа» во время прогулки по этой улице показал осведомленность жителей о том, в честь кого она так названа («это наш хан Тоян»).

Вторым «местом Тояна» был сельский клуб, большую часть времени находившийся под замком (рис. 3–5).

Рис. 3. Клуб «Тоян»

Рис. 4. Клуб «Тоян»

Рис. 5. Клуб «Тоян»

И, наконец, *третье, ключевое «место памяти Тояна» в Эуште – это школа*. Стоит сказать, что в небольших поселках, особенно этнически маркированных и относительно однородных, таких как Эушта, Тахтамышево, Черная речка, Барабинка, Кафтанчиково в Томском районе (это старые татарские села), а также Вамболы Зырянского и Березовка Первомайского районов – места компактного проживания эстонцев на территории Томской области, – школы всегда играли очень важную роль. Они являются не только центрами образования и социализации детей, но также и ключевыми местами поддержания и воспроизводства этнической культуры. Как правило, находится учитель-энтузиаст, который ведет кружки по этнической культуре: языку, прикладному искусству, музыке [7, 8]. К сожалению, закрытие (в связи с так называемой оптимизацией) школ в поселках Тахтамышево и Вамболы может привести к исчезновению этнических особенностей татарской и эстонских культур в этих местах, к утрате языка и в конечном итоге этнической идентичности.

Школа в деревне Эушта относительно новая (вновь отстроенная после пожара). 10 октября 2015 г. работники, ученики и выпускники праздновали ее 50-летний юбилей. Мне удалось присутствовать на этом мероприятии и отметить очень интересные моменты, в том числе связанные с актуализацией прошлого – не только советского (на рис. 6 школьники, переодетые в пионеров, выносят знамя ВЛКСМ), но и более древнего.

Рис. 6. Школьники, марширующие перед школой с флагом ВЛКСМ

В момент проведения нами исследования школа была местом, аккумулировавшим в себе *три фактора*, способствовавших актуализации локального прошлого.

1. В школе есть небольшой *музей* (точнее сказать, маленькая комната, где на одной стороне размещены предметы татарского быта (*этнографическая часть*), в разное время собранные хранителем и ее учениками, а на другой стороне – витрины и стенды, посвященные *истории села*: от основания, через СССР и до наших дней) (рис. 7–9).

Рис. 7. Школьный музей. Этнографическая часть

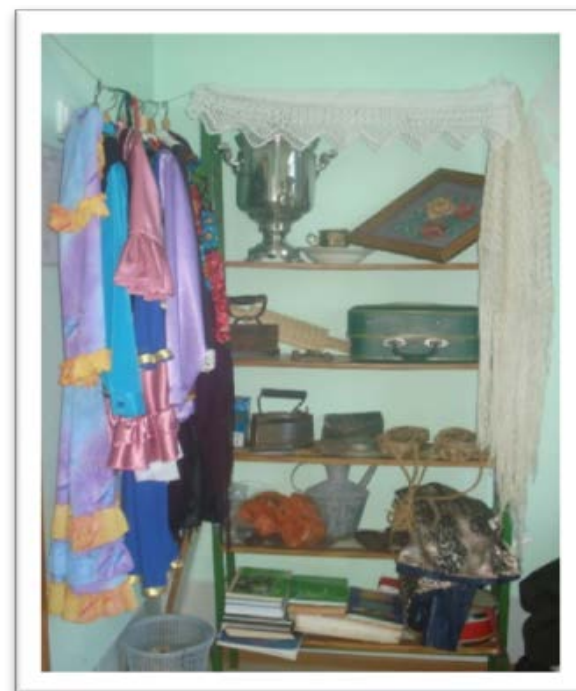

Рис. 8. Школьный музей. Этнографическая часть

Рис. 9. Школьный музей. Историческая часть

Техника сбора материала описана хранителем музея в интервью: «У нас был краеведческий кружок, я его вела. Две-три тысячи платили, вот, потихоньку и собирали. В прошлом году ветеранам помогали краеведы. Со снегом боролись, снега много было. Почти всю зиму в мечеть огромную тропинку чистили (...) У меня группа – 12 детей. Одних я отправляю, кому-то там дрова сложить, кто-то идет полы помыть, в магазин сходить старикам. А иногда идем всей группой. Я сначала договариваюсь. Мы приходим, люди рассказывают про свою жизнь. Я беру рулетку – гостинцы, а бабули на стол накрывают, и мы сидим, чай пьем. Вот такая вот, разговорная речь. А потом говорю: “А Вы можете мне подарить что-нибудь?” Вот, корзиночка для ловли рыбы, у меня у отца такая была, тетя Таня дала. А это сапоги моей мамы, ох, красавица была. Ей 90 лет, музыку услышит и вот, пританцовывает. Эти сапоги ей сестра из Казани привезла. (...) А эти вышивки, эушитинцы очень хорошо вышивали, даже скатерти, вышитые на столах. Вообще, эушитинцы чистоплотный народ, у них всегда порядок дома» (Ф. жен., 1952 г.р., хранитель школьного музея в Эуште).

Упоминание Тояна на стенде по истории Эушты

Из рассказов старожилов: «Как возникла Эушта? Эушит, слышали? Вот, когда едешь со стороны моста магазин, клуб стоит у нас, и дамба небольшая и туда вверх по Береговой, вот там на высоком холме несколько семей жили. Это были семья Сулеймановых, четыре брата жили. Там в Тимирязево двое и Эушит – дед, Юшита его звали. И в честь него называли Эушитой. Вот, потом они все перебрались. Здесь все остались, а остальные братья туда поднялись в Тимирязево и там жили. Брат Тоян, он утонул в Тояновом озере. А я нашла, когда стала читать про них, нашла потомков Тояна одного брата – Сулейман. И вот, Сулеймановы, когда бабушка еще была живая на горе на Советской улице прадеды его жили. Я с этой бабушкой общалась еще, она живая была. (...) Тоян сам погиб. Я не знаю, у него, вроде, был один ребенок. Рассказывали, что в озере он утонул. А здесь вот, в нашей деревне в честь этого деда Эушита, называли Эушитой. Сначала Юшита была она, потом Эушит. Вот,

эти потом потомки – эушитинцы переправлялись через эту реку и начали строить город Томск, после того как он (Тоян) съездил к царю. С пушинной он поехал туда, и его хорошо там приняли. Дали солдат, денег...».

«...когда наезжали джунгары, киргизы, у Тояна отец был Элмиш, когда он старый стал и умирать начал Тояну говорил: “Сынок ты ни киргизам, никому, ты иди к русскому царю”. И он берет своего племянника Каяна, и они 5 месяцев на лошадях добираются до туда, в Москву. У нас же лошади, были табуны. Вот Каиштак, что это было раньше? “Каиштак” – это по-татарски “гора”. Это раньше в старые времена для лошадей не было комбикормов, они паслись там всю зиму сами по себе. Вот это было зимнее пастбище у них, а на лето сюда табуны лошадей спускались. Тоян поехал в Москву, и это было при Борисе Годунове. Борис Годунов или другой, видать знали про это и сказали, что долго ждали их. Ведь это богатый край, ну, слышали, видать. И пишет он письмо, что входит в состав России эта территория. Он грамоту написал, чтобы у томских татар ясак не брать. Ясак – это дань, сейчас это налог. Кстати, это грамота была, когда Тоян уже сюда приехал. Грамота была. Прямой потомок Тояна Москоп (?) Абдулла. Не помню автора грамоты, даже мой отец ее видел, а потом она исчезла» (Ф. жен., 1952 г.р., хранитель школьного музея в Эуште).

По словам учителя истории, данный стенд (рис. 10, 11) – распечатка реферата одной школьницы с тех времен, когда в учебной программе еще было краеведение: «Вот, в последнее время краеведения нет, исключили эти предметы, исключили часы, больше сделали упор на математику и русский, эти свободные часы отдали на подготовку к экзаменам. А раньше это были наши спецкурсы: краеведение, сибиреведение (...) Но у нас все равно, хоть это были и необязательные, но дети ходили все на уроки. Им было интересно, когда мы именно корни проходим, они понимали, что связаны. И мы вот не давали сухой материал, вот я лично на своих уроках, конечно, акцент делала на связь с ними: село, народ, общая культура, все время проводила параллели, а вот сейчас как у Вас в современное время. Да, вот это тогда их заинтересовывало. Мне кажется, им интересно было».

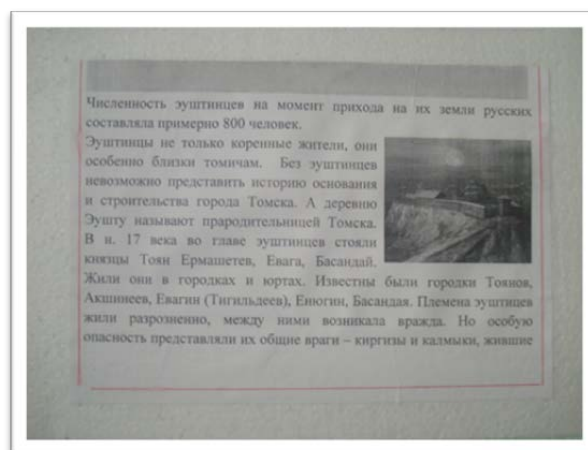

Рис. 10. Школьный музей. Стенд с информацией о князе Тояне

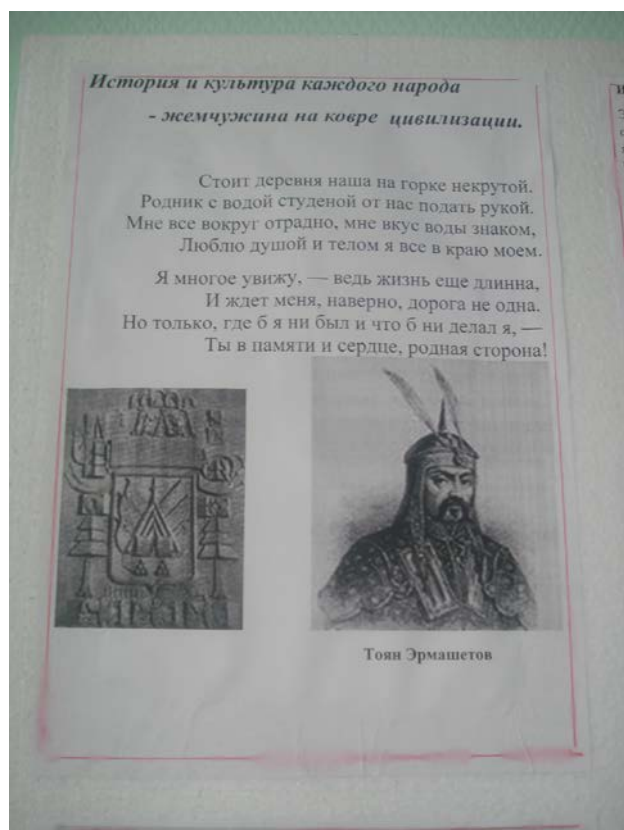

Рис. 11. Школьный музей. Стенд с информацией о князе Тояне

На наш взгляд, последствия этой лакуны в школьном образовании проявились в результатах опроса школьников. Приведем их в отдельном разделе данной публикации.

Результаты анкетирования школьников с 6-й по 9-й классы в школе № 66, поселок Эушта, г. Томск

Выбор школьников с 6-го по 9-й класс обусловлен тем, что все они посещают уроки истории. Вообще предмет «История» начинается с 5-го класса, но мы сознательно не включили 5-классников в выборку по причине малого срока обучения по предмету.

Цель проведения анкетирования: выяснить источники получения школьниками исторической информации, а также их индивидуальные представления о значимости тех или иных исторических событий и личностей в национальном и локальном разрезе (табл. 1).

Анкета состояла из двух блоков вопросов – *содержательного (4 вопроса) и личного (сведения о респонденте) (см. приложение).*

Таблица 1

Общее число опрошенных школьников, распределенных по полу

Число обучающихся в классе, чел.	Приняли участие в опросе, чел.	М	Ж
6-й класс – 6 человек	6	4	2
7-й класс – 7 человек	3	2	1
8-й класс – 4 человека	4	2	2
9-й класс – 6 человек	4	2	2

Таким образом, из 23 учеников с 6-го по 9-й классы в опросе участвовали 17 (10 мальчиков и 7 девочек).

Свою национальную принадлежность они определили следующим образом: 13 человек назвали себя татарами, 1 – русским, 3 человека затруднились определить свою национальную принадлежность (табл. 2).

Таблица 2

Национальная принадлежность школьников по классам

Национальность	6-й класс	7-й класс	8-й класс	9-й класс
Татары	4	1	4	4
Русские	–	1	–	–
Другое	–	–	–	–
Затруднились ответить	2	1	–	–

Перейдем к анализу содержательной части анкеты. Первый вопрос ставил перед собой две задачи: а) коммуникативного свойства (пригласить респондента к разговору) и б) выяснить, насколько интересна ребенку история как школьный предмет: присвоить ей рейтинг по 5-балльной шкале. Результаты отражены в табл. 3.

Таблица 3

Рейтинг предмета «История» по классам

Рейтинг предмета / Число учеников	6-й класс	7-й класс	8-й класс	9-й класс
1	–	–	–	–
2	1	–	1	–
3	4	–	1	1
4	1	2	2	2
5	–	–	–	1

Общий вывод, который можно сделать, глядя на эти данные, что история интересна в большей степени шестиклассникам (4 человека определили ей 3-е место в рейтинге, 1 – 2-е). 7 опрошенных поставили этот предмет на 4-е (предпоследнее) место в своем рейтинге. Можно уловить слабую тенденцию: интерес к истории снижается по мере взросления (возможно, это связано с общими проблемами пубертата – невнимательностью, интересами в других сферах, иногда выходящими за пределы школьного образования, и не только исторического). Школа в Эуште является 9-летней, поэтому оценить степень заинтересованности историей у 10-х и 11-х классов возможности не было.

Следующий вопрос – «Где обычно ты находишь информацию по истории – России и Томской земли?» – ставил целью выявить источники информации по национальной и локальной истории, которыми пользуются школьники. На выбор было предложено 6 вариантов, которые можно условно разделить на *устные* и *письменные*: к *устным* относятся рассказы родителей, бабушек (дедушек) и рассказы учителя истории, *письменные источники* можно разделить на *традиционные* (книжные – школьный учебник, книги из библиотек школы и города и домашней библиотеки) и *новые* (Интернет). Школьникам было предложено вы-

брать три наиболее важных источника информации. Как же вывод?

В настоящее время устные источники преобладают над письменными, особенно если речь идет о локальной истории: в 12 случаях выбор делался в пользу рассказов бабушек и дедушек как главных источников знаний по истории Томской земли, в 5 – в пользу рассказов учителя. С национальной историей картина похожая: в 13 случаях учитель был главным источником информации и в 10 – школьный учебник – формально и здесь устная форма перевесила письменную, но не так явно. Домашняя библиотека как источник информации по локальной истории упоминалась лишь однажды и трижды, когда речь шла о национальной истории. 4 раза школьники упоминали школьную библиотеку как источник по национальной истории. Всего одна 9-классница назвала «Википедию» источником знаний как по локальной, так и по национальной истории.

Наибольший интерес, безусловно, представляли **вопросы, определявшие осведомленность школьников об исторических событиях и исторических личностях как в национальном, так и в локальном разрезе.** Кроме простого перечисления им было предложено выделить три наиболее важных события и наиболее значимых исторических деятеля. Результаты оказались следующими – представлю их по классам.

6-й класс. К сожалению, никто из ребят не указал ни одного исторического персонажа – ни в истории России, ни в истории Томской земли. Из значимых национальных исторических событий назвали следующие:

1. «Война» – 7 раз. Варианты: «1-я война» – 2 раза, «2-я война» – 2 раза, «Великая война», «Великая Отечественная война», «Выиграли войну».

2. «Победили кризис» – какой, не указано.

Из событий локальной истории: «Новые изобретения» и «Когда появился Томск» (!).

7-й класс. Из трех 7-классников только один мальчик оказался способным ответить на оба вопроса. Значимые события в истории России он выделил такие: «Отмена крепостного права», «Введение пожизненной воинской повинности», «Изгнание Лжедмитрия». Среди исторических личностей он отметил Петра Первого и Бориса Годунова. Особенно радостно было видеть его ответы по локальной истории: важное событие (указал одно) «*Когда хан Тоян с казаками Томск построили*», личность – *хан Тоян*.

8-й класс. Никто из опрошенных не смог назвать ни одного события, ни персонажа локальной истории. Среди результатов знаний по национальной истории дважды упоминалась «Война» (причем непонятно, какая, но смею предположить, что ВОВ), «Отмена крепостного права» и «Реформа образования» (век не указан). Только один человек указал среди исторических деятелей Петра Первого.

9-й класс. Здесь стоит отметить полное незнание мужской половины опрошенных – ни по националь-

ной, ни по локальной истории. Девушки же отличались тем, что обе назвали по две войны, а одна даже назвала третью мировую! Также среди событий фигурирует «Революционные события». В упоминании исторических личностей национального масштаба обе были практически единодушны: «тройка» Ленин – Сталин – Троцкий была указана в бланке ответа, одна из девушек добавила еще четвертым Петра Первого. Никаких важных событий на локальном уровне они вспомнить не смогли, но одна среди исторических личностей локального значения указала *Эушта*.

Не смея давать оценочные суждения относительно результатов опроса, отмечу лишь, что характерная для большинства населения России коллективная память о прошлом, как «память о войнах», была продемонстрирована и на материалах нашего небольшого обследования. Однако незаполненные лакуны знаний о локальной истории (с ее здоровым – а не навязанным государством – патриотическим потенциалом) делают школьников Эушты более чем благодатной целевой аудиторией для музейных работников, краеведов, историков и археологов, ориентированной в большей степени на устное восприятие истории.

Вернемся к факторам актуализации локального прошлого Эушты, связанным со школой.

2. Прошлое директора школы. Владимир Бударин, нынешний директор школы № 66 в Эуште и Нижнем складе, длительное время возглавлял Томский областной краеведческий музей (ТОКМ) и имеет опыт организации музейных экспозиций, вполне возможно, фандрайзинга и, самое главное, – социальный капитал в виде связей с музейными работниками. Именно на юбилее школы он с экс-коллегам по ТОКМ сделал презентацию проекта школьного музея. Проект Историко-краеведческого музея МБОУ ООШ № 66 г. Томска включает в себя два компонента: 1) история школы и образования в Эуште; 2) история Эушты. Ниже на слайдах, разработанных сотрудниками Томского областного художественного музея Л.Ю. Исаевой и Ю.В. Чернышовым, представлена концепция второй части.

Реакция жителей Эушты на презентацию была сдержанной, но не безынтесной. Все-таки древнее прошлое Эушты не столь эмоционально близкое, как недавние школьные годы.

3. Наличие городской программы воспитания и дополнительного образования детей «*Школьные музеи*» (во исполнение государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 гг.» и в рамках туристско-краеведческого движения обучающихся Российской Федерации «Отечество»). Вот несколько определений из Положения: «Школьный музей наряду со всеми музеями является хранилищем социальной памяти, но, в первую очередь, его предназначение – стать центром образовательно-воспитательной деятельности

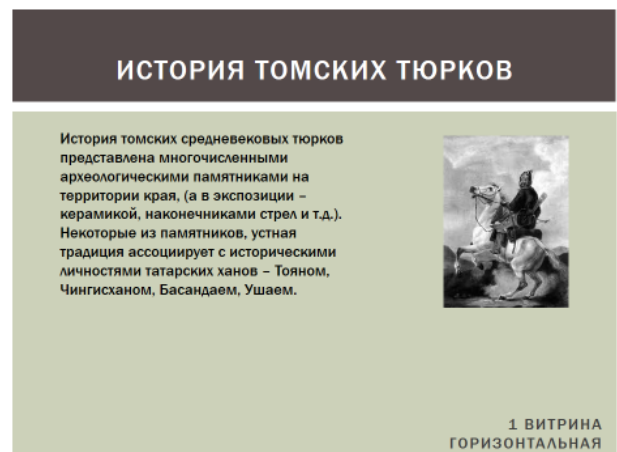
учреждения. Просветительская, образовательная функции школьного музея являются определяющими в его деятельности» [9].

Цель программы: объединение и развитие сообщества школьных музеев как центра патриотического воспитания школьников.

Задачи:

– развитие интереса и углубление знаний по истории родного края и государства;

- профессиональная ориентация обучающихся;
- использование фондов в культурно-просветительской работе;
- развитие компетенций обучающихся по ведению музейной документации, экспозиционной, собирательской и просветительской работы;
- подготовка экскурсоводов;
- активизация поисковой работы;
- сотрудничество с ветеранским движением [9].

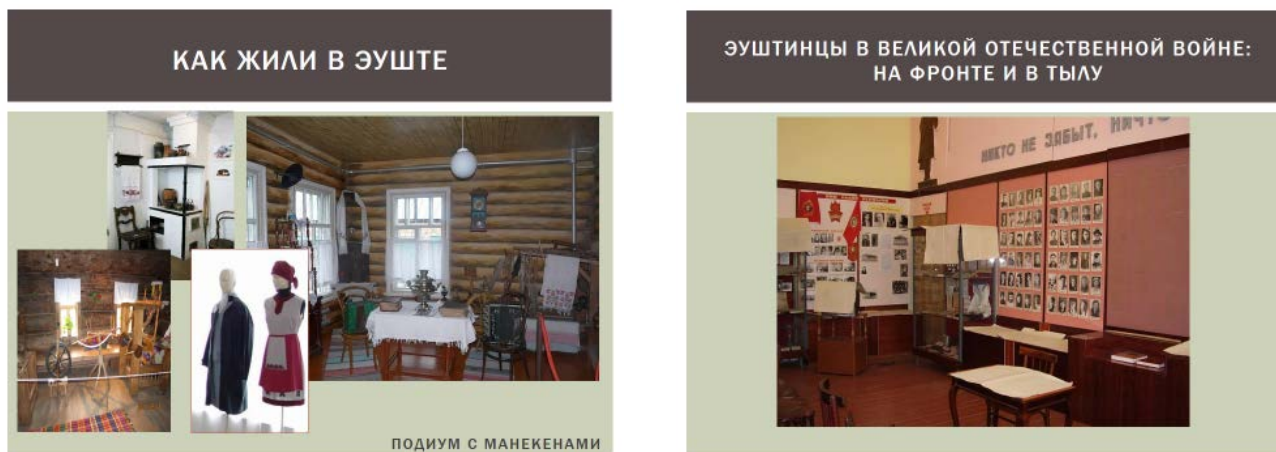

Рис. 12. Слайды из презентации сотрудников Томского областного художественного музея Л.Ю. Исаевой и Ю.В. Чернышова

По словам директора школы, музей в Эуште вошел в число 10 школьных музеев, поддержанных городской администрацией (размер поддержки составляет 150 000 рублей на каждый), и в настоящее время он вместе с коллегами-музейщиками занимается подготовкой материальной части.

Результаты нашего исследования о месте локальной истории в идентификационных стратегиях и практиках жителей Эушты показали ряд проблем: во-первых, развитие транспортной инфраструктуры и особенности занятости населения могут превратить этот населенный пункт в один из многих пригородов Томска, с его маятниковой каждодневной мобильностью «на работу – и домой», без наличия особых «мест исторической памяти»; во-вторых, постепенный уход старшего поколения, которое, как показал опрос школьников, является основным носителем и транслятором информации о локальной истории места, что при отсутствии уроков краеведения может привести к полной утрате этого пласта коллективной памяти. Однако есть и перспективные моменты, связанные прежде всего с возможностями школьного музея, а также сетевым сотрудничеством «школа – музеи города – вузы – туристические фирмы». Поз-

волю себе привести довольно пространную цитату из Владимира Ильина: «Историческое повествование может при наличии адекватных социальных технологий материализоваться в современную практику социально-экономического развития населенных пунктов. Историческое повествование в научной или мифологической форме, будучи привязанным к географическим объектам, демонстрирует способность превращаться в туристические достопримечательности как опорные точки современного социально-экономического развития населенных пунктов. Эта технология конвертации символических событий истории в опорные пункты развития туризма особенно важна для малых городов и деревень в российской глубинке, часто лишенных иного фундамента для современного роста» [5. С. 146]. В статье автор приводит несколько кейсов – имение Хвалевское в Вологодской области, г. Изборск в Псковской области, г. Гори в Грузии и Правец в Болгарии – как примеры грамотных инвестиций в прошлое, что в дальнейшем позволило использовать их как ресурс для развития этих территорий. Кейс с поселком Эушта здесь напрашивается сам собой. Как будущая перспектива.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комарова (Поправко) И.Г. Социально-коммуникативные факторы этнической идентификации татарского населения Томского региона // Дефиниции культуры : матер. Всерос. семинара молодых ученых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. С. 158–163.
2. Комарова (Поправко) И.Г. Социокультурные грани этнической идентичности татар Томской области // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 302 (сентябрь). С. 96–100.
3. Комарова (Поправко) И.Г. Уровни и типы этнической идентичности татар Томской области // Вестник Томского государственного университета: Философия, социология, политология. 2009. № 1 (5). С. 162–172.
4. Сельские населенные пункты Томской области (по состоянию на начало 2015 года). Официальное издание. Томск, 2015.
5. Ильин В.И. История как социальный ресурс развития глубинки // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. XVIII, № 2 (78). С. 146–162.
6. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М. : Новое изд-во, 2007. 348 с.
7. Комарова (Поправко) И.Г. Национальный компонент в сельской школе села Тахтамышцево // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2008. № 78 (март – апрель 2008). С. 16–18.
8. Львова Э.Л., Поправко И.Г. Эстонцы Томской области: проблемы маркирования границ этнокультурной идентичности // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 6 (26). С. 145–152.
9. Положение по городской программе воспитания и дополнительного образования детей «Школьные музеи». URL: <http://www.admin.tomsk.ru/pgs/3da>, свободный.

АНКЕТА ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ

Уважаемый респондент!

Сотрудники исторического факультета Томского государственного университета просят тебя ответить на несколько вопросов, посвященных истории твоей страны и села. Фамилию указывать не обязательно, эти данные мы будем использовать в обобщенном виде.

1. Если бы ты составлял ТОП-5 твоих любимых школьных предметов, на каком бы месте была история? (обведи кружком цифру от 1 до 5)

1 2 3 4 5

2. Где обычно ты находишь информацию по истории? (отметь значком «X» не больше ТРЕХ самых важных источников в каждой колонке)

Источник	По истории России	По истории Томской земли
Рассказы родителей, бабушки (дедушки)		
Рассказы учителя истории		
Школьный учебник		
Книги из домашней библиотеки		
Книги из библиотеки школы, города		
Сеть Интернет (какие сайты*)		
Другой источник (укажи, какой**)		

*Сайты (напиши):

**Другой источник (напиши):

3. Какие события в истории ты считаешь наиболее важными? Назови ТРИ в каждой колонке:

События в истории России	События в истории Томской земли
1.	1.
2.	2.
3.	3.

Если ты не знаешь, поставь «30» (затрудняешься ответить)

4. Кого из исторических личностей ты считаешь наиболее выдающимися? Назови ТРИ в каждой колонке:

В истории России	В истории Томской земли
1.	1.
2.	2.
3.	3.

Если ты не знаешь, поставь «30» (затрудняешься ответить)

Немного о себе:

5. Твой пол (обведи кружком) Мужской Женский

6. Укажи возраст и год твоего рождения (например, 12, 2003) _____

7. В каком классе ты учишься? _____

8. Кем ты себя считаешь по национальности? _____

9. Твое имя (фамилию укажи, если хочешь, но это не обязательно) _____

Большое спасибо тебе за участие!

Popravko Irina G. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: popravkoirina@yandex.ru

LOCAL HISTORY OF EUSHTA AND ITS PLACE IN THE PROCESSES OF CONSTRUCTION AND SUPPORT OF COLLECTIVE IDENTITY OF LOCAL TATARS.

Keywords: identity; local history; Tatars; Eushta; Toyon.

The article is dedicated to the modern representation of the local history in the Tatar settlement Eushta (it has been a part of Tomsk since 2005). Previous studies have shown that the actualization of the local and regional identities of local Tatars are situational, and is not related to historical ethnic names. Indigenous Tatars, who live in Tomsk and Tomsk region, have long been mixing with newcomers such as Kazan and Volga Tatars, as well as among themselves and with the Russian population (especially in the city). However, some differences in language between the local Tatars and the Kazan ones, as well as some features of the local Tatar cuisine are still significant markers in the identification of "us" and differentiation from "them". Our goal was to identify how important the memory of the past is for modern Eushta residents and what is the place of Knyaz Toyon in it. The research is based on qualitative methodology: observations carried out in the village, semi-structured interviews with the old people of the village, with a school director, a teacher of histo-

ry, and museum employees were held, and a massive survey among schoolchildren was conducted in order to identify their sources of historical information, as well as their individual understandings of the significance of certain historical events and personalities on the national and local level. As a result, we identified the so-called “places of memory of Toyon” in Eushta that is the street which has been named after the Tatar knyaz on the initiative of local residents, the village club (named after Toyon) and the school. The school is the most important place of memory of the distant past, including that associated with Toyon, and it is here that this memory is actualized the most. This is due to several facts: a) the school has a museum, where thanks to the efforts of enthusiastic local historians Tatar household items have been collected, and a stand has been set up representing the history of the village from ancient times; b) the school director has once headed the Tomsk Regional Museum. Being involved in the museum sphere of the city, he initiated the participation of the school museum in the city program of support and rehabilitation of school museums representing the project together with colleagues of the school’s future museum (on a professional level). The results of the survey among the schoolchildren have shown that currently oral sources of information prevail over the written ones, especially when it comes to the local history. The schoolchildren of grades from 6 to 9 demonstrated the distinctive Russian collective memory of the past as a “memory of wars”. However, the gaps in knowledge about the local history (with its healthy – and not imposed by the state – patriotic potential) make schoolchildren of Eushta a suitable target audience for the museum workers, ethnographers, historians and archaeologists which is focused more on the perception of oral history.

REFERENCES

1. Komarova (Popravko), I.G. (2007) [The social and communicative factors of ethnic identity of the Tatar population in Tomsk region]. *Definitii kul'tury* [Definitions of Culture]. Proc. of the All-Russian Seminar of Young Researchers. Tomsk: Tomsk State University. pp. 158-163.
2. Komarova (Popravko), I.G. (2007) Sociocultural sides of Tomsk Tatars ethnic identity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 302. pp. 96-100. (In Russian).
3. Komarova (Popravko), I.G. (2009) Ethnic Identity of Tatar in Tomsk Region: Types and Grades. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: Filosofiya, sotsiologiya, politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 1(5). pp. 162-172. (In Russian).
4. Tomsk City Administration. (2015) *Sel'skie naselennye punkty Tomskoy oblasti (po sostoyaniyu na nachalo 2015 goda)* [Rural settlements of Tomsk Region (as of early 2015)]. Tomsk: [s.n.].
5. Ilyin, V.I. (2015) Istoriya kak sotsial'nyy resurs razvitiya glubinki [History as a social resource of the hinterland development]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – Journal of Sociology and Social Anthropology*. XVIII. 2(78). pp. 146-162.
6. Halbwachs, M. (2007) *Sotsial'nye ramki pamyati* [Social frameworks of memory]. Translated from French by S.N. Zenkin. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
7. Komarova (Popravko), I.G. (2008) Natsional'nyy komponent v sel'skoy shkole sela Takhtamyshevo [The national component in a rural school in the village of Tahtamyshevo]. *Byulleten' seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov*. 78. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. pp. 16-18.
8. Lvova, E.L. & Popravko, I.G. (2013) Estonians of Tomsk region: issues of the markers of the boundaries of ethnocultural identity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 6(26). pp. 145-152. (In Russian).
9. Tomsk City Administration. (n.d.) *Polozhenie po gorodskoy programme vospitaniya i dopolnitel'nogo obrazovaniya detey “Shkol'nye muzei”* [Regulation on the city program of education and additional education for children “School museum”]. [Online] Available from: <http://www.admin.tomsk.ru/pgs/3da>.

УДК 394(908)(316.774)(316.772.4)
DOI 10.17223/19988613/40/17

О.Ю. Рожнова

ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ КОНТАКТНОЙ СРЕДЫ ЭТНИЧНОСТИ И СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ДИАСПОРЫ В КОНТЕКСТЕ ПРАКТИКИ СОХРАНЕНИЯ ЭТНИЧНОСТИ

Рассматриваются основные компоненты контактной среды этничности и средств массовой информации в современном информационно-коммуникативном пространстве диаспоры, характеристика которых представлена в контексте практики сохранения этничности в Полонии Западной Сибири. Проанализированы пять основных параметров: организация и функционирование этнических каналов в средствах массовой информации, аудитория средств массовой информации, получающая этническую информацию, этническая информация, гражданские позиции журналистов, освещающих этническую тематику, правовые основы и нормы этнической журналистики.

Ключевые слова: этничность; средства массовой информации; информационно-коммуникативное пространство; диаспора; Полония.

Интерес к заявленной теме продиктован той существенной ролью, которую играют средства массовой информации в жизни современного общества, в том числе общества полиэтнического. В этом случае появляется необходимость изучения основных точек соприкосновения этничности и средств массовой коммуникации, которые все чаще пересекаются в современном информационно-коммуникативном пространстве, образуют с каждым разом новые пути взаимопроникновения в природу и сущность друг друга и, таким образом, поддерживают контакт. В контактной среде этничности и средств массовой информации особого внимания требуют несколько важных структурных элементов данного альянса: организация и функционирование этнических каналов в средствах массовой информации, аудитория средств массовой информации, получающая этническую информацию, этническая информация, гражданские позиции журналистов, освещающих этническую тематику, правовые основы и нормы этнической журналистики. Представленные позиции, названные узлами, или точками соприкосновения, этничности и средств массовой информации, выделены на основании исследовательского опыта группы ученых, занимающихся проблемами отражения этничности в средствах массовой информации, имеющих обширный эмпирический материал и богатый опыт в представлении феномена этничности в информационно-коммуникативном пространстве с использованием различных видов коммуникаций. Посредством рассмотрения и анализа данных параметров автор делает попытку определить характер и формат отражения этничности в средствах массовой информации.

Вопрос о природе и сущности этничности по-прежнему остается одним из самых сложных и запутанных в науках. Существует несколько подходов к его определению. Мы остановимся на трактовании научного определения этничности, исходя из известных науке позиций, но только в ознакомительном режиме ввиду ключевого статуса данного понятия в статье. Подобный подход определен и для работы с категориями

«средства массовой информации» и «информационно-коммуникативное пространство», которые также имеют ключевое положение. Определение указанных категорий необходимо для характеристики основных параметров контактной среды этничности и средств массовой информации, образующих многофункциональный тандем, в настоящее время широко и разносторонне представленный в информационно-коммуникативном пространстве современности.

Обозначенные выше позиции нашли свое отражение в сборнике статей под названием «Прикладная конфликтология для журналистов», посвященном проблеме освещения в прессе сложных конфликтных взаимодействий [1. С. 50]. Однако прежде чем перейти к характеристике этих позиций, заявленных в качестве структурных элементов контактной среды этничности и средств массовой информации, обратимся к ключевым понятиям, на которых зиждется данная работа.

В начале XXI столетия среди ученых по-прежнему наблюдается единогласия в подходе к исследованию и определению феномена этничности. Тем не менее все имеющиеся концепции и теории можно объединить в два методологически противоположных подхода к проблеме этнической субстанции: «онтологический» (примордиалистский или эссенциалистский) и «функциональный» (конструктивистский, инструменталистский) [2].

Онтологический подход предполагает наличие этнической субстанции, имеющей примордиальную, т.е. изначальную природу, либо социобиологическую, либо эволюционно-историческую. Сторонники социобиологического направления истолковывают этничность как объективную данность, изначальную характеристику человечества и полагают, что осознание групповой принадлежности заложено в генетическом коде и является продуктом ранней человеческой эволюции [3. С. 29]. Этничность в данном случае рассматривается как консервативная сила, сохраняющая модели поведения и ментальность предыдущих поколений.

Для функционального подхода, объединившего инструментализм и конструктивизм (гедонистические,

ситуационистские, мобилизационистские концепции), характерно отрицание этнической субстанции либо ее игнорирование [2].

В основе инструменталистского понимания этничности лежит социально-психологическая теория личности, общения, компенсаторных потребностей. «Этничность, как бы пребывая в латентном (“спящем”) состоянии, вызывается к жизни и используется в целях социальной мобильности, преодоления конкуренции, доминирования и социально контроля, взаимных услуг и солидарного поведения, для политической мобилизации и для достижения гедонистических устремлений» [4. С. 104]. Этничность рассматривается инструменталистами как средство удовлетворения потребностей отдельных индивидов, группы, а также в качестве средства осуществления их целей и интересов. В таком случае этничность выступает явлением, имеющим «ситуативный» характер и зависящим от политических и социально-экономических условий существования этноса.

Труды В.А. Тишкова положили начало внедрению конструктивистской методологии в исследовании феномена этничности. По мнению конструктивистов, этничность – это новая социальная конструкция, не имеющая культурных корней. Согласно данной концепции, конструирующей силой могут выступать политические элиты, интеллектуалы-идеологи, государство. С помощью разных средств (нас в первую очередь интересуют средства массовой информации) этничность транслируется на представителей этноса. В общем, конструктивисты определяют этничность как средство достижения коллективных целей, прежде всего обеспечения социального комфорта в рамках однородных культурных сообществ, понимаемого чаще как достижение экономических и политических выгод [2].

Исходя из этого, этничность – величина динамичная и содержательно обновляемая. Таким образом, основываясь на конструктивистской концепции, этничность – вымышленный конструкт, «навязанная» социальность, так как коренится в символах, ценностях, мифах, создаваемых обществом и постоянно меняющихся. Выбор в качестве основы для научного исследования именно конструктивистской концепции в определении этничности и обращение в связи с этим к символам, ценностям и мифам делают необходимым обратиться к труду Г.Г. Почепцова «Теория коммуникации».

Рассматривая наиболее известные подходы к мифу, Г.Г. Почепцов обращается к трудам английского ученого польского происхождения Бронислава Малиновского, изучавшего мифологическую коммуникацию в обществах примитивного типа. Общество, как прошлого, так и настоящего, нуждается в определенных объединяющих его механизмах. Сегодня в этих целях активно используется информационная составляющая в виде средств массовой информации [5. С. 107].

Средства массовой информации – динамично развивающееся и сложное явление. Они являются предме-

том изучения во многих областях знания. В научной работе, частью которой выступает в качестве апробации исследования данная статья, средства массовой информации, и прежде всего их функциональное предназначение, рассматриваются в контексте конструирования этничности в современном информационно-коммуникативном пространстве, которое формируется вокруг диаспоры. Однако в первую очередь необходимо определить характер взаимодействия этничности и средств массовой информации, что возможно через анализ и характеристику параметров, составляющих структуру контакта основных категорий, представленных к рассмотрению.

Ключевое для нас понятие не имеет однозначного толкования в литературе.

Обращаем внимание, что в части исследований понятие «средства массовой информации» тождественно средствам массовой коммуникации, поскольку они как коммуникативные системы участвуют в общении между людьми в процессе их социальной деятельности на основе технологий печати, телевидения, радиовещания, Интернета [6. С. 36]. Отметим, что автор данной работы солидарен в этом вопросе и в собственном научном исследовании понятия «средства массовой информации» и «средства массовой коммуникации» использует в равнозначных позициях.

Однако, подчеркивая сложность и многогранность категории «средства массовой информации», нельзя не упомянуть о том, что в некоторых работах близость понятий «средства массовой коммуникации» и «средства массовой информации» не является основанием рассмотрения их в качестве синонимов. Массовая коммуникация представляет собой процесс систематического распространения информации на массовую гетерогенную аудиторию с помощью средств массовой информации с целью воздействия на оценки, мнение и поведение людей. При этом средства массовой информации рассматриваются как совокупность технических средств, общественных организаций и человеческих ресурсов, которые задействованы в массовом распространении информации [7. С. 109]. Однако, несмотря на различные подходы к толкованию понятия, средства массовой информации – это базовая структурная составляющая информационно-коммуникативного пространства.

В ходе поиска определения понятия «информационно-коммуникативное пространство», одного из ключевых понятий данной работы, стало очевидным, что оно, как и предыдущие, не отличается единством трактования, а, кроме того, имеет большое количество синонимов. Из многообразия синонимичных понятий наиболее часто встречается «медиапространство». Обзор и анализ подходов к определению данного понятия дали автору основания согласиться с исследователями, видящими в понятиях «информационно-коммуникативное пространство» и «медиапространство» синонимичный характер, и, исходя из этого, об-

ратиться к анализу медиапространства в сопоставлении с другими видами «пространств».

Исходя из концепции научной работы, наибольший интерес для нас представляют подходы Н.А. Хлопаевой и Н.Ф. Пономарева, которые рассматривают медиапространство как часть информационного пространства. Н.А. Хлопаева считает медиапространство частью информационного пространства на основе того, что сборщиками, обработчиками, производителями, распространителями, интерпретаторами информации в медиапространстве являются печатные и электронные средства массовой информации, служащие источником социальной информации – центральной категории информационного пространства [8]. По мнению Н.Ф. Пономарева, под информационным пространством можно понимать множество всех сообщений, которые транслируют социальные субъекты, используя технологии и средства массовой коммуникации (размещение рекламы, прокат кинофильмов, театральные постановки, публикации в средствах массовой информации), где последние – множество сообщений СМИ – составляют медиапространство как область всего информационного пространства [9].

Несмотря на разнообразие трактовок рассмотренного выше понятия, интегральное осмысление позволяет совершенно точно выделить ядро информационно-коммуникативного пространства – средства массовой информации – и обозначить его как социально конструируемое понимание мира, что с точки зрения конструктивистского подхода к определению этничности допускает его в контактную среду с последней и дает основания для рассмотрения и анализа тройственного союза «этничность – средства массовой информации – информационно-коммуникативное пространство». Придя к научному и логическому обоснованию права существования представленного выше союза, обратимся к основным параметрам, которые его очерчивают и составляют собственно структуру и содержание, предоставляя возможность осуществления программы жизнедеятельности.

Вхождение этничности в средства массовой информации, причем в разных контекстах, положило начало новой части системы средств массовых коммуникаций – «этническим СМИ». В.К. Малькова, один из ведущих специалистов в области этнически ориентированных средств массовой информации, относит к ним газеты, журналы, теле- и радиоканалы, чьи материалы предназначены специально для одной или нескольких родственных этнических групп, для единоверцев, а иногда и для земляков – выходцев из разных регионов страны [10. С. 139]. По ее словам, этническими СМИ можно назвать любые виды средств массовой информации в случае, если их деятельность связана с этнической группой, с поддержанием и формированием этнического самосознания, распространением этнических ценностей и традиций.

Н. Кондакова вводит ограничение в обозначении СМИ этническими. Она относит к средствам массовой

коммуникации этнического характера только нерусскоязычные виды [11].

Этнические СМИ – важный инструментальный пространство этнических идей, ценностей, традиций, в чем выражается их способность к формированию и сохранению этничности.

В контексте нашей работы этнические СМИ – средства массовой информации диаспоры, этнической группы, представленные на различных национальных языках, не исключая русский язык. К ним мы относим и издания религиозного характера, если их аудитория совпадает с этнической группой.

По мнению В.К. Мальковой, в контактной среде этничности и средств массовой информации можно выделить несколько компонентов, составляющих основу их взаимодействия: организация и функционирование этнических каналов, аудитория средств массовой информации, получающая этническую информацию, гражданские позиции журналистов, освещающих этническую тематику, правовые основы и нормы этнической журналистики, этническая информация.

Говоря об организации и функционировании этнических каналов средств массовой информации, следует отметить необходимость разного подхода к каждому каналу, который целенаправленно освещает проблемы этничности. Кроме разнообразия подходов следует говорить и о разного рода средствах массовой информации, освещающих этничность. В рамках исследовательской работы научный интерес для нас представляют каналы средств массовой информации польской диаспоры Западной Сибири, которые в большинстве своем появились и заявили о себе в широком масштабе в последние 15–20 лет в связи с образованием полонийных организаций в крупнейших городах Западной Сибири (Новосибирск, Омск, Томск, Абакан, Барнаул, Бийск).

В ходе исследования в коммуникативной среде польской диаспоры Западной Сибири нами было выделено и проанализировано четыре основных этнических канала, составляющих единое информационно-коммуникативное пространство Полонии. Участниками коммуникационных каналов являются собственно сама полонийная организация, выступающая организационной единицей диаспоры, страна исхода и принимающая сторона. Исходя из состава участников и информационно-функционального содержания, можно выделить следующие коммуникационные каналы: «полонийная организация – полонийная организация», «полонийная организация – страна исхода», «полонийная организация – принимающая сторона», «страна исхода – принимающая сторона». Очевидно, что в трех каналах из четырех в числе участников – полонийная организация, что позволяет сделать вывод о ведущей роли данного института в процессе коммуникации в среде диаспоры. Предлагаем рассмотреть каждый из представленных коммуникационных каналов в отдельности. Особое внимание в этом рассмотрении уделим

присутствию этничности в установленных коммуникационных связях и ее состоянию.

Канал «полонийная организация – полонийная организация» представляет собой структурный элемент коммуникационного процесса, являющийся средством передачи информации и основным способом коммуникации внутри полонийной среды. Посредством его осуществляется общение между польскими национальными центрами, поддерживается связь, выстраивается план совместной деятельности и по результатам представляется отчет. С помощью подобного способа организации и поддержания диалога между полонийными объединениями возможно, во-первых, аккумулярование этнических ценностей и традиций в пределах одного коммуникационного поля, во-вторых, их постоянная и систематизированная трансляция в принятом формате, который могут определять сами представители полонийных организаций, делая его легкодоступным и удобным в обращении, и, в-третьих, постоянство нахождения в состоянии информированности о деятельности друг друга формирует основы конкурентной среды в Полонии и способствует увеличению темпов активности деятельности полонийной организации. Кроме того, данный этнический канал – это своеобразная накопительная база этнических практик, обращение к которым возможно в любое время.

«Полонийная организация – страна исхода» – коммуникационный канал контакта объединенных в полонийную организацию этнических поляков и лиц польского происхождения с исторической родиной. Поддержание связей со страной исхода чрезвычайно важно в случае обращения к возможностям сохранения этничности. Данный канал – это возможность постоянного сопричастия с исторической родиной, ее историей и культурой, ощущение принадлежности к польскому народу. Для Республики Польша существование и функционирование канала необходимо с целью реализации отдельных статей Конституции Республики Польша, дополнительных законов и программ в отношении соотечественников, проживающих за пределами польского государства.

Защита прав соотечественников закреплена в Польше на конституционном уровне. Статья 6 Конституции Республики Польша от 2 апреля 1997 г. гласит: «1. Республика Польша создает условия для распространения благ культуры, являющейся источником самобытности польской нации, ее существования и развития, и для равного доступа к этим благам. 2. Республика Польша оказывает помощь полякам, проживающим за границей, в сохранении их связей с национальным культурным наследием». В соответствии с пунктом 5 статьи 52 «лицо, чье польское происхождение подтверждено согласно закону, может навсегда поселиться на территории Республики Польша» [12].

Для законодательного усиления статей Конституции, имеющих отношение к диаспоре, в Польше были

приняты дополнительные законы, непосредственно затрагивающие права и интересы соотечественников. Не будем останавливаться на их рассмотрении подробно, обойдемся представлением их юридического наименования и временем вступления в законную силу. С 1 января 2000 г. в силу вступил Закон о репатриации, установивший нормы для получения польского гражданства путем репатриации, определил права репатрианта, а также основы и процедуру предоставления помощи репатриантам и их семьям. 7 сентября 2007 г. польский парламент принял закон о Карте поляка – документе, подтверждающем принадлежность гражданина одной из стран СНГ, Грузии и Прибалтики к польскому народу. Реализуются различные государственные программы, направленные на оказание помощи полякам за рубежом и установления сотрудничества и взаимодействия с Полонией. Например, Программа по работе с Полонией, которая в первую очередь представляет для нас особый интерес. Она была утверждена в 2007 г. Ответственность за ее реализацию возложена на Министерство иностранных дел Польши [13]. Большое содействие в вопросах работы с Полонией оказывает польский парламент (Сейм и Сенат), в частности в направлении распределения финансовых средств, предназначенных для развития Польского мира. В реализации этого направления особое внимание привлекает одна из финансовых статей, по которой идет распределение, – поддержка польских и пропольских зарубежных средств массовой информации. На нее отводится около 10% финансовых средств, предназначенных Полонии [14].

Возвращаясь к коммуникационному каналу, организованному между полонийной организацией и страной исхода, отметим, что именно он имеет немаловажное значение в определении польской стороной положения диаспоры за рубежом и в связи с этим реализации законодательских инициатив в отношении соотечественников. Подобный механизм организации информации позволяет стране исхода координировать деятельность польских национально-культурных объединений, выявлять степень эффективности использования финансовых средств полонийными организациями и уже в последующем учитывать этот момент при распределении финансовой помощи своим соотечественникам, выбирать приоритеты в сотрудничестве с польскими обществами. Также коммуникационный канал «полонийная организация – страна исхода» делает максимально облегченным подведение итогов и составление годового отчета по направлению работы польского парламента и Министерства иностранных дел, связанной с укреплением и объединением польской диаспоры.

Рассмотрение и анализ коммуникационного канала «полонийная организация – принимающая сторона» показали, что он дает возможность принимающей стороне, под которой в данном случае подразумевается регион России, где располагается полонийная организация, своевременно выявить потребности диас-

порной группы и по возможности в предусмотренном порядке с учетом установленных законодательных норм, в рамках отведенных полномочий обеспечить их реализацию. С его помощью можно контролировать деятельность полонийных объединений, видеть состояние диаспоры изнутри и на основании этого выстраивать схему отношений с изменением характера сотрудничества. Так же, как и в случае с предыдущим каналом, коммуникации посредством контакта «полонийная организация – принимающая сторона» возможны подведение итогов работы с диаспорой и определение слабых и сильных сторон взаимодействия.

«Страна исхода – принимающая сторона», в данном случае коммуникационный канал между Польшей и Россией, позволяет создавать совместную программу работы с полонийными организациями, координировать направления их деятельности с обеих сторон и проводить двусторонний мониторинг программы жизнедеятельности объединений. Заинтересованность страны исхода и принимающей стороны в успешном функционировании польских национально-просветительских организаций, выражение которой возможно через организованный канал взаимодействия, способствует усилению работы, направленной на сохранение этничности, так как в этом случае центры могут оценить характер и масштаб организованных и проведенных в их отношении действий.

Информационные потоки, организованные в рамках данных этнических каналов, образуют единое по организации и функциональному предназначению информационно-коммуникативное пространство.

В настоящее время средства массовой информации, исходя из разных теоретических концепций, представлены как канал передачи информации и социальный субинститут. Этнические каналы средств массовой информации имеют двойственную природу. С одной стороны, они способствуют адаптации и интеграции членов диаспоры в принимающее общество, с другой стороны, потребление этнически сегментированной продукции медиaprостранства может приводить к возникновению информационных анклавов.

Диаспоральные социальные институты часто рассматриваются в качестве препятствия к интеграции в принимающее сообщество, однако при некоторых условиях происходит обратный процесс. По мнению немецкого социолога Георга Элверта, социальные институты, организованные диаспорой, необходимы для социальной адаптации представителей диаспоры. Перед ними он ставит следующие задачи: укрепление идентичности, транслирование знаний о повседневном опыте, предоставление возможности объединения внутри диаспоры в сообщества. К числу социальных институтов диаспоры могут быть отнесены этнические медиа, которые выполняют вышеуказанные задачи.

В.К. Малькова отмечает, что для серьезного научного подхода необходимы статистика, анализ динами-

ки появления и исчезновения этнических средств массовой информации. В настоящее время работа по систематизации «этнических СМИ» находится в самой начальной стадии, и ее нужно заметно активизировать [15. С. 98]. На примере средств массовой информации польской диаспоры Западной Сибири мы сделали попытку проанализировать структуру, организацию, функционирование этнических каналов, посредством чего можем определить состояние современного информационно-коммуникативного пространства диаспоры и потребность в нем аудиторией.

Аудиторию средств массовой информации, освещающих этническую тематику, которая также является компонентом контактной среды этничности и средств массовой коммуникации, в случае его рассмотрения на примере представленных выше коммуникационных каналов в полонийной среде можно условно разделить на три части. Разделение производилось по критерию состава участников коммуникационных каналов. Таким образом, к аудитории, интересующейся содержанием медиaprостранства Полонии Западной Сибири, можно отнести собственно представителей полонийных организаций, заинтересованных лиц от страны исхода и принимающей стороны. Каждую из этих трех укрупненных групп, по нашему мнению, следует подразделить еще на две части, в качестве критерия выбрав цель потребления этнической информации.

Аудиторию, объединяющую представителей полонийных организаций, следует разделить на членов административного аппарата полонийной организации и рядовых членов объединения. Для лиц, относящихся к аппарату управления общественных объединений, функционирующие этнические каналы необходимы для получения постоянной информации о состоянии полонийного мира, о проводящихся польской и российской сторонами мероприятиях в отношении полонийных организаций, а впоследствии, основываясь на полученных сведениях, приступить к выстраиванию собственной программы жизнедеятельности. Для рядовых членов объединений коммуникационные каналы необходимы в целях знакомства с опытом работы других полонийных организаций, приобщения к истории и культуре польского народа, приобретения через них ощущения единства полонийного мира, этнической принадлежности и сознания.

Укрупненную группу представителей страны исхода мы подразделили на тех, кто в силу своих профессиональных обязанностей ведет работу с Полонией, и граждан этой страны, интересующихся судьбой своих соотечественников, находящихся за рубежом, или осуществляющих поиск своих родственников, составляющих родословную, занимающихся научно-исследовательской деятельностью, которая связана с полонийным миром. Как правило, к первой подгруппе следует относить сотрудников законодательных и исполнительных органов власти, некоммерческих фондов и организаций (Парламент, Министерство иностран-

ных дел), которые выстраивают систему отношений и устанавливают новые механизмы взаимодействия с объектом своей работы и принимающей стороной, используя информацию, представленную через этнические каналы.

Аналогичный характер деления носит аудитория принимающей стороны: представители административного аппарата, причем как федерального, так и местного уровня, и лица, интересующиеся польским языком, культурой, историей и традициями. Для федерального и местного аппарата управления организованные коммуникационные каналы – возможность своевременного реагирования на любые изменения, происходящие в полонийной среде, и информационная помощь при принятии мер с учетом заявленных требований в отношении национальных общественных объединений.

Все группы и подгруппы аудитории, которые обращаются к диаспоральным средствам массовой информации, образуют между собой тесную взаимосвязь и в совокупности формируют целую сеть связей внутри Полонии, группу связей с обществом страны исхода и принимающей стороны, таким способом создавая пространство для сохранения языка, истории и культуры в целом.

Этническая информация – основной параметр контакта этничности и средств массовой информации в современном информационно-коммуникативном пространстве, имеющий широкий спектр характеристик и требующий отдельного внимания. В рамках данной работы на примере Полонии рассматриваются только основные направления этнической информации.

Так, в информационно-коммуникативном пространстве полонийной среды можно выделить ряд направлений, которые отражены в структуре и содержании социальных институтов польской диаспоры. В их числе: история, культура, образование, обычаи, традиции, праздники польского народа, судьбы поляков, сегодняшняя жизнь поляков и лиц польского происхождения в России и Польше, представленные через разного рода мероприятия. В различных видах средств массовой информации польской диаспоры представлены актуальные вопросы, связанные с организацией и функционированием в первую очередь полонийных организаций, что позволяет оценить роль средств массовой коммуникации в актуализации и решении этнокультурных процессов современности. Анализ информации, содержащейся в средствах массовой информации польской диаспоры Западной Сибири, позволяет назвать СМИ идеологическими информаторами, призванными обеспечить культурное развитие народа на основе сохранения национальных традиций, самобытности языков и культур. Это некий способ трансляции своих культурных достижений, своей этничности всему миру. В этих условиях складывается возможность культурной мобилизации и консолидации диаспоры.

Содержание информационно-коммуникативного пространства диаспоры предоставляет исследователям

четкие маркеры, позволяющие воссоздать актуальные массовые настроения принимающего сообщества в отношении диаспоры, внутри самой диаспоры, настроения и намерения исторической родины. Это своеобразная «зона саморазвития», место пересечения интересов и взглядов на различные ситуации принимающей стороны, представителей диаспоры и страны исхода, а также средство культурной мобилизации и консолидации диаспоры в условиях иной этнокультурной среды. В связи с занимаемой ролевой позицией этнических средств массовой информации и чрезвычайной ответственностью в подходе к формированию содержания этнической информации важная миссия возложена на журналистов, которые являются главными участниками организации и функционирования информационно-коммуникативного пространства диаспоры. В этом случае нельзя не учитывать гражданские позиции журналистов и их подход к подаче информации, содержание которой имеет очень острый, зачастую неопределенный характер, поддающийся разного рода трактованию.

Говоря об авторах, освещающих информацию о Полонии Западной Сибири, следует отметить, что в их числе большинство составляют лица, не имеющие специального образования в этой области: руководители полонийных организаций, рядовые члены польских национальных центров, организаторы мероприятий, в которых полонийные объединения принимают участие, выдающиеся деятели Полонии, страны исхода и принимающей стороны, исследователи, занимающиеся изучением различных тем, касающихся Полонии. Очевидна проблема дефицита профессиональных кадров. В этом случае актуален вопрос характера формирования сознания масс, профессионально-этических и правовых аспектов содержания диаспоральных средств массовой информации. Поставленная проблема требует дальнейшего изучения, но уже в рамках нормативно-правового поля этической журналистики.

Правовые основы и нормы этнической журналистики – последний параметр контактной среды этничности и средств массовой информации, который нами рассматривается в рамках данной работы. Обращаясь к понятию «этническая журналистика», которое носит двойственный характер, отметим, что подразумеваем под ним журналистику диаспор, представленную в средствах массовой информации. Ее цель заключается в консолидации этноса, включении его в систему межэтнических коммуникаций, сохранении и развитии национальной культуры.

Выбор в качестве примера средства массовой информации польской диаспоры Западной Сибири сделал необходимым рассмотрение и анализ Уставов полонийных организаций. Из раздела 3 «Права ПНЦ «Ожел бялы» (пункт 3.1) Устава бийской городской общественной организации – польский национальный центр «Ожел бялы»: «Для достижения уставных целей ПНЦ «Ожел Бялы» имеет право:

– свободно получать и распространять информацию о своей деятельности, в том числе на родном языке;

– учреждать средства массовой информации и вести издательскую деятельность в порядке, предусмотренном действующим законодательством» [16. С. 5]. Раздел 4 «Обеспечение права на сохранение, развитие и использование национального (родного) языка, традиций и культуры» (пункт 4.1) того же Устава: «ПНЦ «Ожел бялы» на основании Указа Президента № 909 и иных правовых актов освещает свою деятельность в государственных и частных средствах массовой информации» [Там же. С. 6]. Подобная формулировка положений, касающихся прав на формирование собственного информационно-коммуникативного пространства посредством средств массовой информации, наблюдается в Уставах других полонийских организаций Западной Сибири.

Порядок регулирования деятельности средств массовой информации определен нормативными правовыми актами Российской Федерации о средствах массовой информации. В первую очередь следует отметить

Конституцию РФ, Закон РФ «О средствах массовой информации», ФЗ «Об общественных объединениях». Правовое поле этнической журналистики – тема, заслуживающая отдельного внимания, однако в рамках данной работы нет необходимости в проведении его подробного анализа.

Этнические медиа являются важной формой организации процесса коммуникации в регионе, что объясняет необходимость их системного анализа. В рамках данной работы на примере информационно-коммуникативного пространства Полонии Западной Сибири были в необходимой степени охарактеризованы основные параметры контактной среды этничности и средств массовой информации. Результатом исследования стало адаптирование пяти основных точек соприкосновения этничности и средств массовой информации, выделенных В.К. Мальковой в контексте конфликтного и толерантного характера этнической информации, для рассмотрения и характеристики их в качестве механизмов, способствующих сохранению этничности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прикладная конфликтология для журналистов : сборник статей / сост. М. Мельников. М. : Права человека, 2006. 158 с.
2. Грошева Г.В. Категории этноса и этничности в современном научном дискурсе // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 1.
3. Тишков В.А. Социальная антропология: профессия и призвание. Интервью с профессором Валерием Тишковым // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. № 4.
4. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.
5. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. 2-е изд., стер. М. : СمارтБук, 2009. 651 с. : табл., ил.
6. Шкондин М.В. СМК и СМИ как понятия журналистики // Вестник МГУ. 2002. Сер. 10 «Журналистика». № 2.
7. Васильева Л.В. Роль и функции СМИ в современном обществе // Вестник Амурского государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки». Благовещенск : АмГУ, 2010. В. 50. С. 109–112.
8. Хлопаева Н.А. Социологические медиаисследования в информационном обеспечении управленческой деятельности : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2007.
9. Пономарев Н.Ф. Связи с общественностью: социально-психологические аспекты : учеб. пособие. СПб. : Питер, 2008. 208 с.
10. Малькова В.К. Современные этнические СМИ как инструмент консолидации этнических сообществ // Этнографическое обозрение. 2009. № 1. С. 139–141.
11. Кондакова Н. Разноязычная пресса России // Пресса и этническая толерантность : пособие для журналистов. М., 2000.
12. Конституция (Польши) Республики Польша от 2 апреля 1997 года // Конституции государств Европы. М. : НОРМА, 2001.
13. Cooperation with Polish Diaspora Programme. URL: <http://www.msz.gov.pl>.
14. Гулевич В. Диаспоральная политика Польши на «Восточных территориях» (Украина, Беларусь). URL: <http://geopolitica.ru/Articles/933>.
15. Малькова В.К. Российская пресса и проблемы этнической толерантности и конфликтности // Мы – сограждане (СМИ и общество). М., 2002.
16. Устав бийской городской общественной организации – Польский национальный центр «Ожел бялы» (свидетельство о регистрации № 409 Я). Бийск, 2000. 10 с.

Rozhnova Olga U. Altai State Academy of Education named after V.M. Shukshina (Biysk, Russia). E-mail: orognova@mail.ru

THE MAIN PARAMETERS OF ETHNIC ENVIRONMENT AND MASS MEDIA IN MODERN INFORMATION AND COMMUNICATION ENVIRONMENT OF A DIASPORA IN THE CONTEXT OF ETHNIC PRESERVATION.

Keywords: ethnicity; mass media; information and communication environment; diaspora; Polonia.

The relevance of the paper is proved by the role of mass media in the life of modern society. The research experience of the group of scientists, who studied the problems of the reflection of ethnicity in mass media, helped to distinguish five main parameters of interaction: organization and functioning of ethnic channels in mass media; mass media audiences that get ethnic information; ethnic information; civil journalists who spotlight ethnic matters; legal foundation and norms of ethnic journalism. Analyzing these parameters the author makes an attempt to define the character and the format of the reflection of ethnicity in mass media, it helps to find an opportunity to preserve ethnicity with a help of mass media that creates its own information and communication environment of a diaspora. By way of example, the researcher described the information and communication environment of Polonia in Western Siberia. The complexity of the problem of the nature and essence of ethnicity predetermines the existence of several approaches: primordialism, constructivism and instrumentalism. There are not unified definitions of some key concepts in this paper that were taken into consideration, such as mass media, information and communication environment. Back on topic of the main parameters of ethnic environment and mass media it is necessary to notice that during the research of communication environment of Polish diaspora in Western Siberia we marked out and analyzed four main ethnic channels – the first component of ethnic environment and mass media: “Polonian organization – Polonian organization”, “Polonian organization – country exodus”, “Polonian organization – host country”, “Country Exodus – host country”. Mass media audiences that are interested in ethnic matters are a part of ethnic environment and mass media and can be divided into three parts: the representatives of Polonian organizations, interested party of the country of exodus and host country. The third parameter of

ethnic environment and mass media – ethnic information is considered according to its main content. The fourth component – authors who spotlight ethnic information, this example was also based on Polish diaspora in Western Siberia. We managed to reveal the problem of professional shortage in this field. The problem of the legal nature of ethnic information (that is the fifth parameter) made us address the main legal documents in the sphere of mass media and also regulations of Polonian organizations. Thereby, using information and communication environment of Polonia in Western Siberia the author introduced the characteristics of the main parameters of ethnic environment and mass media, they were indicated as tools which help to preserve ethnicity in nonethnic environment.

REFERENCES

1. Melnikov, M. (2006) *Prikladnaya konfliktologiya dlya zhurnalistov* [Applied conflictology for journalists]. Moscow: Prava cheloveka.
2. Grosheva, G.V. (2006) Kategorii etnosa i etnichnosti v sovremennom nauchnom diskurse [Categories of ethnos and ethnicity in modern scientific discourse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk state Pedagogical University*. 1.
3. Tishkov, V.A. (2001) Sotsial'naya antropologiya: professiya i prizvanie. Interv'y u s professorom Valeriem Tishkovym [Social anthropology: Profession and vocation. Interview with Professor Valery Tishkov]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – Journal of sociology and Social Anthropology*. 4.
4. Tishkov, V.A. (2003) *Rekviem po etnosu: Issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoy antropologii* [Requiem for Ethnos: Studies in the social and cultural anthropology]. Moscow: Nauka.
5. Pocheptsov, G.G. (2009) *Teoriya kommunikatsii* [Theory of Communication]. 2nd ed. Moscow: SmartBuk.
6. Shkondin, M.V. (2002) SMK i SMI kak ponyatiya zhurnalistiki [QMS and Media as a concept of journalism]. *Vestnik MGU. Zhurnalistika – Vestnik Moskovskogo Universiteta. Series 10. Journalism*. 2.
7. Vasilyeva, L.V. (2010) Rol' i funktsii SMI v sovremennom obshchestve [The role and functions of the media in modern society]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 50. pp. 109-112.
8. Khlopaeva, N.A. (2007) *Sotsiologicheskie media-issledovaniya v informatsionnom obespechenii upravlencheskoy deyatel'nosti* [Sociological studies of media in the information security management activities]. Abstract of Sociology Cand. Diss. Moscow.
9. Ponomarev, N.F. (2008) *Svyazi s obshchestvennost'yu: sotsial'no-psikhologicheskie aspekty* [Public Relations: Social and psychological aspects]. St. Petersburg: Piter.
10. Malkova, V.K. (2009) Sovremennye etnicheskie SMI kak instrument konsolidatsii etnicheskikh soobshchestv [Modern ethnic media as a tool of consolidation of ethnic communities]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1. pp. 139-141.
11. Kondakova, N. (2000) Raznoyazychnaya pressa Rossii [Multilingual Russian press]. In: Malkova, V.K. (ed.) *Pressa i etnicheskaya tolerantnost'* [Press and ethnic tolerance]. Moscow: NIP-Press.
12. Poland. (2001) *Konstitutsiya (Pol'shi) Respubliki Pol'sha ot 2 aprelya 1997 goda (tekst Konstitutsii privoditsya po sborniku "Konstitutsii gosudarstv Evropy"* [The Constitution (Poland) of the Republic of Poland of 2 April 1997 (the text of the Constitution is provided according to the Collection of the Constitutions of the European states)]. Moscow: Norma.
13. Ministry of Foreign Affairs of Republic of Poland. (n.d.) *Cooperation with Polish Diaspora Programme*. [Online] Available from: <http://www.msz.gov.pl>.
14. Gulevich, V. (n.d.) *Diasporal'naya politika Pol'shi na "Vostochnykh territoriyakh" (Ukraina, Belarus')* [The Diaspora policy of Poland in the "Eastern Territories" (Ukraine, Belarus)]. [Online] Available from: <http://geopolitica.ru/Articles/933>.
15. Malkova, V.K. (2002) Rossiyskaya pressa i problemy etnicheskoy tolerantnosti i konfliktnosti [The Russian press and the problems of ethnic tolerance and conflict]. In: Dzyaloshinskiy, I.M. (ed.) *My – sagrahdane (SMI i obshchestvo)* [We are citizens (Media and Society)]. Moscow: Bonfri.
16. Polish National Center "Ozhel Bialy". (2000) *Ustav biyskoy gorodskoy obshchestvennoy organizatsii – pol'skiy natsional'nyy tsentr "Ozhel bialy" (svidetel'stvo o registratsii № 409 Ya)* [Charter of the Biysk City Public Organization – the Polish National Center "Ozhel Bialy" (Certificate of Registration Number 409 I)]. Biysk.

УДК 392.3, 392.6
DOI 10.17223/19988613/40/18

Ю.Н. Феденко, В.Н. Буркова

СТРУКТУРИРОВАНИЕ ЖИЛОГО ПРОСТРАНСТВА ДОМА В ИНОЭТНИЧНОЙ СРЕДЕ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта №13-31-01288
«Традиционная и современная организация жилого пространства дома: кросскультурное исследование».*

Структурирование жилого пространства является универсалией человеческого проксемического поведения. Однако сами способы организации жилого пространства различаются в разных культурах и могут меняться под влиянием иноэтничного окружения. В работе рассматриваются трансформации в организации жилого пространства дома, происходящие в семьях народов Кавказа, переехавших в Москву.

Ключевые слова: организация пространства; жилой дом; народы Кавказа; мигранты Москвы; проксемика.

Уже со времен верхнего палеолита человек начал организовывать свое жилое пространство как в плане его технического оснащения, так и его символизации [1. Р. 150]. В традиционной культуре внутренняя структура жилища являлась своего рода проекцией мира внешнего, а стратегии поведения человека зачастую выстраивались в зависимости от того, находился человек внутри или снаружи дома [2]. В целом жилой дом – это образ созданного человеком культурного пространства [3. С. 42], а конструирование самого пространства может рассматриваться как «физическое и ментальное выражение организации пространства человеком» [4. С. 21].

Дом является материальным отражением идентичностей и ценностей населяющих его людей, а его расположение и внутреннее устройство, с одной стороны, воплощают, а с другой – структурируют социальные отношения домочадцев [5–7]. Структурирование жилого пространства является одной из универсалий человеческого поведения. В то же время способы структурирования пространства всегда этнически специфичны и в целом являются одним из компонентов культуры народа [8. С. 21]. Хотя дом представляется относительно устойчивым компонентом материальной культуры, в его жилом пространстве все время происходят изменения, могущие с течением времени, в свою очередь, стать традиционными [9. С. 3]. Таким примером может служить структурирование пространства дома компактной этнической группы, проживающей в иноэтничном окружении. В новых условиях пространство дома изменяется по сравнению с национальным массивом, от которого они откололись, под влиянием местных географических, климатических, исторических, этнических и конфессиональных реалий [10. С. 353; 11. С. 43; 12].

Во всех культурах существуют нормы этикета, регламентирующие расположение индивидов в доме в зависимости от их статуса, возраста, пола и степени родства [13. С. 223; 14]. В проксемических параметрах это выражается в выделении таких категорий, как «почетный – менее почетный», «счастливый – несчастливый», «право – лево», «центральный – периферийный», «мужской – женский» [8. С. 21], а также в виде этно-этикетных «предписаний ритуализованного общения в типичных, изо дня в день повторяющихся ситуациях взаимодействия» [15. С. 10].

Этноэтикет – это своего рода эталон внутрисемейных, межполовых, межпоколенных и междоусобных взаимоотношений [Там же]. В системе этноэтикета правилам структурирования пространства принадлежит особое место. Связано это с тем, что этикетно значимое распределение пространства находится в зоне социального взаимодействия людей [8. С. 20]. Пространственная организация жилого пространства дома является отражением социальных связей в пределах семьи, усваивается детьми в процессе социализации и воспроизводится практически неизменной во взрослой жизни [16, 17]. Такие культурные стандарты стереотипны и чрезвычайно устойчивы, многие из них остаются почти без изменения в течение сотен лет, сохраняя на себе отпечаток древней культуры.

Этноэтикет – это своего рода эталон внутрисемейных, межполовых, межпоколенных и междоусобных взаимоотношений [Там же]. В системе этноэтикета правилам структурирования пространства принадлежит особое место. Связано это с тем, что этикетно значимое распределение пространства находится в зоне социального взаимодействия людей [8. С. 20]. Пространственная организация жилого пространства дома является отражением социальных связей в пределах семьи, усваивается детьми в процессе социализации и воспроизводится практически неизменной во взрослой жизни [16, 17]. Такие культурные стандарты стереотипны и чрезвычайно устойчивы, многие из них остаются почти без изменения в течение сотен лет, сохраняя на себе отпечаток древней культуры.

Объект и методы исследования. В рамках исследования трансформации норм и традиций пространственного поведения в семьях недавних мигрантов было проведено полуструктурированное интервьюирование детей и подростков разных национальностей и возрастов. Респондентам задавались вопросы о количестве членов семьи, количестве комнат в доме/квартире, о наличии любимого места у каждого члена семьи, наличии «своего» места за обеденным столом и понятие «главы стола», о правилах приема гостей. Также мы фиксировали место рождения, количество прожитых лет в Москве, язык домашнего общения, вероисповедание.

Всего было опрошено 40 детей и подростков мигрантов в возрасте от 9 до 17 лет, обучающихся в общеобразовательных средних школах г. Москвы. Все они проживали в Москве или в ближайшем Подмосковье. Из них 14 армян, 16 вайнахов (9 чеченцев и 7 ингушей), 5 грузин, 3 азербайджанца и 2 дагестанца. 19 человек исповедуют христианство и 21 – ислам; 12 человек с рождения проживают в Москве и Подмосковье, 16 – более пяти лет и 12 – менее пяти лет.

Количество детей в различных по этнической принадлежности семьях школьников сильно разнилось. При сравнении было выявлено, что наименьшее количество детей приходится на русские семьи (среднее количество детей в семье 1,6). В азербайджанских, армянских и грузинских семьях количество детей несколько выше (в среднем 2 ребенка), а наибольшее число детей в семье приходится на семьи народов Северного Кавказа: дагестанцев, чеченцев и ингушей (в среднем 3,5 ребенка). Эти данные отражают общую демографическую ситуацию в Московском регионе [18]. Демографы отмечают, что среднее число детей во всех возрастных когортах ниже в русских семьях (1,16–1,32), чем в семьях других национальностей (1,23–1,47) [19].

Результаты. Этническая принадлежность, количество членов семьи, их половозрастной состав и количество комнат в квартире или доме являются определяющими факторами в структурировании жилого пространства. Во всех семьях мигрантов отмечается нехватка жилой площади при большом количестве проживающих членов семьи. Так, у армян в среднем на 3,9 членов семьи приходится 2,8 комнаты, у грузин – 4,6 на 2,0, у дагестанцев и азербайджанцев – 4,4 на 3,0, у чеченцев и ингушей – 5,6 на 2,5. Почти все школьники отметили, что к ним часто приезжают родственники из родных мест, что еще больше усугубляет скученность в жилых помещениях. В семьях армян и грузин не редкостью бывает ситуация, когда мать одна воспитывает детей, что не встречалось в семьях азербайджанцев, дагестанцев и вайнахов.

Сама идея дома располагает к интимности и сосредоточенности, к отождествлению с собственной личностью [3. С. 58]. Наши респонденты, независимо от этнической принадлежности, отметили, что в их семьях почти все члены семьи стараются выбрать свое любимое место, уголок, где можно было бы отдохнуть и уединиться. Однако, в отличие от других школьников, только чеченцы и ингуши отметили, что в их семьях есть жестко зафиксированное за каждым членом семьи место перед телевизором.

Половая сегрегация. Традиционный этикет семейной жизни у народов Кавказа тесно связан с символической топографией жилища, в которой выделяются две категории мест – «мужское – сакральное» и «женское – профанное» [20]. У многих народов Кавказа дом делился на две половины – правая от входа или от очага называлась «у двери» и была мужской, левая половина дома называлась «у посуды» и была женской [21]. Горизонтальное расположение мужского и женского в пространстве нередко связано и с вертикальным делением жилого пространства. Например, в жилых постройках горцев Грузии помещения нижнего яруса составляли основное жизненное пространство лиц женского пола (там же обычно содержали скот), а верхние этажи были закреплены за мужчинами, и без особой необходимости женщины и мужчины не заходили на противоположную половину дома [Там же; 22].

В традиционных расширенных семьях народов Кавказа была четко выражена половозрастная регламентация прав и обязанностей всех членов семьи [23. С. 519]. У многих народов взаимоотношения полов регулировались обычаем избегания, в том числе между супругами, родителями и детьми и со старшими родственниками супруга или супруги [20; 21; 23. С. 521]. Маленькие дети, независимо от пола, играли вместе, а с 6–8 лет мальчиков и девочек начинали постепенно обособлять. Наше исследование, проведенное в г. Владикавказе, показало, что в современной городской культуре осетин дети по традиции спят в комнате с родителями до 6–8-летнего возраста даже при наличии свободных комнат в доме [24].

Именно с этого возраста за поведением девочек начинали очень строго следить [25. С. 315; 26]. При их воспитании акцент делался на привитие своеобразного девического кодекса чести и морали. Женщины уже с 3-летнего возраста мальчиков должны были соблюдать кодекс стыдливости по отношению к ним (не обнажать руки или ноги, сидеть, сведя колени вместе, ходить не спеша, громко не говорить и не смеяться), которые позже, по вступлении юношей в брак, перерастали в обычай избегания [27].

Традиционно переломным моментом в жизни детей на Кавказе являлось достижение возраста 10–12 лет. С этого времени размежевание полов становилось более строгим, а их взаимоотношения строго регламентировались. Детей у народов Северного Кавказа с этого возраста переводили из общего помещения дома, где они спали вместе с родителями, в отдельные: мальчиков – в кунацкую, а девочек – в девичью комнату [26. С. 32]. В современном обществе многие из этих запретов сохраняются – дети выходцев с Кавказа часто отмечают, что на родине девочки не могут свободно общаться с мальчиками – сидеть вместе, разговаривать на личные темы, гулять с ними наедине [16. С. 354; 28].

По сообщениям наших респондентов, в большинстве семей, переехавших в Московский регион из Республик Северного Кавказа, в настоящее время соблюдается то же правило. Девочек и мальчиков с подросткового возраста стараются размещать в разных комнатах, а при невозможности этого – отгородить угол, где спят девочки (Полевые материалы автора – ПМА: сообщение азербайджанца Ш., 9 лет). Младший мальчик может спать с родителями, в то время как его старшей сестре выделяется отдельная комната (ПМА: сообщение азербайджанца А., 10 лет).

Наиболее строго следят за соблюдением правил разделения разнополых детей чеченцы и ингуши. Их размещают в разных комнатах, а при нехватке комнат мать спит вместе с дочерьми, а отец – с сыновьями. Днем мальчики могут спокойно заходить в комнату к девочкам с их разрешения. Отец же строго следит за тем, чтобы они не заходили в комнату, когда девочки спят (ПМА: сообщение чеченки М., 9 лет). В то же время девочки могут спокойно заходить в комнату

мальчиков, даже если они спят (ПМА: сообщение чеченки А., 9 лет).

Хотя приехавшие из Армении и Грузии школьники и не отмечают столь строгое разделение братьев и сестер в их семьях, все же родители стараются выделять спальные места в разных комнатах или, если это невозможно, отгораживать разнополых детей. Однако в некоторых семьях условия проживания не позволяют придерживаться половой сегрегации: в таких семьях братья и сестры спят в одной комнате, а в условиях однокомнатной квартиры там же спят и родители. Все же по мере возможности родителям стараются выделить отдельную комнату, а бабушки и дедушки могут спать в одной комнате с однополыми внуками.

У народов Кавказа родители предельно строго контролировали поведение дочерей, в том числе всячески препятствовали их контактам со сверстниками противоположного пола [26. С. 36; 29. С. 299]. По традиции женская половина дома является абсолютно запретной для посторонних мужчин, для мужчин своей семьи – доступ в нее крайне нежелателен. В случае нарушения запрета такой поступок считался оскорблением главы семьи, а сделавший его ронял свое достоинство [20. С. 25].

Это правило поведения сохраняется и в настоящее время в семьях, переехавших в Москву. При этом следить за поведением дочерей начинают довольно рано. Так, например, отец может запрещать дочери общаться с мальчиками (ПМА: сообщение азербайджанки И., 9 лет). Находящийся в гостях мальчик может зайти в комнату к дочерям хозяев только с разрешения своего отца или отца девочек (ПМА: сообщение чеченки А., 10 лет). Это указывает на сохранение правила запрета на посещение женской половины дома посторонними мужчинами [29. С. 297]. В условиях же нехватки жилого пространства некоторые ограничения могут утрачиваться, сохраняя за собой лишь функциональную нагрузку. Так, к примеру, братья не могут заходить в комнату к сестрам только в тот момент, когда последние переодеваются (ПМА: сообщение чеченца М., 16 лет).

Девочки и сами могут выйти из комнаты, если туда зашел молодой человек (ПМА: сообщение грузинки М., 14 лет). А по сообщению 9-летнего азербайджанца А., он спокойно, без стука, может заходить в комнату своей старшей сестры. По всей видимости, в последнем случае играет роль тот факт, что брат намного лет младше сестры.

Такое этикетное поведение зачастую переносится и на условия школы, где в многоэтничном коллективе девочки не общаются с мальчиками не только своей, но и других национальностей. «Папа говорит, что нельзя с мальчиками общаться...» (ПМА: сообщение азербайджанки И., 9 лет), «С незнакомыми мальчиками папа не разрешает общаться» (ПМА: сообщение армянки С., 14 лет), «С мальчишками не как там. Мы там как братья и сестры, а здесь каждый сам за себя» (ПМА: сообщение армянки М., 16 лет).

Однако в условиях иноэтничной среды поведение со сверстниками в Москве меняется как у девочек – «с мальчиками мы там вообще не общаемся, здесь, как хочу, могу подойти спокойно, ударить» (ПМА: сообщение чеченки М., 9 лет), так и у мальчиков – «с девочкой нельзя сидеть, на личные темы разговаривать, но, если она из класса, то можно» (ПМА: сообщение чеченца М., 14 лет), «с одноклассниками, конечно, ведь по-другому, обычаи там другие, с девочками у нас не особо можно общаться, гулять, а здесь можно гулять с девочками» (ПМА: сообщение чеченца М., 17 лет).

Расположение членов семьи за обеденным столом. Известная исследовательница структуры пространства человека Дж. Фаст отмечает, что размещение членов семьи за столом отражает характер внутрисемейных отношений, а нормы совместного проживания, определяющие место каждого члена семьи в пределах дома, отражают культурную специфику семьи [17]. При приеме пищи у народов Северного и Южного Кавказа было принято четкое гендерное разделение застолья, которое, помимо всего прочего, отличалось в семантическом плане почетностью места. Так, традиционно в Осетии, Дагестане, в горных районах Грузии мужчины во время обрядовых и повседневных трапез рассаживались на скамьях (глава семьи – на особом, почетном кресле). Мужчинам ставили еду на стол или на небольшие столики. Женщины же рассаживались на подушки либо сидели на корточках или на земле, а пищу себе расставляли на низких столиках, подносах или досках [21].

Наши респонденты отметили, что почти во всех армянских семьях за столом члены семьи строго садятся на свои места. Как отметили школьники, глава семьи (отец) сидит «*наверху*» (ПМА: сообщение армянки Э., 13 лет), т.е. во главе стола, обычно напротив двери, а мать или рядом с ним, или ближе к кухонной утвари, «с *краю*» (ПМА: сообщение армянки К., 14 лет). Если отца нет, то на его место может сесть старший сын или мать, что связано с трансформациями внутрисемейных отношений в армянских семьях, приведших к повышению статуса женщины и младшего мужчины [25. С. 322].

В семьях грузин четко понятие «главы стола» не выделяется. Члены семьи или садятся за стол, «как получится» (ПМА: сообщение грузинки М., 13 лет), или же у каждого члена семьи есть свое место, но школьники не отмечают понятие почетного места для главы семьи.

В семьях азербайджанцев отец сидит всегда во главе стола, а старший сын – напротив отца. У женщин же нет определенного места за столом, они садятся «кому как удобно». Женщины часто едят после мужчин, и уже после них едят дети (ПМА: сообщение азербайджанки И., 9 лет). При общей трапезе женщины и дети всегда сидят ближе к двери.

Школьники ингуши и чеченцы отметили, что в их семьях сохраняется строгое соблюдение мест за сто-

лом. Так, отец сидит во главе стола, обычно это ближе к окну или напротив двери, рядом с ним располагаются старшие сыновья. Мать садится чаще всего напротив отца, дети – вокруг них. «За столом у каждого свое место, – кричат, если кто-то сел не на то место» (ПМА: сообщение ингушки М., 13 лет).

Гостеприимство. Институт гостеприимства занимает видное место в системе соционормативной культуры народов Кавказа [30, 31]. В традиционном быту было обязательным строгое соблюдение этого широко распространенного обычая [23. С. 524; 32. С. 132–137]. Институт гостеприимства традиционно играл исключительно важную роль в системе межличностных, межгрупповых и даже международных связей [29. С. 323]. По кавказскому этикету гость в доме занимал особое, почетное место. В традиционном доме самым почетным местом в общем зале считалось место у очага, наиболее удаленное от входа, где обычно располагался хозяин дома [29. С. 296; 32. С. 132–137].

Наше исследование показало, что почтительное отношение к гостю и его особое место в доме сохраняются в семьях, переехавших с Кавказа в Москву. Среди опрошенных нами детей вайнахов в подавляющем большинстве семей, независимо от прожитых в иноэтничном окружении количества лет, гостя обязательно усаживают за стол на почетное место, т.е. рядом с главой семьи, на наиболее удобное место (например, самый мягкий стул) и, как правило, наиболее удаленное от входа. Первыми едят мужчины, потом женщины, часто даже без детей. «Когда гости, то едят только мужчины, маме и другим женщинам нельзя» (ПМА: сообщение чеченки А., 9 лет), «Гости мужчины едят отдельно от женщин и детей, дети едят самыми последними» (ПМА: сообщение чеченца М., 13 лет). Школьники особо отмечают возраст 13–15 лет, с которого молодые люди уже могут сидеть за столом с гостями (ПМА: сообщение чеченки М., 10 лет). Известно, что у народов Кавказа подростки к 15 годам занимали в семье положение на правах взрослых ее членов и имели право садиться за стол вместе со взрослыми [25. С. 317]. Исследование, проведенное нами среди осетинских школьников, показало, что застольный этикет лучше всего знают мальчики средней и старшей возрастных групп. Это связано с тем, что именно в этом возрасте мальчиков начинают сажать за стол наравне с мужчинами [24].

Все армянские школьники также отметили почтительное отношение к гостю, указав, что при гостях «мать сидит с краю» (ПМА: сообщение армянки К., 14 лет), хозяева, «если понадобится, уступают свои места» (ПМА: сообщение армянки М., 16 лет). При этом отмечается, что глава семейства в большинстве случаев остается на своем месте, а гости садятся между членами семьи «на оставшиеся места» (ПМА: сообщение армянки С., 15 лет).

У грузин нет четкого выделения почетных мест для гостей, они садятся сами «на лучшие места, там, где

еда стоит, они сами выбирают» (ПМА: сообщение грузинки Н., 17 лет) или же садятся гости и хозяева «по кругу в разброс» (ПМА: сообщение грузинки К., 9 лет). В целом в семьях армян и грузин, проживающих в Москве более 5 лет, наблюдается тенденция к размытию понятия почетного места: гостя могут усаживать как на лучшее место, так и на любое свободное, например между детьми или рядом со входом.

Застолье на Кавказе – это процесс, предполагающий очень строгую иерархию участников [29. С. 327; 32. С. 130]. Гости располагались на удаленной от входа стороне стола, рассаживаясь по старшинству – чем моложе гость, тем ближе он к выходу [20. С. 23]. Если традиционно у грузин женщины и мужчины располагались за столом отдельно, то уже в 1990-е гг. такая половая сегрегация сохранилась только в деревне, а в городе женщины могут сидеть за столом наряду с мужчинами (за исключением длительных ночных застолий) [33]. Наши респонденты отметили, что в семьях армян и грузин дети могут сидеть за праздничным столом вместе со взрослыми. А в семьях дагестанцев, азербайджанцев, ингушей и чеченцев, независимо от времени проживания в иноэтничной среде, соблюдается строгая иерархичность в застолье. В их семьях зачастую женщины и дети едят отдельно от мужчин. Это в целом отражает как традиционное разделение гостей на две группы – старших и младших, и размещение их в разных помещениях, так и запрет женщинам садиться за стол вместе с мужчинами [29. С. 324–328].

По этикетным нормам гостя следует уложить спать на самое удобное место, которым зачастую выступает спальное место хозяев. Действительно, как рассказало нам большинство респондентов, гостей чаще всего укладывают на специальные гостевые места при их наличии или на спальные места родителей. Часто хозяева стараются каким-то образом гостей отделить, например отгораживают занавесками спальное место в прихожей (ПМА: сообщение грузинки К., 10 лет).

Если родители уступают свои спальные места, то сами ложатся с детьми, на местах детей или на дополнительных местах, например на надувных матрасах. Дети, в свою очередь, могут спать на менее удобных местах, отдавая свои спальные места родителям. В семьях чеченцев и ингушей соблюдается следующее правило: гостей мужчин укладывают спать в комнате хозяев или сыновей хозяев, хозяйка уходит спать в комнату дочерей. Этикетное правило расположения гостей несколько трансформируется в семьях, проживающих в иноэтничном окружении. Так, к примеру, гостей уже нередко укладывают спать не на самые удобные места, а на дополнительные (ПМА: сообщение чеченки Л., 16 лет), в том числе и на пол (ПМА: сообщение грузинки М., 12 лет).

Отношение к старшим. Наиболее частым критерием «почетности» гостя выступает возраст человека [20. С. 94]. Как свидетельствуют данные разных авторов, по отношению к главе семьи, а также людей, обла-

дающих правом на «признание авторитета», на Кавказе были приняты определенные нормы этикета: при их появлении все вставали, его указания слушали стоя и в его присутствии не имели права громко разговаривать [23. С. 520; 25. С. 314; 29. С. 305]. Так, школьники-армяне особо подчеркивают «осмысленное уважение к старшим», «при пожилom человеке веду себя скромно, с уважением» (ПМА: сообщение армянина Д., 16 лет). И, хотя большинство респондентов-армян отметили, что вставать при входе старшего не требуется, некоторые девочки при входе старшего могут привставать (ПМА: сообщение армянки К., 13 лет). И юноши, и девушки отметили, что в случае приезда пожилого человека его нужно обязательно накормить или напоить чаем.

Хотя и не все грузинские школьники отметили, как нужно вести себя при пожилom человеке, все же у них сохраняется этикетное поведение со старшими. Так, мальчик отметил, что при появлении пожилого человека «поворачиваюсь, встаю, ухожу с того места, где я был и перестаю делать то, что делал в тот момент, здороваюсь» (ПМА: сообщение грузина Г., 9 лет). При пожилom человеке, как отмечает девушка, «стараясь не ругаться и не кричать, если места нет, то уступаю место» (ПМА: сообщение грузинки Н., 17 лет).

Азербайджанцы и дагестанцы также отметили подчеркнутое уважительное отношение к пожилому человеку: «Я встану, поприветствую, предложу сесть» (ПМА: сообщение азербайджанца Ш., 10 лет); беспокойство о его здоровье: «Конечно, уступаем всегда, потому, что вдруг несчастье какое случится» (ПМА: сообщение азербайджанки И., 9 лет) и заботу о его состоянии: «Я встану, уступлю место, что-нибудь предложу» (ПМА: сообщение аварца Ш., 13 лет).

Все без исключения чеченцы и ингуши, независимо от времени проживания в Москве, отметили, что если в комнату входит старший по возрасту, то младший обязательно должен встать, при этом мальчик может просто привстать (ПМА: сообщение чеченца М., 14 лет). Это правило работает только в одну сторону: «Если заходит пожилой, всегда встаю, кто угодно, если младшие – сижу, как сидел» (ПМА: сообщение чеченца И., 13 лет). Это правило соблюдают дети и при входе отца в комнату: «Папа пришел, резко встали, поздоровались и ушли» (ПМА: сообщение чеченки М., 9 лет).

Кавказское общество в целом культивировало сдержанное публичное поведение – с детства члены этого общества должны были владеть этикетными нормами поведения, быть сдержанными в проявлениях своих чувств и эмоций, уметь отвечать за свои поступки. Поэтому взрослые старались не унижать ребенка, не разрушать его самоуважения [34. С. 241; 35].

Традиционно поведение в отношениях между родителями и детьми было строго регламентировано нормами этикета. У народов Кавказа эти нормы предписывали родителям, а особенно отцам, проявлять демонстративную сдержанность по отношению к детям – при

посторонних отец и мать не могли нянчить детей, кормить их и вообще проявлять по отношению к ним какую-либо заботу [20. С. 28; 23. С. 521–522; 36. С. 63]. Это правило до сих пор соблюдается, особенно строго у вайнахов. Только в интимном кругу семьи (жены и детей) отец мог понынчиться с детьми и проявить свои чувства [36. С. 64]. Наши данные показали, что в настоящее время в Москве внутри семьи родители показывают свою любовь и заботу детям, при этом нередко отцы более сдержанно и строго относятся к сыновьям. Так, например, «мама, в отличие от папы, успокаивает, гладит» сына (ПМА) сообщение армянина В., 12 лет), а «если сидят девочки, то папа с его места не выгонит, если мальчик, то выгонит» (ПМА: сообщение чеченки М., 9 лет).

Обсуждение. В процессе исторического развития народа формируется определенная стереотипная модель жилища, специфическая для данного этноса [9. С. 3]. Но, меняя место своего проживания, мигранты не просто перемещаются из одного населенного пункта в другой, но и перекраивают жизненное пространство, изменяя при этом свою повседневную жизнь [37]. И хотя на Кавказе традиционная расширенная семья уже в начале XX в. уступила место малой семье, некоторые ее черты сохраняются до сих пор [38].

Наше исследование показало, что в семьях московских мигрантов нередко в одном доме проживают три поколения одной семьи, а также совместно живут две и более малые семьи. Исследователи структурирования жилого пространства выделяют две его категории: «закрытое» и «открытое» [20. С. 23; 38]. В первых домах обычно живут «закрытые» семьи. В таких домах предметы находятся в четко отведенных для них местах, а у каждого члена есть четко закрепленное за ним место в доме. Семьи, живущие в таком доме, отличаются конформизмом к господствующим в обществе и культуре правилам. В отличие от «закрытых» семей, «открытые» характеризуются большей открытостью, места в доме не строго распределены между членами семьи. В нашем исследовании к категории «открытых» семей можно отнести семьи армян и грузин, а к «закрытым» – вайнахов, дагестанцев и азербайджанцев. Однако чеченцы и ингуши отличаются наибольшей «закрытостью» и четким соблюдением структурирования пространства.

Одно из объяснений заключается в том, что вайнахи в целом лучше других кавказских народов сохранили свои обычаи и культуру [39. С. 284–308]. Помимо этого, и чеченцы, и ингуши поддерживают гораздо тесную связь с родным регионом, чаще ездят в родной город или село, зачастую сохраняют там дома, – все это способствует сохранению этикетных норм и обычаев. Также сама иноэтническая среда иногда даже способствует некоторой актуализации этнического самосознания и нормативных правил поведения [40. С. 117].

Также нами обнаружено, что во внутрисемейных отношениях зачастую сохраняются характерные обычаи для традиционной семьи на Кавказе – сдержанное отно-

шение между родителями (особенно отцом) и детьми, подчинение младших старшим, ранняя половая сегрегация детей, этикетное поведение при приеме гостей.

Под воздействием исторических событий этноэтикет нередко изменяется [20. С. 8]. Так, за годы советской власти из-за политических, экономических и социальных изменений в жизни общества этикетное поведение значительно упростилось из-за активного вторжения в повседневную жизнь народов государственных институтов [20. С. 34; 25. С. 320–321].

Организация внутреннего пространства дома в локальных этнических группах претерпевает значительное изменение по сравнению с родным регионом и зачастую вбирает в себя элементы жилища соседних народов [12]. При этом наше исследование показало, что наибольшее размытие этнических норм наблюдается в семьях армян и грузин, в отличие от семей других этнических групп. На наш взгляд, такое положение вещей может быть объяснено двумя причинами.

Первая причина – это религиозный фактор, ведь иноэтническая среда порой способствует некоторой актуализации этнического самосознания у мигрантов, а среди мусульман религиозные традиции зачастую становятся частью национальной культуры [40. С. 117]. Так, сравнивая трансформации организации жилого пространства у болгар и у татар, нами было выявлено, что у первых утрачиваются важные в традиционной культуре этикетные нормы (например, почитание кума), а у вторых сохраняется этикет гостеприимства и почитание старших, что также связано с разными религиозными установками [12].

Вторая причина, на наш взгляд, заключается в разнице статуса женщины в семье. Большее равноправие в отношениях мужа и жены, активная роль женщины в заработке денег наблюдаются в семьях армян и грузин [25. С. 320–322]. Статус женщин в семьях армян и грузин, в отличие от многих других народов Кавказа и Ближнего Востока, всегда был очень высок [23. С. 520–521; 25. С. 314–315].

В то же время в семьях азербайджанцев, дагестанцев, а особенно чеченцев и ингушей, главой семьи всегда является муж, ему же принадлежит право обеспечивать семью, а женщине остается роль домохозяйки. В этом случае матери больше проводят времени с детьми и больше имеют возможностей контролировать их поведение, что благоприятствует сохранению этикетных норм. Вторая выделенная нами причина тесно связана с первой. Такое же положение вещей мы наблюдали и при сравнении семей болгар и татар [12].

Резюмируя полученные данные, отметим, что большинство опрошенных нами детей и подростков народов Кавказа, как и в более ранних наших исследованиях, довольно строго соблюдает нормы и традиции пространственного поведения в семье, а также со взрослыми и детьми своей национальности [16, 28, 41, 42]. Девочки строже соблюдают нормы поведения своего народа, что диктуется им со стороны как родителей, так и мальчиков их национальности. Сами школьники отмечают, что в Москве другие традиции и нормы поведения, и то, что недопустимо в родном регионе, здесь является нормальным.

В школе, в условиях иноэтничного окружения, мигранты постепенно начинают вести себя так, как большинство окружающего их населения, и перенимать нормы поведения этнического большинства [43]. По всей видимости, можно говорить о том, что принятие норм пространственного поведения при переезде в иноэтничное окружение происходит постепенно. Отчетливые трансформации в поведении школьников становятся заметными через несколько лет при условии совместного обучения детей мигрантов с детьми коренных жителей региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Leroi-Gourhan A. Le geste et la parole. La memoire et les rythmes. Paris, 1965.
2. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.
3. Баак ван Й. Дом и мир // Антропология культуры. Вып. 3. К 75-летию Вяч. Всевол. Иванова / Вяч.Вс. Иванов, М.В. Акимова, Е.В. Пермяков, Т.В. Цивьян (ред.). М., 2005. С. 40–74.
4. Тишков В.А. Культурный смысл пространства // Этнографическое обозрение. 2004. № 1. С. 14–31.
5. Bloch M. Placing the Dead: Tombs, Ancestral Villages, and Kinship Organization in Madagascar. London ; New York, 1971.
6. Lévi-Strauss C. The Way of the Masks. London, 1983.
7. Marcus C.C. House as a Mirror of Self: Exploring the Deeper Meaning of Home. Berkeley, CA, 1995.
8. Бгажноков Б.Х. Этнография адыгов. Нальчик, 2011.
9. Традиционное жилище народов России XIX – начало XX века / отв. ред. Л.Н. Чижилова. М., 1997.
10. Будица О.В. Жилище компактных этнических групп в иноэтничном окружении // Традиционное жилище народов России: XIX – начало XX вв. / Л.Н. Чижилова (ред.). М., 1997. С. 353–379.
11. Феденко Ю.Н. Структурирование пространства в доме у болгар // Полевые исследования студентов РГГУ : этнология, фольклористика, лингвистика, религиоведение. М., 2007. Вып. II. / Д.П. Бак (ред.). С. 44–51.
12. Феденко Ю.Н. Трансформация структуры пространства дома в локальных этнических группах (на примере болгар села Кричино Республики Украина и татар поселка Октябрьский Челябинской области) // Традиционная культура. 2009. № 2 (34). С. 42–48.
13. Бутовская М.Л. Язык тела: природа и культура (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации человека). М., 2004.
14. Лич Э. Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в антропологии. М., 2001.
15. Бгажноков Б.Х. Коммуникативное поведение и культура (к определению предмета этнографии общения) // Советская этнография. 1978. № 5. С. 3–17.
16. Бутовская М.Л., Феденко Ю.Н., Буркова В.Н. Взаимопонимание и толерантность в поведении детей и подростков в условиях многоэтнических школьных коллективов // Молодежь Москвы: адаптация к многокультурности / М.Ю. Мартынова, Н.М. Лебедева (ред.). М., 2007. С. 314–366.
17. Фаст Дж. Язык тела // Холл Э. Как понять иностранца без слов. М., 1997. С. 11–224.

18. Всероссийская перепись населения 2010. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>.
19. Курбатова О.Л., Победоносцева Е.Ю., Свежинский Е.А. Влияние этноконфессиональных факторов на динамику генофонда населения Москвы // Мусульмане изменяющейся России / Ю.М. Кобищанов (ред.). М., 2002. С. 113–128.
20. Тишков В.А. (ред.) Этноэтикет народов Северного Кавказа : науч.-учеб. пособие. Москва ; Питигоorsk, 2014.
21. Карпов Ю.Ю. Мужской и женский лики Кавказа: два вечных воплощения единого // Татарский мир. 2004. № 8. URL: <http://www.tatworld.ru/article.shtml?article=547>.
22. Газданова В.С. Традиционная культура осетин. Владикавказ, 2006.
23. Тер-Саркисянц А.Е. История и культура армянского народа с древнейших времен до начала XIX века. М., 2005.
24. Буркова В.Н., Феденок Ю.Н., Бутовская М.Л. Пространственное поведение у детей и подростков (на примере русских и осетин) // Этнографическое обозрение. 2010. № 3. С. 77–91.
25. Варданян Л.М., Закарян Т.З., Закарян Б.Е. Род, семья и система родства // Армяне. Серия «Народы и культуры» / Л.М. Варданян, Г.Г. Саркисян, А.Е. Тер-Саркисянц (ред.). М., 2012. С. 307–327.
26. Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб., 2001.
27. Чечиев А.Р. Очерки истории социальной культуры осетин. Цхинвали, 1985.
28. Буркова В.Н. Агрессивное и постконфликтное поведение детей и подростков в кросскультурной перспективе (на примере русских и осетинских школьников) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.
29. Тишков В.А. (ред.) Российский Кавказ. Книга для политиков. М., 2007.
30. Анчабадзе Ю.Д. Прекрасный обычай гостеприимства // Советская этнография. 1985. № 4. С. 110–120.
31. Васильева О.А. Гостеприимство как элемент культурной традиции народов северного Кавказа // Народы Северного Кавказа: история и современность : матер. Всерос. науч.-практ. конф. / Р.М. Касумов (отв. ред.). Хасавюрт, 2012. С. 42–47.
32. Мартынова М.Ю. Мир традиций и межкультурное общение. М., 2004.
33. Франгуланди А. Греки-понтийцы: дорога длиной в 2,5 тысячи лет. Сухум, 1991.
34. Барцыц М.М. Культура мира и ненасилия в абхазской традиции // Агрессия и мирное сосуществование: универсальные механизмы контроля социальной напряженности у человека / М.Л. Бутовская (ред.). М., 2006. С. 233–245.
35. Хадикова А.Х. Осетинский этикет. Владикавказ, 2006.
36. Дзуцев Х.В., Бесаева Т.З. Этнография детства осетин. Владикавказ, 1994.
37. Бредникова О., Ткач О. Дом для номады // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2010. № 3. С. 72–95.
38. Смирнова Я.С. Культурное взаимодействие и семья (по материалам Северного Кавказа) // Советская этнография. 1977. № 5. С. 81–92.
39. Саватеев А.Д. Мусульмане Чечни между адатом, шариатом и исламским революционизмом // Мусульмане изменяющейся России / Ю.М. Кобищанов (ред.). М., 2002. С. 284–308.
40. Хайретдинов Д.З. Этнический состав мусульманской общины Москвы // Мусульмане изменяющейся России / Ю.М. Кобищанов (ред.). М., 2002. С. 113–128.
41. Буркова В.Н. Табуирование частей тела в традиционной культуре осетин // Телесность как социокультурный феномен: опыт междисциплинарного анализа : тез. докл. М., 2009. С. 122–123.
42. Феденок Ю.Н. Пространственное поведение детей и подростков в полиэтнических коллективных коллективах : дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.
43. Бутовская М.Л., Феденок Ю.Н. Коммуникативное поведение мигрантов в школьных коллективах: путь к адаптации // Миры культур и культура мира : сб. матер. III Всерос. науч.-практ. конф. «Практическая этнопсихология: актуальные проблемы и перспективы развития» / О.Е. Хухлаев (ред.). М., 2011. С. 23–26.

Fedenok Ju. N. Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia). E-mail: fedenok.julia@gmail.com ; Burkova Valentina N. Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia) E-mail: burkovav@gmail.com

STRUCTURING OF THE LIVING SPACE OF HOME IN GROUPS LIVING IN ANOTHER ETHNIC ENVIRONMENT.

Keywords: proxemics; organization of space; living house; Caucasus ethnics; migrants of Moscow.

Dwelling house is an image of human-cultural space, it is a material reflection of identities and values of its inhabitants, and its location and internal structure organizes social relations of households. Structuring of the living space is a generalist of proxemics human behavior. In all cultures we found rules of etiquette governing the location of individuals in the house, depending on their status, age, sex and relationship. In proxemics it is expressed in the form of ethnic and etiquette regulations of ritualized communication in typical situations of interaction. The spatial organization of living space of house is absorbed in the process of socialization of children and reproduced and unchanged during adult life. These cultural standards are stereotyped and extremely stable, many of them remain almost unchanged for hundreds of years, preserving the imprint of an ancient culture. At the same time in a living space of home there is a change all the time. Such example is the structuring of the living space of home of a compact ethnic group living in another ethnic environment. This paper deals with the transformations of the organization of living space of home, taking place in the family of Caucasus ethnics migrated to Moscow. The study was conducted by interviewing children and adolescents of different ethnics and ages. It was found that ethnicity, number of family members, their age and gender composition and the number of rooms in the house or flat are the determining factors in the structuring of living space. Our data showed that the majority of children and adolescents strictly observes norms and traditions of the spatial behavior in the family (gender segregation, respect for elders, the rules of seating at the dining table). Girls stricter follow the norms of behavior of their ethnic, which dictated to them by both parents and boys of their nationality. However, at school, in another ethnic environment, migrants are slowly beginning to adopt standards of behavior of the ethnic majority. They note that in Moscow they can do something that is unacceptable in their own region, but for Moscow it is a normally. According to the classification of the J. Fast, in our study in proxemic category “open” families we included Armenians and Georgians, and to the “closed” – Nakhs (Chechens and Ingush), Dagestanis and Azerbaijanis. These differences explain of different religious settings, and greater freedom of the Armenian and Georgian women.

REFERENCES

1. Leroi-Gourhan, A. (1965) *Le geste et la parole. La memoire et les rythmes*. Paris: Sciences d'aujourd'hui.
2. Bayburin, A.K. (1983) *Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan* [Homes in the rites and beliefs of the Eastern Slavs]. Leningrad: Nauka.
3. Baak van, Y. (2005) Dom i mir [Home and the World]. In: Ivanov, V.V., Akimova, M.V., Permyakov, E.V. & Tsivyan, T.V. (eds) *Antropologiya kul'tury* [The anthropology of culture]. Issue 3. Moscow: novoe izdatel'stvo. pp. 40-74.
4. Tishkov, V.A. (2004) Kul'turnyy smysl prostranstva [The cultural significance of the space]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1. pp. 14-31.
5. Bloch, M. (1971) *Placing the Dead: Tombs, Ancestral Villages, and Kinship Organization in Madagascar*. London, New York: Seminar Press.
6. Lévi-Strauss, C. (1983) *The Way of the Masks*. London: Jonathan Cape.

7. Marcus, C.C. (1995) *House as a Mirror of Self: Exploring the Deeper Meaning of Home*. Berkeley, CA.
8. Bgazhnokov, B.Kh. (2011) *Etnografiya adygov* [Ethnography of Circassians]. Nalchik: Elbrus.
9. Chizhikov, L.N. (ed.) (1997) *Traditsionnoe zhilishche narodov Rossii XIX – nachalo XX veka* [Traditional accommodation of the peoples in Russia in the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Nauka.
10. Budina, O.V. (1997) Zhilishche kompaktnykh etnicheskikh grupp v inoetnichnom okruzenii [Residence of compact ethnic groups surrounded by another ethnos]. In: Chizhikov, L.N. (ed.) (1997) *Traditsionnoe zhilishche narodov Rossii XIX – nachalo XX veka* [Traditional accommodation of the peoples in Russia in the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Nauka. pp. 353-379.
11. Fedenok, Yu.N. (2007) Strukturirovanie prostranstva v dome u bolgar [Structuring of the space in the house of Bulgarians]. In: Bak, D.P. (ed.) *Polevye issledovaniya studentov RGGU: etnologiya, fol'kloristika, lingvistika, religiovedenie* [Field studies of the RSUH students: Ethnology, folklore, linguistics, religious studies]. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 44-51.
12. Fedenok, Yu.N. (2009) Transformatsiya struktury prostranstva doma v lokal'nykh etnicheskikh gruppakh (na primere bolgar sela Krinichnoe Respubliki Ukraina i tatar poselka Oktyabr'skiy Chelyabinskoy oblasti) [The transformation of the home space structure in local ethnic groups (a case study of the Bulgarian village Krinichnaya in Ukraine and the Tatar village Oktyabr'skiy in Chelyabinsk Region)]. *Traditsionnaya kul'tura*. 2(34). pp. 42-48.
13. Butovskaya, M.L. (2004) *Yazyk tela: priroda i kul'tura (evolyutsionnye i kross-kul'turnye osnovy neverbal'noy kommunikatsii cheloveka)* [The Body Language: Nature and Culture (evolutionary and cross-cultural foundations of human non-verbal communication)]. Moscow: Nauchnyi mir.
14. Lich, E. (2001) *Kul'tura i kommunikatsiya: Logika vzaimosvyazi simvolov. K ispol'zovaniyu strukturnogo analiza v antropologii* [Culture and Communication: The logic of the relationship of characters. On the use of structural analysis in anthropology]. Translated from English. Moscow: Vostochnaya literatura.
15. Bgazhnokov, B.Kh. (1978) Kommunikativnoe povedenie i kul'tura (k opredeleniyu predmeta etnografii obshcheniya) [Communicative behavior and culture (to the definition of the object of ethnography of communication)]. *Sovetskaya etnografiya*. 5. pp. 3-17.
16. Butovskaya, M.L., Fedenok, Yu.N. & Burkova, V.N. (2007) Vzaimoponimanie i tolerantnost' v povedenii detey i podrostkov v usloviyakh mnogoetnichnykh shkol'nykh kolektivakh [Mutual understanding and tolerance in the behavior of children and adolescents in multiethnic school collectives]. In: Martynov, M.Yu. & Lebedev, N.M. (eds) *Molodezh' Moskvy: adaptatsiya k mnogokul'turnosti* [The Moscow Youth: Adaptation to multiculturalism]. Moscow: Russian University of People's Friendship. pp. 314-366.
17. Fast, J. (1997) *Yazyk tela* [The Body Language]. Moscow: AST. pp. 11-224.
18. Russian Federation. (2010) *Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010* [National Population Census 2010]. [Online] Available from: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>.
19. Kurbatova, O.L., Pobedonostseva, E.Yu. & Svezhinskiy, E.A. (2002) Vliyaniye etnokonfessional'nykh faktorov na dinamiku genofonda naseleniya Moskvy [Influence of ethnic and religious factors on the dynamics of the gene pool of the population of Moscow]. In: Kobishchanov, Yu.M. (ed.) *Musul'mane izmenyayushchiesya Rossii* [Muslims of the changing Russia]. Moscow: ROSSPEN. pp. 113-128.
20. Tishkov, V.A. (ed.) (2014) *Etnoetiket narodov Severnogo Kavkaza* [Ethno-etiquette of the North Caucasus]. Moscow; Pyatigorsk: RAS.
21. Karpov, Yu.Yu. (2004) Muzhskoy i zhenskiy liki Kavkaza: dva vechnykh voploshcheniya edinogo [Male and female faces of the Caucasus: The two eternal embodiment of the one]. *Tatarskiy mir*. 8. [Online] Available form: <http://www.tatworld.ru/article.shtml?article=547>.
22. Gazdanova, V.S. (2006) *Traditsionnaya kul'tura osetin* [Traditional culture of Ossetians]. Vladikavkaz: Sem.
23. Ter-Sarkisyan, A.E. (2005) *Istoriya i kul'tura armyanskogo naroda s drevneyshikh vremen do nachala XIX veka* [The history and culture of the Armenian people from ancient times to the early 19th centuries]. Moscow: Vostochnaya literatura.
24. Burkova, V.N., Fedenok, Yu.N. & Butovskaya, M.L. (2010) Prostranstvennoe povedenie u detey i podrostkov (na primere russkikh i osetin). *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 3. pp. 77-91.
25. Vardanyan, L.M., Zakaryan, T.Z. & Zakaryan, B.E. (2012) Rod, sem'ya i sistema rodstva [Gender, family and kinship system]. In: Vardanyan, L.M., Sarkisyan, G.G. & Ter-Sarkisyan, A.E. (eds) *Armenians*. Moscow: Nauka. pp. 307-327.
26. Karpov, Yu.Yu. (2001) *Zhenskoe prostranstvo v kul'ture narodov Kavkaza* [The women's space in the culture of the peoples of the Caucasus]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.
27. Chechiev, A.R. (1985) *Ocherki istorii sotsial'noy kul'tury osetin* [Essays on the history of social culture of Ossetians]. Tskhinvali: Iryston.
28. Burkova, V.N. (2011) *Agressivnoe i postkonfliktnoe povedenie detey i podrostkov v krosskul'turnoy perspektive (na primere russkikh i osetinskiy shkol'nikov)* [Aggressive and post-conflict behavior of children and adolescents in the cross-cultural perspective (a case study of Russian and Ossetian students)]. History Cand. Diss. Moscow.
29. Tishkov, V.A. (ed.) (2007) *Rossiyskiy Kavkaz. Kniga dlya politikov* [Russian Caucasus. A book is for politicians]. Moscow: Rosinformagrotekh.
30. Anchabadze, Yu.D. (1985) *Prekrasnyy obyay gostepriimstva* [A wonderful custom of hospitality]. *Sovetskaya etnografiya*. 4. pp. 110-120.
31. Vasilyeva, O.A. (2012) [Hospitality as part of the cultural tradition of the peoples of the Northern Caucasus]. *Narody Severnogo Kavkaza: istoriya i sovremennost'* [The peoples of the North Caucasus: History and Modernity]. Proc. of the All-Russian Research Conference. Khasavyurt. pp. 42-47. (In Russian).
32. Martynova, M.Yu. (2004) *Mir traditsiy i mezhkul'turnoe obshchenie* [The world of traditions and intercultural communication]. Moscow: Russian University of People's Friendship.
33. Frangulandi, A. (1991) *Greki-pontiytsy: doroga dlinoy v 2,5 tysyachi let* [The Greek Pontians: The Road of 2.5 thousand years long]. Sukhum: [s.n.].
34. Bartsyts, M.M. (2006) Kul'tura mira i nenasiliya v abkhazskoy traditsii [Culture of Peace and Non-Violence in the Abkhaz tradition]. In: Butovskaya, M.L. (ed.) *Agressiya i mirnoe sosushchestvovanie: universal'nye mekhanizmy kontrolya sotsial'noy napryazhennosti u cheloveka* [Aggression and peaceful coexistence: Universal control mechanisms for social tension]. Moscow: Nauchnyi mir. pp. 233-245.
35. Khadikova, A.Kh. (2006) *Osetinskiy etiket* [The Ossetian etiquette]. Vladikavkaz: V.A. Gassiev.
36. Dzutsev, Kh.V. & Besaeva, T.Z. (1994) *Etnografiya detstva osetin* [Ethnography of Ossetians childhood]. Vladikavkaz: Newspaper and Magazine Printing House.
37. Brednikova, O. & Tkach, O. (2010) Dom dlya nomady [The house for nomads]. *Laboratorium. Zhurnal sotsial'nykh issledovaniy – Laboratorium. Social Research Journal*. 3. pp. 72-95.
38. Smimova, Ya.S. (1977) Kul'turnoe vzaimodeystvie i sem'ya (po materialam Severnogo Kavkaza) [Cultural interaction and family (in the North Caucasus)]. *Sovetskaya etnografiya*. 5. pp. 81-92.
39. Savateev, A.D. (2002) *Musul'mane Chechni mezhdu adatom, shariatom i islamskim revolyutsionizmom* [Chechen Muslims between adat, Sharia and Islamic revolutionism]. In: Kobishchanov, Yu.M. (ed.) *Musul'mane izmenyayushchiesya Rossii* [Muslims of the changing Russia]. Moscow: ROSSPEN. pp. 284-308.
40. Khayretidinov, D.Z. (2002) Etnicheskiy sostav musul'manskoy obshchiny Moskvy [The ethnic composition of the Muslim community of Moscow]. In: Kobishchanov, Yu.M. (ed.) *Musul'mane izmenyayushchiesya Rossii* [Muslims of the changing Russia]. Moscow: ROSSPEN. pp. 113-128.
41. Burkova, V.N. (2009) [Taboo of body parts in the traditional culture of Ossetians]. *Telesnost' kak sotsiokul'turnyy fenomen: opyt mezhdistsiplinarnogo analiza* [Corporeality as a social and cultural phenomenon: Interdisciplinary analysis]. Proc. of the International Conference. Moscow. pp. 122-123. (In Russian).
42. Fedenok, Yu.N. (2011) *Prostranstvennoe povedenie detey i podrostkov v poliethnichnykh kolektivnykh kolektivakh* [The spatial behavior of children and adolescents in the multiethnic collective teams]. History of Cand. Diss. Moscow.
43. Butovskaya, M.L. & Fedenok, Yu.N. (2011) [Communicative behavior of migrants in the school community: A way to adapt]. *Miry kul'tur i kul'tura mira* [The world of cultures and the culture of the world]. Proc. of the 3rd All-Russian Research Conference. Moscow. pp. 23-26.

УЧЕБНЫЙ МИГРАНТ ИЗ КАЗАХСТАНА: ПРАВДА ИЛИ ВЫМЫСЕЛ? (СЛУЧАЙ г. ТОМСКА)

Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

Рассматривается использование понятий «учебный мигрант» и «учебная миграция» в законодательных актах Российской Федерации, в научной литературе и в общественной практике. Выявлено, что понятие «учебный мигрант» не отражает реальной образовательной ситуации, поскольку значительная часть иностранных студентов из Казахстана не ощущает себя учебными мигрантами как таковыми. Исследование выполнено на основе полуструктурированных интервью, взятых у казахстанских студентов, обучающихся в томских вузах.

Ключевые слова: учебная миграция; учебный мигрант; Россия; Казахстан.

На протяжении почти всей истории российского высшего образования в стране обучалось значительное количество иностранных студентов. Если во второй половине XIX в. при императоре Александре III высшее образование в России получали лишь сербские и болгарские студенты в связи с геополитическими интересами империи, то уже в 20-х гг. XX в. преобладающее число иностранных студентов были выходцами из Средней и Передней Азии, что также было вызвано политическими интересами Советской России. К середине XX столетия, когда мир разделился на два противоборствующих лагеря, количество иностранных студентов начинает неуклонно расти, ширится и география обучаемых. К 1990 г. число зарубежных студентов в СССР составляло 89 300 человек [1]. Но в связи с распадом Советского Союза наступает кризис во всех сферах общества, снижается и количество иностранных студентов. Переломный момент произошел в середине 90-х гг. Выход России на международный рынок образовательных услуг вновь обусловил приток в страну так называемых «учебных мигрантов», которых к 2001 г. обучалось 53 900 человек [Там же]. Распад СССР повлиял на состав стран-экспортеров зарубежных студентов – основными поставщиками стали страны СНГ и Балтии, из стран дальнего зарубежья лидирующие позиции занимают КНР и Вьетнам. Абсолютным лидером по числу учебных мигрантов, получающих высшее образование в РФ, на 2010–2011 гг. являлся Казахстан – 16 616 казахстанских студентов очной формы обучались в российских вузах [Там же]. Такое количество студентов из соседней республики представляет несомненный интерес для изучения. К тому же наш регион – город Томск, который не понапрасну носит звание «Сибирские Афины», занимающий лидирующие позиции по количеству иностранных студентов, в том числе и студентов-казахстанцев, является уникальным полем для работы в данном направлении [2].

Над изучением учебной миграции в России работают демографы, социологи, экономисты и социальные антропологи. Наиболее известными являются исследования демографов и социологов. Стоит отметить рабо-

ту Л.Л. Рыбаковского и Г.В. Осиповой [Там же], где в рамках региональных особенностей миграционных процессов в России отмечена дифференциация учебной миграции по субъектам Российской Федерации, отражено влияние «учебной миграции» на социальные, политические, демографические и экономические процессы. В докладе А.Л. Арефьева на 3-м всемирном форуме иностранных выпускников [1] анализируется влияние учебных мигрантов на различные сферы жизни российского общества, статистические данные по учебным мигрантам СССР и современной РФ. Для нашего исследования важна написанная по заказу российских и казахстанских властей работа Б.И. Ракишевой и Д.В. Полетаева, которая отражает роль учебной миграции в рамках развивающегося Таможенного союза между Казахстаном и Россией: авторы уделяют внимание необходимости работы в данном направлении, говоря о важности данного вида миграции для обеих стран [3]. Весомый исследовательский вклад в обозначение важности учебной миграции внесли такие отечественные исследователи, как Ф.Э. Шереги, В.Г. Гельбрас, Г.С. Витковская, Ж.А. Зайончковская, А.П. Катровский, Л.И. Леденёва, И.А. Малахи, Е.В. Тюрюканова.

Учебная миграция является предметом исследований и томских социологов. Так, С.В. Дементьева на примере одного из томских вузов рассмотрела мотивации иностранных студентов при выборе вуза, перспективы и основные адаптационные сложности [4]. В другой ее статье анализируется законодательная база РФ как одно из важнейших условий привлечения в российские вузы иностранных студентов, их адаптации и интеграции [5]. В совместном исследовании С.В. Дементьевой и Д.В. Полетаева, проведенном в трех городах России (Москва, Воронеж, Томск), на основе анализа ресурсной емкости «учебной миграции» и специфики адаптации иностранных студентов к российской инोकультурной среде предлагаются инновационные стратегии развития «учебной миграции» в России [6].

Правовую основу учебной миграции, без использования этого термина на правовом уровне, обеспечива-

ют несколько законодательных актов: Федеральный закон «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» предусматривает введение учебных виз, а Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» определяет порядок въезда и условия участия иностранных студентов в трудовых отношениях. Закон «О гражданстве РФ» предусматривает возможность получения гражданства в упрощенном порядке для тех граждан государств, входивших в состав СССР, кто окончил российский вуз или ссуз после 1 июля 2002 г. [7]. А в Концепции миграционной политики Российской Федерации до 2025 г. используется впервые на государственном уровне понятие «образовательная миграция», которое синонимично термину «учебная миграция» [Там же].

Понятия «учебная миграция» и «учебный мигрант» были заимствованы российскими исследователями у западных коллег, которые столкнулись с этим научным вопросом намного раньше. Термин «учебная миграция» появляется в отечественной литературе в первой половине 2000-х гг., в то время, когда начинает ощущаться демографический кризис, распространившийся и на систему высшего образования. Именно тогда выходят первые работы демографов и социологов, которые пытаются найти пути разрешения сложившейся проблемы, введя в оборот понятие «учебная миграция» и анализируя проблемные аспекты этого явления. «Учебная миграция» в классификации такого авторитетного демографа, как Л.Л. Рыбаковский, на которую ссылаются многие отечественные исследователи «учебной миграции», относится к миграциям «по целям» и «означает переезд к месту учебы». К миграциям «по целям» относятся также трудовая и коммерческая миграции [8]. В этой связи возникает вопрос: «В какой мере сами иностранные студенты идентифицируют себя как «учебные мигранты?» Гипотеза нашего исследования состоит в следующем: понятие «учебный мигрант» не отражает реальной образовательной ситуации, поскольку определенная группа иностранных студентов не ощущает себя мигрантами как таковыми.

К «учебным мигрантам» зачастую в своих работах относят студентов из Казахстана. На основе интервьюирования казахстанских студентов, обучающихся в томских вузах, была поставлена цель: исследовать самоидентификацию студентов с понятием «учебный мигрант», иначе говоря, считают ли они себя частью учебного миграционного потока в Россию. На основе индивидуальных полуструктурированных интервью была изучена пилотная группа студентов из разных уголков Казахстана, при этом, как выяснилось из биографий информантов, основным экспортером студентов стал Восточный Казахстан. В исследовании принимали участие студенты томских государственных вузов (Томский политехнический университет – ТПУ, Томский государственный университет – ТГУ, Томский университет систем управления и радиоэлектро-

ники – ТУСУР) с разной этнической принадлежностью (казахи и русские), с разной половой принадлежностью, в возрасте от 18 до 22 лет, получающие как гуманитарное, так и техническое или естественнонаучное образование. Главный исследовательский вопрос звучал так: считает ли информант себя «учебным мигрантом» или нет и чем это объясняется?

Нами было собрано и проанализировано 30 интервью. В результате процент не считающих себя «учебными мигрантами» казахстанских студентов в совокупности с теми, кто имеет неустойчивую самоидентификацию с этим понятием, выше, нежели процент тех, кто твердо считает себя «учебными мигрантами». Схожесть социальной среды Казахстана и России явилась основополагающим признаком при идентификации студентов из Казахстана. Вот на что обращали внимание респонденты при ответе на вопрос, считают ли они себя «учебным мигрантом»: 1) «...нет, я не учебный мигрант, я свой в доску потому, что много знакомых здесь, сколько не у каждого местного есть, ну, и язык – русский...» (Даниил Горбунов, студент 3-го курса ТУСУРа); 2) «...нет, я не учебный мигрант потому, что нет языкового барьера, схожая среда, страны многонациональные...» (Серик Уразбеков, студент ТПУ); 3) «...Нет, не считаю себя таковым. Менталитет в России такой же, чувствую себя в России как дома...» (Иван Пищальников, студент 4-го курса ТПУ). Однако были и те, кто считают себя учебными мигрантами. В процессе наблюдения было замечено, что все информанты, отвечающие согласием на то, что они являются «учебными мигрантами», дали такой ответ в результате некоторой рефлексии. Категорично, четко, без всякого сомнения ответить, что он является учебным мигрантом, никто не смог. Весьма интересны и ответы студентов, по которым они относят себя к «учебным мигрантам»: 1) «...Ооох, ну, наверное, считаю, по сути, с целью учебы я и приехал сюда, т.к. Казахстан не может обеспечить качественного обучения. И дальше собираюсь остаться здесь, потому, что эти навыки здесь больше приемлемы» (Илья Гурский, студент 3-го курса ТПУ); 2) «...Ну да, считаю. Ведь это первопричина моего приезда в Россию, но также и планы остаться и реализовать себя здесь, в России». (Алина Дружкова, студентка 3-го курса ТГУ); 3) «...Скорее всего, я могу причислить себя к «учебным мигрантам». Я тут по той причине, что здесь образование на голову выше и тут есть то, что я могу получить только здесь – знания по своему профилю – и обзавестись важными навыками, и, чтобы получить нужное мне, я, подобно молдаванам с таджиками, еду на большую землю». (Ян Игнатович, студент 2-го курса ТГУ); 4) «...Считаю, потому что я приехал в Россию на данный момент только на обучение» (Тимур Байгушкарров, магистрант ТПУ).

Еще одним фактором, «помогающим» ощущать себя «учебным мигрантом» уже на правовом уровне, яв-

ляется миграционная карта, которая заполняется иностранным гражданином при въезде в РФ, где указывается цель так называемой миграции (рис. 1). Вот что об этом говорит одна из информантов: «...тут дело не в том, считаю я себя таковой или нет. Это по положению РФ о въезжающих в страну людях...» (Анна Эдокова, студентка 3-го курса ТПУ). Помимо юридической стороны вопроса, которая способствует выбору идентичности в пользу «учебного мигранта», существуют «закрытые» организации, доступ к которым имеют только граждане РФ (Вооруженные силы РФ, Федеральная служба безопасности, Министерство внутренних дел, ряд объектов, связанных с ядерной промышленностью, и др.). В связи с этим среди студентов из Казахстана есть те, кто в силу своего миграционного статуса в российском обществе имеет ограниченный доступ к получению определенной информации. В первую очередь это касается тех, кто обучается на факультетах, где предусмотрено прохождение практики на закрытых для иностранных граждан объектах (в нашем случае это АЭС): 1) «...До тех пор, пока я не столкнулась с прохождением практики, я думала, что все "ок"! "Чужим" я не являюсь в России, но после того, как начала искать практику, возникли проблемы, т.к. у меня промышленные объекты, Центральная Россия для меня закрыта, и мало кто хочет брать иностранцев, так что думаю, что проблема есть» (Ольга Степанова, студентка 3-го курса ТПУ). Среди информантов были и те, кто не знает, кем он является. Весьма интересна рефлексия опрашиваемых студентов, которые не смогли определиться со своей идентичностью: 1) «...Привет, не знаю, как правильно это сказать, я приехал сюда, потому что хотел получить отличное образование, хотел узнать, что такое быть

самостоятельным. У нас в Казахстане, скажу так, очень мало хороших учебных заведений, а если и есть, то все платное, а тут я поступил на бюджет, меня тут все устраивает, но я патриот своей страны, и я не знаю, можно ли считать меня мигрантом. Обычно мигранты это те, кто меняет свое постоянное место жительства, если бы я переехал сюда, то, возможно, но ведь я не собираюсь задерживаться надолго, и тут я чувствую себя как дома, люди добрые, отзывчивые, общительные. Людей, которых я знаю, здесь они все хорошие» (Султан Сейтказынов, студент ТПУ); 2) «...Как-то не задумывался. С одной стороны я являюсь "учебным мигрантом", т.к. в Россию приехал получить образование, но, с другой стороны, я – русский, и меня можно назвать репатриантом, возвращаюсь на историческую родину. Больше термин "учебный мигрант" относится к нерусской части студенчества» (Никита Сергеев, студент 3-го курса ТГУ).

Как видим, часть информантов называют себя репатриантами, демонстрируя тем самым очень тонкую, но очевидную грань между учебным мигрантом и репатриантом. При этом русские студенты считают себя скорее репатриантами, чем учебными мигрантами, выделяя себя в особую группу из общего потока выходцев из Казахстана: 1) «...Интересно... нет, не считаю. Я себя считаю скорее репатриантом, только через поколение. Бабушки и дедушки родились в России, их в Казахстан отправили по распределению, так что я возвращаюсь на историческую родину» (Антон Самборский); 2) «...Я себя, в общем, не считаю мигрантом, да, я с Казахстана, но Россия – это моя историческая родина, и поэтому я здесь» (Иван Щербаков, студент 3-го курса ТГУ).

Приложение № 1

к Протоколу между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Министерством внутренних дел Республики Беларусь о порядке реализации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о применении миграционной карты единого образца от 5 октября 2004 года

"А" (Въезд/Arrival)		Российская Федерация Russian Federation		Республика Беларусь Republic of Belarus	
Миграционная карта Migration Card		Серия/ Serial	№		
Фамилия/Surname (Family name)					
Имя/Given name(s)					
Отчество/Patronymic					
Дата рождения/Date of birth		Пол/Male	Жен/Female		
Дни/ Day	Месяц/ Month	Год/ Year	Гражданство/Nationality		
Документ, удостоверяющий личность/Passport or other ID					
Цель визита (нужно подчеркнуть) Purpose of travel (to be underlined): Служебный/Official, Туризм/Tourism, Коммерческий/Business, Учеба/ Education, Работа/Employment, Частный/Private, Транзит/Transit					
С/From:		Срок пребывания/Period of stay:		Подпись/Signature:	
Служебные отметки/For official use only					
Въезд в Российскую Федерацию /Республику Беларусь/Date of arrival in the Russian Federation/Republic of Belarus			Выезд из Российской Федерации /Республики Беларусь/Date of departure from the Russian Federation/Republic of Belarus		

"Б" (Выезд/Departure)		Российская Федерация Russian Federation		Республика Беларусь Republic of Belarus	
Миграционная карта Migration Card		Серия/ Serial	№		
Фамилия/Surname (Family name)					
Имя/Given name(s)					
Отчество/Patronymic					
Дата рождения/Date of birth		Пол/Male	Жен/Female		
Дни/ Day	Месяц/ Month	Год/ Year	Гражданство/Nationality		
Документ, удостоверяющий личность/Passport or other ID					
Цель визита (нужно подчеркнуть) Purpose of travel (to be underlined): Служебный/Official, Туризм/Tourism, Коммерческий/Business, Учеба/ Education, Работа/Employment, Частный/Private, Транзит/Transit					
С/From:		Срок пребывания/Period of stay:		Подпись/Signature:	
Служебные отметки/For official use only					
Въезд в Российскую Федерацию /Республику Беларусь/Date of arrival in the Russian Federation/Republic of Belarus			Выезд из Российской Федерации /Республики Беларусь/Date of departure from the Russian Federation/Republic of Belarus		

Линия разрыва

Рис. 1

Как выяснилось, большинство опрошенных респондентов не идентифицируют себя как «учебных мигрантов». Данная категория студентов весьма успешно адаптируется и интегрируется в принимающее сообщество независимо от своей этнической принадлежности. По ответам информантов видно, что студенты из Казахстана могут быть разделены на несколько категорий, связанных с их вновь приобретенной идентичностью в Российской Федерации: 1) репатрианты;

2) люди, получающие образование в идентичной социокультурной среде («свои»); 3) «учебные мигранты» де-факто, но не де-юре, как мы это видим из анализа законодательной базы. Исходя из вышеперечисленного, можно заключить, что понятие «учебный мигрант» для такой группы студентов будет нерелевантным, поскольку оно не является актуальным в реальной жизненной практике исследуемого сообщества и не отражает объективную образовательную ситуацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арефьев А.Л. Доклад на 3-м Всемирном форуме иностранных выпускников советских и российских вузов (Москва, ноябрь 2012 г.). URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0571/analit02.php>, свободный (дата обращения: 12.05.2014).
2. Рыбаковский Л.Л. Демографическое развитие России в XXI в. URL: <http://rybakovsky.ru/demografia1a16.html>, свободный (дата обращения: 12.05.2014).
3. Ракишева Б.И., Полетаев Д.В. Учебная миграция из Казахстана в Россию как один из аспектов стратегического сотрудничества в рамках развития Таможенного союза. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/uchebnaya-migratsiya-iz-kazahstana-v-rossiyu-kak-odin-iz-aspektov-strategicheskogo-sotrudnichestva-v-ramkah-razvitiya-tamozhennogo>, свободный (дата обращения: 15.01.2015).
4. Дементьева С.В. Учебная миграция в Томский политехнический университет: механизмы и практики эффективной адаптации. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/uchebnaya-migratsiya-v-tomskiy-politehnicheskii-universitet-mehanizmy-i-praktiki-effektivnoy-adaptatsii>, свободный (дата обращения: 16.01.2015).
5. Дементьева С.В. Социально-правовые аспекты учебной миграции в контексте реформы российского образовательного законодательства. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/uchebnaya-migratsiya-v-tomskiy-politehnicheskii-universitet-mehanizmy-i-praktiki-effektivnoy-adaptatsii>, свободный (дата обращения: 15.02.2015).
6. Дементьева С.В., Полетаев Д.В. Инновационные стратегии развития международного образования в ракурсе учебной миграции в вузы России. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-strategii-razvitiya-mezhdunarodnogo-obrazovaniya-v-rakurse-uchebnoy-migratsii-v-vuzy-rossii>, свободный (дата обращения: 15.02.2015).
7. Концепция миграционной политики Российской Федерации до 2025 года и информация о ходе ее исполнения. URL: http://www.fms.gov.ru/documentation/koncept_mig_pol, свободный (дата обращения: 25.02.2015).
8. Рыбаковский Л.Л. Практическая демография. URL: <http://rybakovsky.ru/uchebnik3a23.html>, свободный (дата обращения: 24.02.2015).

Sadyrin Anton A. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: realstar94@sibmail.com

MIGRANT STUDENTS FROM KAZAKHSTAN: FACT OR FICTION? (THE CASE OF TOMSK).

Keywords: student migration; migrant students; Russia; Kazakhstan.

It is not rare that some terms and concepts are filled with the meaning which is not reflective of reality – the fact that makes the very use of them questionable. In most cases, this happens “thanks to” various actors involved. The terms “student migration” and “migrant students” have become part of the Russian academic discourse in the first half of the 2000s when implications of the demographic crisis started to be felt and spread into higher education. It is then that the first academic research works by demographers and sociologists exploring some problematic issues of that phenomenon started to appear. Migration researchers place “student migration” among migrations “by objectives”, which here implies “moving to a place of study” (L.L. Rybakovskiy). Then the question arises: to what extent foreign students identify themselves as “migrant students”? Our hypothesis is that the concept of “migrant students” does not reflect the real situation in education as there is a significant number of foreign students who do not think of themselves as migrants *per se*. Students from Kazakhstan are also included in the “migrant students” category. Based on individual semi-structured interviews, we have investigated the pilot group of students from different parts of Kazakhstan – East Kazakhstan being the main exporter of them – who study at universities of Tomsk. The aim was to study the self-identification of the students in relation to the concept “migrant students”, or otherwise, to find out if they consider themselves to be part of the student migration movement to Russia. There have been thirty interviews taken in total, the analysis of which revealed that the percentage of those students from Kazakhstan who do not see themselves as “migrant students” along with those whose self-identification with this concept is not stable, is higher than that of students confidently considering themselves as “migrant students”. The main reason why students from Kazakhstan consider themselves as “migrant students” is the formal movement from the one country to the other with the aim of getting educational services, although these same informants do not deny the similarities in the socio-cultural space of both countries and the absence of any language barrier. All the students interviewed had never thought about their having the social status of “migrant students” prior to the interviews but, having analyzed their empirical experience, they drew a conclusion that *de facto* (and this is worthy of particular attention) they are “migrant students”. Another factor contributing to their feeling of being “migrant students”, on a legal level this time, is the migration card to be filled in by all foreign citizens when entering the Russian Federation wherein one has to indicate the purpose of migration.

REFERENCES

1. Arefyev, A.L. (2012) *Doklad na 3-m vseмирном forumе inostrannykh vypusknikov sovetskikh i rossiyskikh vuzov* [Report on the 3rd World Forum of Foreign Graduates of Soviet and Russian universities]. [Online] Available from: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0571/analit02.php>. (Accessed: 12th May 2014).
2. Rybakovskiy, L.L. (n.d.) *Demograficheskoe razvitie Rossii v XXI v.* [Demographic development of Russia in the 21st century]. [Online] Available from: <http://rybakovsky.ru/demografia1a16.html>. (Accessed: 12th May 2014).
3. Rakisheva, B.I. & Poletaev, D.V. (2011) *Uchebnaya migratsiya iz Kazakhstana v Rossiyu kak odin iz aspektov strategicheskogo sotrudnichestva v ramkakh razvitiya Tamozhennogo soyuza* [Educational migration from Kazakhstan to Russia as a strategic aspect of cooperation within the Customs Union]. *Evrasiyskaya ekonomicheskaya integratsiya*. 3(12). [Online] Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/uchebnaya-migratsiya-iz-kazahstana-v-rossiyu-kak-odin-iz-aspektov-strategicheskogo-sotrudnichestva-v-ramkah-razvitiya-tamozhennogo>. (Accessed: 15th January 2015).

4. Dementyeva, S.V. (2012) Uchebnaya migratsiya v Tomskiy politekhnicheskii universitet: mekhanizmy i praktiki effektivnoy adaptatsii [Educational migration in Tomsk Polytechnic University: Mechanisms and practices of effective adaptation]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk Polytechnic University*. 6(321). [Online] Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/uchebnaya-migratsiya-v-tomskiy-politekhnicheskii-universitet-mekhanizmy-i-praktiki-effektivnoy-adaptatsii>. (Accessed: 16th January 2015).
5. Dementyeva, S.V. (2011) Sotsial'no-pravovye aspekty uchebnoy migratsii v kontekste reformy rossiyskogo obrazovatel'nogo zakonodatel'stva [The social and legal aspects of educational migration in the context of the reform of the Russian educational law]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk Polytechnic University*. 6(319). [Online] Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-pravovye-aspekty-uchebnoy-migratsii-v-kontekste-reformy-rossiyskogo-obrazovatel'nogo-zakonodatel'stva>. (Accessed: 15th February 2015).
6. Dementyeva, S.V. & Poletaev, D.V. (2010) Innovatsionnye strategii razvitiya mezhdunarodnogo obrazovaniya v rakurse uchebnoy migratsii v vuzy Rossii [Innovative strategies for international education from the perspective of educational migration in Russian universities]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk Polytechnic University*. 6(310). [Online] Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-strategii-razvitiya-mezhdunarodnogo-obrazovaniya-v-rakurse-uchebnoy-migratsii-v-vuzy-rossii>. (Accessed: 15th February 2015).
7. Federal Migration Service. (n.d.) *Kontseptsiya migratsionnoy politiki Rossiyskoy Federatsii do 2025 goda i informatsiya o khode ee ispolneniya* [The concept of the Russian Federation migration policy up to 2025 and information on its implementation]. [Online] Available from: http://www.fms.gov.ru/documentation/koncept_mig_pol. (Accessed: 25th February 2015).
8. Rybakovskiy, L.L. (n.d.) *Prakticheskaya demografiya* [Applied Demography]. [Online] Available from: <http://rybakovsky.ru/uchebnik3a23.html>. (Accessed: 24th February 2015).

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(57)

DOI 10.17223/19988613/40/20

В.П. Бойко

РЕЦЕНЗИЯ : ЧЁРНАЯ М.П. ВОЕВОДСКАЯ УСАДЬБА В ТОМСКЕ. 1660–1760-е гг. ТОМСК : ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ Д-ПРИНТ, 2015. 276 с. : ил.

Любителей томской старины можно поздравить с выходом очередной роскошной книги о Томске, которую написала, оформила и издала при финансовой поддержке Администрации Томской области и руководства Томского университета Мария Петровна Чёрная, которая выступила здесь не только как квалифицированный археолог, но и как поэт земли Томской, и даже как талантливый менеджер, реализовавший свой проект на практике. Сделать это в наши непростые времена (а когда они были простые?) очень трудно, практически невозможно, но случилось чудо, и вот в руках у читателя роскошный том зеленого цвета, альбомного формата, с многочисленными цветными рисунками и фотографиями, где оформление каждой страницы подчеркивает содержание текста.

Научным редактором и автором предисловия согласился быть ведущий археолог Сибири, академик Российской академии наук В.И. Молодин, который резюмировал: «Мне представляется, что монография М.П. Чёрной вносит не только фундаментальный вклад в изучение этапа освоения Сибири русскими, но и имеет не менее существенное прикладное значение, с учётом непростых процессов национального звучания, которые происходят сегодня в федеративном государстве, каким является Россия».

В самом деле, древняя история Томска в книге М.П. Чёрной органично включена в историю всей России изучаемого периода, многие заимствования хозяйственно-бытового назначения очевидны. Но ведь в Томске в то время появляются и оригинальные сибирские черты, определяемые климатическими и природными особенностями, контактами с местным аборигенным населением, томской казачьей и крестьянской вольницей и другими факторами. Эта сторона жизни сибирского региона требует уважения и дальнейшего изучения. Об этом сибиряки говорили ещё в XIX в., когда появилось сибирское областничество, большой вклад в изучение которого внес другой выдающийся сибирский историк – М.В. Шиловский. Российские правители во все времена формировали свой бюджет не в последнюю очередь за счет сибирских богатств: сначала поднялись «с колен» после Смутного времени за счет сибирских мехов, прежде всего соболиных, которые хлынули на европейские рынки и сбывались там

по демпинговым ценам, затем за счет рудного серебра и рассыпного золота, ну а в нынешнее время, как всем известно, за счет углеводородного сырья. Отдавать львиную долю региональных доходов в казну и не заикаться об этом было всегда хорошим тоном во взаимоотношениях Центра с сибирской окраиной.

Книга М.П. Чёрной начинается с рисунка средневековой русской деревянной крепости, сделанного профессором Томского архитектурно-строительного университета Ю.П. Нагорновым, талантливым ученым и художником. Этот рисунок, на мой взгляд, – не древний Томск, а собирательный образ бревенчатого города, в который вложен труд многих сотен людей, реализован замысел талантливого архитектора и привнесены типические черты градостроительства той далекой эпохи. Рисунок выполнен, вероятно, в советские времена, и православный шатровый храм внутри кремля стоит без главного своего атрибута – креста. Позднее в своей главной работе – Панораме Томска начала XX в., кресты на церквях уже присутствуют, и это уже было воспроизведением исторической правды, которой восхищались многие зрители, в том числе и представители Дома Романовых и церковные иерархи.

Теперь, после выхода рецензируемой книги, о жизни средневекового Томска краеведы будут знать лучше, чем о жизни в последующие времена. М.П. Чёрная рассмотрела в динамике строительство усадьбы воеводы, эволюцию высотных деревянных построек в России и Сибири, детально изучила и описала некоторые элементы обустройства дома: полы и двери, печи и изразцы, окна, крыши другие архитектурные и бытовые детали этого административного и жилого одновременно помещения. Жаль, что воспроизвести этот дом на прежнем месте не удастся – там стоит Музей истории города Томска, который прежде занимала Воскресенская полицейская управа (С. 21). Однако на плане местности видно, что раскопки проходили за зданием музея (С. 24–25), место для реконструкции воеводской избы не занято капитальными постройками и вопрос о начале воссоздания этого ценного исторического и архитектурного памятника не закрыт окончательно. Нужно только проявить волю и настойчивость и к очередному юбилею, а может быть и раньше, мы войдем в воеводские хоромы по рубленому крыльцу,

откроем окованные железом двери, увидим изразцовую печь и другие атрибуты богатого сибирского терема, где можно разместить, кстати, и ценные находки, найденные на этой территории.

Труднее будет разместить на ограниченной территории весь хозяйственно-бытовой комплекс усадьбы: погреб, колодец, конюшню, другие хозяйственные постройки усадьбы, но при подходе к музею по улице Бакунина находятся несколько ветхих деревянных домов с сараями и отхожими местами во дворе, что сильно портит впечатление и воздух вокруг этого учреждения культуры. Снос их и передача земли музею потребует больших усилий, но в результате усадьба томского воеводы появится в полном или достаточно полном объеме. Прекрасная графическая реконструкция уже сделана и представлена на развороте 116-й и 117-й страниц – осталось реализовать этот проект в материале. Каждый из указанных объектов сопровождается в книге подробной и квалифицированной легендой, обрядовой и сакральной характеристикой. Кроме этого, во второй главе дается история возникновения и развития найденных на территории усадьбы различных металлических предметов, по которым можно воспроизвести историю металлургии. Очень интересны разделы, посвященные находкам остатков обуви, мостовых и тротуаров, по которым в этой обуви ходили, целые и фрагменты предметов, по которым можно воспроизвести досуговые занятия томичей – игра в шахматы, шашки, кости и другие приятные и полезные или азартные игры.

Третья глава рецензируемой книги посвящена сложному аспекту любой власти – её реализации в различных материальных и абстрактных формах. Глава так и называется: «Власть и престиж воеводы в историко-археологическом контексте усадьбы» и в отдельных разделах дается история возникновения воеводского управления в Сибири, отражение власти воеводы в топографии усадьбы и предметах делопроизводства, определена представительская роль внешнего облика и внутреннего интерьера воеводских хором. Все это дает возможность оценить статусный код воеводы в предметах,

которые он использовал в быту и на службе, при исполнении своих обязанностей, определить символику власти в контекстах европейской и азиатской традиции, которые в Томске перекрещивались, смешивались, и на их почве возникало что-то свое, оригинальное, томское. Например, «орлистая» печь, облицованная терракотовыми изразцами, или «зверь лютый» на томском печном изразце (С. 196, 199), которые вынесены, кстати, на обложку книги как символы, наряду с вздыбленной лошадкой, сибирского города Томска. Между ними, по логике вещей, и должна была быть помещена фамилия автора книги, но по ошибке, вероятно, оформителя фамилия с инициалами помещены под короной, которая, в свою очередь, принадлежит орлу, а не М.П. Чёрной. Что ж, она достойна такого признания за свои многочисленные и глубокие труды.

Впечатляет библиографический список использованной литературы, где, кроме всего прочего, указаны 23 работы М.П. Чёрной, написанные самостоятельно, 4 – в соавторстве на русском и 3 – на английском языке, но удивило единственное упоминание ученого, «отца», если так можно сказать, отечественной городской археологии – академика Валентина Лаврентьевича Янина, практику у которого студентка Чёрная проходила в начале своей блестящей карьеры и имя которого упоминается в предисловии. Практически все начинающие историки прошли через его книги о берестяных грамотах древнего Новгорода и других русских городов, о началах археологии и вспомогательных исторических дисциплин, т.е. испытали вместе с маститым автором восторг первооткрывателя еще не известных миру источников и фактов. Такие же эмоции должны испытать читатели этой замечательной книги М.П. Чёрной, после которой можно подумать о специальном предмете в школьном и вузовском курсах, особенно если его поддерживают другие исследователи и напишут учебники по более позднему периоду томской истории. Кстати, в Барнауле уже такой учебник есть, издан довольно большим тиражом и пользуется популярностью в школах города и всего Алтайского края.

Boiko Vladimir P. Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russia). E-mail: vpbojko@yandex.ru

REVIEW: M.P. CHERNAYA. VOIVODE ESTATE IN TOMSK. 1660–1760S: TOMSK : PUBLISHING HOUSE OF D-PRINT, 2015. 276 p. : ill.

УДК 070 (571.1/5)
DOI 10.17223/19988613/40/21

В.Н. Владимир

РЕЦЕНЗИЯ : ШЕВЦОВ В.В. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ СИБИРИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА). ТОМСК : ИЗД-ВО ТОМ. УН-ТА, 2016. 620 с.

Отечественная историческая наука всегда относилась с глубоким вниманием к периодической печати, которую можно рассматривать, с одной стороны, как фактор исторического развития определенной страны или региона, с другой – как важнейший исторический источник. При этом оба подхода взаимодополняют и взаимообогащают друг друга. Автором монографии выбран первый подход, однако результаты его исследования дают много нового и интересного и для взгляда на официальную губернскую прессу Сибири как на исторический источник, без которого невозможно адекватное понимание исторических процессов, происходивших в Сибири в любой исторический период начиная с появления первых газет и журналов. Монография В.В. Шевцова предоставляет достаточное количество материала, наблюдений и выводов, характеризующих губернские ведомости и другие печатные издания Сибири как исторический источник.

В рамках исследования последовательно разворачиваются сюжеты отечественной историографии губернской официальной прессы, ее правовое положение в системе периодической печати Российской империи, далее рассматриваются основные направления развития сибирских губернских ведомостей в рамках двух основных хронологических периодов: 60–90-е гг. XIX в. и начало XX в.

Абсолютно адекватной представляется попытка В.В. Шевцова поместить становление официальных губернских изданий в общий контекст формирования информационного пространства России. Можно согласиться с мнением автора о том, что главной задачей российской прессы с момента создания оставалась установка о ее основной роли в обеспечении интересов государственного управления страной, заявленная еще Петром I. Эта тенденция прослеживается в центральных и региональных газетах на протяжении всего имперского периода, при этом ужесточение или либерализация политического режима находили свое полное выражение в официальных изданиях.

Высокой оценки заслуживает объемная работа В.В. Шевцова по выявлению основных сюжетов и тем публикуемых материалов в официальной сибирской прессе, а также изменения их соотношения на протяжении примерно 60 лет, выявлению в этом плане общего и особенного для каждой сибирской губернии. Результатом проведенного анализа публикаций губернских ведомостей стала констатация значимости этно-

графических заметок и областнической тематики в «Томских губернских ведомостях», важность развития технологий в золотопромышленности в «Енисейских», состояние образования и просвещения в «Тобольских» и многое другое.

Безусловным достоинством работы является ее «антропологический» контекст, выраженный не только в наполненности текста различными фамилиями редакторов губернских ведомостей и просто их авторов, но и в приведении кратких справок относительно авторов статей и корреспонденций, а также в рассмотрении непростых мировоззренческих и человеческих отношений между ними. В качестве примеров можно привести уточнение влияния петрашевцев на становление «Иркутских губернских ведомостей», своеобразный спор между «Иркутскими» и «Енисейскими губернскими ведомостями» относительно допустимости степени «обличительности» на страницах газет, а также полемику между светскими и духовными изданиями Иркутской губернии.

Работа снабжена достаточным количеством таблиц и рисунков, которые позволяют глубже проникнуть в рассматриваемые проблемы, иллюстрируют результаты исследования, а в ряде случаев являются аналитическими инструментами.

Давая высокую оценку монографии В.В. Шевцова, хотелось бы сказать о некоторых дискуссионных моментах. Вначале приведу одно соображение по поводу методологического подхода автора к рассмотренному материалу и некоторым путям его совершенствования. Автор собрал огромное количество важной и полезной информации, которая дает, на мой взгляд, возможности для еще более глубокого и разностороннего исследования сибирской периодической печати. Речь идет о необходимости использования современных информационных технологий в хранении, обработке и осмыслении исторического материала. Рамки рецензии не позволяют развернуть это положение в достаточном объеме, поэтому отмечу для примера такой интересный и плодотворный путь изучения материалов периодической печати, как контент-анализ, элементы которого В.В. Шевцов использовал в своей работе, но в очень небольшой степени. Именно с этим направлением исследований, назовем его информационным, как мне кажется, стоит связывать грядущие исследования периодической печати Сибири. Монография В.В. Шевцова продемонстрировала, как мне кажется, все возможности традиционного

описательного метода изучения, но, в то же время, показала, что для дальнейшей работы нужен новый методологический импульс.

Кажется весьма дискуссионной и изложенная автором монографии в конце второй главы периодизация государственной политики в отношении губернских ведомостей. Она охватывает 90 лет (1828–1916 гг.) и включает в себя 10 периодов (хронологических отрезков). В целом, судя по всему, такая «периодизация» адекватно отражает изменения в положении губернской печати и согласуется с выводом автора о «пластичности» законодательных рамок, однако в силу излишней дробности (получается в среднем 9 лет на каждый период) ее, на мой взгляд, следует рассматривать как стадию в создании более фундаментальной периодизации, отражающей более общие тенденции в развитии государственной политики по отношению к губернской прессе.

Думается, что наличие перспектив в уже законченной, казалось бы, работе – высокая и справедливая оценка монографии известного томского историка. Автору удалось определить основные этапы и особенности развития официальной губернской прессы Сибири, оценить ее роль и место в истории российской периодической печати, системе государственного управления и общественной жизни Сибири. Монография, безусловно, будет интересна и полезна исследователям истории официальной и провинциальной периодики, ее выводы и положения важны для создания общей картины развития провинциальной печати, истории средств массовой информации в целом. Книга содержит огромное количество фактического материала, который может быть использован в образовательном процессе. Нет сомнений, что научное сообщество получило новое интересное исследование, написанное на оригинальную и актуальную тему.

Vladimirov Vladimir N. Altai State University (Barnaul, Russia). E-mail: vvladimirov@icloud.com

REVIEW: SHEVTSOV V.V. GOVERNMENTAL PERIODICALS IN SIBERIA (THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY AND BEGINNING OF THE 20TH CENTURY). TOMSK: TOMSK STATE UNIVERSITY PUBLISHING HOUSE, 2016. 640 p.

УДК 94

DOI 10.17223/19988613/40/22

С.А. Красильников, Л.И. Сосковец

РЕЦЕНЗИЯ : ИВАНОВ А.С. «ИЗЪЯТЬ, КАК АНТИСОВЕТСКИЙ ЭЛЕМЕНТ...»: КАЛМЫКИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ (1943–1959 гг.) / ПОД РЕД. Б.У. СЕРАЗЕТДИНОВА ; НАУЧ. СОВЕТ ПРИ ПРЕЗИДИУМЕ РАН ПО ПРОБЛЕМАМ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ. М., 2014. 294 с.: ил.

Новейшая постсоветская отечественная историография демонстрирует резко изменившиеся за четвертьвековой период своего существования предметный «ландшафт» и исследовательские приоритеты в области изучения советской эпохи. Традиционные ориентиры на многотомные издания, в том числе по истории партии и государства, классов, войн и революций, уже не занимают доминирующего положения, на их место пришли разноформатные исследования этнических, конфессиональных, социально-культурных процессов, структур повседневности и других явлений, характеризующих смещение акцентов с истории государственности на социальную историю. Изменение исследовательской «оптики» повлекло за собой и широкомасштабную инверсию: если ранее государственные институты советской эпохи рассматривались и оценивались исключительно в положительной коннотации, то ныне советская государственная политика и практика ее реализации оцениваются с противоположными знаками (исключение делается только для Великой Отечественной войны, точнее для ее итогов). Следует ли считать сложившуюся в отечественной историографии ситуацию аномальной, или считать это издержками затянувшегося переходного периода к взвешенному и политически неангажированному переосмыслению советской эпохи, – ответ на этот вопрос зависит не в последнюю очередь от конкретной ситуации в отдельных предметных областях.

Представляется, что одной из такого рода тематических площадок может стать динамика изучения советской государственной репрессивной политики, где отечественные и зарубежные исследователи сформировали за постсоветское время весьма внушительный комплекс работ документального и исследовательского характера. Данная тема, к тому же, является одной из наиболее острых и чувствительных, поскольку имеет прямой выход на современность, входит в сферу государственной политики памяти. И даже в этой острой и чувствительной сфере есть особые «болевые» точки, касающиеся этноконфессиональных общностей, где коллективная память о репрессиях и дискриминациях сталинской эпохи носит особенно травматический характер. Это, пользуясь перефразировкой А.И. Солженицына, жизнь и судьба «наказанных народов», оказавшихся в «другом Архипелаге ГУЛАГ», не лагерном, а спецпоселенческом. В поле нашего внима-

ния – размышления о книге исследователя из Сургута Александра Сергеевича Иванова о судьбах той части калмыцкого народа, ссылка которой была определена в районы Омской области и выделившейся из нее в 1944 г. Тюменской (Обской Север).

Автор книги оказался поставлен в положение двойной ответственности. Первая из них связана с тем, что он вступает в исследовательское пространство, долго-временно и активно осваиваемое историками, носителями собственно калмыцкого этноса, которыми написаны десятки работ о депортации своего народа. Вторая вытекает из гендерной характеристики: книга является собой заявку молодого исследователя на включение в сообщество историков депортационной тематики.

Здесь необходимо отметить саму динамику разработки отечественными историками указанной предметной области: прологом стали исследовательские и документальные публикации рубежа 1980-х – 1990-х гг. Их логическим продолжением – как результат масштабного расширения доступности историков к документам делопроизводства высших органов власти и репрессивных структур – стали появившиеся теперь уже на рубеже следующего десятилетия монографические исследования Н.А. Ивницкого, В.Н. Земскова, Н.Ф. Бугая, П.М. Поляна и др., документальные научные издания, в том числе серийные («Трагедия советской деревни», «Политбюро и крестьянство» и др.). Появились фундаментальные исследования регионального характера. Иначе говоря, есть основание полагать сформированным тематическое направление и когорты условно «депортантоведов», внутри которых обозначились своего рода профили: ряд исследователей имеет ярко выраженную линию на генерализацию и классификацию феномена депортаций (П.М. Полян, В.Н. Земсков), есть специализация по типам репрессий (крестьянские / этнические / религиозные), по их регионализации (Европейский Север / Урал / Сибирь / Казахстан и др.), когда речь идет о локальных исследованиях той или иной категории депортантов в условиях спецпоселений, которых численно более всего.

Между тем обратной стороной предметного многообразия становится своего рода уплотнение исследовательского ядра, представленного концепциями, подходами, моделями и методами анализа источников. Это привело к тому, что в каждой работе монографического формата должна присутствовать в виде «визитной кар-

точки» триада (теория / историография / методы), по выстраиванию и содержанию которой специалисты с большой долей вероятности могут оценить уровень последующей «живучести» работы в историографической среде. В условиях, когда исследовательский фундамент заложен / «залит», историкам «второго призыва», чаще всего приходится уходить в эмпирику, заниматься «освоением источниковых земель». Отметим сразу, что данная рецензия не нацелена на общий разбор работы А.С. Иванова, это в известной мере уже проделал авторитетнейший историк этнических депортаций Н.Ф. Бугай в предисловии «К читателю», предваряющем саму монографию, выделив и высоко оценив ее новизну в том, что «автор сконцентрировал свое внимание на анализе главным образом социализации калмыцкого населения в новых условиях, реализации социальной государственной политики в отношении калмыков» (С. 6) Нам важно выделить то потенциально новое, что привносит молодая генерация «депортантоведов», кем и чем может прирасти данная предметная область, ибо дефицитом ныне является уже не столько эмпирический материал, сколько подходы к его интерпретации.

Александр Сергеевич своей работой демонстрирует, что его возможности уже переросли границы чисто регионального исследования, он очевидным образом создает задел для выхода на оценочное пространство всего депортационного поля. Пятая часть всего объема его книги (мы не берем здесь квалифицированно выполненные приложения), а именно: введение, историографический очерк и заключение – это чистой воды аналитика, которая формирует оценочное впечатление о книге в целом. Здесь перед нами предстает самостоятельно мыслящий исследователь, профессионально ориентирующийся в течениях и направлениях изучения феномена советских массовых принудительных миграций. Те основные «болезни роста», которые сопровождали становление этого направления в отечественной литературе (публицистичность, политическая ангажированность, понятийный разнобой, эмпиризм и т.д.), для генерации *next* есть не более чем историографические факты. Ныне существует возможность выбора базовой теории (если только не создать собственную) и в соответствии с ним выстроить интерпретации документов и материалов.

Автор совершенно определенно позиционирует себя как сторонник концепции американского историка П. Холквиста, названной «политикой населения» и направленной на формирование государством лояльного населения путем изъятия из него с помощью принудительных переселений неблагонадежных частей, «вредоносных элементов». Этим самым советская политика в данной сфере не являлась чем-то новым, уникальным, а скорее продолжением прежней российской имперской политики и, шире, устойчивым инструментом всякой государственной политики в области обеспечения безопасности институтов власти и в интересах

общества в целом. А.С. Иванов, естественно, не копирует механически подход американского историка, а предлагает с данных позиций проинтерпретировать природу, формы и последствия массовых этнических «чисток». Он совершенно правомерно отмечает в одной из своих последних публикаций, что государственное насилие, направленное на базовые общности (социальные, этноконфессиональные и др.), следует рассматривать в контексте масштабных планов переструктурирования, социальной инженерии тоталитарным режимом [1. С. 83].

Автор не только не уклонился, но достаточно четко обозначил свою позицию по трем ключевым оценочным аспектам депортационного процесса: считать ли государственную политику применительно к калмыцкому этносу геноцидом; считать ли депортацию орудием / инструментом маргинализации калмыцкого «контингента»; стремился ли политический режим к ассимиляции депортированных народов? На все три вопроса исследователь дает отрицательные ответы. Первое: «...на сегодняшний день нет документов, подтверждающих умышленное создание тяжелых социально-бытовых условий на спецпоселении и тем более свидетельствующих о принятии специальных мер для предотвращения рождения детей у калмыков» (С. 186). Второе: власть выделяла ресурсы, обеспечивала нормализацию материального положения репрессированных, способствовала социализации гендерных групп и «близких» власти элементов (Там же). Третье: «Власть добивалась не уничтожения отличительных этнических черт калмыцкого народа, а формирования из калмыков трудового населения, очищенного от “антисоветского элемента”» (С. 187).

Приведем завершающий абзац авторской монографии: «В итоге политика Советского государства в отношении калмыцкого народа не являлась геноцидом в международно-правовом понимании, точно так же, как не была она и актом маргинализации или ассимиляции этноса. Мы полагаем, что советской властью проводилась существенно видоизменившаяся, но в своей основе унаследованная с царских времен политика формирования состава населения. Насильственные методы проведения «специальных мероприятий» и попрание правовых норм придавали действиям государства репрессивный характер, делали их незаконными и преступными, приводя к многочисленным жертвам среди граждан и тяжелым этнокультурным потерям» (С. 188).

Автор, хотел он того или нет, завершил свою монографию сентенцией о том, что сама по себе государственная политика, с точки зрения функциональной, была рациональной и прагматичной и даже по-своему эффективной, но вот только методы ее реализации оказались «незаконными и преступными». Фактически здесь мы сталкиваемся с эмпирически зафиксированным отражением в сознании самого историка конфликта интересов – государства и граждан этого государства. А.С. Иванов, тщательно изучая политику госу-

дарства в отношении одного из «наказанных народов», вольно или невольно сталкивается с дилеммой о приоритетах – встать на государственно-центричную точку зрения или рассматривать события с гражданской, «социальной» точки зрения. Проявить искомую всеми беспристрастность пока никому не удавалось, равно как невозможно отделить политику от практики ее воплощения. Если преступной была сама политика (а массовые депортации советской эпохи признаны таковыми), то и практика была соответствующей. Автор стремится избавить оценочные суждения от крайностей и бездоказательных, априорных заявлений. Возражать против этого не приходится. Назовем это не геноцидом, а массовыми преступлениями против человечности. Назовем это не политикой маргинализации, а дискриминационной политикой. Назовем это не насильственной ассимиляцией, а «управляемой этничностью», запретами на естественные проявления этничности.

Исследователи отмечали изначальный циничный дуализм советской депортационной политики, применяемый еще со времен крестьянской ссылки, на стадии первого пятилетия формирования системы спецпоселений, когда в 1935 г. постановлением ЦИК СССР указывалось, что восстановление спецпереселенца в избирательных правах не является основанием выезда из спецпоселка, что означало сохранение режимного статуса ссыльного. Депортированные в восточные регионы страны калмыки в директивах власти оставались «чуть» ограниченным «правовым» населением. Это подтверждал своим разъяснением для региональных аппаратов НКВД зам. наркома В.В. Чернышев, отмечавший, что «не предусматривалось лишение или ограничение каких-либо гражданских прав этих спецпереселенцев, за исключением права выезда из мест поселения» (С. 69). Но если речь идет о такой ограничительной «малости», тогда правомерен вопрос о наличии и постоянном ужесточении в послевоенный период режимных установлений для «спецконтингентов», наличии разветвленной агентурно-осведомительной

сети и других спецтехнологий. На это есть очень квалифицированный ответ автора.

На наш взгляд, ядром монографии является глава 4 «Влияние режима на спецпоселенческий социум» (С. 121–179). Как это скрупулезно анализирует автор в данной главе, режимный статус депортантов-калмыков носил всепроникающий, системный характер, охватывавший и пронизывавший все стороны жизнедеятельности ссыльных, деформируя трудовую мотивацию, традиционные институты семьи и т.д. А осознанно проводимая прагматичная политика стратификационного деления этой учетной категории «спецконтингента» на «неблагонадежных» и «благонадежных» и создававшая иерархию статусов на практике вела к обесценению позитивной адаптации этноса к условиям ссылки, что отмечает автор (С. 159).

Вряд ли А.С. Иванов сознательно ищет баланс между рациональным и полезным и деструктивным в государственной депортационной политике применительно к калмыкам, но эмпирический материал, особенно в контрасте воспоминаний депортантов с официальной документацией, упорно «сопротивляется». Даже простое механическое сопоставление цифр (численность депортированных калмыков на рубеже 1943–1944 гг. и численность вернувшихся из ссылки во второй половине 1950-х гг.) показывает сокращение этноса почти на четверть. Нам представляется правомерным в завершение обзора книги молодого автора обратиться к эпизоду, связанному с Панайтом Истрати, румынским писателем и публицистом левой ориентации, которого называли «балканским Горьким». В конце 1920-х гг. он полтора года жил в СССР, исколесив поездками страну и описав затем советскую действительность в остро критической форме. На сентенции о том, что великие преобразования в СССР не могут не повлечь за собой всевозможные издержки («нельзя приготовить омлет, не разбив яйца»), Истрати ответил: «Я вижу разбитые яйца, но не вижу омлета».

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов А.С. Административный надзор за спецпереселенцами-калмыками (1944–1956) в контексте «политики населения» // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 2 (357). История. Вып. 62. С. 83–93.

Krasilnikov Sergey A. Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia). E-mail: krass49@gmail.com ; Soskovets Lyubov I. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia). E-mail: ivitca56@mail.ru

REVIEW: IVANOV A.S. «TO WITHDRAW AS ANTI-SOVIET ELEMENT...»: THE KALMYKS IN STATE POLICY (1943–1959) / ED. BY W. SERAZETDINOV; THE SCIENTIFIC COUNCIL AT THE PRESIDUM OF RAS ON PROBLEMS OF MILITARY HISTORY. MOSKOW, 2014. 294 P.: ILL.

Keywords: deportation; the Kalmyks; special settlements; Soviet policy; ethnosc.

REFERENCES

1. Ivanov, A.S. (2015) Administrativny nadzor za spetspereselentsami-kalmykami (1944–1956) v kontekste “politiki naseleniya” [Administrative supervision of the special settlers-Kalmyks (1944–1956) in the context of “public policy”]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2(357). pp. 83-93.

УДК 94(571)
DOI 10.17223/19988613/40/23

Е.А. Крестьянников

**РЕЦЕНЗИЯ : ЛИТЯГИНА А.В. СВЕТСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ГОРОЖАН ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. БИЙСК :
АЛТАЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ИМ. В.М. ШУКШИНА,
2014. 180 с.**

Монография представляет собой попытку продолжить заложенную еще в дореволюционное время традицию изучения сибирской городоведческой тематики. Бийский историк А.В. Литягина берется дополнить достижения исторической науки исследованием воздействия «просвещения» в авторском понимании на жизненный мир городских обитателей, их поведение «по удовлетворению своих каждодневных потребностей» (С. 5).

Затрагиваются проблемы развития школьного образования, культурно-просветительских учреждений, медицинского обслуживания населения, а также санитария, библиотечное и музейное дело, просветительские направления массовой культуры. Почему именно эти сферы интересны автору, а не другие, например деятельность Томского университета, периодическая печать (в тот период регионе издавалось более 200 газет и журналов [1. С. 8–36]), более близкие к заявленной теме, чем, скажем, «влияние уровня грамотности гласных городских дум Западной Сибири на их управленческую деятельность» (название параграфа 2.1 монографии), не разъясняется.

Работа носит описательный характер, многие сюжеты отнюдь не наполнены глубоким смыслом. За численными показателями, зачастую заимствованными из работ предшественников или раздобытых в популярных дореволюционных справочно-статистических изданиях, названиями организаций, фактами читателю, вероятно, будет трудно найти проблемы и их объяснения, которые бы действительно выводили на раскрытие заявленной темы повседневности. Вместе с тем в книге не учитываются критические оценки в духе хотя бы дореволюционной публицистики, не замечено полемики с современными историками, что не увеличивает общую научность исследования.

Невысокий уровень теоретического оснащения делает, к тому же, эти описания поверхностными, еще более затеняя проблемные узлы, в которых обязаны сходиться «просвещение» и «повседневная жизнь»: последние зачастую существуют раздельно, а иногда трудно понять, к чему из них относится тот или иной отрезок текста, и какое, вообще, он имеет к ним отношение. Например, упоминается Юридическое общество при Императорском Томском университете (С. 63–64), деятельность которого знакома автору этих строк не понаслышке [2. С. 85–94]. Все знание, которое

унесет читающий об этой организации, взято из общеизвестной статьи Г.Н. Потанина [3. С. 90–100] – это тематика докладов даже без упоминания выделенных областником направлений работы объединения томских юристов. Если просветительская составляющая в данном случае предполагается, то связь общества с повседневностью горожан весьма умозрительна.

Признаться, ученый из Бийска – не пионер. Пожалуй, не самый искушенный в теме сибирский историк, занимающийся периодом, способен вспомнить десятки авторов и работ, освещающих тем или иным образом затронутую проблематику. Вызывает опасения отсутствие даже упоминаний некоторых исследований, ведь ракурс выбранных для изучения вопросов не выделяется особенной оригинальностью. Так, ни в каком качестве не названы работа Ю.М. Гончарова и В.А. Скубневского (ранее издавалась в 2003 и 2007 гг., сейчас выдержала третье издание [4]), основательная монография А.Н. Жеравиной о Томске того времени, где немало места уделено городской среде обитания и сфере образования [5], книга А.Б. Храмцова о взаимоотношениях органов власти и жителей городов Тобольской губернии [6], в которой так же, как у А.В. Литягиной, речь идет о городском хозяйстве.

Насыщенностью не отличается источниковая база исследования, некоторые объемные сюжеты основываются на уже осмысленном историками и ими задействованных документах. Между тем лишь одна группа источников – периодическая печать – позволяет вскрывать огромные пласты городской повседневности, что доказывается в названном выше труде А.Н. Жеравиной. Ознакомление, например, с рубриками вроде «Из газет», «По Сибири» только одной местной газеты «Сибирская жизнь» предоставляет огромный фактический материал, позволяющий проводить самостоятельные исследования на самую разнообразную тематику, не в последнюю очередь – просвещения и повседневности.

Не повышают качество представленной монографии низкий уровень обобщений, многочисленные ошибки и опечатки, небрежность, отсутствие единообразия в оформлении текста, который, как заявляется, опубликован в авторской редакции. В целом работу нельзя отнести к прорывам в исторической науке, вряд ли она способна послужить и достойным образчиком регионального исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Периодическая печать Сибири (вторая половина XIX – февраль 1917 г.). Указатель газет и журналов : учеб. пособие / сост. Е.Н. Косых, И.Г. Мосина. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 94 с.
2. Крестьянников Е.А. Юридическое общество при Императорском Томском университете // Журнал российского права. 2013. № 9.
3. Потанин Г.Н. Культурно-просветительские организации // Город Томск. Томск : Типолитография Сибирского товарищества печатного дела, 1912.
4. Гончаров Ю.М., Скубневский В.А. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: Население. Экономика. Застройка и благоустройство. Барнаул : ИП Колмогоров И.А., 2014. 252 с.: ил.
5. Жеравина А.Н. Томск второй половины XIX – начала XX в. (по материалам дореволюционной печати). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 402 с.
6. Храпцов А.Б. Власть и общество в городах Тобольской губернии конца XIX – начала XX в. Тюмень : РИО ТюмГАСУ, 2010. 316 с.: ил.

Krestyannikov Evgeniy A. Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: krest_e_a@mail.ru

REVIEW: LITYAGINA A.V. SECULAR EDUCATION AND EVERYDAY LIFE OF THE CITIZENS OF WESTERN SIBERIA IN THE SECOND HALF OF XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES. BIYSK: ALTAI STATE ACADEMY OF EDUCATION OF V.M. SHUKSHIN, 2014. 180 p.

REFERENCES

1. Kosykh, E.N. & Mosina, I.G. (2001) *Periodicheskaya pechat' Sibiri (vtoraya polovina XIX – fevral' 1917 g.). Ukazatel' gazet i zhurnalov* [Siberian periodics (the late 19th – February 1917). The index of newspapers and magazines]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Krestyannikov, E.A. (2013) The Legal Society under the Imperial Tomsk University. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 9. (In Russian).
3. Potanin, G.N. (1912) Kul'turno-prosvetitel'skie organizatsii [Cultural and educational institutions]. In: *Gorod Tomsk* [Tomsk]. Tomsk: Siberian Printing Partnership.
4. Goncharov, Yu.M. & Skubnevskiy, V.A. (2014) *Goroda Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale KhKh v.: Naselenie. Ekonomika. Zastroyka i blagoustroystvo* [Cities in Western Siberia in the late 19th – early 20th centuries: Population. Economy. Construction and Improvement]. Barnaul: Kolmogorov I.A.
5. Zheravina, A.N. (2010) *Tomsk vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. (po materialam dorevolutsionnoy pechati)* [Tomsk in the late 19th – early 20th centuries (based on the pre-revolutionary press)]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Khramtsov, A.B. (2010) *Vlast' i obshchestvo v gorodakh Tobol'skoy gubernii kontsa XIX – nachala XX v.* [Power and society in Tobolsk province in the late 19th – early 20th centuries]. Tyumen: Tyumen State University of Civil Engineering.

УДК 930.85 + 94(47) + 342.4 + 2(075)
DOI 10.17223/19988613/40/24

К.Н. Филькин, О.В. Хазанов

**КУДА МОЖЕТ ЗАВЕСТИ «МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СИНТЕЗ»: РЕЦЕНЗИЯ НА
ДИССЕРТАЦИОННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ И.А. ТАРАСЕВИЧА «КОНСТИТУЦИОННО-
ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕЛИГИОЗНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
(ТЮМЕНЬ, 2015)**

Междисциплинарность и основанный на ней так называемый методологический синтез являются теми свойствами исследования, которое обычно воспринимается положительно: оно указывает на широту интересов автора, новаторское использование различных методологий и, как следствие, интересный для разных областей науки результат. Но все это справедливо только в том случае, если исследователь по-настоящему владеет достаточным уровнем познаний в разных областях. В обратном случае невозможно избежать казуса. Особенно это бросается в глаза, когда недостающая по одной из областей научная квалификация подменяется личными предпочтениями: идейная субъективность вместо методологического аппарата. Проблемы верифицируемости результатов полидисциплинарных синтезов неоднократно становились предметом критики [1].

Живым примером указанной проблемы стало диссертационное исследование на соискание ученой степени доктора юридических наук И.А. Тарасевича на тему «Конституционно-правовые основы религиозной безопасности Российской Федерации» (Тюмень, 2015).

Тематика безопасности, в том числе религиозной, в последнее время звучит чрезвычайно остро и часто, что могло бы сделать указанное исследование важным и актуальным, находящимся в мейнстриме политических векторов. С другой стороны, само выстраивание взаимоотношений государственных и религиозных институтов является важной задачей для любого общества, в том числе и современного российского. Можно отметить целый ряд мировых и сугубо российских проблем, затрагивающих религиозную сферу: межконфессиональные и межэтнические конфликты; возрастание напряженности в социуме, вызванной угрозой терроризма; широкое применение антиэкстремистского законодательства в религиозной сфере; конфликты интересов при реституции церковного имущества; противоречие между статусом светского государства и влиянием церкви на политику, культуру и общественную жизнь. Острота и значимость указанных проблем в России особенно повышены, поскольку РФ является многонациональным и многоконфессиональным государством. Следовательно, очевидна необходимость решения указанных проблем. Однако решения, предлагаемые автором в диссертации, вызывают серьезные возражения.

Представленное исследование, без сомнения, является междисциплинарным – оно затрагивает как юридическо-правовые нормы, так и религиоведческую сферу. Вместе с тем можно отметить ключевой минус работы – крайне слабую проработанность религиоведческой и вместе с ней исторической стороны выбранной темы. Например, ни в работе, ни в списке литературы не были обнаружены ключевые как российские, так и иностранные исследователи религии (а таковых крайне много: например, А.И. Клибанов, Л.Н. Митрохин, В.И. Гараджа, И.Я. Кантеров, И.Н. Яблоков, С.Б. Филатов, Д.Е. Фурман, Б.З. Фаликов, Е.А. Торчинов, Ф.М. Мюллер, Р. Старк, П. Бергер, А. Баркер, Дж. Бэкфорд и др.). Вместо этого список литературы переполняют источники православной тематики, публикации православных издательств и огромное количество ссылок на православные апологетические интернет-ресурсы. Причем православные источники присутствуют в том числе в блоке «Научная литература».

После ознакомления с работой остается стойкое понимание, что автор на основе, вероятно, собственного мировоззрения ставит цель юридического запрета тех форм религиозности и религиозных организаций, которые сам считает ошибочными. Подавая эту идею в русло конституционного права, автор, вероятно, сам не замечает, как противоречит действующей Конституции, гарантирующей свободу совести и отсутствия единой и обязательной для всех идеологии.

Автор предлагает наделить некоторые религиозные объединения статусом «традиционные» (все остальные, естественно, становятся «нетрадиционными»). В качестве новаторского механизма разделения автор предлагает принятие Федерального закона «О традиционных религиозных объединениях». Новаторство и обоснованность вызывают явное возражение. Необходимо отметить, что проект ФЗ «О традиционных религиозных объединениях» уже предлагался в 1999 г. (под № 99048645-2) и был снят в 2004 г. Советом ГД ФС РФ. Таким образом, Государственная Дума еще десятилетие назад оценила отсутствие правовой значимости данного законодательного акта. Для самого понятия «традиционной» религии или религиозного объединения у автора отсутствует определение.

«Традиционными» для России, с точки зрения автора, являются православие, ислам, буддизм и иудаизм. В качестве научного обоснования этой идеи автор пишет,

что «большинство исследователей в сфере свободы совести и религиозных объединений единодушны» (С. 36), не ссылаясь при этом ни на каких конкретных исследователей ни из сферы религиоведения, ни социологии, ни иных смежных областей и прикрываясь еще при этом «свободой совести и религиозных объединений». Автор ссылается также на преамбулу ФЗ «О свободе совести...», отмечая, что *«религии и конфессии, прямо не указанные в преамбуле... некорректно считать традиционными для российского общества»* (С. 37). Однако эта ссылка как доказательство мнения автора сомнительна, тем более он заменяет «христианство» в оригинале на «православие», а также исключает указание в преамбуле и на *«другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России»*. Но самое главное – преамбула никоим образом не указывает на свойство «традиционности» отмеченных религий, и сам закон ни в коей мере не выделяет их среди любых иных религиозных организаций РФ. П. 1 ст. 4 данного ФЗ специально подчеркивает, что «никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной», тогда как автор в своей работе настойчиво предлагает обратное. Даже сам приведенный перечень «традиционных» религий отражает субъективные представления автора о религиоведении: непонятно по какой причине вместо «христианства» указано исключительно «православие», а остальные указаны обобщенными наименованиями, хотя ислам, буддизм и иудаизм также имеют деление на вполне конкретные деноминации.

Устанавливая априорную связь «традиционных» религий с высокой нравственностью и национальной безопасностью (С. 56), автор противоречит сам себе, указывая, например, на сепаратизм Татарстана, Калмыкии, Тувы и Бурятии (С. 57), поскольку сепаратизм в данных регионах вырастает из особых национальных культурных традиций, сложившихся в рамках признаваемых по диссертации «традиционными» религий – ислама и буддизма. Также остается неясным, чем «традиционные» религиозные объединения могут быть по определению более законопослушными, если даже сам автор пишет о возможности применения к ним такой характеристики, как «тоталитарность» (С. 43).

Свои личные предпочтения автор в вопросе «традиционности» и не скрывает: «безусловным приоритетом в плане возможного приобретения такого статуса обладает РПЦ МП» (С. 196). Хотя И.А. Тарасевич и признает существование других «традиционных» религий, единственной упоминаемой в диссертации религиозной организацией является РПЦ МП. Именно в ее лице автор описывает получение специальных привилегий в правовой сфере, построение «кооперационной модели» государственно-религиозных отношений, наделение особыми имущественными и финансовыми правами. Данный момент позволяет также усомниться в достаточной квалифицированности автора в области рели-

гиоведения и истории религий. Кроме того, правовые льготы и привилегии для узкого перечня «традиционных» религий создадут нарушение Конституции РФ, где отмечается равенство всех религий и отсутствие приоритета какой-либо из них.

С целью придания обоснованности антисоциальности и противоречия «традиционным ценностям» автор приводит описание некоторых религиозных течений, относимых им к «нетрадиционным» и «деструктивным». Но этот блок работы (С. 82–107, 284–291, по неясной причине разделенный на две части) выполнен настолько неквалифицированно, в духе желтой прессы, что выглядит явно лишним. Изложенное в указанном разделе описание построено на основе риторики антикультового движения и миссионерских организаций и очень далеко от академического религиоведческого дискурса. Это подтверждается источниками, на которые ссылается автор: в основном это публикации А. Дворкина, одного из лидеров православного антикультового движения, деятельность которого подвергается научной критике. Например, ведущий научный сотрудник Института Европы РАН религиовед Р. Лункин относительно работ А. Дворкина отмечает, что они «не являются научными, и оценивать их в рамках светской науки совершенно бессмысленно» [2]. Это же относится и к двум другим приводимым автором «специалистам в области государственно-религиозных отношений и деятельности религиозных и псевдорелигиозных объединений деструктивной направленности» – И. Куликову, А.И. Хвыля-Олинтеру.

Даже единственное на всю работу цитирование известного российского индолога И.П. Глушковой (С. 91) приводится сугубо по книге А. Дворкина, хотя еще в 2008 г. Ирина Петровна опубликовала открытое заявление с протестом против использования ее имени в качестве подтверждения подобных идей антикультового движения [3].

Автор предлагает новые определения для религиозных организаций: «нетрадиционное для России религиозное объединение деструктивной направленности» (РДН) и «нетрадиционное для России псевдорелигиозное объединение деструктивной направленности» (ПРДН).

Во-первых, единственное отличие между двумя данными категориями заключается в применении приставки «псевдо». Но ни в автореферате, ни в диссертации автор не дает определения данных типов религиозных организаций, в том числе четко разграничивающих их между собой. Единственное, что указывается, – пример таких «псевдорелигиозных организаций»: сайентология и анастасиевцы. Однако является ли это достаточным для формулирования новых терминов, о которых заявляет автор?

Во-вторых, в целом структура разделения всех религиозных организаций на «традиционные», «РДН» и «ПРДН» является крайне неполной и сомнительной. Это

лишь вновь указывает на неподготовленность автора в религиозноведческом плане. В работе (С. 45) указана ссылка на приложение, которое, по мнению И.А. Тарасевича, демонстрирует классификацию религиозных объединений, действующих в РФ. Однако оно вызывает лишь вопросы. Так, в нем указано деление на следующие группы: «Традиционные для России», «Религиозные объединения, имеющие древнюю историю» и «Новые религиозные объединения, появившиеся в России 20–30 лет назад». Совершенно не ясно, что означает с исторической точки зрения формулировка «имеющие древнюю историю» и как быть с объединениями, появившимися не 20–30 лет назад, а 50, 100 или 200? Следует ли их считать уже «имеющими древнюю историю» или просто находящимися вне предлагаемой классификации?

Исходя из размытого определения «традиционной религии» и указанного автором перечня таковых, остается неясным, где оказываются все остальные религиозные объединения, имеющие как официальную регистрацию, так и зачастую долгую историю существования на территории Российского государства, но не попадающие в список «традиционных», и при этом логически не относящиеся к «РДН» и «ПРДН». К таковым можно отнести традиционные верования народностей РФ (например, шаманизм народов Сибири), католическое вероисповедание (последователи которого проживают на территории Российского государства как минимум со времен Петра I), лютеран (как минимум со времен Екатерины II) и т.д.

В-третьих, автор противоречит собственным же предложениям. Например, «особо отмечается, что к нетрадиционным для России религиозным и псевдорелигиозным объединениям деструктивной направленности следует относить только те религиозные объединения, чья опасность для общества отражена в решениях российских судебных органов» (С. 28 автореферата). Однако в диссертации (С. 91–97) приводится в качестве примера РДН описание «Общество сознания Кришны», примыкающее, по словам автора, к сатанизму. Однако в отношении данной религиозной организации, зарегистрированной в России, нет решений российских судебных органов, устанавливающих ее опасность. А связь с сатанизмом – это вообще нонсенс. Стоило обратиться хотя бы к ставшей классической уже монографии Б.З. Фаликова [4] или современным религиозноведческим справочникам [5].

И, наконец, в-пятых, следует заключить, что хотя автор в своей работе в качестве основания для введения новых терминов «РДН» и «ПРДН» отмечает невозможность использования термина «тоталитарная деструктивная секта», принадлежавшего А. Дворкину, его собственные предлагаемые определения ничем функционально не отличаются – их применение направлено на апологетическое подавление религиозного инакомыслия.

При изучении диссертации может закрасться мысль, что цель автора – полное выведение из правовой сферы

религиозных организаций, которые окажутся, говоря простым языком, «неправильными» по мировоззрению автора, получают наименование «РДН» и «ПРДН» и исключительным образом с помощью необоснованных, с точки зрения религиоведения, социологии и истории, механизмов будут лишены прав. В некоторых местах автор этого и не скрывает, например описывая концепцию ФЗ «О традиционных религиозных объединениях»: «Разграничить и вывести за рамки отношений государства с традиционными религиозными организациями РДН и ПРДН» (С. 277).

Большое внимание в диссертации уделяется «прозелитизму», дефиниция которого автором определяется как вклад в науку конституционного права России (С. 17, 22, 23 автореферата). Сформулированное определение данного понятия предлагается добавить в ФЗ «О свободе совести...», а также включить прозелитизм в перечень экстремистских деяний ч. 1 ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Неясно, чем прозелитизм, определенный как «вербовка новых членов», по сути, отличается от миссионерства? Здесь заключается противоречие ст. 8 Конституции РФ, где «каждому гарантируется право иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними». Исходя из сформулированной автором дефиниции и указанной конституционной статьи, можно сделать вывод, что главной угрозой «конституционных прав и интересов государства» является сама Конституция.

Из специфики определения автора неясно, является ли предложение «духовных» выгод, например, в виде «спасения души», с целью вербовки новых членов одной из форм «материальных» выгод и не совершают ли традиционные религии данный акт, который предлагается расценивать как экстремистский? И в целом непонятно, как тогда воспринимать деятельность «традиционной» религиозной организации РПЦ МП, которая не только исторически, но и в настоящее время занимается миссионерством (прозелитизмом) в России, а также и в Таиланде, Пакистане, Индонезии и других странах?

Автор диссертации предлагает расширение сферы противодействия экстремизму внесением дополнений в ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Данное расширение лишь усугубит и без того непростую ситуацию в отношении антиэкстремистского законодательства, которое за последние несколько лет неоднократно становилось предметом обсуждения и даже критики на различных «круглых столах» [6]. Проблемы применения антиэкстремистского законодательства (например, чрезмерно увеличенный список экстремистских материалов, некомпетентность районных судов для ведения «экстремистских» дел, недостаточно четко очерченные критерии экстремистской деятельности, что позволяет разным экспертам делать разные выводы и т.д.) лишь увеличатся, поскольку предлагаемые автором дополнения являются слишком широкими и зачастую не имеют к экстремизму никакого отношения и

при этом могут регулироваться другими правовыми актами. В качестве примера формулировок, которые предполагают крайне широкое толкование, можно отметить: «нанесение установленного в соответствии с законом ущерба нравственности, здоровью граждан», «совершение развратных и иных противоправных действий».

Спорным выглядит предложение «запрета участия в руководстве религиозными организациями иностранных граждан» (С. 23–24) посредством дополнения ФЗ «О свободе совести...». Многие российские религиозные организации являются частью международных религиозных организаций, соответственно, имеют в своем руководстве иностранных лиц, которые также действуют в качестве священнослужителей. Это совершенно естественно и нормально, например, для Римско-католической церкви, лютеранских церквей и для других организаций. В целом данное предложение представляется искусственным, поскольку даже в отношении коммерческих и некоммерческих организаций не существует подобных ограничений.

Можно спросить, адекватной ли, по мнению автора, будет аналогичная мера запрета со стороны другого государства в отношении существующих на его территории религиозных организаций, когда, например, представители Московского патриархата не смогут участвовать в управлении церкви в данной стране?

В качестве механизма построения отношений государства и религии автор предлагает «кооперационную модель». Здесь очевидно, что на место религий автором ставятся сугубо отдельные религиозные объединения. В целом предлагаемая модель противоречит утвержденным в Конституции равноправию религиозных объединений и их одновременной отделенности от государства. То акцентирование внимания автора на предоставлении именно РПЦ МП особой роли, тогда как ни одна иная ныне существующая в России религиозная организация не была указана ни в автореферате, ни тексте диссертации, представляет скорее угрозу конституционному светскому характеру государства. Светский характер РФ и равноправие религий перед законом являются результатом исторического развития Российского государства, и сравнение с ситуациями в иных, в том числе европейских государствах, где зачастую какой-то религиозный институт оказывается связанным с институтом монархии или т.п., неправомерен и искусствен в современной России, характерной чертой для которой является многоконфессиональность и многонациональность. Таким образом, идея симбиоза власти и церкви (а судя по диссертации, автор в этом симбиозе видит исключительно одну конкретную религиозную организацию) является противоречащей Конституции РФ и ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях».

Существующее законодательство (в первую очередь ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях») предлагает простые и понятные механизмы взаимодействия государства и религиозных объединений. В противоречие этим механизмам те, что предлагает автор диссертации, провоцируют напряжение отношений и ущемление гарантируемых Конституцией прав и свобод многих граждан.

Суммируя все указанные проблемы работы и сопоставляя их с основной целью, обозначенной автором как обеспечение «религиозной безопасности как состояния, необходимого для стабильного конституционного развития Российской Федерации», можно с уверенностью сказать, что предлагаемые механизмы скорее способствуют разрушению религиозной стабильности и безопасности в обществе, подводя его к расколу и напряженности.

Для обеспечения целостности и защищенности общества необходим открытый формат взаимодействия государства с отдельными социальными группами, а также между самими группами. Однако диссертация предлагает противоположный образ действий, способствующий возвышению одних религиозных объединений и фактическому запрещению других. Государство теряет возможность открытого наблюдения за религиозными организациями, деятельность которых станет неофициальной.

Отмеченные выше проблемы, тем не менее, не помешали автору успешно пройти защиту в диссертационном совете, хотя один из официальных оппонентов дал отрицательный отзыв, считая невозможным однозначно оценить содержание диссертации, обоснованность и достоверность научных положений, выводов и рекомендаций работы.

Рассмотренная работа выполнена в жанре не столько научного исследования, сколько «идеологического памфлета», цель которого – обосновать необходимость восстановления в России системы, существовавшей до Революции 1917 г., предполагавшей тесную смычку церкви и государства. Эпиграфом к представленному к защите тексту можно было бы смело взять хрестоматийную формулу министра народного просвещения графа С.С. Уварова «Православие – самодержавие – народность». Сам термин «религиозная безопасность», вынесенный автором в заглавие, – это попытка на новом этапе российской истории возродить систему тотального господства государственной клерикальной системы подавления инакомыслия. Но как показывает исторический опыт России, такого рода идеологемы приводят господствующую религиозную систему к кризису, а государство – к краху.

ЛИТЕРАТУРА

1. Криницкая Г.С. Еще раз о «новом» синтезе в исторической науке // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 3 (15).
2. Роман Лункин ответил на вопросы веб-конференции (04.05.2009). Мегалпортал христианских ресурсов invictory.org. URL: <http://www.invictory.com/news/story-20970-Роман-Лункин.html>.

3. Заявление Ирины Глушковой, ведущего научного сотрудника Центра индийских исследований Института востоковедения Российской академии наук. URL: http://krotov.info/lib_sec/04_g/lu/shkova.htm.
4. Фаликов Б.З. Неоиндуизм и западная культура. М., 1994.
5. Иваненко С.И. Индуистские религиозные и духовно-просветительские организации в России : справочник. М. : Philosophical book, 2003.
6. Итоговый документ Круглого стола в редакции «МК» по проблемам применения антиэкстремистского законодательства в отношении религиозных текстов, в частности к книге «Бхагавад-гита как она есть». Москва, 28 ноября 2011. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=88265>.

Filkin Konstantin N. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: indology@eml.ru ; *Khazanov Oleg V.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: klio1@yandex.ru

POTENTIAL IMPACTS OF A “METHODOLOGICAL SYNTHESIS”. THE REVIEW OF THE DISSERTATION RESEARCH “CONSTITUTIONAL AND LEGAL BASES OF THE RELIGIOUS SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION” BY I.A. TARASEVICH.

REFERENCES

1. Krinitskaya, G.S. (2011) Once more about “new” synthesis in history. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(15). (In Russian).
2. Lunkin, R. (2009) *Roman Lunkin otvetil na voprosy veb-konferentsii (04.05.2009)* [Roman Lunkin answered questions of the web conference (May 4, 2009)]. [Online] Available from: <http://www.invictory.com/news/story-20970-Roman-Lunkin.html>.
3. Glushkova, I. (2008) *Zayavlenie Iriny Glushkovoy, vedushchego nauchnogo sotrudnika Tsentra indijskikh issledovaniy Instituta vostokovedeniya Rossiyskoy akademii nauk* [Statement by Irina Glushkova, leading researcher of the Centre of Indian Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences]. [Online] Available from: http://krotov.info/lib_sec/04_g/lu/shkova.htm.
4. Falikov, B.Z. (1994) *Neoinduizm i zapadnaya kul'tura* [Neo-Hinduism and Western culture]. Moscow: Vostochnaya literatura.
5. Ivanenko, S.I. (2003) *Induistskie religioznye i dukhovno-prosvetitel'skie organizatsii v Rossii* [Hindu religious, spiritual and educational organizations in Russia]. Moscow: Filosofskaya kniga.
6. Credo.ru (2011) *Itogovyy dokument Kruglogo stola v redaktsii “MK” po problemam primeneniya antiekstremistskogo zakonodatel'stva v otnoshenii religioznykh tekstov, v chastnosti k knige “Bkhagavad-gita kak ona est”* [Outcome of the Round Table in “MK” on the application of anti-extremist legislation against religious texts, such as “Bhagavad-gita As It Is”]. Moscow. November 28, 2011. 2011. [Online] Available from: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=88265>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛИШИНА Галина Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и документоведения Томского государственного университета. E-mail: galinaalishina@gmail.com.

БАЛАХНИНА Марина Валентиновна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии, Сибирского государственного университета путей сообщения (г. Новосибирск). E-mail: marinab460@yandex.ru

БАУЛИНА Ирина Михайловна, преподаватель Государственной классической академии им. Маймонида, координатор малого факультета иудаики при кафедре иудаики ИСАА МГУ, соискатель Института востоковедения РАН (г. Москва). E-mail: ibaulina@gmail.com

БОЙКО Владимир Петрович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и политологии Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: vrbjko@yandex.ru

БУРКОВА Валентина Николаевна, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Сектора кросс-культурной психологии и этологии человека Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва). E-mail: burkovav@gmail.com

БУЧКО Николай Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Дальневосточного государственного гуманитарного университета (г. Хабаровск). E-mail: buchko65@mail.ru

ВЛАДИМИРОВ Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: vvladimirov@icloud.com

ВОДЯСОВ Евгений Вячеславович, кандидат исторических наук, инженер-исследователь проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. E-mail: vodiasov_ev@mail.ru

ЗАЙЦЕВА Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, заведующий лабораторией междисциплинарных археологических исследований «Артефакт» Томского государственного университета. E-mail: snori76@mail.ru

КАРПОВ Руслан Анатольевич, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России, соискатель кафедры истории отечества Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова (г. Барнаул). E-mail: karpovruslan71@mail.ru

КРАСИЛЬНИКОВ Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета. E-mail: krass49@gmail.com

КРЕСТЬЯННИКОВ Евгений Адольфович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории Института истории и политических наук Тюменского государственного университета. E-mail: krest_e_a@mail.ru

МИКУЛЕНКО Александра Андреевна, аспирантка кафедры Новой, Новейшей истории и международных отношений Кубанского государственного университета (г. Краснодар). E-mail: klio-alex@yandex.ru

НИКУЛИН Петр Федорович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: K1tat@yandex.ru

ПОПРАВКО Ирина Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, ведущий научный сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета. E-mail: popravkoirina@yandex.ru

ПОСТОЛ Владимир Иванович, кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Томского государственного университета. E-mail: vipostol@mail.ru

РОЖНОВА Ольга Юрьевна, аспирантка факультета истории и права Алтайской государственной академии образования им. В.М. Шукшина (г. Бийск). E-mail: orognova@mail.ru

САДЫРИН Антон Алексеевич, студент исторического факультета, лаборант лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета. E-mail: realstar94@sibmail.com

СОСКОВЕЦ Любовь Ивановна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии науки и техники Томского политехнического университета. E-mail: ivitca56@mail.ru

СТЕЛЬМАК Максим Максимович, аспирант кафедры отечественной истории Омского государственного технического университета. E-mail: stelmakmm@mail.ru

ТРОИЦКИЙ Евгений Флорентьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики Томского государственного университета. E-mail: eft@rambler.ru

ФЕДЕНОК Юлия Николаевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Сектора кросс-культурной психологии и этологии человека Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва). E-mail: fedenok.julia@gmail.com

ФИЛЬКИН Константин Николаевич, соискатель кафедры истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории Томского государственного университета. E-mail: indology@eml.ru

ХАЗАНОВ Олег Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории Томского государственного университета. E-mail: klio1@yandex.ru

ЦИПКИН Юрий Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Дальневосточного государственного гуманитарного университета (г. Хабаровск). E-mail: buchko65@mail.ru

ШЕМЕТОВА Тамара Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Алтайского государственного педагогического университета (г. Барнаул). E-mail: ist-vi@uni-altai.ru

ШЕРИН Егор Александрович, младший научный сотрудник Института географии им. В.Б. Сочавы Сибирского отделения РАН (г. Иркутск). E-mail: vampire_256@mail.ru

ШУМИЛОВА Элина Евгеньевна, аспирантка Института истории Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск). E-mail: e-shumilova@yandex.ru

ЮРГАНОВА Инна Игоревна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН (г. Якутск). E-mail: inna.yurganova@mail.ru

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ИСТОРИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

2016. № 2 (40)

Редактор К.В. Полькина
Оригинал-макет А.Н. Воробьевой
Редакторы-переводчики Н.А. Глущенко, В.Н. Скок
Дизайн обложки Яна Якобсона (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Подписано к печати 18.04.2016 г. Формат 60x84^{1/8}.

Гарнитура Times.

Печ. л. 18,2; усл. печ. л. 17.

Тираж 60 экз. Заказ № 1786.

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28